

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

СОЧИНЕНІЯ
В. Д. СПАСОВИЧА.

Томъ IV.

ПЕРЕЖИТОЕ.—ПОЛЕМИКА.—ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.—КРИТИКА.

Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета.—Вопросъ о національностяхъ.—Опытъ построенія соціологіи.—Разборъ послѣдняго труда К. Д. Кавелина «Задачи этики».—Отвѣтъ Г. Юркевичу.—По поводу брошюры Ор. Миллера «Славянскій вопросъ въ наукѣ и въ жизни».—По поводу полемики Н. И. Костомарова съ профессоромъ А. Г. Градовскимъ.—Польскія фантазіи на славянофильскую тему.—Рѣчь на обѣдѣ въ честь И. С. Тургенева.—Письмо изъ Кракова.—Поѣздка въ Брюссель.—Двѣ недѣли въ Болгаріи.—Поѣздка въ Далмацію, Боснію и Герцеговину въ 1882 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Магазинъ Бр. Рымовичъ.
Казанская, 26.

1891.

С.-Петербургъ. Типографія Р. Голике, Екатерининскій каналъ, 166.

Значительная часть статей настоящаго IV тома моихъ сочиненій почерпнута изъ личныхъ впечатлѣній и имѣетъ отчасти автобіографическое значеніе. Въ печальномъ кризисѣ 1861 года, случившемся въ С.-Петербургскомъ университетѣ, я былъ небезучастнымъ зрителемъ, я это событіе сердцемъ моимъ выстрадалъ. Два празднества, одно въ Брюсселѣ, другое въ Краковѣ, по поводу чествованія Крашевскаго, остались въ моемъ умѣ въ видѣ свѣтлыхъ, весьма пріятныхъ воспоминаній. Разсказъ о поѣздкѣ въ Краковъ оставленъ въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ написанъ для «Вѣстника Европы», то есть не отъ себя, а въ третьемъ лицѣ.—Какъ ни отрывочны мои путевыя замѣтки о славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова, онѣ имѣютъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторую цѣнность по самому моменту, въ который я эти земли наблюдалъ, немедленно послѣ прекращенія войны, когда неубраны еще были ужасающіе слѣды разрушенія отъ кровопролитнѣйшей борьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ великъ былъ подъемъ духа у призванныхъ къ самостоятельности новыхъ славянскихъ народностей, и исполнены онѣ были надеждъ, изъ которыхъ потомъ далеко не всѣ оправдались, а рѣдкія исполнились. — Изъ тѣхъ писателей, съ которыми я полемизировалъ, ни одинъ не остался въ живыхъ. —Изъ вызываемыхъ мною умершихъ въ особенности дорога мнѣ память двухъ, которыхъ дружескимъ расположеніемъ я гордился и капитальнымъ сочиненіямъ которыхъ я посвятилъ подробные разборы:—К. Д. Кавелина и А. И. Стронина.

В. Спасовичъ.

4-го мая 1891 года.

Содержаніе IV тома.

ПЕРЕЖИТОЕ.—ПОЛЕМИКА.—ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.—КРИТИКА.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(По поводу книги В. В. Григорьева: Императорскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. С.-Петербургъ 1870).

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(По поводу книги В. В. Григорьева: Императорскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. (Петербургъ, 1870).

I.

Съ давнихъ временъ существуетъ особенная отрасль литературы, которую можно назвать «юбилейною». Въ этой юбилейной литературѣ займетъ видное мѣсто трудъ ординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи Востока г. Григорьева, недавно вышедшій въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Историческая записка» о первыхъ пятидесяти годахъ существованія с.-петербургскаго университета.

Извѣстно что, какъ въ гастрономическомъ отношеніи юбилейные обѣды не бывали никогда особенно вкусны и питательны, такъ и юбилейная литература, поэзія и проза, не бываетъ особенно интересна, а по природѣ своей и назначенію можетъ быть охарактеризована словами: скучно-тошная. Иною она и не бываетъ. На юбилей собираются люди, большею частію другъ другу чуждые, праздновать вмѣстѣ свои юношескія воспоминанія, которыя у каждаго изъ нихъ совершенно различны. Если бы каждый изъ нихъ исповѣдалъ порознь, чѣмъ онъ восторгается въ прошедшемъ, то вышла бы жесточайшая рознь и усобица, потому что соединились на одну минуту въ одну общую массу люди самыхъ противоположныхъ лагерей и направленій, слѣдовательно, единственная возможность того, чтобы праздникъ кончился бла-

гополучно съ подобающею ему торжественностью, заключается въ томъ, чтобы всѣ присутствующіе спѣлись и, тщательно избѣгая всякаго драматизма и всякихъ диссонансовъ, unissono пѣли хвалебный гимнъ, безъ всякихъ уже заботъ о мѣрѣ хваленія, то-есть о томъ, чтобы хваленіе соотвѣтствовало хвалимому предмету. Эфектъ выходитъ въ декоративномъ отношеніи удивительный, когда свои личныя воспоминанія можно поставить подъ заоблачными вершинами какого-нибудь многовѣковаго учрежденія: тогда историческія тѣни отъ этихъ вершинъ ложатся длинными грядами на маленькихъ живыхъ людей-мурашекъ, и можно заглядѣться на эти живописныя вершины и въ созерцаніи міровыхъ событій прошедшаго забыть о настоящемъ. Когда лейпцигскій университетъ, основанный въ 1409 г., будетъ праздновать свою пятисотлѣтнюю годовщину, ему придется помянуть и Лютера съ реформаціею, и Густава Адольфа съ 30-лѣтнею войною, и Völkerschlacht и Tugenbund. Имена людей и событій имѣютъ силу магическую и вдохновеніе нисходитъ само собою при ихъ произнесеніи. Но на образованіе такой декораціи надобно нѣсколько сотъ лѣтъ, въ пятьдесятъ же не возникаетъ ни пикъ альпійскій, ни египетская пирамида, и юбилейному историку приходится вооружиться увеличительнымъ стекломъ. Цифра одолѣваетъ фантазію, статистика убиваетъ поэзію: у насъ въ числѣ присутствовавшихъ на актѣ были воспитанники перваго выпуска, а большинство собравшихся состояло изъ лицъ, которыхъ память охватывала большую половину существованія университета.

Петербургскій университетъ сдѣлалъ пока лишь нѣсколько шаговъ въ своемъ существованіи, и потому главная его заслуга можетъ заключаться пока въ томъ, что выпустилъ онъ въ свѣтъ съ дипломами 2365 кандидатовъ, да 920 дѣйствительныхъ студентовъ, итого 3285 человѣкъ; но изъ числа ихъ только трое, по словамъ г. Григорьева (стр. 307), попали въ государственные дѣятели высшаго порядка (одинъ министръ юстиціи К.

И. Паленъ и два члена государственнаго совѣта А. Л. Гофманъ и баронъ А. Ф. Будбергъ),—фактъ прискорбный, о которомъ краснорѣчиво распространялся въ элегическомъ тонѣ и профессоръ И. Е. Андреевскій на юбилейномъ обѣдѣ 8-го февраля 1869 года. Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Григорьевъ, что питомцамъ университета болѣе нежели въ государственной службѣ посчастливилось въ наукѣ и искуствѣ, и есть два-три крупныя имена (Грановскій, И. С. Тургеневъ) и нѣсколько меньшихъ свѣтилъ, да и всѣ эти олимпійцы, за исключеніемъ одного Тургенева, почти невидимы на западѣ Европы, за предѣлами нашего весьма, правда, обширнаго отечества. При такихъ условіяхъ понятно, что и памятникъ могъ быть созданъ невеликій, скромный, безъ пьедестала.

Обыкновенно такіе памятники по способу внѣшней своей отдѣлки напоминаютъ у такихъ художниковъ, какъ г. Григорьевъ, манеру китайской живописи и щеголяютъ богатствомъ мелочныхъ подробностей тончайшей работы, но незачѣмъ искать въ нихъ и требовать отъ нихъ ни соблюденія законовъ перспективы, ни экспрессіи. Всѣ лица выходятъ одинаково плоскія, за то трава и кусты, коими одѣты дальнія горы, отдѣланы одинаково отчетливо, какъ люди и животныя, подвизающіяся на первомъ планѣ. Если бы жилъ до сихъ поръ маститый ректоръ, въ теченіе четверти столѣтія предсѣдательствовавшій съ неизмѣнявшимъ ему никогда достоинствомъ въ совѣтѣ *almae matris*, то, по всей вѣроятности, ему бы пришлось быть ея исторіографомъ, и исполнилъ бы онъ эту задачу съ тѣмъ тактомъ и умѣніемъ, которому отдаетъ честь самъ Григорьевъ (237). На выполненіе задачи труда сухого и неблагодарнаго требовалось много терпѣнья, мягкости и теплоты сердечной. П. А Плетневъ воздалъ бы должное всякому, показавъ хорошую его сторону, промолчавъ о дурныхъ; физически умершихъ онъ бы похвалилъ по правилу *de mortuis aut bene aut nihil*, политически для университета

умершихъ, то-есть выбывшихъ, онъ бы тоже похвалилъ по правилу: Богъ съ вами, не поминать васъ лихомъ! да и объ остающихся въ университетѣ не сказалъ бы дурного слова, потому что, значитъ своя семья. Памятникъ, такимъ образомъ составленный, соотвѣтствовалъ бы, какъ нельзя болѣе, цѣли своей: онъ былъ бы настоящій юбилейный памятникъ, стройный, гармоническій, хорошо отшлифованный. Единственный упрекъ, который можно бы ему сдѣлать — тотъ, что онъ даетъ слабое и неясное понятіе о судьбахъ университета, о внутренней его жизни и развитіи, но дѣлать подобный упрекъ значитъ требовать отъ предмета того, чего онъ дать не можетъ и къ чему онъ вовсе не предназначенъ. Юбилейная записка въ столь же малой степени можетъ изображать собою настоящую исторію университета, какъ надгробная надпись—замѣнить жизнеописаніе умершаго. Перенесемся мысленно на кладбище и предположимъ, что на этомъ кладбищѣ похоронены всѣ люди извѣстнаго столѣтія съ подобающими на каждомъ гробѣ надписями, что покойный былъ прекрасный семьянинъ, христіанинъ, сановникъ. Соберите всѣ надписи и попытайтесь построить изъ нихъ исторію столѣтія: окажется, что въ подобной работѣ не можетъ быть ни малѣйшаго проку.

II.

Выборъ Совѣта по составленію записки палъ на г. Григорьева. Повидимому, г. Григорьевъ не только по своей учености, но и по времени вступленія въ университетъ, былъ человѣкъ самый способный для выполненія возложенной на него задачи; въ бурную эпоху университетскихъ смутъ 1861 г. онъ не принадлежалъ къ ученой корпораціи и сдѣлался членомъ ея только тогда, когда университетъ дѣйствовалъ обновленный и преобразованный на основаніи новаго устава 1863 г., значитъ онъ стоялъ внѣ всякихъ университетскихъ партій и къ событіямъ 1861 г. могъ относиться вполнѣ

объективно и, безъ всякаго надъ собою усилія, безпристрастно. Онъ мало былъ знакомъ, правда, съ трудомъ и преподаваніемъ отдѣльныхъ членовъ университетскаго сословія, но недостающее легко было пополнить изъ подлинныхъ дѣлъ университета, изъ журналовъ, наконецъ, изъ устнаго преданія отъ сотоварищей, изъ коихъ четверо образовали по порученію Совѣта юбилейную комиссію и участвовали, если не въ самомъ написаніи записки, то въ отвѣтственности за ея содержаніе (Срезневскій, Сухомлиновъ, Совѣтовъ и Чебышевъ-Дмитріевъ, см. 611 примѣчаніе къ запискѣ). Трудъ шелъ медленно, матеріалъ обработывался исподволь и составленіе записки вмѣстѣ съ печатаніемъ заняли два года (съ апрѣля 1868 по мартъ 1870 года). По его размѣрамъ и плану видно, что авторъ тяготился узкостью юбилейной задачи и, отступая нѣкоторымъ образомъ отъ пріемовъ, освященныхъ обычаемъ въ подобнаго рода работахъ, рѣшился затронуть внутреннюю жизнь университета, коснуться жгучихъ вопросовъ о причинахъ университетскихъ безпорядковъ и неустройствъ, которые проявились не только въ с.-петербургскомъ, но и въ другихъ университетахъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—и представить такимъ образомъ нѣчто вродѣ опыта прагматической исторіи того учрежденія, которое столь дорого сердцу каждаго его питомца. Конечно, мы далеки отъ всякой мысли попрекать составителя записки за такую смѣлость. Мы помнимъ, что in magnis voluisse sat est! Мы скорѣе готовы думать, что ему бы надо быть еще смѣлѣе и, отказавшись отъ юбилейнаго пошиба и отъ китайской живописи, не на сорока листахъ, а на ста, можетъ быть, страницахъ изобразить главнѣйшіе моменты жизни университета по убѣжденіямъ автора, вслѣдствіе чего однимъ произведеніемъ изящнаго искуства для искуства стало бы меньше, но литература обогатилась бы однимъ серьезнымъ изслѣдованіемъ. Китайской живописи много у г. Григорьева, больше, чѣмъ бы слѣдовало, и рядомъ съ нею есть сужденія о лицахъ, къ которымъ

авторъ лично былъ расположенъ или не расположенъ; есть также и посильная оцѣнка внутреннихъ въ микрокосмѣ университетскомъ переворотовъ. Я не знатокъ китайской живописи, но прежде перехода къ предметамъ болѣе существеннымъ, не могу обойтись безъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній объ этой части труда г. Григорьева. Я полагаю, что и въ такой кропотливой мелочной работѣ надо придерживаться все-таки явленій, достигающихъ извѣстной величины. Даже и въ юбилейномъ трудѣ едва ли интересно прочесть, что въ 1867 г. проф. Чебышевъ помѣстилъ въ бюллетенѣ Ак. Н. «Объ одномъ ариѳметическомъ вопросѣ», а въ 1869 г. «Объ одномъ механизмѣ» (397); что проф. Срезневскій отпечаталъ въ 1863 г. статью «Навертень XVII столѣтія» и «Византійскій ковчежецъ» (411); что проф. Благовѣщенскій тиснулъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статейку: «О нѣкоторыхъ мѣрахъ для развитія и поддержки ученой жизни въ университетахъ» и въ «Голосѣ» статейку: «Къ вопросу о губернскихъ художественныхъ музеяхъ» (408); что доцентъ Ламанскій печаталъ «О нѣмецкомъ человѣкѣ въ Россіи» — переводъ изъ Gartenlaube (412), причемъ въ запискѣ г. Григорьева этотъ же нѣмецкій человѣкъ, т.-е. лекторъ Мейеръ, очутился на слѣдующей страницѣ, 413, съ отмѣткою, что онъ редактируетъ «S.-Petersburger Zeitung», но ужъ безъ всякаго замѣчанія на счетъ знаменитой кобылы графа Бисмарка. Я полагаю, что можно было бы безъ всякаго ущерба и для современниковъ и для потомства исключить также мелкія полемическія статьи, некрологи и рецензіи, которыя по роду своихъ занятій и обязанностямъ службы пишутъ профессора о выходящихъ въ свѣтъ, каждый по его спеціальному предмету, сочиненіяхъ (еще бы они этихъ рецензій не писали? чѣмъ же бы, спрашивается, занимались господа оффиціальные представители науки?)

Излишекъ, конечно, не бѣда; когда составляется опись какому-нибудь имуществу, то заносится въ нее всякая

тряпка и всякій гвоздикъ; отъ описи требуется только полнота и точность, но я и этихъ достоинствъ описи не могу вполнѣ признать за запиской; есть въ ней счастливцы, которымъ все досталось, и есть такіе, которые видимо обдѣлены. При обзорѣ литературной дѣятельности, напр., К. Д. Кавелина, пропущена большая часть его трудовъ (стр. 158), а между тѣмъ дѣло предстояло не великое, надлежало перепечатать только оглавленіе собранія его сочиненій, вышедшаго въ четырехъ томахъ въ Москвѣ въ 1859 году, но и объ этомъ изданіи не упомянуто, причемъ оправдалась вполнѣ пословица: *les absents ont tort*. Еще болѣе печальная участь постигла Б. И. Утина [1]). «Изъ дѣлъ университета не видно, говоритъ записка, ни какъ взялся за преподаваніе г. Утинъ по каѳедрѣ ему порученной [2]), ни какими пособіями руководствовался онъ при преподаваніи» (стр. 168); точно г. Утинъ жилъ за сто лѣтъ, точно въ факультетѣ не сохранилось программъ, представляемыхъ каждымъ преподавателемъ, точно между товарищами по преподаванію не нашлось никого, кто бы передалъ о характерѣ преподаванія, которое посвящено было одному изъ важнѣй-

---

[1]) Къ прил. 318, дающему заглавія только двухъ статей Утина, слѣдовало бы, между прочимъ, прибавить слѣдующія: Англійская юридическая литература, «Журн. Минист. Юстиціи» 1861 г.; Муниципальныя учрежденія, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1864 г.; Государственный бытъ въ Англіи въ «Отеч. Зап.» 1862 г., за авг.; тамъ же, за ноябрь; Судебная реформа; разборы сочиненій Градовскаго и о. Горчакова въ «Вѣстникѣ Европы». Въ 1866 г. изданъ Утинымъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ переводъ книги барона Гакстгаузена «О конституціонномъ началѣ». Все это умолчано, а «Византійскій ковчежецъ» г. Срезневскаго не забытъ.

[2]) Между тѣмъ, вся эта выходка составителей «Записки» уничтожается вступительною лекціею г. Утина, напечатанною въ январской книгѣ «Отеч. Зап.» за 1860 г.; тамъ указанъ и методъ преподаванія, и пособія; а еще болѣе это сдѣлано въ статьѣ г. Утина: «О значеніи каѳедры иностранныхъ законодательствъ для русскихъ университетовъ», помѣщенной въ приложеніи къ журналамъ ученаго комитета минист. нар. просвѣщенія, 1862 г., вѣроятно, не безъизвѣстнымъ составителямъ «Записки».

шихъ предметовъ юридическаго курса и обнимало собою сравнительную исторію политическихъ и въ особенности судебныхъ учрежденій, начиная съ древности и до новѣйшихъ временъ. Г. Григорьеву стоило бы только обратиться, напримѣръ, къ проф. Андреевскому, и г. Андреевскій со свойственною ему предупредительностью сообщилъ бы ему и о спорахъ, которые породило въ факультетѣ учрежденіе новой каѳедры сравнительной исторіи законодательствъ и о разныхъ мнѣніяхъ о пользѣ этой каѳедры, и о запискахъ, которыя подавались по этому предмету министерству, и о томъ, что каѳедра, открытая впервые въ С.-Петербургѣ, введена по уставу 1863 г. и въ другіе университеты, такъ что потомъ тотъ же самый предметъ преподавали г. Дмитріевъ въ Москвѣ и г. Стояновъ въ Харьковѣ. На стр. 86 упомянуто, что въ 1828 г. профессорамъ университета объявлена благодарность министерства народнаго просвѣщенія за хорошій результатъ испытанія въ наукахъ шестерыхъ воспитанниковъ, которыхъ предполагалось отправить за границу. «Университетъ не долженъ забывать именъ воспитанниковъ своихъ, которые принесли ему такую честь». Я вполнѣ согласенъ, что имена этихъ воспитанниковъ достойны перейти въ исторію, но я полагаю, что не меньшую, по крайней мѣрѣ, честь принесъ университету И. С. Тургеневъ тѣмъ, что онъ въ этомъ университетѣ воспитывался, между тѣмъ ему не посвящено ни полстрочки; да и Грановскій заслуживалъ, мнѣ кажется, больше, чѣмъ сухого извѣстія о немъ, что былъ-молъ такой человѣкъ, учился и отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ (105), а потомъ въ Москвѣ пользовался большою популярностью и въ университетѣ и въ городѣ (прил. 208). Г. Григорьевъ нашелъ же возможнымъ посвятить цѣлыя двѣ страницы текста только тому, кого слушалъ за границею и у кого учился профессоръ о. Полисадовъ (134, 135). Если о Тургеневѣ нѣтъ помину, если Грановскому отведенъ укромнѣйшій уголокъ, то нечего и удивляться пропуску

имени кончившаго въ 1842 г. курсъ наукъ въ университетѣ Юліана Бартошевича, лучшаго знатока въ наше время польской старины и замѣчательнѣйшаго по смерти Шайнохи польскаго историка, съ которымъ г. Григорьевъ не могъ не быть знакомъ, хотя бы по той «Encyklopedja powszechna», на которую г. Григорьевъ поминутно ссылается, и въ изданіи которой г. Бартошевичъ участвовалъ. Г. Григорьевъ ставитъ въ особенную заслугу К. И. Ламанскому его участіе въ осуществленіи «славянскаго съѣзда» въ Москвѣ. Я полагаю, что какъ нельзя болѣе полезное сближеніе славянскихъ народностей подвигается и скрѣпляется не столько тостами и заздравными спичами, сколько основательнымъ знакомствомъ съ результатами умственной дѣятельности разныхъ народностей, что починъ въ этомъ дѣлѣ должны давать ученые и что успѣхъ славянской идеи зависитъ въ гораздо меньшей степени отъ славянскихъ братствъ и комитетовъ, сколько отъ сознательнаго проведенія каждымъ изъ сподвижниковъ славянизма великаго начала: Slavus sum, nihil slavici a me alienum puto.

Въ запискѣ попадаются не только недосмотры, но и положительныя ошибки. Нелегко догадаться, напримѣръ, на стр. CV, что Маріанъ Красильниковъ есть одно и тоже лицо съ получившимъ въ 1859 г. серебряную медаль на стр. LVI Маріаномъ Красовскимъ, но что настоящая фамилія этого лица не Красовскій и не Красильниковъ, а Маріанъ Кросновскій, нынѣ профессоръ въ Технологическомъ институтѣ. Существенный недостатокъ «Записки» при группировкѣ свѣдѣній заключается еще въ томъ, что свѣдѣнія почерпались не критически, не изъ надлежащихъ источниковъ. Когда авторъ записки объ университетѣ ссылается при изображеніи дѣятельности профессора Коссовича на свою записку о Коссовичѣ (прил. 417), то всякому понятно, что эта записка есть нѣчто производное и что первоначальный матеріалъ доставленъ былъ автору самимъ же Коссовичемъ. Также точно, когда авторъ при изображеніи своей собственной

дѣятельности и заслугъ ссылается на записку о немъ, авторѣ, профессора Коссовича въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» за 1868 г., на статью «Григорьевъ» въ энциклопедическомъ лексиконѣ Старчевскаго, и на статью Grigorjew въ «Encyklopedja powszechna», то становишься въ недоумѣніе, въ чемъ основаніе достовѣрности свѣдѣній о жизни и дѣятельности г. Григорьева, въ томъ ли, что объ немъ писали, можетъ быть неудовлетворительно и ошибочно, составители статей въ лексиконѣ Старчевскаго и въ Encyklopedja, или въ томъ, что вписалъ эти свѣдѣнія въ записку собственною рукою самъ г. Григорьевъ, который знаетъ о г. Григорьевѣ больше и основательнѣе, нежели какая бы то ни была статья, въ какомъ бы то ни было словарѣ. Заимствованіе свѣдѣній не критическое, не изъ надлежащихъ источниковъ можетъ имѣть иногда забавныя послѣдствія. На стр. 167 сказано о Ромуальдѣ Губе, что памятникомъ его занятій по II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи осталось для Россіи дѣйствующее въ ней *Уголовное уложеніе*. Едва ли кто изъ юристовъ-практиковъ, если онъ не слыхалъ про Губе, догадается, что подъ названнымъ въ запискѣ памятникомъ разумѣется просто-на-просто Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г., которое никогда въ нашей юридической литературѣ не называется «Уголовнымъ Уложеніемъ», названо же оно такимъ образомъ потому, что, какъ видно изъ цитаты 315, свѣдѣнія о Губе взяты цѣликомъ изъ *Encyklopedja powszechna*, въ которой уложеніе о наказаніяхъ названо Kodeks karny, что и перевелъ г. Григорьевъ дословно: уголовное уложеніе.

III.

Мелочи приведены мною единственно съ цѣлью указать, что даже механическая сторона труда въ составленіи «Записки» далеко не можетъ считаться безукоризненною и аккуратною. Перехожу теперь къ предмету,

который несравненно важнѣе и интереснѣе, къ сужденіямъ г. Григорьева о лицахъ и событіяхъ. Во избѣжаніе всякаго подозрѣнія въ пристрастіи, натяжкахъ, искаженіи содержанія записки, я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ дать нѣкоторое понятіе о личности и взглядахъ автора.

Стр. 107. Студенты начала тридцатыхъ годовъ выходили изъ университета съ несравненно болѣе чистыми понятіями и гораздо благороднѣйшими стремленіями, чѣмъ тѣ, какія были имъ внушаемы подъ домашнимъ кровомъ. О тѣхъ же студентахъ на стр. 103: Треуголки, шпаги, ботфорты дерптскихъ студентовъ служили постояннымъ предметомъ зависти; а на стр. 104: Студенты оставляли университетъ съ весьма малымъ запасомъ свѣдѣній и еще меньшею любовью къ наукѣ.

Стр. 88. На каѳедру философіи вступилъ человѣкъ многосторонне образованный, именно такой, какой былъ нуженъ университету — А. А. Фишеръ, не берлинскій, а вѣнскій философъ, знакомившій слушателей по Канту съ философіею, не отуманивая головы. На страницѣ же 138, тотъ же Фишеръ, безъ указанной какой бы то ни было перемѣны въ направленіи, является поборникомъ подчиненія мысли, считающимъ умъ не болѣе, какъ за мѣрило отрицательное, признающее свое незнаніе.

Стр. 108. Авторъ записки признаетъ мѣрою безусловно благодѣтельною для университета освобожденіе университетовъ отъ завѣдыванія дѣлами учебнаго округа по уставу 1835 г., дававшее профессорамъ болѣе времени для ихъ ученыхъ занятій. Стр. 185. Авторъ сожалѣетъ объ упраздненіи въ 1850 г. казеннокоштныхъ воспитанниковъ и о столь же напрасномъ упраздненіи въ 1858 г. главнаго педагогическаго института. Введеніе въ университетъ преподаванія строеваго устава, артиллеріи и фортификаціи авторъ записки объясняетъ (122) тѣмъ, что многіе воспитанники гражданскихъ учебныхъ заведеній поступили въ ряды защитниковъ отечества и

успѣли уже отчасти отличиться, что́ хронологически невѣрно, такъ какъ открыть преподаваніе повелѣно еще въ 1854 г., то есть въ самомъ началѣ восточной войны, когда еще никто не могъ отличиться. Авторъ отзывается дурно о весьма немногихъ изъ бывшихъ своихъ учителей или товарищей, о двухъ, трехъ не болѣе: о протоіереѣ Райковскомъ (132), о Касторскомъ (219) и о Грефе (прим. 120). Въ числѣ тѣхъ, которымъ на долю достались однѣ похвалы, на недосягаемой высотѣ поставленъ Сенковскій (74, 250), «дивный», «несравненный» профессоръ, геніальный человѣкъ, который способенъ былъ бы произвести въ арабской и оттоманской литературѣ точно такой же переворотъ, какой онъ произвелъ въ русской,— живая энциклопедія науки о Востокѣ. Авторъ записки превозноситъ Сенковскаго не только какъ оріенталиста, но и за его государственныя услуги по польскому вопросу—тѣ самыя услуги, за которыя онъ прослылъ ренегатомъ между своими соотечественниками. Перломъ, валяющимся въ сору, считаетъ авторъ мысль Сенковскаго, что польское дворянство имѣетъ происхожденіе отличное отъ польскаго народа и есть остатокъ азіатскихъ ордъ, можетъ быть аваровъ VI вѣка (прим. 188). Замѣтимъ автору, что перлъ этотъ былъ поднятъ и расчищенъ, что имъ-то и прославился въ Парижѣ нѣкто Духинскій, съ своею теоріею о турецкомъ происхожденіи великоруссовъ. Теорія Сенковскаго и теорія Духинскаго двѣ одного поля ягоды. Обѣ онѣ бредни, пущенныя въ ходъ съ цѣлью политическою: пустивъ ихъ, обѣ литературы поквитались, и искренно говоря жаль людей, которые бы пустились собирать этого рода маргариты. Авторъ не разрѣшаетъ вопроса, куда ушли эти громадныя дарованія, разсыпавшіяся по мелочамъ, исчезнувшія какъ фейерверкъ, и недоумѣваетъ, почему товарищи боялись Сенковскаго, почему его вліяніе ограничивалось даже между слушателями нѣсколькими единицами, почему его аудиторія—зеленѣющій оазисъ среди пустынь—оставалась безслѣдною и никто изъ обитателей пустынь въ

нее не закочевывалъ (76), почему даже Плетневъ не почтилъ выраженіемъ сухого сожалѣнія минуту, когда съ выходомъ Сенковскаго въ отставку въ 1848 году университетъ лишился *величайшей* изъ своихъ знаменитостей (251). Понятно, что при такомъ апотеозированіи Сенковскаго, авторъ записки не любитъ Бѣлинскаго; онъ и выражается иронически (226) объ «оракулѣ» начала сороковыхъ годовъ. Послѣ Сенковскаго всего больше почета оказано Неволину (113, 155)—знаменитѣйшему доселѣ изъ русскихъ юристовъ. Его энциклопедія обработана въ своей положительной части по источникамъ, бывшимъ частью неизвѣстными западной Европѣ (??). Его исторія гражданскихъ законовъ есть произведеніе образцовое и не имѣющее себѣ равнаго. Онъ далъ юридическимъ занятіямъ историческое направленіе и образовалъ цѣлую школу юристовъ, пошедшихъ по его слѣдамъ. Любопытно было бы узнать, кто эти юристы и гдѣ элементы той исторической школы, которую создалъ Неволинъ? Школа предполагаетъ въ основателѣ извѣстную органическую идею, объемлющую весь предметъ изученія и методъ, по которому производится и основателемъ и учениками приложеніе этой идеи и ея разработка. Идей органическихъ о развитіи русскаго гражданскаго права у Неволина не было никакихъ. Онъ и не ставилъ себѣ никогда задачею объяснить въ логической послѣдовательности преемство формъ, рождающихся одна изъ другой по необходимымъ законамъ развитія и въ связи съ общимъ теченіемъ жизни русскаго народа. Его «Исторія» есть громаднѣйшій анатомическій неодушевленный аппаратъ. Для юриста-практика она даетъ нисколько не больше того матеріала, который содержится въ полномъ собраніи законовъ. Для юриста-теоретика или историка она не болѣе какъ справочная книга. Она такъ и остается памятникомъ египетскаго труда, одинокою гранитною пирамидою. Подражать не будетъ потомство этой постройкѣ: оно будетъ строить жилыя зданія поменьше, но поуютнѣе, въ видѣ учебника Мейера,

руководства Побѣдоносцева и др. На стр. 169 встрѣчается какое-то странное и не требующее по своей несообразности опроверженія извѣстіе о томъ, что В. С. Порошинъ пріобрѣлъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ точно такое же вліяніе, какое имѣлъ Грановскій въ Московскомъ.—Стр. 225. Объ Устряловѣ узнаемъ мы, что неизмѣнно слышался въ немъ съ свѣтлымъ взглядомъ на прошлое *настоящій русскій* человѣкъ—(225), какъ будто бы это качество было столь рѣдкое и какъ будто бы его недоставало другимъ историкамъ Россіи, г. С. Соловьеву или «поэтической», какъ называетъ авторъ (227), личности Костомарова. Изъ живыхъ товарищей г. Григорьева всего болѣе превознесенъ И. И. Срезневскій, который, по словамъ записки, поставилъ имя свое на ряду (!) съ славнымъ именемъ Шафарика и пріобрѣлъ неоспоримое право считаться нынѣ, о-бокъ съ Палацкимъ, блистательнѣйшимъ свѣтиломъ на горизонтѣ славянской науки (248). Диссертація г. Владиславлева «О философіи Плотина» есть трудъ по исторіи философіи, какого еще не являлось у насъ (368). Книга Ѳ. Ѳ. Соколова «О древнѣйшей исторіи Сициліи»—есть трудъ по древней исторіи Запада, какого еще у насъ не бывало (370). Съѣздъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ былъ первымъ у насъ обще-русскимъ научнымъ дѣломъ (418). Юбилей Ломоносова былъ первымъ у насъ чисто общественнымъ торжествомъ (въ какомъ отношеніи? не въ гастрономическомъ ли, такъ какъ главнымъ образомъ онъ ознаменовался обѣдомъ?) (стр. 376). Наконецъ (стр. 321), послѣ положенія 19 февраля никакой законъ не обработывался такъ старательно, какъ университетскій уставъ 1863 г. (помилуйте, г. историкъ, а судебные-то уставы 22 ноября 1864 г.: университетскій выработанъ въ десятеро меньшимъ числомъ лицъ и потребовалъ въ десять разъ меньше труда), за то и вышелъ этотъ уставъ, по словамъ записки, однимъ изъ совершеннѣйшихъ у насъ произведеній законодательства. Какъ въ этомъ предложеніи, такъ, конечно, и въ нѣкоторыхъ предъидущихъ видна, если не

ошибаюсь, сноровка употреблять прилагательныя въ превосходной степени и, можетъ быть, склонность къ амплификаціи, свойственная всякому слогу восточному. Я не коснулся ни разу въ моихъ замѣчаніяхъ восточнаго факультета, хотя исключительно этому факультету посвящено 60 страницъ въ запискѣ; не коснулся потому, что неспеціалисты лишены всякой возможности повѣрить, какой величины свѣтила вмѣщаетъ въ себѣ этотъ факультетъ и должны на слово вѣрить оріенталистамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ восточномъ факультетѣ есть знаменитости первостепенныя, но все-таки желательно было бы видѣть въ запискѣ если не рѣшеннымъ, то затронутымъ вопросъ, какое вліяніе на успѣхъ изученія Востока произвело перенесеніе изъ Казани и сосредоточеніе въ С.-Петербургѣ громадныхъ средствъ, коими обладаетъ факультетъ, и соотвѣтствуютъ ли предположеннымъ цѣлямъ достигаемые результаты. На стр. 253 есть одно извѣстіе весьма, въ этомъ отношеніи, неутѣшительное. Оказывается, что когда въ С.-Петербургъ былъ приглашенъ знаменитый каирскій ученый арабъ Шейхъ Тантави, котораго славу разнесли по Европѣ его ученики французы, онъ не нашелъ въ С.-Петербургѣ слушателей (съ 1848 по 1858 г.), которые могли бы извлекать пользу изъ его преподаванія. Увидѣвъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ сталъ ограничиваться толкованіемъ легкихъ историческихъ отрывковъ.

IV.

Если отдѣльныя сужденія о предметахъ и лицахъ запечатлѣны въ запискѣ отчасти восточнымъ колоритомъ, то разсказы о внутренней жизни университета и о случавшихся въ немъ переворотахъ носятъ характеръ можетъ быть средневѣковый, можетъ быть византійскій, но никакъ не современный, потому что всѣ событія и всѣ перемѣны объясняются постоянно не свойствами предмета изслѣдованія, не присущими ему законами его

развитія, но чисто внѣшними причинами, которыя являются нежданно, какъ deus ex machina, возмущая покой, прерывая мирныя занятія наукою и производя тѣ или другія катастрофы. Исторіи нынѣ никто такъ не пишетъ. Никакая исторія не можетъ представляться произведеніемъ двухъ началъ, изъ которыхъ одно — пассивное, тотъ человѣкъ, общество, учрежденіе или народъ, чьи судьбы изображаются, и другое — активное, внѣшнія случайныя событія, которыя безпрепятственно и неотразимо совершаютъ свою лѣпную работу. Нѣтъ возможности разсматривать университетъ самъ по себѣ, а русское общество XIX вѣка само по себѣ — безъ всякаго живаго ихъ другъ на друга воздѣйствія, а этого-то взаимнодѣйствія живыхъ силъ именно и нѣтъ у г. Григорьева; оттого и катастрофы являются нежданно, негаданно, внезапно, какъ тать, пробирающійся въ чужіе хоромы въ полночь за добычею. Послѣдовательность внезапныхъ катастрофъ, изъ которыхъ слагается, по понятіямъ г. Григорьева, исторія судебъ университета, представляется въ запискѣ въ сущности въ слѣдующемъ видѣ.

Небо было пасмурное, его заволакивало громовыми тучами, когда С. С. Уваровъ второпяхъ открылъ университетъ. Громъ грянулъ, имя ему было Руничъ; онъ опалилъ новое учрежденіе и оторвалъ нѣсколько вѣтвей, но не положилъ конца его существованію, и совершилась такимъ образомъ катастрофа первая. Виноватъ, кто-бы вы думали? Іезуиты, хотя и изгнанные изъ Россіи до происшествія, но вскормившіе ядомъ своихъ доктринъ многихъ сановныхъ питомцевъ (стр. 9, 33, 44). Оно и легче на душѣ, по крайней мѣрѣ не свои виноваты, не свои, а чужіе, остается только нѣкоторое сомнѣніе насчетъ того, не были ли митрополитъ Серафимъ и архимандритъ Фотій тайные послѣдователи Лойолы, и нѣкоторое недоумѣніе насчетъ того, какими чарами и какимъ навожденіемъ злого духа могъ орденъ, неимѣющій все-таки корней въ Россіи, забрать такую силу надъ бѣд-

ною русскою мыслью; весь же пріемъ, въ цѣломъ взятый, много теряетъ потому, что онъ есть вольное подражаніе въ иной формѣ знаменитому по своему успѣху пріему г. Каткова съ его всеобъясняющею польскою интригою.

Случилась февральская революція въ западной Европѣ (1848 г.). Она отразилась на университетѣ рядомъ строгихъ мѣръ, стѣснившихъ преподаваніе и выборное начало въ совѣтѣ, затруднившихъ пріемъ въ студенты. Случилась катастрофа вторая, которая свалилась—я въ этомъ совершенно согласенъ съ г. Григорьевымъ—какъ снѣгъ съ кровли на голову съ европейскаго Запада; но здѣсь-то именно всего умѣстнѣе было бы изобразить, какое могли въ сущности имѣть вліяніе на внутреннюю жизнь организма сжимающіе его наружные тиски, въ какой мѣрѣ выносливымъ оказался организмъ въ годину испытаній, бережливо-ли онъ хранилъ священный огонь любви и уваженія къ наукѣ. Трудно было жить и дѣйствовать, но обновленіе съ силами было возможно, оно совершилось на яркой зарѣ новаго царствованія. Тогда-то и общество окружило университетъ любовью и сочувствіемъ, и начался блистательный періодъ существованія университета, который выразился цифрою полуторы тысячи постоянныхъ посѣтителей (стр. 305), и котораго значеніе не отрицаетъ и г. Григорьевъ на стр. 127. Желательно было бы знать, какъ держалъ себя Совѣтъ въ тяжелые годы послѣ 1849 г. подъ благоразумнымъ началомъ своего опытнаго ректора Плетнева, служившаго эгидою университету и студентамъ, когда внѣ университетской полиціи явилась тяжелая въ обыкновенное время по уставу 1835 г. попечительская власть. Слѣдовало бы возстановить въ болѣе опредѣлительныхъ очертаніяхъ характеристическую фигуру Мусина-Пушкина суроваго сенатора, рѣзкаго и грубаго въ манерахъ, добряка душою, и дать понятіе о патріархальности отношеній между попечителемъ, Совѣтомъ и студентами, патріархальности, которая къ счастію безвозвратно миновала, но которая спасала во-время оно

отъ многихъ невзгодъ и непріятностей. Наконецъ, въ запискѣ совсѣмъ не обозначенъ переходъ отъ этого патріархальнаго режима къ управленію въ діаметрально противоположномъ духѣ князя Григорія Щербатова, къ его широкимъ планамъ преобразованія университета. Обходя многознаменательнымъ молчаніемъ дѣятельность кн. Щербатова, авторъ записки съ одной стороны пресѣкаетъ себѣ возможность объяснить смыслъ и мотивы устава 1863 г., въ основаніе котораго легли идеи университетской реформы, опредѣлившіяся именно при пересмотрѣ устава совѣтомъ, по предложенію князя Щербатова; съ другой стороны, авторъ теряетъ всякій ключъ къ уразумѣнію смутъ 1861 г., такъ какъ всѣ эти смуты имѣли свой корень въ недостаткахъ устава 1835 г., въ невозможныхъ въ 1858 г. отношеніяхъ между студентами и попечителемъ, основанныхъ на патріархальности, и въ попыткахъ пересоздать эти отношенія, предпринятыхъ впервые княземъ Щербатовымъ, —въ разрѣшеніи студентами корпоративной организаціи.

Опять просіяли небеса, опять ободрился университетъ, подготовлялся единый уставъ, было единодушіе и правительства и совѣта и всѣхъ его членовъ въ усиліяхъ ихъ на пользу наукъ, какъ вдругъ осенью 1861 г. начались смуты и приключилась катастрофа третья (стр. 127). И опять ставится роковой вопросъ: кто виноватъ; и опять новое появленіе deus ex machina. Виновата-молъ прежде всего литература, виноваты журналы да застольные спичи на торжественныхъ обѣдахъ (стр. 308); они-то распространяли пагубную философію, что цыплята умнѣе курицъ и дѣти заткнутъ за поясъ отцовъ. Виноватъ-молъ затѣмъ злодѣй Фицтумъ фонъ-Экштедтъ за свою любовь къ музыкѣ—онъ, вѣдь, первый затѣялъ въ 1847 г. публичные студенческіе концерты, за концертами пошелъ «Сборникъ», изданіе сборника повело къ кассѣ, касса повела профессорскія чтенія въ пользу студентовъ; хлопоты по кассѣ, сборнику и лекціямъ повели къ тому, что студенты перестали твердить записки, работать и

стали дѣлать сходки и вѣчевать. Въ этихъ хлопотахъ *«мельчало и принижалось нравственное и гражданское чувство въ студентахъ»* (стр. 312), и вслѣдствіе этой деморализаціи они и начали бѣситься (такъ сказать, отъ жиру) и произвели извѣстный кавардакъ. Самой передряги г. Григорьевъ не описываетъ (онъ въ ней не участвовалъ), но совѣтуетъ обратиться желающимъ съ нею познакомиться «хронологически» къ весьма вѣрному и правдивому повѣствованію (risum teneatis amici!) къ «Панургову Стаду» — роману г. Всеволода Крестовскаго (прил. 502). Конечно, г. Григорьевъ волёнъ въ выборѣ вожатыхъ,—одно только можно сказать, что ему, являющему собою подобіе университетскаго Данта при размѣщеніи отверженныхъ и блаженныхъ по разнымъ кругамъ университетскаго неба и преисподней, подобало избрать въ Виргиліи кого-нибудь посолиднѣе, а то, еслибы живъ былъ Конрадъ Лиліеншвагеръ, какъ издѣвался бы онъ надъ тѣмъ, что торжественная симфонія, начавшаяся съ andante, кончилась игривымъ финаломъ въ родѣ Оффенбаха, чѣмъ-то вродѣ свистопляски, рука-объ-руку съ романистомъ «Русскаго Вѣстника», г. Всев. Крестовскимъ—онъ же и авторъ «Петербургскихъ Трущобъ», а отнынѣ—источникъ для оффиціальныхъ историковъ петербургскаго университета.

Г. Григорьевъ можетъ быть какого угодно мнѣнія объ университетскихъ событіяхъ; жаль только, что къ этому мнѣнію подвѣшенъ авторитетъ юбилейной коммиссіи и университетскаго совѣта, въ которомъ большинство членовъ помнитъ очень хорошо 1861 годъ и знаетъ событія несравненно лучше г. Всеволода Крестовскаго. Г. Григорьеву я не сталъ бы и отвѣчать, потому что имя его связано теперь неразрывно съ именемъ автора «Петербургскихъ Трущобъ»; но г. Григорьеву, какъ оффиціальному историографу отъ Совѣта, я не могу отпустить его изложенія фактовъ и его выводовъ. Бываютъ положенія, въ которыхъ молчать грѣшно, потому что, когда пройдетъ время и выбудутъ живые свидѣ-

тели, всякое опроверженіе можетъ сдѣлаться, по запоздалости, напраснымъ; само молчаніе, въ минуту когда надо было спорить, превратится въ обстоятельство, подрывающее довѣріе къ запоздалому опроверженію. Вотъ почему я, послѣ зрѣлаго раздумья, рѣшился противопоставить разсказу г. Григорьева, по «источникамъ», мой разсказъ о происшествіяхъ 1861 года по личнымъ воспоминаніямъ, и совершенно независимо отъ г. Всев. Крестовскаго; при этомъ я сохраняю надежду, что мои бывшіе товарищи этого университета, къ которымъ я не могу питать иныхъ чувствъ, кромѣ глубочайшаго уваженія, исправятъ въ моемъ разсказѣ неизбѣжныя порою неполноты и неточности.

V.

Прошло десять лѣтъ со времени студенческихъ безпорядковъ въ Петербургскомъ университетѣ—періодъ, повидимому, достаточный для того, чтобы улечься страстямъ и начаться исторіи. Между тѣмъ мы видѣли, что даже въ «Исторической Запискѣ» о Петербургскомъ университетѣ, составленной по порученію университетскаго совѣта ординарнымъ профессоромъ В. В. Григорьевымъ, исторіографъ, коснувшись той эпохи университетской жизни, не нашелъ къ объясненію ея другаго средства, какъ отослать читателей къ новѣйшему произведенію Всеволода Крестовскаго «Панургово Стадо». Мы очень хорошо понимаемъ, что со стороны г. Григорьева такая ссылка была не болѣе какъ полемическій пріемъ,—недостойный его положенія исторіографа; г. Григорьевъ пожелалъ внести въ свою исторіографію тотъ же духъ, которымъ отличались фельетонисты извѣстнаго закала, исполняющіе данныя имъ особыя порученія. Конечно, было бы приличнѣе въ «Исторической Запискѣ», предназначавшейся быть памятникомъ пятидесятилѣтія университета, устранить фельетонные расчеты и отнестись къ прошедшему спокойно, sine ira et studio. Та-

кова, повидимому, была священная обязанность г. Григорьева; не знаемъ, почему онъ ею пренебрегъ, но во всякомъ случаѣ такое пренебреженіе съ его стороны возлагаетъ на насъ прямую обязанность принести посильную дань уваженія дорогой памяти мѣста лучшей нашей дѣятельности и избавить исторію любимаго нами университета отъ ссылокъ на нечистые источники, къ числу которыхъ нельзя не отнести романы г. Вс. Крестовскаго. Вотъ почему мы и рѣшились предложить съ своей стороны простую исторію того времени: такая исторія послужитъ, надѣемся, не только къ возстановленію истины, но и къ нѣкоторому назиданію.

Начало университетскихъ безпорядковъ скрывается въ цѣлой предшествующей эпохѣ и потому не можетъ быть связано ни съ какимъ отдѣльнымъ фактомъ. Къ концу 50-хъ годовъ, когда чрезвычайно быстро начала оживать внутренняя дѣятельность университета, совмѣстно съ оживленіемъ въ нынѣшнее царствованіе всей общественной жизни, различные, отдѣльные, часто маловажные случаи начали обнаруживать не разъ одно обстоятельство, которое при прежнемъ состояніи университета проходило незамѣченнымъ. Въ основѣ университета покоился Уставъ 1835 года, но на дѣлѣ, во всѣхъ своихъ частностяхъ, онъ давно былъ отмѣненъ различными инструкціями, министерскими и попечительскими распоряженіями. Попечительство Мусина-Пушкина, занявшее собою десятилѣтіе 1845—55 г., разшатало окончательно силу Устава: власть попечителя рѣшала и опредѣляла все, а отъ Устава едва сохранилось нѣсколько параграфовъ въ цѣлости. По удаленіи Мусина-Пушкина, въ Совѣтѣ зародилась справедливая мысль о необходимости положить конецъ такому хаосу, сдѣлать сводъ различнымъ узаконеніямъ, съ тѣмъ, чтобы дать строго законное основаніе всѣмъ функціямъ и отношеніямъ жизни университета, которыя, давно вышедши изъ рамокъ Устава 1835 года, въ послѣднее время начинали отражать въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ стовь памят-

ное и во многихъ отношеніяхъ столь отрадное пробужденіе самой общественной жизни.

Попечительство князя Г. А. Щербатова началось именно такою работою, которая повела сама собою къ составленію цѣлаго проекта реформы университетскаго устава. Пока собирались мнѣнія профессоровъ и разбирались въ Совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ попечителя, попечитель разрѣшилъ предварительно студентамъ учредить «Сборникъ», имѣть кассу, собираться, однимъ словомъ устроить то студенческое корпоративное самоуправленіе, внезапное уничтоженіе котораго и послужило поводомъ къ катастрофѣ 1861 года. Общество студентовъ стало такимъ образомъ организоваться съ вѣдома власти, подъ наблюденіемъ попечителя, но безъ всякаго непосредственнаго вліянія на эту организацію ученаго университетскаго сословія, потому что по уставу 1835 г. весь надзоръ за студентами и вся университетская полиція переданы были попечителю и инспектору студентовъ, всѣ же отношенія профессоровъ къ студентамъ заключались въ чтеніи лекцій и производствѣ экзаменовъ. Справедливость требуетъ при этомъ сказать, что студенческое общество устраивалось и существовало въ то время очень мирно и спокойно. Кто желалъ бы составить себѣ понятіе о добромъ оживленіи университетской молодежи той эпохи, тому могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ оставшіеся два тома студенческаго «Сборника», о которыхъ, какъ мы увидимъ, самъ г. Григорьевъ отзывается съ величайшею похвалою.

Съ выходомъ въ отставку князя Щербатова, попечительская власть перестала вникать въ студенческое общество, перестала руководить имъ и контролировать, и продолжала жить эта община предоставленная сама себѣ. Съ 1860 года идетъ посему цѣлый рядъ маленькихъ происшествій, произвольныхъ движеній, вспышекъ и столкновеній съ попечительскою властью, которыя, при нѣкоторомъ умѣньи взяться за дѣло, можно было бы и предупредить, и исправить, и направить къ луч-

шему. Въ октябрѣ 1860 г., кассиръ студентовъ Б. уличенъ былъ въ растратѣ 1000 р. изъ кассы, относительно которыхъ онъ отозвался, что потерялъ ихъ на улицѣ. Студенты ходатайствовали о томъ, чтобы имъ разрѣшено было произвести судъ надъ провинившимся, и обратились ко мнѣ, какъ къ профессору уголовнаго права, съ просьбою руководить ихъ по этому дѣлу. Я устроилъ, съ разрѣшенія попечителя, нѣчто вродѣ суда съ присяжными, объ общемъ введеніи котораго въ нашу жизнь тогда уже ходили слухи. Сходка выбрала пятерыхъ судей, обвинительный актъ составленъ былъ депутатами и редакторами «Сборника». Обвиняемый содержался въ карцерѣ и имѣлъ двухъ защитниковъ. Два засѣданія посвящены были разбору дѣла, спросу обвиняемаго и свидѣтелей, рѣчамъ обвиненія и защиты; потомъ я поставилъ вопросы, судьи удалились и, послѣ полуторачасоваго совѣщанія, въ одиннадцать часовъ вечера, въ аудиторіи № XI, устроенной амфитеатромъ, среди глубочайшаго молчанія многочисленной, слѣдившей за исходомъ процесса публики, признали бывшаго кассира виновнымъ въ растратѣ денегъ и заслуживающимъ исключенія изъ университета. Потомъ это заключеніе представлено было начальству и утверждено попечителемъ. Съ началомъ 1861 года волненіе между студентами усилилось, и наконецъ, 8 февраля 1861 г., на университетскомъ актѣ, когда профессоръ Костомаровъ долженъ былъ прочесть рѣчь о К. Аксаковѣ, дѣло дошло до настоящихъ безпорядковъ. Высшее начальство распорядилось, чтобы для сокращенія акта рѣчь эта не читалась, и чтобы актъ ограничился прочтеніемъ отчета. Произошелъ шумъ, публика и студенты громко требовали рѣчи Костомарова, ректоръ съ трудомъ успокоивалъ толпу и успокоилъ ее только посредствомъ обѣщанія, что Костомаровъ прочтетъ свою рѣчь въ формѣ публичной лекціи, что̀ и было исполнено.

Конецъ февраля и начало марта 1861 г. прошли въ новыхъ столкновеніяхъ между студентами и властью,

принимавшихъ все болѣе крупные размѣры. Профессора до того времени оставались совершенно въ сторонѣ, такъ какъ уставъ 1835 г. не давалъ Совѣту никакого административнаго вліянія на студентовъ: въ попечительство Мусина-Пушкина, какъ мы замѣтили, власть попечительская забрала къ себѣ всю администрацію. Но безпорядки въ мартѣ приняли такой характеръ, что дальнѣйшее устраненіе отъ дѣла для профессоровъ сдѣлалось нравственною невозможностью. Съ другой стороны, и сама власть сочла полезнымъ призвать профессоровъ къ содѣйствію. Вслѣдствіе письма попечителя (И. Д. Делянова) къ пр. Кавелину, въ мартѣ составлена была комиссія изъ четырехъ профессоровъ, которой предоставлено было упорядочить студенческую общину и составить проектъ устава или правилъ для студентовъ, которыя объяснили бы имъ ихъ права, а вмѣстѣ и обязанности. Желая впередъ внушить безусловное довѣріе къ этимъ правиламъ, комиссія пригласила къ себѣ для выслушанія желаній студентовъ 8 человѣкъ, которые были выбраны студенческимъ обществомъ. Со дня открытія коммиссіи всѣ безпорядки исчезли, и до конца апрѣля, когда проектъ правилъ былъ оконченъ, не было примѣра нарушеній порядка.

Члены комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Кавелина, составляли проектъ по частямъ, читали составленное при студентахъ, дебатировали, исправляли, дополняли и, посредствомъ обоюдныхъ уступокъ, приходили къ результатамъ, которыми хотя и не удовлетворялись вполнѣ представители студентовъ, но которымъ они однакоже изъявляли совершенную готовность подчиниться. Роль, которую намъ пришлось бы играть при осуществленіи этой организаціи, все же была бы нелегкая, невеселая; но дѣло выиграло бы много, такъ какъ всякіе дальнѣйшіе безпорядки были бы теперь нарушеніемъ правилъ, между тѣмъ какъ, до того времени, студенты видѣли предъ собою одну только власть и волю начальства. Главныя черты проекта заключались въ слѣдую-

щемъ. Общая сходка подъ предсѣдательствомъ избираемаго на одинъ годъ профессора, обсуждающая дѣла, касающіяся общества студентовъ и выбирающая должностныхъ лицъ по студентскому самоуправленію. Тотъ же профессоръ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ изъ пяти выборныхъ студентовъ, завѣдующемъ кассою, библіотекою, изданіемъ «Сборника». Всякое предложеніе сходкѣ должно быть предварительно обсуждаемо комитетомъ, отъ котораго зависитъ допустить его или не допустить. Всякія иныя сходки строго запрещены. Судъ надъ студентами изъ трехъ профессоровъ долженъ рѣшать, безъ участія студентовъ, дѣла о проступкахъ, за которые полагаются арестъ или карцеръ, и съ участіемъ избираемыхъ по жребію студентовъ, въ родѣ присяжныхъ, дѣла о проступкахъ, влекущихъ за собою исключеніе изъ университета. Подробный уголовный уставъ грозилъ строгими взысканіями за всякія попытки не-университетской агитаціи. Весь планъ предполагаемаго устройства разсчитанъ былъ на то, что его вынесетъ на своихъ плечахъ масса, состоящая изъ молодыхъ людей среднихъ, умѣренныхъ, болѣе пассивныхъ, нежели активныхъ; натуры же горячія, порывистыя придется обуздать сильными домашними мѣрами, не прибѣгая къ публичной власти; наконецъ, въ виду новыхъ порядковъ, они и сами оставили бы университетъ.

Само собою разумѣется, что наши правила составлялись исключительно въ томъ предположеніи, что общій характеръ управленія университетомъ будетъ тотъ же, то есть, что будетъ продолжаться система возможно мягкихъ мѣръ и преобразованія не внезапнаго, но весьма постепеннаго, причемъ сохранено будетъ изъ существующаго уже все, что только можно сохранить, а именно—корпоративное устройство студентовъ. Мы понимали очень хорошо, что университетъ можетъ существовать безъ корпораціи студентовъ, но мы знали также, что корпорація студентовъ можетъ быть сдѣлана безвредною и можетъ приносить свою долю пользы, чему служатъ

примѣромъ университеты германскіе и изъ русскихъ— Дерптскій. Извѣстно, что въ Германіи студенческія корпораціи даже совершенно отчуждаютъ студентовъ отъ всего, что̀ лежитъ внѣ интереса ихъ студенческой жизни и совершенно охлаждаютъ ихъ къ политикѣ.

Проектъ правилъ былъ представленъ на разсмотрѣніе попечителя, а отъ него пошелъ на утвержденіе министра. Между тѣмъ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1861 г., внезапно перемѣнились и обстоятельства, и личный составъ управленія, и система. Вышеупомянутый проектъ правилъ былъ оставленъ въ сторонѣ и даже заподозрѣнъ, какъ нѣчто вредиое; во всякомъ случаѣ, ему не дали никакого движенія. Новое министерство рѣшило составить новый проектъ, въ основаніе котораго должны были лечь начала, утвержденныя 31-го мая 1861 г. Эти новыя начала содержали отмѣну форменной одежды, что составляло издавна предметъ и нашихъ желаній и студенческихъ, запрещеніе всякихъ сходокъ, и *ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя студентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа.* Появленіе распоряженія 31-го мая почти совпало съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія адмирала Путятина и попечителемъ кавказскаго генерала Филипсона. Такъ какъ распоряженіе сдѣлано было въ самомъ началѣ университетскихъ каникулъ, то оно и прошло незамѣтно, но можно было предвидѣть, что внезапное упраздненіе студенческихъ учрежденій, уже несовмѣстныхъ съ распоряженіемъ 31-го мая, не обойдется безъ сопротивленія и безпорядковъ при открытіи курсовъ послѣ каникулъ, а ограниченіе числа бѣдныхъ студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за слушаніе лекцій, возбудитъ ропотъ въ массѣ ихъ товарищей [1]).

---

[1]) Историч. зап. В. В. Григорьева, прим. 502: «Волненія эти—говоритъ г. Григорьевъ—могли имѣть источникомъ разныя побужденія, но несомнѣнно, что главнымъ къ нимъ поводомъ, въ глазахъ студентовъ,

VI.

Лѣтомъ 1861 года я ѣздилъ за границу и, возвратившись въ августѣ, засталъ лекціи еще не открытыми. Вслѣдствіе отпуска я не имѣлъ возможности принимать участіе въ лѣтнихъ засѣданіяхъ совѣта и его работахъ, а эти работы были не малыя. По закрытіи лекцій, въ началѣ іюня, новый министръ предложилъ совѣту университета обсудить, какъ можно скорѣе, мѣры для введенія въ дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 31-го мая и составить правила для студентовъ. Для послѣдняго дѣла совѣтъ назначилъ особую комиссію изъ профессоровъ, оставшихся на вакаціи въ городѣ, подъ предсѣдательствомъ пр. Чебышова. Членами комиссіи были: пр. Чубиновъ, Стасюлевичъ, Сухомлиновъ, Утинъ, Андреевскій и Пыпинъ. Задача комиссіи была тяжелая: высшее начальство, безъ сомнѣнія, было воодушевлено лучшими намѣреніями въ томъ смыслѣ, что оно желало возстановленія порядка; съ этой стороны, не могло быть и не было никакого различія между стремленіями начальства и профессоровъ. Но мѣры, предложенныя начальствомъ къ достиженію порядка, заключали въ себѣ новый источникъ безпорядковъ. Приходилось исполнить чужую, хотя и добрую волю, но какъ было видно по всему, совершенно незнакомую съ новою для нея средой. При такомъ затруднительномъ и почти безвыходномъ положеніи, комиссія рѣшилась по возможности смягчить ту строгость закона, которая неизбѣжно повлекла бы за собою безпорядки и жертвы безпорядковъ, и примирить сколько возможно обязательныя для университета требованія высшей власти съ условіями прежней студенческой жизни;

было требованіе новыхъ правилъ, которымъ всѣ, *безъ исключенія*, студенты обязывались къ ежегодному взносу 50 руб. сер. за право слушанія лекцій, вслѣдствіе чего лишались доступа къ высшему образованію всѣ тѣ молодые люди, которые не имѣли средствъ къ выполненію этого требованія»

съ этою цѣлью комиссія заимствовала почти цѣликомъ отъ Дерптскаго университета его студенческія правила, извѣстныя тамъ подъ именемъ матрикулъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались столь ненавистными, совершенно независимо отъ воли ихъ составителей. Несмотря на все пристрастіе г. Григорьева, онъ, однако, даетъ понять, что матрикулы, составленныя комиссіею, и матрикулы, введенныя въ дѣйствіе, были не одно и тоже: «Правила, составленныя означенною комиссіею—говоритъ г. Григорьевъ, представлены были 7-го августа, по одобреніи ихъ совѣтомъ, г. попечителю учебнаго округа. Сентября 2-го были они возвращены къ немедленному исполненію, *съ нѣкоторыми перемѣнами* (курсивъ автора), сдѣланными въ нихъ попечителемъ по указанію г. министра народнаго просвѣщенія». Вся сила и была именно въ этихъ «нѣкоторыхъ перемѣнахъ». Имя «матрикулъ» стало впослѣдствіи ненавистнымъ, именно потому, что съ ними соединилось представленіе о всѣхъ тѣхъ стѣснительныхъ мѣрахъ, которыя пали на университетскую жизнь съ новою системою и которыя были закрѣплены тѣми «нѣкоторыми перемѣнами». Но возвратимся къ *первоначальному* содержанію матрикулъ.

Каждый студентъ долженъ былъ получить особую книжку, которая бы замѣняла ему прежній видъ на жительство и вмѣстѣ съ тѣмъ составляла бы для него памятную книжку: въ нее вписывались бы книги, взятыя изъ библіотеки, экзаменныя отмѣтки и т. п. На первыхъ страницахъ книжки должны были помѣщаться правила поведенія и отношеніяхъ студента къ начальству и къ новому полицейско-административному устройству. Во главѣ этого устройства поставлены два новыя учрежденія, которыхъ мы давно добивались: избираемый совѣтомъ изъ среды его проректоръ, долженствующій замѣнить прежняго инспектора студентовъ, и профессорскій судъ надъ студентами изъ трехъ ежегодно избираемыхъ судей-профессоровъ. Комиссія предложила разрѣшить каждому подсудимому студенту взять себѣ въ защит-

ники кого-нибудь изъ товарищей. Это обстоятельство повело бы къ тому, что судоговореніе было бы устное; дѣло разбиралось бы гласно, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи всѣхъ желающихъ быть на судѣ студентовъ. Гласный судъ въ университетѣ при открытыхъ дверяхъ опережалъ бы судебную реформу, которая имѣлась въ то время въ виду еще въ весьма неопредѣленныхъ предначертаніяхъ. Комиссія не могла допустить сходокъ, формально запрещенныхъ повелѣніемъ 31-го мая; но такъ какъ новый законъ ничего не упоминалъ о студенческихъ кассахъ, читальной, библіотекѣ, для завѣдыванія же этими учрежденіями нужны лица, то комиссія рѣшила, что эти учрежденія будутъ завѣдываемы выборными изъ студентовъ. Выборное начало предполагало выборы, выборы предполагаютъ собраніе, слѣдовательно, по заключенію комиссіи, разъ въ годъ имѣло бы мѣсто собраніе студентовъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ проректора и ректора, для выборовъ и замѣщенія должностей. Касательно изъятія отъ взноса денегъ бѣднявовъ, неимѣющихъ средствъ вносить по 50 р. въ годъ за слушаніе лекцій, комиссія ничего не могла постановить, въ виду прямого указанія закона; была только надежда, что эта мѣра окажется временною.

Въ чемъ же состояли «нѣкоторыя перемѣны», которымъ подверглись правила? По представленіи ихъ министру? Министръ исключилъ изъ проекта единственныя двѣ вещи, которыя могли хотя нѣсколько сгладить переходъ отъ существующаго къ новому порядку, а именно защиту на судѣ и выборы на должности. Завѣдывающихъ кассою, библіотекою и т. д. долженъ былъ *назначать*, изъ среды студентовъ, по своему усмотрѣнію, проректоръ. Въ тоже время въ проектъ включены подробности, хотя и второстепенныя, но не совсѣмъ понятныя по своей цѣли и назначенію. Возстановлены переходныя испытанія съ перваго курса на второй. Всякій студентъ, невыдержавшій переходнаго экзамена, долженъ былъ подлежать исключенію изъ университета.

Профессорскій судъ увеличенъ присоединеніемъ къ тремъ профессорамъ-судьямъ депутатовъ, по два отъ каждаго факультета, къ которому будутъ принадлежать подсудимые. Служители аудиторій или педеля, которыхъ предполагала ввести комиссія и которыхъ она хотѣла одѣть въ черные фраки съ серебряными цѣпями на плечахъ, получили подробно описанный полувоенный мундиръ и право ареста. Между тѣмъ приближалось время открытія лекцій.

VII.

Ректоръ П. А. Плетневъ уѣхалъ давно, въ маѣ, за границу и еще не возвращался. Должность ректора исполнялъ въ его отсутствіе деканъ филологическаго факультета Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Особыми повѣстками созваны мы были въ совѣтъ въ самомъ началѣ сентября подъ предсѣдательствомъ новаго попечителя, которому мы должны были быть представлены. Новый попечитель открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой онъ просилъ насъ относиться къ нему не какъ къ чужому, потому что «мы здѣсь, какъ въ семьѣ». Затѣмъ онъ сказалъ, что ѣдетъ отъ министра и везетъ въ корректурѣ послѣднюю редакцію правилъ для студентовъ, съ измѣненіями, подѣланными въ этой редакціи министромъ, и что эти правила онъ намъ прочтетъ. Передъ чтеніемъ кто-то изъ членовъ совѣта спросилъ, окончательно-ли утверждены эти правила и подлежатъ-ли только исполненію, или могутъ быть измѣнены еще и дополнены, значитъ, допускаютъ критику? Попечитель отвѣчалъ намъ просьбою дѣлать замѣчанія. Началось чтеніе статьи за статьею, прерываемое преніями и сужденіями, изъ которыхъ легко можно было видѣть, что совѣтъ не совсѣмъ одобряетъ то, чего отъ него требуютъ, и не въ состояніи будетъ исполнить все то, чего отъ него ожидаютъ. Наши замѣчанія клонились къ тому, что измѣненія, сдѣланныя въ правилахъ, не практичны, а нѣ-

которыя обременительны; что, напримѣръ, подвергать исключенію невыдержавшихъ экзамена, значитъ располагать экзаменаторовъ къ снисхожденію, между тѣмъ, какъ, напротивъ того, надлежитъ быть какъ можно строже въ требованіяхъ отъ экзаменующихся студентовъ; что тяжело исключать бѣдняковъ за неимѣніе 50 р.; что проректоръ не можетъ назначать самъ, по своему усмотрѣнію директоровъ кассы, библіотеки и т. д. Намъ отвѣтили, что выборное начало не можетъ быть терпимо, что если имъ обусловливается существованіе кассы, библіотеки, «Сборника», то эти учрежденія должны быть исключены изъ университета. За стѣнами университета они могутъ существовать на сторонѣ какъ угодно. Мы заявляли, что при подобныхъ условіяхъ едва ли найдется кто-либо изъ насъ, кто бы взялъ на плечи тяжелую должность проректора. Засѣданіе такъ и кончилось безъ какихъ бы то ни было результатовъ.

Вскорѣ потомъ послѣдовало предложеніе Совѣту избрать проректора изъ профессоровъ. Выборы должны были произойти 6-го сентября, поутру.

По принятому обычаю, въ виду важности засѣданія предстоящаго Совѣта, собралось около 10-ти членовъ на предварительное совѣщаніе. Вопросъ состоялъ въ томъ: есть ли возможность будущему проректору, при новой обстановкѣ, которую ему давали перемѣны въ правилахъ, дѣйствовать съ успѣхомъ? Сначала, одинъ Стасюлевичъ поддерживалъ мнѣніе, что отказываться отъ проректорства не слѣдуетъ, такъ какъ эта должность, при всей ея дурной обстановкѣ, даетъ, хотя и небольшія, средства къ защитѣ студентовъ отъ крайнихъ и крутыхъ мѣръ. Но доводы противнаго мнѣнія одержали верхъ: Стасюлевичъ уступилъ большинству, и всѣ единогласно рѣшили отказаться отъ проректорства, а на Стасюлевича возложили обязанность выразить нашу общую мысль въ Совѣтѣ 6-го сентября.

Засѣданіе Совѣта 6-го сентября было весьма замѣчательно, какъ предварительная повѣрка направленій въ

средѣ самого Совѣта. Оказалось, что въ этой средѣ на безусловную поддержку во всѣхъ мѣропріятіяхъ попечитель можетъ разсчитывать только со стороны трехъ, четырехъ человѣкъ; всѣ остальные присоединились къ взгляду, высказанному на предварительномъ совѣщаніи. Какъ ни блистательно было въ матеріальномъ отношеніи положеніе, предназначаемое проректору, никто не рѣшался брать на себя эту тяжесть, зная, что ему надо идти на открытую войну со студентами, и что Совѣтъ не можетъ стать за него грудью. Рѣчь Стасюлевича произвела впечатлѣніе: въ ней проводилась параллель между профессорскимъ проректоромъ по проекту комиссіи и чиновническимъ проректоромъ по редакціи правилъ, передѣланныхъ министромъ. Очевидность невозможности держаться на этомъ постѣ была столь велика, что каждаго по одиночкѣ изъ людей сколько нибудь способныхъ занять этотъ постъ Совѣтъ упрашивалъ взять его, но не нашлось охотниковъ. Совѣтъ подписалъ единогласно протоколъ, въ которомъ было выражено, что Совѣтъ не можетъ представить ни одного кандидата для занятія должности проректора, по причинѣ труднаго положенія, въ которое поставленъ будетъ проректоръ по *измѣненнымъ* правиламъ для студентовъ.

Постановленіемъ Совѣта опредѣлилась и на будущее время его пассивная роль; но другой роли не могло и быть среди готовящихся событій. Совѣтъ не рѣшался выйти изъ того положенія, которое ему принадлежало по уставу 1835 года и не принялъ предлагаемыхъ ему административно-полицейскихъ обязанностей по отношенію къ студентамъ, потому что предвидѣлъ послѣдствія крутого перелома: онъ нашелъ себя вынужденнымъ остаться въ сторонѣ. Съ минуты, когда дѣло рѣшительно пошло на безусловное, безъ всякихъ смягченій, упраздненіе студентскихъ учрежденій, благоразуміе требовало заручиться силою, достаточною для охраненія порядка, но это-то послѣднее обстоятельство и было упущено изъ виду. Намъ объявили, что за отказомъ профессоровъ

принять на себя званіе проректора, исправлять его должность будетъ бывшій инспекторъ Фицтумъ фонъ-Экштедтъ. Онъ вмѣстѣ съ субъ-инспекторами долженъ былъ блюсти порядокъ, раздавать матрикулы. Библіотеку и кассу предполагалось отдать на руки кому-либо изъ студентовъ, для поступленія съ ними какъ хотятъ. Упраздненію подлежали и публичныя лекціи, и концерты; какъ тѣ, такъ и другіе признаны ненужными и отрывающими молодыхъ людей отъ ихъ учебныхъ занятій. Попечитель не согласился на предложеніе Кавелина созвать въ послѣдній разъ студентовъ съ тѣмъ, чтобы объявить объ упраздненіи студентской корпораціи и дать имъ возможность распорядиться находящеюся въ стѣнахъ университета ихъ общественною собственностью. Попечитель распорядился открыть курсы съ 17-го сентября, хотя новыя правила для студентовъ не только не были имъ объявлены, но не были даже и напечатаны, такъ что студентамъ представлялась такимъ образомъ полная возможность защищаться неизвѣстностью о новыхъ вводимыхъ начальствомъ порядкахъ. Однимъ словомъ, подняли занавѣсь, когда еще сцена не была готова, а потому не мудрено, что на сценѣ появились тотчасъ незваныя дѣйствующія лица.

VIII.

Курсы открыты были въ воскресенье, 17-го сентября. Послѣ молебствія, студенты составили сходку, отправили депутацію къ попечителю, прося его пожаловать на сходку и ходатайствуя о поясненіи имъ, въ чемъ состоятъ новые порядки. Попечитель отвѣчалъ депутатамъ, что онъ не ораторъ, и совѣтовалъ имъ заняться науками, а не сходками. На слѣдующій день (18-го сентября) читались лекціи, но сходка все-таки собралась въ одной изъ пустыхъ аудиторій; тоже происходило во вторникъ и среду, въ четвергъ и пятницу, съ тою только разницею, что въ каждый послѣдующій день собранія

были шумнѣе и волненіе возрастало. Не зная какъ поступить, мѣстная власть показывала видъ, что она ничего не знаетъ о происходящемъ. На наши запросы И. И. Срезневскій говорилъ, что ему о сходкахъ ничего неизвѣстно. Ни инспекторъ, ни субъ-инспектора не показывались на сходкахъ; наконецъ, въ пятницу, послѣдовало распоряженіе запереть на ключъ тѣ аудиторіи, гдѣ лекціи не читаются, чтобы такимъ образомъ сходкѣ негдѣ было происходить. Нашедши пустыя аудиторіи запертыми, студенты поднялись на верхъ къ дверямъ большой актовой залы. Двери уступили давленію множества рукъ, распахнулись, молодежь хлынула въ залу и стала разсуждать, посылала депутатовъ къ И. И. Срезневскому, приглашала его въ залу. На этотъ разъ студенты толковали только объ участи своихъ товарищей, которые по бѣдности не могли больше пользоваться правомъ дароваго слушанія лекцій, и желали просить ректора именно по этому дѣлу. И. И. Срезневскій явился, успокоивалъ, но не успѣлъ заставить разойтись; до него доносилось не одно непріятное выраженіе. Въ 4 или 5 часовъ вечера, когда университетъ опустѣлъ, происходило, въ присутствіи попечителя съ университетской полиціей, освидѣтельствованіе дверей залы, написанъ былъ протоколъ о слѣдахъ взлома. По докладу попечителя рѣшено было тогда же прекратить чтеніе лекцій, закрывъ на время университетъ. О сходкѣ субботней и о ея послѣдствіяхъ мы сами узнали въ первый разъ только на слѣдующій день, 24 сентября, въ 10 часовъ утра, при торжественномъ представленіи новому министру народнаго просвѣщенія всего университетскаго ученаго сословія и преподавателей гимназій города С.-Петербурга. Тогда только въ первый разъ мы увидали министра.

Торжественность минуты придавала особенное значеніе каждой подробности пріема. Г. министръ былъ взволнованъ, когда произносилъ рѣчь, съ которою онъ къ намъ обратился. Произносилъ онъ ее медленно, съ остановками, какъ будто бы ожидая отвѣтовъ. Онъ говорилъ

намъ то самое, что̀ уже выражено было въ одномъ изъ первыхъ его циркуляровъ, а именно, что онъ старается всячески объ улучшеніи матеріальнаго нашего быта и увеличеніи содержанія; онъ выразилъ ту мысль, что высшее образованіе не должно быть даровое и что за него должны платить тѣ, которые имъ пользуются, потому что въ противномъ случаѣ оно будетъ обременять неучаствующіе въ немъ низшіе классы населенія; наконецъ, онъ приглашалъ насъ употребить наше нравственное вліяніе на студентовъ для удержанія ихъ отъ безпорядковъ и помочь такимъ образомъ правительству. Рѣчь министра выслушана была среди мертваго молчанія. Одинъ только И. И. Срезневскій по окончаніи ея, принимая на себя роль ходатая за студентовъ, просилъ министра о снисхожденіи и о томъ, чтобы не были наказываемы и не страдали всѣ учащіеся молодые люди за вину немногихъ изъ нихъ. Представленіе скоро кончилось, извѣстіе о закрытіи университета пронеслось съ быстротою по всему городу. Такъ какъ засѣданія Совѣта происходили по понедѣльникамъ, значитъ намъ приходилось собраться въ слѣдующій же день вечеромъ, 25-го сентября, то нѣсколько человѣкъ товарищей-профессоровъ, бывъ вечеромъ у К. Д. Кавелина, принимавшаго знакомыхъ по воскресеньямъ, согласились, что слѣдуетъ взять починъ возбужденія слѣдствія надъ студентами за безпорядки 23-го сентября и подать въ этомъ смыслѣ предложеніе Совѣту.

Перехожу теперь къ описанію событій 25-го сентября, которыя подраздѣляются на весьма извѣстное шествіе студентовъ въ Колокольную улицу и на гораздо менѣе извѣстное засѣданіе Совѣта.

IX.

Чтобы понять эти событія, надо принять въ соображеніе: 1) что у студентовъ была уже давно своя готовая организація, въ редакторахъ и депутатахъ по

кассѣ. Кромѣ того, они имѣли полную возможность устроиться кружками въ теченіе того, потеряннаго для лекцій, полумѣсяца, который предшествовалъ открытію курсовъ. Сговорившихся какъ дѣйствовать была можетъ быть неполная сотня, но она-то и давала цѣлому движенію тонъ и направленіе. 2) Надо также вспомнить, что въ обществѣ петербургскомъ начала шестидесятыхъ годовъ было сильное расположеніе къ студентамъ и ко всякому вообще движенію, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось, легальныхъ или даже не совсѣмъ легальныхъ. Въ исторіи петербургскаго общества весь періодъ отъ Крымской войны до настоящей минуты можетъ быть раздѣленъ на двѣ почти равныя половины. Первая часть этого періода представляетъ собою работу мысли, законодательную подготовку всевозможныхъ реформъ, изъ которыхъ крестьянская стояла на первомъ планѣ, а судебная на второмъ; полный разгулъ самыхъ смѣлыхъ надеждъ, при которомъ невозможное казалось легко осуществимымъ. Вторая часть представляетъ медленное введеніе въ дѣйствіе реформъ, работу дробную, мелкую, практическую. Между обѣими частями точно глубокую борозду провели 1862 и 1863 годы, когда открыто высказалось обратное движеніе, начавшееся собственно еще раньше. Нѣсколько единичныхъ примѣровъ увлеченія въ средѣ русскаго общества, а потомъ въ особенности польскій вопросъ, заставили большинство отказаться отъ всякаго либерализма, послѣ чего эти недавніе либералы стали столь же крайними реакціонерами. Университетская исторія совпадала съ самымъ сильнѣйшимъ разгаромъ умственнаго движенія въ обществѣ, движеніемъ, которое произвело крестьянскую реформу и другія преобразованія и не унималось, хотя видимо наставали другія времена. Это настроеніе общества отражалось и на студентахъ; съ другой стороны, оно вселяло въ студентахъ надежду, что на ихъ сторонѣ будетъ общественное мнѣніе столицы.

Не бывъ свидѣтелемъ шествія въ Колокольную улицу,

я опишу его по тому, что́ слышалъ отъ очевидцевъ. Съ ранняго утра огромныя толпы осаждали университетъ, кто за книгами въ читальную, кто для занятій въ кабинетахъ, большинство подъ видомъ того, что оно является освѣдомиться у начальства, почему закрытъ университетъ, и какъ долго будутъ они лишены слушанія лекцій и обречены на бездѣйствіе. Въ университетъ не пускали никого. Попечитель находился въ своемъ кабинетѣ (который онъ избралъ себѣ въ зданіи университета), но велѣлъ сказать, что его нѣтъ.—«Такъ какъ попечителя нѣтъ въ университетѣ, то пойдемте къ нему на квартиру въ Колокольную»,—сказали другъ другу молодые люди и отправились по нѣскольку человѣкъ въ рядъ длинною колонною чрезъ Невскій проспектъ, сопровождаемые множествомъ любопытныхъ, не постигающихъ цѣли этой процессіи. Квартира попечителя въ Колокольной охраняема была полиціею и жандармами. Такъ какъ студенты двигались весьма медленно, то пока они дошли до Колокольной, уже тамъ были с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ Игнатьевъ, оберъ-полиціймейстеръ Паткуль и рота стрѣлковаго батальона, шедшая занимать караулы и остановленная на пути. Столкновеніе вооруженной силы со студентами могло произойти съ минуты на минуту, когда появился на улицѣ и самъ попечитель, ѣдущій изъ университета слѣдомъ за студентами. Попечитель явился миротворцемъ, просилъ военное начальство и полицію воздержаться отъ всякихъ дѣйствій и не вмѣшиваться въ его, такъ-сказать, семейное объясненіе со студентами; студентамъ онъ объявилъ, что не можетъ принять ихъ у себя, но готовъ объясниться съ ними въ университетѣ, куда онъ намѣренъ тотчасъ же отправиться. Студенты отнеслись къ этимъ словамъ недовѣрчиво, такъ что для доказательства, что онъ говоритъ искренно, попечитель пошелъ пѣшкомъ въ сопровожденіи студентовъ на Невскій и только близъ Гостиннаго двора ему можно было сѣсть на дрожки, которыя прослѣдовали потомъ, подъ эскортомъ студентовъ, шагъ

за шагомъ, чрезъ Дворцовый мостъ въ университетъ. Въ университетѣ его поджидали в. г. г. Игнатьевъ, о. п. Паткуль; изъ профессоровъ присутствовали только И. И. Срезневскій и А. В. Никитенко. Совѣщанія происходили внизу, въ длинной комнатѣ Совѣта. Студентамъ, остававшимся на улицѣ и на дворѣ университета, предложено объяснить свои требованія посредствомъ депутатовъ. Студенты выбрали трехъ депутатовъ, но только тогда, когда получили отъ попечителя увѣреніе, что эти депутаты не будутъ арестованы. Депутаты были спрошены о томъ, подчиняются ли студенты раздачѣ имъ матрикулъ. Депутаты отвѣчали, что пріемъ матрикулъ послѣдуетъ со стороны студентовъ только по необходимости и безъ всякаго намѣренія исполнять ихъ. Вопросъ о матрикулахъ такъ и остался нерѣшеннымъ. Желая успокоить студентовъ и заставить ихъ разойтись, попечитель выразилъ надежду, что курсы будутъ открыты на слѣдующей недѣлѣ, 2-го октября. Толпы разсѣялись и къ четыремъ часамъ университетъ уже опустѣлъ.

Въ 6 часовъ вечера, въ той же комнатѣ Совѣта внизу, занятой во всю ея длину столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сталъ собираться университетскій Совѣтъ. Большинство его членовъ только теперь узнавало о происшедшемъ. И. И. Срезневскій предупредилъ, что засѣданіе будетъ происходить въ присутствіи попечителя. Явился г. попечитель и открылъ засѣданіе рѣчью, которой содержаніе было почти слѣдующее: «Послѣ печальныхъ событій нынѣшняго дня, вы, м.м. г.г., конечно, сами убѣждены, что правительство не уступитъ ни на шагъ; всякая уступка была бы слабостью. Матрикулы должны быть введены, правила для студентовъ должны быть приведены въ исполненіе, но такъ какъ и. д. проректора и его помощники дискредитированы, то министръ рѣшилъ возложить раздачу матрикулъ на болѣе вліятельныя лица, то есть на самихъ профессоровъ. Матрикулы должны быть раздаваемы въ засѣданіяхъ факультетовъ. Деканъ каждаго факультета будетъ

ихъ раздавать торжественно студентамъ своего факультета, по очереди, отбирая отъ каждаго студента честное слово, что онъ подчинится правиламъ, содержащимся въ матрикулахъ. Отказывающійся дать это слово будетъ исключенъ. Отношенія давшихъ слово къ начальству будутъ основываться такимъ образомъ на добровольномъ подчиненіи и уговорѣ».

Всѣ замолкли, чувствовалось приближеніе рѣшительной минуты. К. Д. Кавелинъ прервалъ это молчаніе замѣчаніемъ, что профессорамъ неудобно и невозможно раздавать правила, противъ редакціи которыхъ они имѣли основаніе протестовать, и которыя считаютъ точно также и теперь неудобоисполнимыми. На это замѣчаніе послѣдовалъ категорическій отвѣтъ, что *государственная служба имѣетъ свои требованія, и что кто не хочетъ нести обязанностей ея, воленъ ее оставить.* Затѣмъ пошли иныя замѣчанія со стороны другихъ членовъ Совѣта. Заявлено было между прочимъ, что полицейскія обязанности не входятъ въ кругъ дѣятельности профессоровъ по уставу 1835 г., а другого устава пока не существуетъ; что въ самихъ матрикулахъ написано, что матрикулы раздаются студентамъ проректоромъ, слѣдовательно неудобно при самомъ введеніи матрикулъ нарушать одну изъ первыхъ статей правилъ, отбирая въ тоже время слово отъ студентовъ, что правила будутъ со всею точностью исполняться. Дѣлаемы были замѣчанія, что раздача матрикулъ профессорами, обнаруживая непослѣдовательность со стороны Совѣта, уронитъ его совершенно задаромъ, нисколько не содѣйствуя цѣли предполагаемой начальствомъ и не принося никакой пользы правительству. Протестующихъ голосовъ было много, предложеніе попечителя поддерживали только трое: Срезневскій, Никитенко и Савичъ. Такъ какъ единогласія вовсе не было, то попечитель потребовалъ, чтобы его предложеніе пущено было на голоса. Голосованіе было открытое, результатъ его былъ таковъ, что за предложеніе попечителя подано было 14, а противъ него 15

голосовъ [1]). Этотъ результатъ вышелъ въ противность всѣмъ ожиданіямъ; предложеніе пущено было на голоса совсѣмъ неожиданно, и при отбираніи голосовъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ словъ попечителя К. Д. Кавелину, подразумѣвалось, что вотировать *противъ*, значитъ тоже самое, что *подавать въ отставку*. Попечитель былъ видимо пораженъ и сказалъ, послѣ минутнаго размышленія: «М.м. г.г., я бы могъ присовокупить мой голосъ къ 14 голосамъ, причемъ бы образовалось 15 голосовъ противъ 15, а такъ какъ при равенствѣ голосовъ предсѣдатель даетъ перевѣсъ, то мое предложеніе прошло бы, но я не желаю пользоваться этимъ преимуществомъ и находя, что мое предложеніе не нашло въ Совѣтѣ поддержки, доложу о случившемся министру». Попечитель послѣ этихъ словъ оставилъ засѣданіе.

Послѣ ухода его, засѣданіе продолжалось, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что происшедшаго, Совѣтъ принялъ единогласно два предложенія. Одно, приготовленное мною наканунѣ того дня, о томъ, чтобы Совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему нарядить слѣдствіе надъ виновниками въ безпорядкахъ [2]). Другое

---

[1]) Галстунскій, Березинъ, Андреевскій, Утинъ, Кавелинъ, Благовѣщенскій, Спасовичъ, Пыпинъ, Сухомлиновъ, Костомаровъ, Павловъ, Сомовъ, Мухлинскій, Стасюлевичъ и Бекетовъ.

[2]) Такъ какъ у меня сохранилась черновая этой рѣчи, то я позволю себѣ помѣстить ее здѣсь.

Мм. гг. Вчера г. министръ выразилъ желаніе, чтобы мы, члены совѣта, содѣйствовали ему по мѣрѣ возможности въ успокоеніи волненія между студентами. Мы ничего не отвѣчали г. министру, потому что и отвѣчать не могли: онъ къ намъ обращался какъ къ совѣту in corpore, мы не могли ему отвѣчать viritim. Но мы въ долгу отвѣтомъ, и мнѣ кажется, что теперь всего удобнѣе обсудить, какъ могли бы мы исполнить ожиданія начальства. Я полагаю, что если бы даже мы и хотѣли оставаться пассивными зрителями совершающихся въ университетѣ событій, то мы бы не могли этого сдѣлать, не подвергаясь вполнѣ заслуженнымъ упрекамъ. Говорятъ, что въ субботу взломаны были двери, ведущія въ большую актовую залу; говорятъ, что на сходкѣ студентовъ оказано было неуваженіе къ лицу, которое должно считаться представителемъ совѣта

предложеніе сдѣлано было Кавелинымъ. По этому предложенію Совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему войти въ разсмотрѣніе вопроса, не могутъ ли быть допущены нѣкоторыя облегченія для бѣдныхъ студентовъ, относительно взноса 50-рублевой платы, разсрочкою платежей и тому подобными средствами. Мы разошлись поздно вечеромъ. Ночью того же дня, съ 25-го на 26 е, арестовано человѣкъ 30 изъ студентовъ и вольнослушателей, считаемыхъ зачинщиками движенія. Эти аресты коснулись преимущественно студентовъ, бывшихъ редакторами сборника или депутатами кассы за послѣднее время, причемъ не обошлось безъ весьма обыкновенныхъ въ подобныхъ случаяхъ промаховъ, состоящихъ въ томъ, что вмѣсто настоящихъ дѣятелей задержано нѣсколько однофамильцевъ, и что вмѣсто руководителей попались многіе люди совершенно невиновные въ агитаціи.

и коему нанесенное оскорбленіе мы должны принимать за наше собственное. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ спокойныя занятія наукою невозможны. Если мы располагаемъ извѣстнымъ вліяніемъ на наше юношество (а я полагаю, что мы располагаемъ, потому что къ каждому изъ насъ обращается множество студентовъ ежеминутно съ вопросами о томъ, что̀ имъ дѣлать), то мы должны употребить нынѣ это вліяніе, въ противномъ случаѣ начальство можетъ насъ заподозрить въ попустительствѣ безпорядкамъ, въ злорадостномъ бездѣйствіи и выжиданіи того, чтобы дѣла дошли до крайности и чтобы натянутая струна лопнула. Съ другой стороны, есть еще обстоятельство, которое не можетъ насъ не обезпокоивать—это судьба тѣхъ молодыхъ людей, надъ которыми теперь нависла гроза. Я полагаю, что обязанности наши не ограничиваются только чтеніемъ лекцій и производствомъ испытаній, что мы имѣемъ и другія, нравственныя обязанности въ отношеніи къ нимъ. Мы не знаемъ, какія мѣры предполагаетъ въ отношеніи къ нимъ высшее начальство, можетъ быть Измаилу Ивановичу извѣстно что-нибудь объ этихъ мѣрахъ, можетъ быть министерство намѣрено само отъ себя нарядить слѣдствіе, можетъ быть оно намѣрено слѣдствіе и судъ поручить обыкновеннымъ судебнымъ властямъ, но можетъ быть оно и само еще не рѣшило какой путь избрать. Въ первыхъ двухъ случаяхъ намъ, конечно, дѣлать нечего, но въ послѣднемъ мы могли бы оказать огромную и ничѣмъ незамѣнимую услугу министерству, университету и студентамъ, взявъ на себя иниціативу въ дѣлѣ раскрытія и пресѣченія безпорядковъ. Мы это

X.

Мѣры, предпринятыя противъ предполагаемыхъ зачинщиковъ студенческаго движенія, считались, повидимому, достаточными для укрощенія студентовъ, хотя опытъ доказалъ, что онѣ далеко не были достаточными. Затѣмъ, что касается до той пассивной оппозиціи, которую попечитель встрѣтилъ въ средѣ Совѣта, постановлено было слѣдующее. Утромъ 26-го сентября, во вторникъ, разосланъ былъ намъ циркуляръ, въ которомъ

можемъ сдѣлать очень просто: просить, чтобы намъ дано было нарядить изъ среды себя комиссію для предварительнаго разбора дѣла о безпорядкахъ, случившихся 23-го сентября и представленія потомъ по этому дѣлу своихъ соображеній. Позвольте мнѣ изложить вкратцѣ всѣ выгоды, которыя мы могли бы извлечь изъ подобнаго образа дѣйствій.

Ссылаясь на вчерашнія слова Изм. Ив., я утверждаю, что въ безпорядкахъ, т.-е. въ сходкѣ, участвовала только меньшая часть молодежи, а между тѣмъ всѣ страдаютъ нынѣ отъ прекращенія лекцій. Желательно, чтобъ эта остановка была какъ можно менѣе продолжительна. Наша иниціатива можетъ сократить этотъ срокъ и ускорить развязку.

Исключимъ тѣхъ студентовъ, которые въ сходкѣ не участвовали, и остановимся на тѣхъ, кои участвовали. И изъ нихъ мнѣ кажется немногіе виноваты. Большинство увлечено было любопытствомъ, неопытностью, заразительностью примѣра, наконецъ тѣмъ, что это время для студентовъ переходное и что то, чтó нынѣ запрещается, весьма недавно составляло фактъ совершенно законный. Намъ прежде всего надобно постараться выгородить эту массу людей увлекшихся и увлеченныхъ, и поставить ихъ внѣ отвѣтственности.

Затѣмъ останутся настоящіе виновные. Число ихъ вѣроятно не велико. Я не думаю, чтобы кто либо изъ насъ былъ того мнѣнія, что ихъ надобно оставить безъ всякаго взысканія, но я думаю, что взысканія, нами налагаемыя или предлагаемыя, будутъ справедливѣе и сообразнѣе съ виною, нежели взысканія, налагаемыя внѣ-университетскими властями. Насъ никто не заподозритъ въ желаніи дать происшествію преувеличенные размѣры. Нами будетъ руководить чистѣйшая любовь къ истинѣ во всей простотѣ. Мы не связаны и относительно средствъ взысканія. Гдѣ законъ уголовный грозитъ мѣрами, которыя могутъ отразиться на всей будущей жизни молодыхъ людей, мы можемъ употребить дисциплинарныя мѣры, болѣе кроткія, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточныя для

сообщалось, что г. министръ, не довольствуясь общимъ результатомъ голосованія по предложенію попечителя, и принимая въ соображеніе, что не всѣ члены Совѣта присутствовали въ засѣданіи, желаетъ имѣть отъ каждаго изъ членовъ Совѣта письменный отзывъ по этому вопросу съ изложеніемъ основаній его мнѣнія. Въ циркуляры были обстоятельно прописаны содержаніе предложенія попечителя и содержаніе мнѣнія К. Д. Кавелина, причемъ предлагаемо было каждому изъ насъ присоединиться къ одному изъ двухъ этихъ заключеній посредствомъ рапортовъ, которые должны были быть поданы И. И. Срезневскому въ среду, не позже 5 часовъ. Цѣль этого циркуляра, заставлявшаго профессоровъ выска-

---

охраненія на будущее время порядка. Притомъ недостаточно ограничиваться установленіемъ одной матеріальной стороны событія; справедливость требуетъ, чтобы были уважены и всѣ тѣ второстепенныя обстоятельства, которыя могутъ усиливать или уменьшать вину, а этихъ обстоятельствъ никто не въ состояніи такъ хорошо оцѣнить, какъ мы, знакомые со всѣми подробностями быта студентовъ.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Мы имѣемъ весьма важное преимущество передъ всѣми властями внѣуниверситетскими: намъ вѣрятъ студенты. Они полагаются на наши правосудіе, добросовѣстность и честность. Я разговаривалъ со многими студентами и узналъ, что изъ всѣхъ новыхъ учрежденій вводимыхъ нынѣ, одного они всего больше желали—профессорскаго суда; его не ввели до сихъ поръ, и полагаю, что это была со стороны начальства важная ошибка.

Меня спросятъ, можетъ быть, какъ будетъ дѣйствовать комиссія? Очень просто. Она призоветъ бывшихъ редакторовъ, депутатовъ, всѣхъ студентовъ, принимавшихъ въ сходкахъ болѣе или менѣе живое участіе; она ихъ переспроситъ, она попроситъ г. инспектора и его помощниковъ о сообщеніи надлежащихъ объясненій и свѣдѣній; потомъ представить дѣло со своимъ заключеніемъ на обсужденіе Совѣту, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ далъ ему ходъ сообразный съ тѣмъ, что было комиссію обнаружено и чего будутъ требовать обстоятельства.

Можетъ быть наше представленіе о комиссіи не удостоится того, чтобы его уважили, но во всякомъ случаѣ мы очистимся посредствомъ него передъ собственною совѣстью и будемъ носить въ себѣ сознаніе, что мы сдѣлали все возможное для блага дорогого для всѣхъ насъ университета.

заться категорически и документально, могла бы быть достигнута, и большинство голосовъ въ пользу предложенія попечителя, не образовавшееся 25-го числа, могло бы, пожалуй, теперь образоваться въ Совѣтѣ, если бы не встрѣтились два непреодолимыя препятствія, на которыя циркуляръ, кажется, не разсчитывалъ: 1) думали, что студенты достаточно укрощены, между тѣмъ какъ ихъ движеніе развивалось и росло, молодежь жужжала точно пчелы, выгнанныя изъ улья, собирались кружки, предполагаема была со стороны студентовъ подача адреса и общее сходбище въ среду передъ университетомъ; 2) полагали, что большинство профессоровъ, состоящее изъ людей весьма спокойныхъ и дорожащихъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ, не рѣшится подтвердить по одиночкѣ и на письмѣ своихъ голосовъ, данныхъ устно и въ собраніи совѣта. Между тѣмъ вышло совсѣмъ другое: къ намъ присоединились два-три человѣка изъ тѣхъ, которые были противнаго намъ мнѣнія въ засѣданіи 25-го сентября. Такъ какъ голосованіе 25-го сентября раздѣлило довольно опредѣлительно наше ученое сословіе на два лагеря, причемъ въ нашемъ оказалось 15 человѣкъ, то эти 15 человѣкъ и были приглашены собраться въ среду утромъ въ мою квартиру для обсужденія, какой отвѣтъ дать на послѣдній циркуляръ. Во время нашихъ совѣщаній опять на улицѣ произошли событія, которыя обратили на себя все вниманіе и министерства и правительства, и заставили забыть о нашихъ отвѣтахъ, отнимая у нихъ всякое значеніе. События эти были слѣдующія.

Въ среду, около часу пополудни, толпа студентовъ, еще болѣе многочисленная, нежели въ предыдущіе дни, осаждала университетъ, домогаясь или того, чтобы выпущены были товарищи, или чтобы всѣхъ взяли подъ стражу и позволили раздѣлить участь товарищей. Составленный въ этомъ смыслѣ адресъ подписывался на дворѣ университета. Произносились рѣчи, куча дровъ заступала мѣсто каѳедры. Множество любопытныхъ вся-

каго званія, офицеры и штатскіе, занимали всю набережную Невы. Носились самые нелѣпые слухи о томъ, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ происходятъ сходки, и что воспитанники ихъ готовятся дѣлать демонстрацію и выручать такимъ образомъ студентовъ. Въ залѣ Совѣта находились военный генералъ-губернаторъ, оберъ-полицiймейстеръ и министръ народнаго просвѣщенія (первое посѣщеніе имъ университета). На-готовѣ была и вооруженная сила: полицейскіе, жандармы и батальонъ Финляндскаго полка, который, выстроившись передъ самымъ университетомъ, отрѣзалъ студентовъ на дворѣ отъ студентовъ и публики на набережной. Чуть-чуть не дошло до столкновенія между войскомъ и студентами; наконецъ студенты разошлись около трехъ часовъ, войска возвратились въ казармы, но усиленные патрули ходили по Васильевскому острову весь вечеръ обходомъ; аресты продолжались. То, что происходило въ среду, повторялось регулярно, однообразно, по той же, можно сказать, программѣ и въ слѣдующіе дни: собирались студенты, являлась и полиція и войско, кончалось тѣмъ, что брали подъ стражу кое-кого изъ публики и изъ студентовъ и отправляли въ крѣпость, послѣ чего сборища разсѣевались съ приближеніемъ обѣденнаго времени. Прошла молва, что въ воскресенье, 1-го октября, на Невскомъ воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній будутъ сходиться, дружиться, изъявлять свое сочувствіе студентамъ. Демонстраціи, конечно, не было, но по Невскому сновали толпы публики непроходимыя, отъ Аничкина моста до Адмиралтейства, между тѣмъ, какъ военные караулы были усилены, войска стояли въ манежѣ 1-го корпуса и расположились по коридору и въ шинельной университета; сдѣлано было распоряженіе о подчиненіи вѣдѣнію генералъ-губернатора двора, сѣней и нижняго коридора въ университетѣ. Само собою разумѣется, что эти приготовленія на всякій случай дѣлались не для студентовъ, а для публики, хотя въ сущности эта публика, при ближайшемъ знакомствѣ съ нею, оказалась бы

совсѣмъ неспособною возбуждать какія бы то ни было опасенія. Для мужика, извощика, купца движеніе студенческое была вещь совершенно непонятная. Въ Москвѣ при подобныхъ же обстоятельствахъ простонародье помогало арестовать и вязать студентовъ. Въ С.-Петербургѣ оно безучастно глядѣло, какъ «студенты бунтуютъ». Даже въ мелкомъ и среднемъ чиновничьемъ классѣ, а также въ иныхъ группахъ петербургскаго общества, претендующихъ на извѣстную культуру, сочувствіе къ студентамъ было весьма умѣренное, боязливое и, такъ сказать, платоническое. Въ публикѣ родилась мысль о томъ, что недурно бы составить адресъ и поднести его по возвращеніи Государя Императора изъ Крыма. На подписныхъ листахъ къ проектируемому адресу собрано около тысячи подписей, больше охотниковъ не нашлось, собиратели поплатились, и все предпріятіе потерпѣло страшнѣйшее *fiasco*.

XI.

Отъ студентовъ перехожу къ профессорамъ. Наше большинство совѣщалось, какъ я сказалъ, въ среду объ отвѣтѣ на циркуляръ министра. Всѣ были согласны относительно содержанія отвѣта, каждый старался дать ему иную редакцію; впрочемъ, мы чувствовали, вслѣдствіе дошедшихъ до насъ слуховъ о томъ, что происходило на Васильевскомъ острову, что туча, висѣвшая надъ нами, прошла и что теперь никому нѣтъ собственно дѣла до нашихъ рапортовъ и донесеній. Таже туча разражалась теперь надъ студентами, и такъ какъ ежеминутно можно было ожидать какой-нибудь большой бѣды, кроваваго столкновенія, то мы рѣшили слѣдить за всѣмъ происходящимъ, собираться то у того, то у другаго изъ насъ поочереди, просить, ходатайствовать, стараться всячески о смягченіи по возможности зла нашимъ вмѣшательствомъ, не покидая въ то же время строго легальной почвы и не выходя изъ предѣловъ, предостав-

ляемыхъ намъ университетскимъ уставомъ. Тогда же, въ среду, мы отправили депутацію просить попечителя о сдѣланіи нѣкоторыхъ перемѣнъ въ правилахъ для студентовъ или по крайней мѣрѣ о непубликованіи ихъ (правила эти еще *не были* напечатаны). Попечитель выслушалъ депутацію, благодарилъ за совѣты, обѣщалъ принять наши доводы въ соображеніе. Впрочемъ, правила уже печатались въ ту самую минуту и на слѣдующій день утромъ газеты помѣстили какъ подлинный текстъ правилъ, такъ и форму матрикулъ.

Въ четвергъ, 28-го сентября, мы собрались у И. Е. Андреевскаго. Рѣшено было подать адресъ министру, ходатайствуя за арестованныхъ студентовъ. Редакція адреса была безукоризненно почтительная, въ такомъ тонѣ и духѣ, чтобы ее могли подписать всѣ члены Совѣта безъ различія партій. Члены ученаго университетскаго сословія просили министра, какъ начальника, коего попеченію ввѣренъ университетъ, о возможномъ облегченіи участи юношей, заслуживающихъ снисхожденія по молодости своей и неопытности.

Въ пятницу происходило еще большее собраніе у Н. М. Благовѣщенскаго, въ которомъ участвовали, кромѣ членовъ Совѣта, адъюнкты и доценты. Нашъ адресъ имѣлъ успѣхъ; его подписали, не запинаясь, всѣ, не исключая декановъ, и даже люди совершенно противныхъ нашему направленій (Ленцъ, Гоффманъ, Воскресенскій, Савичъ, самъ Срезневскій). Дошло до нашего свѣдѣнія, что наряжена слѣдственная комиссія надъ студентами, и что депутатомъ назначенъ А. В. Никитенко. Мы отправили депутацію просить его, чтобы онъ отказался отъ этой должности, которая требовала юридическихъ познаній, такъ что выполнить ее могъ бы только кто-либо изъ членовъ юридическаго факультета.

Въ субботу, 30 сентября, наша депутація (по одному члену отъ каждаго изъ четырехъ факультетовъ) поднесла адресъ министру, который принялъ ее весьма холодно и сухо. Депутатомъ къ слѣдствію назначенъ И. Я. Горловъ.

За отказомъ Совѣта отъ раздачи матрикулъ, необходимо было придумать иной способъ приведенія въ исполненіе правилъ для студентовъ. Рѣшено было осуществить эту раздачу посредствомъ городской почты. Послѣ 1 октября явились объявленія въ газетахъ о томъ, что, по распоряженію министра, студентамъ, желающимъ продолжать учиться въ университетѣ, предоставляется подать по городской почтѣ прошеніе на имя ректора съ съ просьбою о выдачѣ матрикулы, причемъ нежелающіе получить матрикулу предваряемы были, что они вслѣдствіе неподачи просьбъ въ срокъ зачислены будутъ выбывшими изъ университета, и всѣ бумаги будутъ имъ возвращены, по мѣсту ихъ жительства, чрезъ полицію. Это распоряженіе министерства поставило студентовъ втупикъ и породило между ними величайшее раздвоеніе и споры. Брать матрикулы или не брать? съ этимъ вопросомъ обращались къ намъ поминутно студенты. Мы совѣтовали студентамъ подчиниться и просить о выдачѣ матрикулъ. Мы имъ ставили на видъ, что всякое дальнѣйшее противодѣйствіе будетъ крайне безполезно и непрактично, что немыслимо, чтобы всѣ, изъ числа полуторы тысячи студентовъ, дѣйствовали за одно, тѣмъ болѣе, что между ними есть многіе, которые вполнѣ зависятъ отъ своихъ семействъ, есть многіе, для которыхъ стипендіи даютъ хлѣбъ насущный и составляютъ единственное средство существованія. Изъ числа 1.500 найдется какихъ-нибудь 300 человѣкъ, которые во что бы то ни стало попросятъ матрикулъ или за которыхъ просить будутъ ихъ родители и родственники, а при 300 студентахъ университетъ можетъ существовать, и даже существовалъ въ весьма недавнее еще время. Наши совѣты студентамъ не имѣли никакого успѣха, страсти дѣйствовали слишкомъ сильно, а извѣстно, что на страсть никакое убѣжденіе не дѣйствуетъ. Кавелинъ получилъ множество ругательныхъ писемъ по почтѣ. Наши предсказанія студентамъ однако сбылись. До окончанія срока подано было до 500 про-

шеній о выдачѣ матрикулъ отъ студентовъ и вольныхъ слушателей. Многочисленность прошеній объясняется какъ тѣмъ разладомъ, который былъ неизбѣжно порожденъ между студентами вопросомъ о подачѣ прошеній по почтѣ, такъ и тѣмъ, что полиціи удалось наконецъ напасть на слѣдъ организаціи, заправлявшей движеніемъ, и выловить нѣкоторыхъ главныхъ руководителей, накрывъ одну изъ сходокъ и отправивъ до 19 человѣкъ въ крѣпость, гдѣ общее число заключенныхъ по студенческому дѣлу простиралось до 80 человѣкъ. Лишенное многихъ предводителей, студенческое общество раздѣлилось и сильно спорило. Маленькая драма видимо клонилась къ концу, къ развязкѣ.

XII.

Таково было положеніе дѣла, когда попечитель созвалъ опять Совѣтъ въ засѣданіе 8 октября, въ воскресенье, въ 12 часовъ дня. Нижній корридоръ наполненъ былъ солдатами. Собраніе было весьма многочисленное, почти въ полномъ составѣ. Возлѣ попечителя сидѣлъ только-что возвратившійся изъ-за границы П. А. Плетневъ. Попечитель сообщилъ, что открытіе вновь университета дѣло окончательно рѣшенное, но начальство желаетъ выслушать мнѣнія профессоровъ насчетъ того, какого числа должны быть открыты курсы и какія мѣры должны быть предприняты для охраненія спокойствія внутри университета? Кавелинъ поставилъ вопросъ весьма понятный въ настоящемъ нашемъ положеніи: такъ какъ наши совѣты и представленія повели только къ тому, что мы имѣли несчастіе навлечь на себя неудовольствіе начальства, можемъ ли мы и теперь говорить откровенно все то, что думаемъ, не опасаясь того, что слова наши будутъ истолкованы въ дурную сторону? Андреевскій и Стасюлевичъ замѣчали, что такъ какъ мы не участвовали въ распоряженіяхъ по закрытію университета, и такъ какъ мы собственно не знаемъ, суще-

*

ствують ли и нынѣ тѣ причины, которыя вызвали это закрытіе, то мы и сказать ничего не въ состояніи по этому вопросу. Бесѣда видимо не клеилась и прерывалась ежеминутно. Попечитель озабоченъ былъ соображеніями о томъ, сколько должно быть поставлено служителей аудиторій (педелей) для водворенія тишины въ университетѣ, пять, десять, или пятнадцать человѣкъ, на чтò никто изъ насъ не могъ ничего ни посовѣтовать, ни объяснить. Наше молчаніе не удовлетворяло предсѣдательствующаго, который видимо ожидалъ еще чего-то, и не добившись коллективнаго отвѣта, потребовалъ, чтобы каждый изъ насъ сказалъ, чтò онъ думаетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и о способахъ выйти изъ этого положенія? Плетневу приходилось говорить по порядку первому. Почтенный и искренно уважаемый нами старецъ произнесъ рѣчь, которая произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе и которой сущность заключалась въ слѣдующемъ: «Я двадцать слишкомъ лѣтъ исправляю должность ректора, прошу довѣриться моей опытности. Никакіе полицейскіе порядки не помогутъ и удвоенное или утроенное число служителей аудиторій не будетъ въ состояніи охранять порядокъ. Студентами можно управлять, но на то нужна извѣстная нравственная сила, силу эту надо найти, открыть и на нее опереться...» При этомъ случаѣ Плетневъ сталъ разсказывать про былое, приводить примѣры образцоваго порядка на лекціяхъ, экзаменахъ, и случаи, когда одно слово ректора, сказанное во-время, успокоивало толпу и разсѣевало сходки. — Чего же вы желаете, господа? спросилъ попечитель. «Отмѣны правилъ и передачи намъ заботъ объ усмиреніи студентовъ».—Это вещь невозможная, правительство не можетъ отступать разъ на что-нибудь рѣшившись. «О правительствѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи,—отвѣчали ему; дѣло идетъ только о начальствѣ. Никогда не поздно сознать ошибку и сойти съ ненадлежащаго пути на надлежащій. Мы всѣ готовы оказать начальству всевозможную помощь и поддержку.

Мы нисколько не заботимся о формѣ, лишь бы спасена была сущность. Начальство не желаетъ отмѣнять правилъ; ихъ можно и не отмѣнять явнымъ образомъ, стоитъ только развязать намъ руки и предоставить намъ, Совѣту, дѣйствовать на нашу отвѣтственность. Мы выберемъ проректора, но этому проректору должно быть предоставлено право созывать студентовъ, выслушивать ихъ прошенія и жалобы, единичныя и коллективныя, распрашивать ихъ о предполагаемыхъ къ введенію порядкахъ, представлять проекты чрезъ Совѣтъ на утвержденіе къ министру, съ нѣкоторою увѣренностью, что министерство не откажется утвердить проекты, планы и правила организаціи студентовъ, кои будутъ приняты и одобрены Совѣтомъ. На этихъ основаніяхъ мы беремся и теперь возстановить пошатнувшійся порядокъ». Такія мнѣнія слышались со всѣхъ сторонъ. Попечитель возражалъ, спорилъ, но встрѣчалъ всюду полнѣйшее единодушіе.—Вы ставите, господа, на вѣсы: или университетъ, или Россія? «Нѣтъ, мы только спрашиваемъ: что вы предпочитаете имѣть, университетъ безъ матрикулъ, или матрикулы безъ университета?»—Чѣмъ же дурны и неудобны матрикулы? кто ихъ получилъ, тотъ подчинился имъ, вольная воля всякому молодому человѣку войти на этихъ условіяхъ или не входить.

Одинъ изъ профессоровъ замѣтилъ на это, что «теорія свободнаго договора не можетъ быть примѣняема къ подобнымъ отношеніямъ, потому что это повело бы къ разсматриванію и самого государства, какъ договора,— то-есть поставило бы насъ на точкѣ зрѣнія давно всѣми покинутой. Притомъ не всякій такой мнимый договоръ свободенъ. Назначьте таксу на хлѣбъ по 1 рублю за фунтъ; сколько тысячъ людей умретъ съ голоду при такой мнимой свободѣ покупать хлѣбъ по таксѣ! Высшее образованіе также нужно, какъ и хлѣбъ насущный для общества, а на него наложена слишкомъ высокая такса для бѣдныхъ».—Слѣдовательно, это ваше общее мнѣніе, господа, мнѣніе всѣхъ васъ? — «Всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія!»

(Никитенко, Савичъ были съ нами за-одно). Попечитель сказалъ, что онъ доложитъ о происходившемъ министру, что наше заключеніе можетъ быть и резонно, но едва ли будетъ принято. Тѣмъ кончилось послѣднее засѣданіе Совѣта по старому уставу 1835 года. Въ этомъ засѣданіи опредѣлительно и рѣзко поставленъ былъ вопросъ объ автономіи университета, которая не принадлежала университету по уставу 1835 г., но была понимаема нами какъ одно изъ условій будущей организаціи и осуществлена, если не въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее понимали, то до извѣстной степени, однако, согласно нашимъ понятіямъ, въ уставѣ 1863 года. Если бы намъ предоставили въ этотъ моментъ, согласно нашему заключенію, возстановить спокойствіе, взявъ волнующуюся молодежь въ руки законнаго порядка, то мы бы нашлись въ положеніи далеко неудобномъ и весьма непріятномъ, но мы бы пошли на проломъ и сдѣлали бы должное. Впрочемъ, до того не дошло, такъ какъ наше предложеніе не было принято. Изъ газетъ мы узнали, что университетъ будетъ открытъ въ среду, 11 октября. Особымъ циркуляромъ, отъ 9 октября 1861 г., № 5335, мы были извѣщены о возобновленіи лекцій; циркуляръ оканчивался слѣдующими словами: «гг. профессорамъ должно быть объявлено, что правительство ожидаетъ отъ каждаго изъ нихъ добросовѣстнаго и точнаго исполненія своего дѣла и не сомнѣвается, что они употребятъ съ своей стороны всѣ зависящія отъ нихъ средства къ объясненію студентамъ ихъ обязанностей и къ отвращенію безпорядковъ, которыхъ возобновленіе можетъ повести къ печальной необходимости совсѣмъ закрыть университетъ».

XIII.

Не будучи пророкомъ, всякій могъ угадать и предсказать, что студенты соберутъ всѣ силы, чтобы произвести послѣднюю уличную демонстрацію передъ университетомъ по поводу его открытія. Прибавимъ къ тому,

что погода какъ нельзя болѣе способствовала демонстраціи, осень стояла великолѣпная, теплая, чрезвычайно рѣдкая для петербуржцевъ. Обѣ двери, ведущія въ университетъ, и малая отъ набережной Невы и большая со стороны биржеваго сквера, были снабжены крѣпкими замками и задвижками. У дверей стояли сторожа, не пускавшіе никого безъ предъявленія матрикулъ. Въ среду, 11 октября, университетъ былъ почти совсѣмъ пустъ, ходило по корридорамъ какихъ нибудь полсотни слушателей, да и изъ нихъ многіе совсѣмъ не заглядывали въ аудиторіи, а видимо желали только посмотрѣть, чтѣ дѣлается въ университетѣ и, запугивая «матрикулистовъ», совѣтовали имъ не бывать на лекціяхъ. Въ четвергъ 12 октября пустота въ университетѣ была еще бо̀льшая, лекціи не читались по полнѣйшему отсутствію слушателей, за то въ вогнутомъ полукругѣ передъ парадною дверью университета, насупротивъ сквера, стояла густая толпа молодыхъ людей «матрикулистовъ» и «нематрикулистовъ», насильно добивающаяся входа въ университетъ подъ разными предлогами, за книгами, бумагами, въ музей, лабораторію, канцелярію. Весьма многіе «матрикулисты», упрекаемые своими товарищами, отказавшимися подчиниться новымъ правиламъ, рвали свои матрикульныя книжки и бросали ихъ на мостовую, такъ что пропасть бумагъ валялось вдоль всего фасада университетскаго зданія. Вскорѣ потомъ за появленіемъ военной силы студенты, находившіеся въ полукругѣ у двери, заключены были въ этомъ пространствѣ и отрѣзаны отъ площади тройною цѣпью полицейскихъ, конныхъ жандармовъ и солдатъ Финляндскаго и Преображенскаго полковъ. Безъ всякаго сопротивленія, по требованію команды, окруженные такимъ образомъ были отведены подъ эскортомъ на дворъ университета чрезъ заднія ворота этого двора со стороны Малой Невы и таможни, послѣ чего эти ворота были заперты. На дворѣ арестованные стояли нѣкоторое время шутя, громко разговаривая, куря папироски, между тѣмъ, какъ полиція

записывала ихъ фамиліи. Въ 2 часа перепись была кончена, заднія ворота опять отворились и солдаты выстроились въ двѣ шеренги, чтобы конвоировать арестантовъ. Въ эту минуту вся биржевая площадь и набережная Невы усѣяны были густыми толпами публики, среди которой сновали малыми группами студенты, не попавшіе подъ арестъ. Какъ только замѣчены были приготовленія для препровожденія арестантовъ въ крѣпость, разсѣянные вдоль всего протяженія университетскаго зданія свободные студенты хлынули къ заднимъ воротамъ проститься съ взятыми подъ стражу товарищами. На воздухъ взлетали кидаемыя вверхъ фуражки, дѣлаемы были знаки платками, раздались крики: «и мы съ вами! отведите и насъ въ крѣпость!» Данъ былъ приказъ оцѣпить и заарестовать кричащихъ; приказъ этотъ исполнила рота преображенцевъ, причемъ нѣкоторые студенты получили ушибы прикладами ружей, а кандидату естественныхъ наукъ Лебедеву нанесенъ былъ ударъ штыкомъ по головѣ до крови. Вторая кучка арестантовъ была нѣсколько больше первой, ее задержали и отправили вслѣдъ за первою въ Петропавловскую крѣпость. Въ крѣпости помѣщалось уже около сотни человѣкъ, къ нимъ прибыло сто человѣкъ первой и до 130 человѣкъ второй группы арестантовъ, освобождено около 30 человѣкъ, попавшихся случайно, оставалось 300. Такъ какъ въ крѣпости не было достаточнаго числа помѣщеній, то всѣ заарестованные 12 октября, въ четвергъ, отправлены на пароходахъ въ Кронштадтъ. Для производства слѣдствія наряжена особая комиссія и депутатомъ отъ университета назначенъ въ эту комиссію И. Е. Андреевскій. Слѣдствіе началось въ октябрѣ, продолжалось въ ноябрѣ и, не дошедши до суда, кончилось тѣмъ, что 6 декабря 1861 г. послѣдовала высылка пятерыхъ студентовъ, признанныхъ наиболѣе виновными, въ дальнія губерніи подъ надзоръ полиціи и исключеніе изъ университета 32 человѣкъ, которымъ, однако, это обстоятельство не помѣшало держать потомъ экза-

менъ на ученыя степени въ качествѣ вольныхъ слушателей.

Хотя университетъ продолжалъ считаться оффиціально открытымъ, но въ сущности пользы отъ открытія было мало; по одному только физико-математическому факультету продолжались кое-какія занятія, по остальнымъ они совершенно прекратились, потому что даже студенты «матрикулисты» считали какъ-бы священною обязанностію не бывать въ аудиторіяхъ, такъ что и мы, профессора, перестали ходить на лекціи. Притомъ даже и снабженная матрикулами молодежь обнаруживала, какъ то мы предвидѣли, наклонности къ безпорядкамъ, были попытки дѣлать сходки въ курильной и на одной изъ нихъ подвергся оскорбленію дѣйствіемъ кто-то изъ субъ-инспекторовъ. Университетъ, существуя только на бумагѣ, пересталъ работать въ дѣйствительности и пробылъ въ этомъ положеніи вплоть до 20 декабря, когда, по докладу министра народнаго просвѣщенія, онъ былъ вторично и окончательно закрытъ до пересмотра университетскаго устава. Это было едва-ли не послѣднее дѣйствіе бывшаго министра. Тотчасъ же потомъ назначенъ былъ на эту должность А. В. Головнинъ.

Между тѣмъ въ послѣднія пять-шесть недѣль управленія министерствомъ гр. Путятина, пока разыгрывалась до конца студенческая исторія, проходя различные фазисы, держался, совѣщался и дѣйствовалъ Совѣтъ университета. Совѣтъ, не будучи въ состояніи воспрепятствовать столкновенію высшей власти со студентами, старался только по мѣрѣ возможности смягчать мѣры строгости и ходатайствовать. Министерство вслѣдствіе того еще болѣе обвиняло большинство Совѣта, если не въ томъ, что оно возбуждало и поддерживало безпорядки, то въ томъ, что оно не оказало мѣрамъ правительства безусловной поддержки, на которую министерство видимо расчитывало. Но послѣ развязки студенческой исторіи и прекращенія на дѣлѣ всякихъ учебныхъ

занятій, причины, соединявшія воедино большинство членовъ, перестали существовать; каждый изъ его членовъ пошелъ своею дорогою, такъ что вопросъ о томъ, чѣмъ каждому дальше быть и что дѣлать? сталъ вопросомъ чисто индивидуальнымъ, рѣшаемымъ уже не коллективно, а каждымъ порознь, смотря по своимъ личнымъ взглядамъ, соображеніямъ и обстоятельствамъ. Нѣкоторые изъ насъ нашли полезнымъ и согласнымъ съ обязанностями своими къ университету выжидать перемѣнъ, оставаться на мѣстѣ, сохранить свои способности и силы на будущее время. Ихъ ожиданія оправдались, перемѣны наступили довольно скоро; эти лица и теперь продолжаютъ въ университетѣ свою полезную учебную дѣятельность. Другіе же члены Совѣта сочли съ своей точки зрѣнія необходимымъ выйти изъ университета и подать прошеніе объ отставкѣ. Такая точка зрѣнія имѣла свои не менѣе важныя основанія и побужденія, помимо вышеприведеннаго замѣчанія попечителя, напомнившаго намъ, что слѣдуетъ выходить въ отставку тѣмъ, кто считаетъ невозможнымъ исполнять приказанія по службѣ. Вообще тяжело и невыносимо было чувство невозможности помочь дѣлу при самыхъ добрыхъ желаніяхъ и искреннихъ предложеніяхъ услугъ, которыя были однако, какъ мы видѣли, отвергнуты. Наконецъ, до нѣкоторой степени можно былъ думать, что отставка наша поможетъ дѣлу хотя отрицательно, съ ущербомъ для насъ лично: прошеніе объ отставкѣ было уже не одно разсужденіе, а дѣйствіе: оно могло послужить доказательствомъ искренности нашего убѣжденія въ невозможности идей новаго министерства, а слѣдовательно и въ необходимости иного порядка вещей. Къ числу профессоровъ, раздѣлявшихъ такое мнѣніе, принадлежали пять человѣкъ: К. Д. Кавелинъ, В. И. Утинъ, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ и я. Не желая, чтобы нашъ выходъ имѣлъ видъ демонстраціи, мы рѣшились подать наши прошенія не разомъ, а по одиночкѣ. Прежде всего подалъ въ отставку Кавелинъ, потомъ я хлопоталъ о

перемѣщеніи меня изъ университета въ училище Правовѣдѣнія на каѳедру уголовнаго права, чего и достигнулъ 4-го декабря 1861 года *). Всѣ остальные подали прошенія въ теченіи ноября. Вслѣдъ за нами удалился и нашъ ректоръ Плетневъ.

XIV.

Этимъ я долженъ бы былъ закончить собственно разсказъ объ университетскихъ событіяхъ 1861 г., насколько я былъ въ нихъ самъ дѣйствующимъ лицомъ и очевидцемъ; но не могу не прибавить при этомъ случаѣ еще одну черту, характеризующую духъ времени, тогдашній либерализмъ и вообще пониманіе обществомъ сущности университетскаго вопроса въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

---

*) Я позволю себѣ исправить одну, касающуюся меня неточность въ запискѣ г. Григорьева. Г. Григорьевъ исключаетъ меня изъ числа уволенныхъ изъ университета по прошенію въ концѣ 1861 г. (№ 503 ссылки, примѣчаній и дополненій) и приводитъ (№ 512), что я оставленъ за штатомъ въ іюлѣ 1863 г., изъ чего прямо слѣдовало бы заключить, что я пробылъ все время съ 1861 по 1863 г. и объ увольненіи не ходатайствовалъ. Что это невѣрно, въ томъ ссылаюсь я на нижеслѣдующія доказательства:

1) Въ аттестатѣ моемъ значится: согласно разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія перемѣщенъ на службу и. д. профессора уголовнаго права въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія 1861 г. декабря 4-го.

2) У меня сохранилось оффиціальное письмо ректора П. А. Плетнева отъ 9-го февраля 1862 г.: «Вслѣдствіе поданнаго вами прошенія объ увольненіи васъ отъ службы при Спб. университетѣ, для представленія объ этомъ попечителю, я предварительно входилъ въ сношеніе съ директоромъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, о доставленіи мнѣ свѣдѣнія, когда именно послѣдуетъ окончательное опредѣленіе вашего высокоблагородія въ должность профессора означеннаго училища. Такъ какъ это свѣдѣніе получено было 12-го декабря, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовало 20-го декабря Высочайшее повелѣніе о закрытіи университета, по которому всѣ бывшіе профессоры оставлены были за штатомъ, то излишне было бы испрашивать разрѣшенія высшаго начальства на увольненіе васъ отъ службы при закрытомъ уже Спб. университетѣ. Нынѣ по

С.-Петербургскій университетъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до крушенія его въ 1861 году, былъ университетъ не нѣмецкій, не французскій, не англійскій, но свой, оригинальный, русскій, такой, какимъ его создали потребности общества. Устроенъ онъ былъ на довольно широкихъ основаніяхъ, несмотря на недостатки устава 1835 года, и имѣлъ свои особенности и преданія. Сама даже студенческая община, узаконенная распоряженіемъ князя Щербатова, не была созданіемъ новымъ; я самъ помню, что элементы ея существовали еще въ сороковыхъ годахъ. Программа кратковременнаго министерства Путятина состояла, сколько извѣстно, въ томъ, чтобы преобразовать университеты въ закрытыя

воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія о предоставленіи права всѣмъ оставшимся за штатомъ профессорамъ Спб. университета причисляться къ министерству народнаго просвѣщенія съ правами учебной службы и съ сохраненіемъ прежняго содержанія ихъ по службѣ въ университетѣ, я покорнѣйше прошу васъ, м. г., доставить мнѣ къ 12-му сего февраля отзывъ вашъ о томъ, желаете ли вы быть причисленнымъ на изложенныхъ правахъ къ министерству народнаго просвѣщенія, или останетесь при прежнемъ желаніи вашемъ, выраженномъ въ поданномъ прошеніи объ увольненіи васъ вовсе отъ службы при Императорскомъ Спб. университетѣ. Примите и т. д. П. Плетневъ».

3) По сохранившейся у меня черновой, я отвѣчалъ слѣдующее: «Причины, заставившія меня просить въ октябрѣ прошлаго года о переводѣ меня на службу въ Императорское училище правовѣдѣнія съ отчисленіемъ отъ Спб. университета, большею частію уже теперь не существуютъ, но не существуетъ также университетъ, въ которомъ, состоя, я могъ быть полезенъ министерству народнаго просвѣщенія моимъ преподаваніемъ уголовнаго права. Вотъ почему я не желаю быть причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія и имѣю честь почтительнѣйше просить ваше превосходительство дать ходъ прошенію моему объ отставкѣ.

4) Отставки однако я не получилъ, потому что новый министръ, когда къ нему поступило дѣло объ увольненіи меня, предложилъ мнѣ принять участіе въ работахъ по составленію новаго университетскаго устава, вслѣдствіе чего я и былъ причисленъ къ *министерству* приказомъ 7-го марта 1862 г. № 8. Въ ученомъ комитетѣ мнѣ была поручена разработка отдѣла о правахъ учащихся (см. Журналы засѣданій ученаго комитета по проекту устава университетовъ. С.-Петербургъ, 1862 г.).

завеценія на подобіе англійскихъ, съ тюторами, сожительствомъ студентовъ и разными иными затѣями аристократическаго англійскаго воспитанія, переложенными на скорую руку кое-какъ на наши нравы. Въ странѣ, имѣющей мало преданій и не дорожащей ими, никто почти не отстаиваетъ учрежденія, которому грозитъ опасность, и частые переходы отъ одной крайности къ другой составляютъ явленіе самое обыкновенное. Когда опасность стала грозить петербургскому университету, нашлись многіе, которые предпочли отдать его, не защищая, но такъ какъ они не желали все-таки имѣть закрытый университетъ, то они и противопоставили этому закрытому университету иной, какъ будто бы наилиберальнѣйшій изо всѣхъ, какіе можно придумать, вольный университетъ à la française, по образцу и типу Collège de France, который не исключаетъ однако парижской Сорбонны, Школы права и Школы медицины; но это упустили изъ виду наши мыслители. Вмѣсто настоящаго учебнаго заведенія предлагаема была публикѣ система безусловно открытыхъ публичныхъ лекціи, читаемыхъ совершенно даромъ. Это учрежденіе никого бы не подвергало испытанію, не раздавало бы ученыхъ степеней, не допускало бы никакой студенческой корпораціи, потому что собственно оно и не вмѣщало бы въ стѣнахъ своихъ учащихся, а просто только на атомы разбитую и не образующую никакихъ группъ публику. Такъ какъ вольный университетъ представлялъ бы заведеніе столь же публичное, сколь публичны рынокъ, церковь, улица, то соблюденіе порядка лежало бы въ стѣнахъ его на обязанности обыкновенной городской полиціи. Этотъ проектъ, покрытый дешевымъ либерализмомъ точно лакомъ, прельщалъ людей не очень разборчивыхъ изъ публики тѣмъ, что онъ вводилъ бы преподаваніе безусловно даровое для учащихся. Онъ прельщалъ и правительство совершеннымъ упраздненіемъ корпораціи учащихся и введеніемъ полиціи въ самыя аудиторіи; онъ подкупалъ профессоровъ освобожденіемъ

ихъ отъ всякихъ хлопотъ въ сношеніяхъ съ молодежью; наконецъ, онъ могъ нравиться всѣмъ вообще необыкновенною простотою, съ которою при этой системѣ разрубался бы гордіевъ узелъ многотруднаго университетскаго вопроса. Въ самомъ разгарѣ университетской исторіи, тотчасъ послѣ похода въ Колокольную, нѣсколько членовъ университетскаго совѣта (Костомаровъ, Сухомлиновъ, Соколовъ, Бекетовъ), ходили къ министру и пробовали, не разрѣшатъ ли имъ осуществить идею вольнаго университета (подобное разрѣшеніе могло бы послужить выходомъ изъ непріятнаго положенія министерства по отношенію къ университету). Въ срединѣ октября, тотчасъ послѣ послѣдней сходки студентовъ предъ университетомъ, Костомаровъ напечаталъ статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ которой дѣлилъ заведенія, посвященныя наукѣ, на воспитательно-учебныя и образовательно-ученыя и доказывалъ, что всѣ смуты, волненія и безпорядки въ университетѣ происходятъ оттого, что всѣ относятся къ университету какъ къ заведенію педагогическому, между тѣмъ какъ онъ долженъ быть учрежденіемъ только культурнымъ и просвѣтительнымъ безъ всякихъ цѣлей воспитательныхъ.

Многое можно было возразить почтенному Николаю Ивановичу, а прежде всего пришлось бы указать на несвоевременность его предложенія. Несвоевременно было бросать камень въ старый университетъ, въ ту минуту, когда надъ нимъ разражались всѣ громы небесные. Притомъ всѣ доводы были построены въ этомъ планѣ на очевидномъ парадоксѣ. Старому университету ставилось въ вину то именно, въ чемъ онъ не былъ ни на волосъ повиненъ, а именно его упрекали, будто бы онъ— будучи заведеніемъ педагогическимъ, не былъ въ то же самое время великимъ центромъ культуры и просвѣщенія. Въ видѣ новости, проектъ предлагалъ тоже самое, что въ полной мѣрѣ существовало въ старомъ университетѣ, куда могъ заходить всякій, какъ богатый, такъ и бѣдный, мужчина и женщина, безъ всякихъ билетовъ

и безъ всякой платы. Подъ видомъ кореннаго разрѣшенія вопроса, проектъ только выбрасывалъ университетъ на улицу. Публика находилась бы на лекціи прямо подъ рукою городской полиціи. До сихъ поръ профессора имѣли право, по крайней мѣрѣ, ходатайствовать за провинившихся студентовъ. По проекту всякая нравственная связь была бы пресѣчена между профессоромъ и его аудиторіею, потому что аудиторія его—это протекающая чрезъ залу и ежеминутно мѣняющаяся публика, которую болѣе занимаетъ, чѣмъ поучаетъ, наемный популяризаторъ науки. Проектъ Костомарова осуждалъ студенческую корпорацію, какъ анахронизмъ, какъ средневѣковое учрежденіе, не принимая вовсе въ соображеніе, что студенческая корпорація не вмѣщаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ замкнутаго средневѣковаго цеха, что она не имѣетъ и не желаетъ имѣть никакихъ привилегій и преимуществъ, что она могла бы составлять осуществленіе права людей, принадлежащихъ къ одному званію или сословію и имѣющихъ одинаковые интересы, сойтись и посовѣщаться объ этихъ интересахъ; наконецъ, она могла бы подготовлять юношей къ жизни практической, къ искуству говорить и разсуждать о предметахъ, непосредственно касающихся ихъ быта, къ тому, какъ имъ сдѣлаться современемъ толковыми и полезными гражданами, радѣющими о благѣ общественномъ. Вольный университетъ представлялъ собою механическое дѣленіе труда, введенное въ дѣло народнаго просвѣщенія и господствующее вполнѣ и исключительно. Сколько каѳедръ, столько профессоровъ, назначаемыхъ и смѣщаемыхъ министерствомъ, зависимыхъ отъ министерства и никогда не собирающихся вмѣстѣ, потому что и совѣщаться то имъ не о чемъ. Наконецъ, даже сама польза отъ безплатнаго преподаванія подлежала критикѣ и могла казаться сомнительною. Нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, если достаточные люди вносятъ деньги за ученье, лишь бы бѣдные пользовались въ этомъ отношеніи возможными льготами. Плата за лекціи

съ достаточныхъ служитъ ручательствомъ нѣкоторой самодѣятельности со стороны университета, средствомъ завести новыя каѳедры, имѣть доцентовъ, устроить кабинеты и музеи, не прибѣгая всякій разъ за пособіемъ къ правительству. Плату за слушаніе преподаванія можно было бы согласовать съ свободою посѣщенія лекцій гостями, публикою; можно бы взимать плату не съ билетовъ за лекціи, а съ экзаменовъ и дипломовъ, давая притомъ бѣднымъ людямъ отсрочку въ платежѣ, пока они не обзаведутся по выходѣ изъ университета.

Противникомъ Костомарова явился Стасюлевичъ въ тѣхъ же «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но такъ какъ время было не такое, которое бы допускало свободную защиту или, по крайней мѣрѣ, разборъ вопроса о корпораціи, то нельзя было и высказать вполнѣ своихъ мыслей, на сторонѣ Костомарова стало множество голосовъ въ литературѣ, и публика видимо тяготѣла къ его идеѣ, привлекаемая кажущеюся ея новизною. Идеѣ этой дано было даже нѣкоторымъ образомъ и осуществиться. Послѣ выпуска бывшихъ студентовъ изъ крѣпости и изъ Кронштадта, ихъ взялъ подъ свое спеціальное покровительство любезный, популярный, гуманный, новый военный генералъ-губернаторъ А. А. князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій. Давались бѣднымъ пособія, оказывалось покровительство нуждающимся; разрѣшено вмѣсто закрытаго университета устроить публичныя лекціи въ огромныхъ залахъ городской думы. Лучшіе и любимѣйшіе профессора, какъ университетскіе, такъ и другихъ учебныхъ заведеній, были приглашены читать эти лекціи и читали ихъ при громадномъ стеченіи публики. Но онѣ кончились печальнымъ образомъ на лекціи самаго главнаго защитника вольнаго университета.

Однимъ словомъ, наши защитники вольнаго университета не нашли на практикѣ подтвержденія своихъ идей о томъ, что стоитъ только уничтожить историческій университетъ, съ его общиннымъ устройствомъ,

кассою бѣдныхъ студентовъ, библіотекою и т. д.—и дѣло пойдетъ отлично. Даже г. Григорьевъ вынужденъ теперь сознаться въ противномъ, и намъ пріятно указать въ его трудѣ хотя на одно мѣсто, выступающее изъ общаго тона обвинительнаго акта. «Не было—говоритъ онъ (стр. 310)—казалось бы, *ничего предосудительнаго* въ томъ, что любители музыки изъ студентовъ соединялись по нѣсколько разъ въ годъ, чтобы давать публичные концерты въ пользу недостаточныхъ товарищей своихъ (безъ сомнѣнія!); мысль печатать лучшія изъ студенческихъ работъ, получающихъ существованіе по разнымъ поводамъ, была *очень хорошею мыслью,* такъ какъ между работами этими встрѣчаются нерѣдко весьма замѣчательныя; *добрымъ дѣломъ,* повидимому, была и забота студентовъ объ устройствѣ вспомогательной кассы для наиболѣе нуждающихся изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе достойныхъ. Но все это дѣлалось, къ сожалѣнію, такъ, что приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы». Итакъ, самъ г. Григорьевъ не видитъ въ студенческихъ порядкахъ конца 50-хъ годовъ «ничего предосудительнаго»; во многомъ лежала «очень хорошая мысль»; многое было «добрымъ дѣломъ». Очевидно, бѣда состояла только въ томъ, что это· все это дѣлалось не такъ, какъ слѣдуетъ. А чего же хотѣли профессора того времени? Они именно и желали, чтобы все это дѣлалось такъ, какъ слѣдуетъ. Мы раздѣляли, слѣдовательно, вышеприведенные взгляды г. Григорьева на студенческій журналъ, кассу и т. п., и просили только начальство позволить намъ устроить все это, какъ слѣдуетъ. Въ виду такой цѣли работала Кавелинская комиссія въ мартѣ и апрѣлѣ 1861 года; этими же мыслями была воодушевлена совѣтская комиссія въ іюнѣ и іюлѣ того же года; съ тѣмъ же сознаніемъ Совѣтъ не осмѣлился принять на себя матрикулъ съ «нѣкоторыми перемѣнами»; наконецъ, въ самую критическую минуту, 8-го октября, Совѣтъ изъявилъ полную готовность взять на себя отвѣтственность за все, если ему будетъ дозволено распоряжаться, не утрачивая

авторитета. Но ему предоставляли невозможную задачу; исполнить безусловно предписаніе начальства и въ тоже время сохранить свой авторитетъ; повиноваться и повелѣвать; между тѣмъ, первое лишало его силъ для втораго.

Что же, спрашиваемъ мы въ заключеніе, нашелъ г. Григорьевъ общаго между университетскими событіями 1861 г. и романомъ Всев. Крестовскаго «Панургово стадо»? Насколько справедливы заказныя обвиненія литературныхъ кондотьери, восклицающихъ, что профессора того времени оставались равнодушны къ судьбѣ студентовъ и играли въ оппозицію? Но пусть иные фельетонисты черпаютъ изъ всякихъ романовъ свои соображенія и отвѣтъ на предложенный выше вопросъ; мы останемся въ надеждѣ, что многіе предпочтутъ свидѣтельство очевидца, высказанное среди бѣлаго дня и не въ царствѣ мертвыхъ, а при жизни массы людей, переживших эту, уже давнопрошедшую эпоху.

ВОПРОСЪ О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ.

ВВЕДЕНІЕ КЪ

НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ АВСТРІИ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 годъ.

ВОПРОСЪ О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ.

ВВЕДЕНІЕ КЪ

НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ АВСТРІИ.

Составленной по книгѣ А. Шпрингера, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. 2 B-de, Leipzig, 1863—65.

Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 годъ.

Въ VII столѣтіи мавры завоевали Испанію, въ XI Англія сдѣлалась добычею офранцузившихся норманновъ, въ XIII столѣтіи орденъ тевтонскій покоряетъ язычниковъ пруссаковъ, а орденъ ливонскихъ меченосцевъ—латышей и эстовъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ и во множествѣ тому подобныхъ сталкивались двѣ расы, двѣ культуры, два языка; борьба происходила съ крайнимъ ожесточеніемъ, но она все-таки ведена была не изъ-за національности, а изъ-за другихъ какихъ-либо причинъ. Предметомъ ея было или порабощеніе, закрѣпощеніе, экономическая эксплоатація одного народа другимъ или господство извѣстныхъ идеаловъ религіозныхъ. Съ теченіемъ времени войны съ этими цѣлями сдѣлались рѣже, во-первыхъ, потому, что вывелись политическіе илоты и что въ настоящее время, если присоединяется какая-либо область къ какому-либо государству, то жители ея дѣлаются eo ipso соучастниками какъ во всѣхъ службахъ, такъ и въ политическихъ правахъ наравнѣ съ коренными подданными государства; во-вторыхъ, потому, что вопросъ о вѣрѣ сталъ по всеобщему признанію вопросомъ личной совѣсти каждаго, рѣшаемымъ каждымъ изъ интересантовъ за себя и для себя, съ

устраненіемъ всякаго внѣшняго насильства. Вмѣсто выбывающихъ изъ строя мотивовъ борьбы явились другіе. Племенныя и культурныя противоположности и различія нашли себѣ новое выраженіе. Народныя страсти, взаимныя влеченія и отвращенія возведены были въ принципъ, за главный показатель движенія и развитія человѣчества взятъ языкъ, на различіи языковъ выстроилась цѣлая теорія національностей. Принято было за аксіому, что только классификація людей по языкамъ есть естественная, а по государствамъ—искуственная, что главная болѣзнь Европы состоитъ въ томъ, что интересы національностей идутъ въ разрѣзъ съ интересами династій и правительствъ, и поставлена смѣло гигантская задача новаго передѣла Европы, такимъ образомъ, чтобы всякая національность образовала по возможности самостоятельную политическую единицу. Нашему вѣку, и, почти можно сказать, нашему поколѣнію суждено было присутствовать при нарожденіи этой теоріи и при попыткахъ практическаго осуществленія ея въ дѣйствительности. Вѣкъ XVIII нисколько не причастенъ этой теоріи, принципы 89 года имѣютъ вполнѣ космополитическій характеръ, національная струна не звучитъ ни у Байрона, ни у Шиллера и Гёте, хотя они до мозга костей народные поэты своего племени. Италіанская поэзія процвѣтала при дворѣ Маріи Терезіи (Metastasio, Casti), Фридрихъ В. и его сподвижники были французы по образованію. Возрожденные подъ скипетромъ россійской державы, университеты виленскій и дерптскій и преподаютъ науки, и переписываются съ министерствомъ народнаго просвѣщенія по-польски, французски, нѣмецки. Венгерскій сеймъ отклоняетъ въ 1807 г. предложеніе сдѣлать оффиціальнымъ языкомъ мадьярскій языкъ вмѣсто латинскаго, словами: «Венгрія не принадлежитъ единому племени, но составляетъ государство, въ которомъ всѣ христіанскіе народы обрѣтали пріютъ и родину» (Springer I, 80). Первые судороги движенія національностей совпадаютъ съ періодомъ великихъ наполеонов-

скихъ войнъ (испанская война, нѣмецкая война за независимость 1813 г.), что и подало, фантазерамъ и мистикамъ, поводъ доискиваться таинственнаго соотношенія и сродства между личностью Наполеона и духомъ національностей, хотя между этими двумя терминами можетъ быть только такая связь, какая, напр., между татарами и теперешнимъ могуществомъ Россіи. Движеніе національностей росло послѣ вѣнскихъ трактатовъ, всколебало всю Европу, произвело нѣсколько безсмертныхъ произведеній искуства, содѣйствовало образованію одного великаго государства—Италіи, взбудоражило въ 1848 г. весь юго-востокъ, поставило Австрію на краю погибели, явивъ примѣръ, напоминающій почти вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ, оно виситъ до сихъ поръ мечомъ Дамокла надъ Турціею, наконецъ, оно разразилось грознымъ пожаромъ въ такъ называемомъ польскомъ вопросѣ, который вызвалъ такъ называемую національную политику. Теперь, повидимому, наступилъ въ жизни Европы моментъ отдыха, когда всеобщее вниманіе развлечено еще другими заботами, время, самое удобное на то, чтобы свести итоги, составить балансъ и, взвѣсивъ и добро и зло, оцѣнить по достоинству эту теорію національностей, которая принадлежитъ безспорно къ самымъ крупнымъ фактамъ нашего вѣка. Всякая теорія можетъ быть повѣряема двояко: во-первыхъ, осуществима ли она на дѣлѣ, не ведетъ ли она къ нелѣпымъ результатамъ? Если выведенныя изъ теоріи практическія заключенія окажутся ни съ чѣмъ несообразными, то это прямо наведетъ на мысль, что и большая посылка, изъ которой они выведены, заражена какимъ-либо порокомъ. Во-вторыхъ, достовѣрны ли и собраны ли въ надлежащей полнотѣ тѣ факты, на которыхъ держится теорія, и которымъ она служитъ объясненіемъ? Подвергнемъ теорію національностей въ обоихъ этихъ отношеніяхъ перекрестному допросу.

Теорія національностей могла бы практически осуществиться только при наличности слѣдующихъ условій:

если бы-географическое распространеніе народностей было таково, чтобы онѣ могли быть разграничены на картѣ прямыми линіями безъ зубцовъ, извилинъ и анклавовъ; если бы теперешнія общества состояли сверху до низу изъ сплошныхъ массъ безъ всякой пестроты, безъ всякихъ наслоеній; наконецъ, если бы каждая національность, имѣющая значительные размѣры, не скрывала въ нѣдрахъ своихъ безчисленнаго множества сепаратизмовъ. Вслѣдъ за большими національностями поднялись провинціализмы, нарѣчія; зашевелились даже и такіе дробные народчики, которые не въ состояніи вынести на плечахъ своихъ тяжесть самобытнаго существованія политическаго. Теорія національностей не въ состояніи отвѣчать отказомъ на требованія какого-нибудь самомалѣйшаго народчика, когда онъ предъявляетъ идіомъ литературно обработанный, или даже только способный къ литературной обработкѣ. Какъ трудно справиться національности, основывающей права свои на исторіи, съ разъѣдающими ее и пытающимися образовать новыя національности провинціализмами, тому примѣромъ можетъ служить борьба элементовъ польскаго и русинскаго въ Галиціи. Съ другой стороны, для уничтоженія иноплеменныхъ зубцовъ, анклавовъ и этнографической пестроты, теорія національностей не имѣетъ иного средства кромѣ германизаціи, мадъяризаціи, славянизаціи и т. д., то есть механическаго объединенія съ помощью того же самаго начала государственности, которое она первоначально отрицала, и которому она противупоставляла общественность. Физически сильнѣйшей національности для того, чтобы одолѣть другія слабѣйшія, враждебно настроенныя, стоитъ только стать на одну и ту же съ ними почву, усвоить себѣ ихъ программу и поступать съ ними по закону возмездія. Успѣхъ вѣренъ, хотя и сопровождается потерею сѣмянъ культуры, взаимнымъ очерственіемъ бойцовъ. Такимъ образомъ теорія національностей въ практическомъ своемъ развитіи ведетъ къ отрицанію всѣхъ другихъ національностей,

кромѣ одной, причемъ сія послѣдняя подвергаетъ себя риску быть въ свою очередь раздавленною и съѣденною противниками. Прямымъ рефлексомъ національныхъ движеній является національная политика осилившаго ихъ государства, которая, не изобрѣтая ничего новаго, дѣлается въ свою очередь органомъ теоріи національностей, идетъ по стезямъ, протореннымъ противниками, и заимствуетъ всѣ свои орудія изъ доставшагося въ добычу непріятельскаго парка. Народы далеко небезсмертны; во многихъ случаяхъ сраженную національность можно не только обуздать, но и совершенно вытѣснить и уничтожить, водворяя формальное единство и ставя вмѣсто чуженароднаго свое собственное. Этимъ ли однимъ, весьма бѣднымъ результатомъ ограничиваются всѣ плоды много стоившей побѣды? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, заглянемъ въ самый корень теоріи національностей, разберемъ составные элементы этого для всякаго повидимому доступнаго, а между тѣмъ крайне сложнаго и весьма туманнаго понятія.

Прежде всего замѣтимъ, что *національность* есть понятіе совершенно формальное, не имѣющее никакого опредѣленнаго содержанія. Есть народныя достоинства, и есть народные предразсудки и пороки. Ни объ одномъ общественномъ явленіи, къ которому приклеенъ національный ярлыкъ, нельзя еще напередъ сказать что оно: добро или зло, правда или кривда? Поэтому національность есть вообще дурной вожатый, которому не надобно слишкомъ довѣряться при выборѣ путей и образовъ дѣйствія. Много было толкуемо о чуткости національной совѣсти; это absurdum in adjecto. Національная совѣсть вообще туга на ухо и неразборчива въ средствахъ; въ пылу борьбы разыгрываются страсти, меркнутъ всѣ иныя соображенія, кромѣ одного, и воскресаетъ во всей своей грозѣ старинное римское правило: *in hostem omnia licita.* Національность мѣняется съ каждымъ моментомъ времени; ненаціональное сегодня можетъ сдѣлаться весьма національнымъ завтра и на-

оборотъ. Національность есть обоюду острое оружіе, которое можетъ служить въ одинаковой степени движенію и застою, прогрессу, обскурантизму и реакціи. Національность не создала ни одного государства, хотя она имѣла иногда важное значеніе, какъ одна изъ причинъ, предрасполагающихъ къ возникновенію и распаденію государствъ. Толчокъ къ образованію отдѣльныхъ политическихъ единицъ даютъ одни только бытовые интересы, каковы: организація труда, вѣра, право, наука, искусство. Національность не умѣщается въ этой группѣ, не есть бытовой интересъ человѣка и сообщаетъ только бытовымъ интересамъ нѣкоторую особенную окраску. Сражающіеся за національность часто и не подозрѣваютъ, что въ сущности они подвизаются не за нее, а за тѣ или за другіе бытовые интересы, за тѣ или другія направленія въ наукѣ, религіи, искуствѣ. Только въ моментъ кризиса борьба можетъ происходить на остроконечіи чистой національности, послѣ чего она тотчасъ скатывается на бытовые интересы, какъ сошла, напримѣръ, въ настоящее время послѣдняя національная борьба, которой судороги еще не прекратились, отчасти на религіозную, отчасти на экономическую почву (православіе и католицизмъ, помѣщики и крестьяне). При изученіи отношеній между національностью и государствомъ поражаютъ прежде всего два обстоятельства: a) что всякая національность образовалась изъ скрещенія расъ и сліянія разнообразныхъ элементовъ, причемъ возникло химическое соединеніе, специфически отличное отъ всѣхъ, вошедшихъ въ составъ его веществъ; b) что она скорѣе есть продуктъ жизни государственной, а не наоборотъ. «Чувство національности, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, можетъ проистекать отъ различныхъ причинъ. Иногда оно есть дѣйствіе единства племени или происхожденія; часто образованію ея содѣйствуютъ общность языка и вѣры, равно какъ и географическія границы. Но сильнѣйшая изъ порождающихъ ее причинъ есть общность политическаго прошедшаго, облада-

ніе національною исторіею, а слѣдовательно и общность воспоминаній, общеніе въ гордости и униженіи, общія радости и печали, привязанныя къ однимъ и тѣмъ же событіямъ въ прошедшемъ. Ни одно изъ этихъ обстоятельствъ, само по себѣ взятое, не есть ни безусловно необходимое, ни вполнѣ достаточное». Сынъ политической исторіи, духъ національный носится невидимою, безплотною, нравственною силою между людьми, хотя можетъ быть и обрушились стропила того политическаго зданія, которое служило ему жилищемъ; онъ служитъ въ этомъ видѣ иногда орудіемъ для политики, а иногда помѣхою послѣдовательному проведенію той или другой политической системы, но создать и выработать для себя новое жилье онъ не въ состояніи, потому что въ жизни народовъ нѣтъ воскресенія политическихъ мертвецовъ, и что, если великое и многовѣковое государство падаетъ, то его паденіе должно быть всегда почти отнесено на счетъ патологическихъ причинъ, на счетъ внутреннихъ болѣзней его организма.

Изъ приведеннаго выше отрывка Милля видно, что весьма трудно сказать, по какимъ признакамъ распознавать національности и отличать ихъ однѣ отъ другихъ. Эти признаки не *вѣра* (есть нѣмцы католики и нѣмцы протестанты, сербы католики и сербы православные, англичане, французы и русскіе еврейскаго и происхожденія, и вѣроисповѣданія); не *законы* (польская національность давно потеряла свои національные законы во всѣхъ частяхъ бывшей польской рѣчипосполитой); не *наука* и *искуство* (онѣ вездѣ и всегда по принципу своему космополитичны); не *сословіе* и не родъ *занятій* (національное чувство тѣмъ собственно и характеризуется, что оно обхватываетъ всѣ классы и званія, отъ мужика и рабочаго до первѣйшаго вельможи и главы государства); не *нравы* (давно замѣчено, что по наклонностямъ своимъ крестьянинъ вездѣ одинаковъ; есть больше сходства, чѣмъ можно бы предполагать, между тучнымъ гостинnoдворскимъ купцомъ и французскимъ épicier, или

между дворянами и помѣщиками на всемъ земномъ шарѣ); наконецъ, даже не *языкъ* (О'Коннель агитировалъ Ирландію рѣчами на англійскомъ языкѣ, по-англійски говорятъ теперешніе феніи, есть триединая національность швейцарская, которая столь сильна, что тессинскій кантонъ нисколько не помышляетъ о томъ, чтобы примкнуть къ единой Италіи, хотя его жители говорятъ италіанскимъ языкомъ). Итакъ, за исключеніемъ всѣхъ этихъ признаковъ, единственнымъ рѣшителемъ вопроса можетъ быть признано одно непосредственное чувство каждаго лица порознь взятаго, и для классификаціи людей по національностямъ надлежало бы допросить поголовно всякаго, къ какой національности по совѣсти желаетъ онъ быть причисленъ; но и этотъ послѣдній способъ не совсѣмъ удобоисполнимъ, потому что есть безчисленное множество помѣсей, многія лица найдутся въ затрудненіи куда примкнуть, наконецъ въ нижнихъ этажахъ общества помѣщаются чернорабочія массы, которыя положительно не въ состояніи дать никакого отвѣта, потому что онѣ жизнью историческою не жили и заняты всецѣло заботами о хлѣбѣ насущномъ, причемъ имъ недосугъ помышлять о болѣе возвышенныхъ предметахъ. Притомъ критикѣ разума нѣтъ никакого дѣла до непосредственнаго чувства, потому что тихій голосъ разума долженъ замолкнуть, когда заговоритъ сильная и жгучая страсть.

Борьба за національности—борьба безплодная. Спрашивается: неужели она есть неразумное увлеченіе, эпидемическая болѣзнь рода человѣческаго? неужели люди дрались, шли на муки и погибали изъ-за пустяковъ? Неужели ложь и обманъ то чувство, которое потрясаетъ человѣка до мозга костей, дѣлаетъ его способнымъ къ самопожертвованію и облагораживаетъ его въ собственныхъ его глазахъ?—Нисколько. Предметомъ борьбы были дражайшіе и ближайшіе человѣку интересы, только формула, въ которой эти интересы выразились, оказывается несостоятельною. Желательно, чтобы циклъ войнъ за національность кончился безвозвратно; кончится же

онъ тогда, когда уяснится, что національность есть общее понятіе, добытое посредствомъ весьма грубой и несовершенной индукціи, что теорія національностей была только оболочка, за которою скрывались другіе предметы, что идеалы человѣка лежатъ дальше и цѣли его должны быть поставлены выше. Къ чувству можетъ быть приложенъ съ успѣхомъ пріемъ анализа, при которомъ оно разложится на свои составные элементы. Такихъ элементовъ, совмѣщающихся въ чувствѣ національности и вступающихъ во всѣ права свои по упраздненіи теоріи національностей, я могу назвать по крайней мѣрѣ три: протестъ противъ общественнаго индифферентизма, привязанность къ историческимъ преданіямъ, наконецъ, жажда разнообразія, инстинктъ оригинальности, неудовлетворяемый никакимъ нормальнымъ, законченнымъ единствомъ.

Возбужденіе національнаго чувства есть прежде всего протестъ противъ общественнаго индифферентизма, которому часто даютъ не свойственное ему названіе *космополитизма*. Общественный индифферентизмъ есть болѣзнь, находящаяся въ обратномъ отношеніи съ развитіемъ самоуправленія и въ прямомъ—съ системою правительственной опеки и централизаціи. Если въ теченіи многихъ поколѣній отъ массы общества не требовалось никакого другаго участія въ жизни общественной кромѣ исправнаго платежа податей и отбыванія повинностей, если она, вслѣдствіе того, разучилась брать въ толкъ дѣла и интересы общины, земства, а тѣмъ болѣе государства, если много лѣтъ ей твердилось, что главная добродѣтель гражданина есть пассивность, съ предоставленіемъ всѣхъ заботъ о благосостояніи тѣмъ, которые стоятъ у кормила правленія, если въ самихъ правителяхъ цѣнились выше всего подобострастіе и аккуратность при исполненіи приказаній, то понятно, что при такихъ условіяхъ долженъ былъ особенно размножиться классъ политическихъ амфибій, людей безъ прочныхъ вѣрованій и принциповъ. Мертвящее вліяніе такого отношенія къ дѣлу дѣйствуетъ разрушительно на общество, кото-

рое существовать не можетъ безъ нравственныхъ силъ. Реакціею противъ него является настоящій патріотизмъ, любовь къ живому народу, каковъ онъ есть, со всѣми его достоинствами и недостатками, причемъ всѣ нераздѣляющіе этого чувства относятся огуломъ въ разрядъ космополитовъ, то-есть людей, которые преданы только себѣ и своимъ личнымъ интересамъ и притворяются, что любятъ отвлеченное человѣчество, чтобы избавиться отъ ближайшей обязанности любить своихъ земляковъ. Нужно-ли доказывать, что это противупоставленіе патріотизма космополитизму, при которомъ слово космополитъ становится укоромъ и почти ругательствомъ, не имѣетъ никакого основанія? Просвѣщенный патріотизмъ не долженъ никогда отдѣлять своего дѣла отъ дѣла истины, добра, цивилизаціи. Нѣтъ въ мірѣ ничего выше человѣчности («He was a man», Hamlet, act 1. sc. 2) и счастливъ тотъ, кто, не переставая быть патріотомъ, умѣетъ въ то же время быть гражданиномъ міра, сочувствовать всему великому и благородному, гдѣ бы оно ни проявилось, понимать, цѣнить и уважать даже и національнаго своего врага.

Сильнѣе всего въ національномъ чувствѣ звучитъ *привязанность къ историческимъ преданіямъ*. Историческія преданія народа, какъ умственныя, такъ и нравственныя—это громадной величины капиталъ, въ сбереженіи котораго заинтересованы не только самъ народъ, котораго опытъ выражаютъ преданія, но и весь родъ человѣческій. Лица и народы, которые своихъ преданій имѣютъ весьма мало, а чужими не дорожатъ и ими помыкаютъ, называются варварами. Крѣпостью и тягучестью историческихъ преданій опредѣляются и степень образованности народа и его долговѣчность. Если разобрать изъ чего состоитъ общій фондъ народной образованности, то окажется, что онъ слагается: a) изъ идей, принадлежащихъ исключительно въ собственность единицамъ, изъ коихъ состоитъ народъ; b) изъ идей, обращающихся внутри извѣстной національности, но не вы-

ходящимъ за ея предѣлы; c) изъ общечеловѣческихъ культурныхъ идей, обращающихся по всему свѣту и потерявшихъ всякій и индивидуальный, и національный колоритъ. Первый изъ этихъ элементовъ весьма малъ и ничтоженъ въ сравненіи съ двумя остальными; если второй элементъ малъ, то-есть, если народъ успѣлъ уничтожить всѣ свои народныя идеи, перевести и обратить ихъ въ общекультурныя, то это доказываетъ, что онъ народъ состарѣвшійся и отпѣтый, который свое сдѣлалъ и сходитъ съ поприща. Кромѣ естественной смерти исторически сложившіяся національности могутъ вымирать и смертью насильственною, то-есть онѣ могутъ въ теченіи весьма продолжительнаго времени быть систематически раздавливаемы и вытравляемы посредствомъ могущественныхъ механическихъ пріемовъ, которыми располагаетъ государство, но этотъ результатъ достигается цѣною вѣковаго безплодія и нравственнаго запустѣнія почвы. На выгорѣломъ мѣстѣ трава не будетъ рости, точно прошелся по нимъ бѣлый конь, описанный въ Апокалипсисѣ. Кто изучалъ исторію Богеміи послѣ бѣлогорскаго сраженія, подъ тяжкимъ австрійско-нѣмецкимъ владычествомъ, тотъ безъ сомнѣнія согласится, что два-три вѣка не залѣчиваютъ ранъ, нанесенныхъ въ короткій промежутокъ времени. Почва общественная отчасти похожа на физическую: она покрыта тонкимъ слоемъ растительной земли, внѣ котораго прекращается органическая жизнь. Если этотъ слой срѣзать, то останутся голый камень или песчаная степь. Немного найдется любителей физической пустыни съ ея безграничнымъ простором и невозмутимою тишиною, еще меньше любителей той нравственной пустыни, которая бы образовалась на мѣстѣ, гдѣ срѣзанъ слой историческихъ преданій, и едва ли рѣшится кто-либо сказать открыто, что онъ по принципу историческій нигилистъ.

Если бы чувство національности опиралось на одни историческія преданія, то оно бы не проявлялось у народовъ, никогда политически не жившихъ и не имѣю-

щихъ своей собственной исторіи или совершенно отъ нея отрѣзанныхъ ходомъ послѣдующихъ событій; но вѣкъ XIX отличается именно тѣмъ, что забота о созданіи народнаго языка и объ особности овладѣла даже и такими мелкими племенами, которыя исторіи своей почти не имѣютъ и могли бы примкнуть къ другимъ, болѣе крупнымъ единицамъ. Засуетились галицкіе русины, протестуя противъ историческихъ правъ польской національности, возникли литературы малороссійская, словацкая, фламандская, валашская и множество другихъ. Не всѣ эти попытки одинаково удачны; вообще, выработка отдѣльной національности только тогда экономически выгодна, когда относительное богатство полученныхъ или ожидаемыхъ въ скоромъ времени результатовъ покрываетъ издержки производства, но самъ фактъ повсемѣстнаго появленія этихъ сепаратистическихъ тенденцій весьма знаменателенъ. Движущая въ этомъ случаѣ сила есть *индивидуализмъ*, стремленіе къ относительной самостоятельности частицъ, къ децентрализаціи. Кровь, прилившая къ центру, начинаетъ возвращаться опять къ оконечностямъ. Провинціи начинаютъ претендовать на столицы, поглощающія всѣ живыя силы страны и освобождаться отъ рабскаго подражанія столичной модѣ, столичному вкусу. Земствамъ приходится тѣсно подъ нависшимъ надъ ними куполомъ центральной администраціи; имъ не помогло бы нисколько, въ этомъ отношеніи, центральное и единое народное представительство, новая подпорка, подставленная подъ этотъ куполъ. Весь этотъ снарядъ политической и административной централизаціи, закрѣпленной конституціонализмомъ, испортился и не внушаетъ болѣе довѣрія. Идеалъ иного устройства еще неизмѣримо далекъ, но есть возможность догадываться, какія будутъ главныя его черты: федеративность, рѣзкое разнообразіе и широкая автономія частей, подчиняющихся единой власти. Приведемъ слова Прудона въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ его сочиненій (Du principe fédératif): «идея федераціи есть несомнѣнно

высшая изъ тѣхъ, до какихъ доработался въ наше время геній политическій. Федеративному началу посвящены были послѣднія мысли могучаго діалектика, и кончилъ онъ свое поприще, укоряя демократію въ томъ, что она признала своими идеалами національность и форменное единство сильно сосредоточеннаго государства, за то, что она была совершенно равнодушна къ уничтоженію мѣстныхъ свободъ и всѣ силы свои обратила на уничтоженіе и искорененіе провинціальнаго и муниципальнаго духа (l'ésprit du clocher)».

Какъ ни велико имя Прудона, идеи его бывали иногда до того парадоксальны, что позволительно относиться къ нимъ съ недовѣріемъ. Можно было бы подумать, что онъ увлекся и въ настоящемъ случаѣ, если бы слова его не находили подтвержденія въ самоновѣйшихъ событіяхъ современной исторіи. Есть государство, котораго существованіе можетъ служить пробнымъ оселкомъ теоріи національностей, въ томъ смыслѣ, что, по страшной пестротѣ своего народонаселенія, оно должно было разлетѣться въ дребезги, если бы только теорія національностей была сама по себѣ состоятельна. Роковой часъ для австрійской монархіи насталъ, повидимому, въ 1848 году, когда, вслѣдствіе вспыхнувшей въ Вѣнѣ революціи и совершеннаго безсилія центральной власти, всѣ племена и народности возстали, заявляя каждое свои особенныя требованія. Ко всеобщему удивленію, неурядица миновалась, единство возстановилось само собою и возродившееся государство стало крѣпче и здоровѣе прежняго. Мы такъ привыкли презрительно отзываться объ Австріи, что теряемъ изъ виду, что между Австріею Меттерниха и теперешнею весьма мало общаго, что нѣтъ ни единой частицы государственнаго организма, которая бы не подверглась радикальному преобразованію, что вопросъ крестьянскій рѣшенъ благополучно и притомъ посредствомъ надѣленія крестьянъ землею, что неизбѣжный послѣ революціонныхъ смутъ моментъ реакціи миновалъ, что введена система представительства и об-

ластнаго и имперскаго, что вопросъ о національностяхъ превращается видимо въ вопросъ о центральномъ конституціонализмѣ или о федераціи. Колебанія отъ одной крайности къ другой были и будутъ; не скоро отыщется формула, которая бы удовлетворила и помирила всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ стороны, тѣмъ не менѣе сила событій такова, что Австрія, если не погибнетъ и не распадется, то превратится современемъ въ федеративную державу, основанную на равноправности входящихъ въ ея составъ вѣроисповѣданій, народностей и языковъ. Постараемся прослѣдить ходъ національныхъ движеній и развитія федеративныхъ началъ въ Австріи въ нынѣшнемъ столѣтіи. Главнымъ матеріаломъ при изложеніи событій до 1850 года послужитъ намъ обширное и превосходное сочиненіе Шпрингера, котораго заглавіе выписано нами въ началѣ настоящей статьи. Слышно, что это сочиненіе переводится на русскій языкъ; пока совершена будетъ эта работа, не лишнимъ будетъ передача вкратцѣ содержанія этого замѣчательнаго сочиненія.

ОПЫТЪ ПОСТРОЕНІЯ

СОЦІОЛОГІИ.

А. Стронинъ, его ,,Методъ" и ,,Политика".

ОПЫТЪ ПОСТРОЕНІЯ

СОЦІОЛОГІИ.

А. Стронинъ, его «Методъ» и «Политика».

I.

«*Новаторство* есть открытіе новаго инстинкта или мнѣнія, оно есть то же, что въ физіологіи зачатіе, рожденіе. Характеристическая особенность его заключается въ томъ, что оно непремѣнно сопряжено со страданіемъ. Мѣра и степень этого страданія могутъ быть безконечно различны: отъ смертной казни онѣ могутъ ниспадать до простого непониманія новатора, какъ, напримѣръ, случилось это съ Шекспиромъ, Ньютономъ или, въ наши времена, съ О. Контомъ, но такъ какъ самосохраненіе (общества) навсегда останется самосохраненіемъ, то оно всегда будетъ противупоставлять препятствія и всякому будущему новаторству, а препятствія эти всегда будутъ отзываться страданіемъ на личностяхъ новаторовъ, каковы бы ни были его относительныя формы».

Въ этихъ отрывкахъ, извлеченныхъ нами изъ новой книги г. Стронина [1]), авторъ имѣлъ прежде всего въ виду великаго названнаго имъ человѣка, котораго имя только теперь пріобрѣтаетъ заслуженное признаніе и из-

---

[1]) «Политика, какъ Наука». Спб. 1872, стр. 228—233.

вѣстность, когда давно уже истлѣли его кости. Отношеніе г. Стронина къ Огюсту Конту, перваго и лучшаго періода его дѣятельности, заканчивающагося 1842 годомъ, т.-е. изданіемъ послѣдняго тома «Курса положительной философіи», есть прежде всего отношеніе ученика къ учителю, у котораго ученикъ зажигаетъ свой свѣточъ, заимствуетъ исходную точку своего міросозерцанія.— «О. Контъ, по словамъ предисловія къ «Политикѣ» (стр. 7) есть зодчій, положившій вѣчный и незыблемый фундаментъ обществовѣдѣнію; онъ такой Аристотель обществознанія, какимъ первый былъ для естествознанія». Какъ приготовленіе къ «Политикѣ», г. Стронинъ совѣтуетъ прежде всего читателю прочесть и усвоить себѣ 50-ю лекцію «Курса положительной философіи», какъ несомнѣнное достояніе политической науки. Но, изображая невыгоды новаторства, г. Стронинъ, по всей вѣроятности, относилъ мысленно эти невыгоды и къ самому себѣ. Хотя онъ позитивистъ и контистъ, но въ контизмѣ онъ новаторъ, безконечно отличный отъ тѣхъ приверженцевъ О. Конта, которые съ сектаторскою нетерпимостью, остановившись на «Курсѣ положительной философіи», отвергаютъ все то, что не согласуется съ этимъ евангеліемъ, и которые заявляютъ себя едва-ли не единственными хранителями настоящаго Контова ученія. У Конта, какъ извѣстно, начерченъ только планъ будущей науки соціологіи, доказана ея необходимость и преподаны нѣкоторыя наставленія, какъ ее созидать. Г. Стронинъ задался мыслью науку эту строить по частямъ; онъ убѣжденъ, что мы засидѣлись слишкомъ долго на сыромъ матеріалѣ, что въ настоящее время пора не только выдѣлывать и обжигать кирпичи, но и выводить стѣны, выводить общіе законы для науки, вмѣсто того, чтобы подбирать одни наблюденія, да факты. Такъ какъ г. Стронинъ питаетъ величайшее неуваженіе къ такъ-называемой академической наукѣ; такъ какъ онъ не обращаетъ никакого вниманія на способъ и порядокъ, по которымъ распредѣлено въ настоящее время

обширное поле знанія между отдѣльными спеціальностями; такъ какъ для него какъ будто бы вовсе не существуютъ тѣ заборы, которыми каждая спеціальность обнесла свой участокъ, то очевидно, что идеи г. Стронина не могутъ и разсчитывать на скорый и радушный пріемъ, тѣмъ болѣе, что онѣ настолько же парадоксальны, насколько оригинальны. Г. Стронинъ имѣетъ отвращеніе къ общепринятымъ пріемамъ и проторенныимъ путямъ; онъ, какъ піонеръ, врубается въ неизвѣданную чащу лѣса, отыскивая новыя точки зрѣнія; онъ не отступаетъ ни предъ какими выводами, вытекающими изъ предвзятыхъ посылокъ, какъ бы странны ни казались эти выводы,—а выводы иногда дѣйствительно странны и дики, такъ что небольшого труда стоитъ представить ихъ въ забавномъ видѣ. Въ г. Стронинѣ замѣчательна не только оригинальность замысловъ, но и настойчивость, съ которою онъ преслѣдуетъ цѣль и задачу своей жизни: выстройку соціологіи, какъ онъ ее понимаетъ, по частямъ. Въ 1869 году появилась первая его книга: «Исторія и методъ», въ прошедшемъ году издана «Политика, какъ наука», нынѣ, какъ заявлено авторомъ, онъ работаетъ надъ обширнымъ сочиненіемъ, посвященнымъ исторіи, которое будетъ такимъ же продолженіемъ «Политики», какимъ «Политика» была въ отношеніи къ «Методу». Такъ какъ «Политика» есть опытъ приложенія «Метода», то, предположивъ изложить критически содержаніе «Политики», мы должны коснуться сначала книги о «Методѣ». Содержаніе этого перваго труда г. Стронина заключается въ слѣдующемъ.

II.

Есть громадная разница между группою наукъ, въ полномъ смыслѣ слова точныхъ, т.-е., математическихъ и естественныхъ, и областью наукъ, которыя можно до сихъ поръ называть неточными, каковы: психологія, обществовѣдѣніе, философія. По одной сторонѣ мы ви-

димъ настоящіе законы, аксіомы, выведенныя изъ безчисленнаго множества методически совершаемыхъ наблюденій, по другой сторонѣ,—сколько головъ, столько теорій, никакой аксіомы, а одно только записываніе и описываніе фактовъ. Правило Конта: *savoir pour prévoir* еще непримѣнимо вовсе, реформы производятся ощупью, царитъ одно вдохновеніе, и при отсутствіи знанія обществомъ руководятъ одни инстинкты, которые, какъ извѣстно, бываютъ всякіе, и хорошіе, и дурные, напримѣръ, тѣ, которые заставляютъ общество кидаться попеременно изъ революціи въ реакцію и изъ реакціи въ революцію. Давно пора въ обществовѣдѣніи искать неизмѣнныхъ законовъ, добираться до аксіомъ, въ противномъ случаѣ насъ подавитъ сырой матеріалъ. Спрашивается: какими путями можно дойти до открытія законовъ? Общее мнѣніе приписываетъ нынѣшнее процвѣтаніе естествовѣдѣнія автору книги «Novum Organon», Бэкону, и его индуктивному методу, отъ частностей восходящему къ общимъ понятіямъ и добывающему эти общія понятія посредствомъ самаго постепеннаго, самаго трезваго и осторожнаго отвлеканія. Не всякая наука имѣетъ одинаковые съ другими способы и средства изслѣдованія. Наиболѣе дедуктивная изъ наукъ, математика, началась съ индукціи, посредствомъ которой она добыла свои аксіомы — истины столь очевидныя, что умъ можетъ ихъ повѣрять и убѣждаться въ нихъ ежеминутно внѣшними чувствами. Въ естественныхъ наукахъ познавательныя средства, коими распоряжается индукція, уже менѣе надежны; они состоятъ въ производствѣ физическихъ опытовъ, причемъ наблюдатель воспроизводитъ явленія, уединяетъ ихъ, исключая все несущественное изъ существеннаго, и изощряетъ дѣятельность внѣшнихъ чувствъ искуственными снарядами. Чѣмъ выше будемъ подвигаться по лѣстницѣ наукъ, отъ простыхъ восходя къ сложнѣйшимъ, тѣмъ слабѣе становиться будутъ основанія, по которымъ изъ частностей мы заключаемъ объ общемъ, такъ что на высотѣ обще-

ственной исторіи или соціологіи, у насъ въ рукахъ останется только то, что авторъ называетъ *обсерватикою*— наблюденія надъ переходящими явленіями, кои не могутъ повториться. У наблюдателя нѣтъ снаряда ни для приближенія безконечно далекаго (вѣка до-историческіе), ни для увеличенія безконечно малаго и близкаго (настоящая минута). Изолированіе явленій бываетъ въ этой области самое неточное, оно—подобіе настоящаго изолированія и заключается въ томъ, чтобы, изучая какой-либо общественный элементъ, брать его въ томъ именно обществѣ, гдѣ это начало преобладало въ жизни и положило на ней свое клеймо (методъ Бокля). Индукція есть способъ познанія вѣрный, но медлительный: она движется точно ползкомъ. Ея достоинство въ томъ, что каждое положеніе и обобщеніе можно тотчасъ повѣрить, но ея обобщенія и законы бываютъ только эмпирическіе. Усматривая, что одно существовало всегда въ пространствѣ съ другимъ, или что одно слѣдовало всегда во времени за другимъ, индукція заключаетъ, что и напередъ такъ будетъ. Такимъ-то образомъ древніе жрецы предсказывали день и часъ затменія свѣтилъ, не зная причинъ его, а можетъ быть предполагая, что каждое предыдущее затменіе есть собственно причина всякаго послѣдующаго, пока не былъ открытъ, посредствомъ смѣлой дедукціи, раціональный законъ обращенія планетъ вокругъ солнца и потомъ еще болѣе коренной законъ тяготѣнія космическихъ тѣлъ, послѣ чего индукція, поступивъ въ помощницы дедукціи, сдѣлалась полезнѣйшимъ средствомъ повѣрки истинъ, предвосхищенныхъ дедукціею. Со времени Бэкона естественныя науки ушли шибко впередъ и изъ индуктивныхъ сдѣлались въ весьма значительной степени дедуктивными, чему онѣ и обязаны блистательнѣйшими своими открытіями, лучшими своими теоріями; когда эти теоріи будутъ повѣрены и превратятся въ аксіомы, естествознаніе уподобится математикѣ и займется, главнымъ образомъ, дѣланіемъ частныхъ выводовъ изъ общихъ

истинъ или аксіомъ. Индукція и дедукція столь же неразрывно связаны другъ съ другомъ, какъ впечатлѣніе и рефлексъ, какъ нервы чувства и нервы движенія, какъ наука и искуство; въ общемъ итогѣ мышленія онѣ всегда въ полнѣйшемъ равновѣсіи, но въ каждомъ періодѣ исторіи мышленія преобладаетъ то одна, то другая. Чѣмъ сильнѣе преобладаетъ одна, тѣмъ съ большею достовѣрностью можно предсказать, что въ слѣдующемъ затѣмъ періодѣ будетъ господствовать другая. Взаимное ихъ содѣйствіе въ образованіи наукъ подлежитъ слѣдующему закону: въ младенчествѣ знанія дедукція почти опережала индукцію, какъ метафизическая философія опережала положительную; дедукція толкала впередъ науку, строя смѣлыя догадки. Самыя смѣлыя и богатыя ипотезы ни къ чему, однако, не послужатъ, если не будутъ поддержаны индукціею, которая необходима, какъ средство повѣрочное, для обработки и претворенія ипотезъ въ аксіомы. Индукція преобладаетъ во второмъ періодѣ наукъ, самомъ производительномъ, но коль скоро она дойдетъ до аксіомъ и утвердится на нихъ, то отношеніе способовъ изслѣдованія мѣняется и наступаетъ дедукція завершенія, тѣмъ отличающаяся отъ дедукціи почина, что эта послѣдняя ставила общіе законы въ видѣ неповѣренныхъ догадокъ, а первая изъ утвердившихся аксіомъ выводитъ нескончаемыя вереницы результатовъ. Математика и астрономія давно вступили въ періодъ дедукціи завершенія. Химія, физика, біологія обрѣтаются въ періодѣ индуктивномъ самосильнѣйшаго творчества, склоняются уже, однако, къ дедукціи завершенія. Наоборотъ, въ соціологіи, по причинѣ наибольшаго осложненія явленій и наибольшей неточности способовъ изслѣдованія, настоящая наука едва зарождается; самое полезное для нея средство въ настоящую минуту заключалось бы въ дедукціи почина, но эта дедукція не можетъ донынѣ развернуть своихъ крыльевъ потому, что, замыкаясь въ средѣ данныхъ, исключительно соціологическихъ, она одними этими данными хотѣла про-

бавляться и довольствоваться. Такія тощія общія понятія и начала, каковы идея прогресса, законы свободы и равенства, максимація счастія и тому подобное, истощены до послѣдней капли во всевозможныхъ философіяхъ исторіи. Обыкновенный пріемъ, употребляемый въ этого рода работахъ, состоялъ въ томъ, что брали какое-нибудь одно человѣческое свойство, отправленіе, явленіе, иногда даже непосредственное чувство, и растягивали его въ безконечность на все прошлое и будущее человѣчества, вслѣдствіе чего въ обществознаніи не только нѣтъ такихъ аксіомъ, какъ въ математикѣ, но даже и такихъ теорій, какими изобилуютъ физика, химія, физіологія,—а кишатъ одни противоположныя мнѣнія, изрекаемыя со всѣмъ увлеченіемъ страстей, затрогиваемыхъ общественными вопросами. Такъ какъ, продолжая вращаться въ этомъ заколдованномъ кругу, мы не дойдемъ никогда ни до какого подобія аксіомы, то для созданія соціологіи необходимо прибѣгнуть къ тому роду дедукціи, который еще не примѣнялся къ обществовѣдѣнію, между тѣмъ какъ онъ-то и обѣщаетъ, по мнѣнію г. Стронина, дать самые богатые результаты. Этотъ родъ дедукціи есть *аналогика;* онъ состоитъ въ перенесеніи въ обществовѣдѣніе готовыхъ законовъ и аксіомъ, признанныхъ въ другихъ областяхъ знанія и въ изслѣдованіи. Не тѣ-ли самые законы управляютъ жизнью народовъ, судьбами государствъ, которые проявляются въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ и въ развитіи каждаго растенія и каждаго животнаго? Съ давнихъ временъ науки дѣлали одна у другой такія заимствованія, которыя всегда давали самые цѣнные результаты, вели къ величайшимъ открытіямъ въ лѣтописяхъ науки. Заимствуемый законъ объяснялъ сразу цѣлые ряды явленій или фактовъ, которыхъ связи ни между собою, ни съ этимъ закономъ никто и не подозрѣвалъ. Такія приложенія законовъ одной науки къ области другой бывали чаще всего дѣломъ вдохновенія, но есть возможность совершать открытія методически и безъ вдох-

новенія, исходя изъ предположенія, что нѣтъ въ мірѣ явленій, которыя бы не управлялись законами, что законы эти во всѣхъ наукахъ, если не тождественны, то аналогичны, подобны, соотвѣтственны, такъ какъ всѣ науки находятся между собою въ тѣснѣйшемъ родствѣ. Аналогичность законовъ пропорціональна близости родства между науками, близость родства измѣряется мѣстомъ, занимаемымъ каждою наукою въ общей классификаціи ихъ, донынѣ же нѣтъ классификаціи, которая была бы лучше и совершеннѣе Контовой, основанной на старшинствѣ происхожденія и простотѣ содержанія и состоящей въ томъ, что первою въ ряду наукъ является математика — наука пространства и времени; за нею механика и астрономія—науки движенія; затѣмъ, физика и химія — науки силъ и матеріи; далѣе, біологія—наука жизни органической со своими подраздѣленіями на жизнь растительную и животную; наконецъ, соціологія—наука жизни общественной. Каждая предыдущая наука, будучи общѣе и проще, входитъ своими законами въ каждую изъ послѣдующихъ. Элементы наукъ математическихъ и естественныхъ, по перенесеніи ихъ въ обществовѣдѣніе, дадутъ начало разнымъ наукамъ соціальнымъ. Г. Стронинъ предлагаетъ цѣлую схему соціальныхъ наукъ, имъ собственно изобрѣтенную, которая, по своей сложности, по странности и содержанія своего, и терминологіи, едва-ли можетъ кому-либо понравиться, но она-то и важности не имѣетъ никакой. Для насъ интересно собственно знать, не какъ называться будутъ соціальныя науки, но доказалъ-ли г. Стронинъ возможность примѣненія и превосходство своего метода выводной аналогики въ области обществовѣдѣнія? Для поясненія этого предмета мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ книги «Объ Исторіи и Методѣ» нѣсколько выписокъ и извлеченій (190—301 стр.).

III.

Въ механикѣ сила опредѣляется скоростью движенія, помноженною на массу; тоже бываетъ и въ жизни общественной. Сотня людей образованныхъ въ уровень съ эпохою произведетъ дѣйствіе на массу въ десять разъ меньшее, нежели тысяча. Если вся эта сотня скоплена въ одномъ пунктѣ, напримѣръ, столицѣ, то она можетъ здѣсь произвести движеніе, котораго не произведетъ и тысяча людей, разсѣянныхъ по всему государству. Въ механикѣ есть законъ сохраненія движенія центра тяжести, по которому центръ тяжести бомбы или гранаты, разорванной на лету, продолжаетъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ осколковъ и движется по той же параболѣ, по которой двигался до разрыва. Такъ же точно послѣ разрыва французскаго монархизма, всѣ осколки этой бомбы: конвенты, директоріи, консульства продолжали описывать параболу монархизма, продолжали его работу — централизацію. Ежеминутно можно повѣрять въ обществѣ законы тренія и сопротивленія среды; для человѣка такая среда — государство; для государства—человѣчество. Сопротивленіе среды тѣмъ больше, чѣмъ больше поверхность движущагося тѣла, обращенная въ сторону движенія. Неорганизованныя тѣла, двигаясь всею массою, плашмя, развиваются очень трудно и медленно; съ появленімъ дѣленія на классы, высшій—управляющій и низшій—управляемый, скорость движенія усиливается, когда значительный, утонченный, хотя еще тупой конецъ аристократіи превращается въ остроконечіе монархіи, вслѣдствіе чего тѣло получаетъ форму конуса, самую удобную для быстраго движенія. Космическая сила тяготѣнія становится въ общественной средѣ общительностью. Влеченіе частей человѣчества къ единенію прямо пропорціонально массамъ притягающихся тѣлъ. Можно доказать почти математически, что оно растетъ пропорціонально квадратамъ разстояній, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Половину законовъ физики можно

бы перенести цѣликомъ въ соціологію, и законъ параллелограмма силъ, и законъ инерціи, и законъ рычага. Машинамъ физики соотвѣтствуютъ учрежденія общественныя въ соціологіи; машина не создаетъ силы, но примѣняетъ ее къ производству извѣстной работы, напримѣръ, къ поднятію тяжести. Чѣмъ длиннѣе плечо рычага, тѣмъ большую работу можно произвести тою же силою. Въ обществѣ есть, положимъ, извѣстная сила знанія, извѣстный запасъ нравственности, энтузіазма или суевѣрія и порочности. Если мы возьмемъ машину суда и продолжимъ плечо гласности, тогда посредствомъ этого снаряда подѣйствуютъ въ извѣстномъ смыслѣ на общество знаніе, честность и всѣ присущія обществу скрытыя силы, хорошіе инстинкты, которымъ льститъ гласность, которые она вызываетъ наружу. Наоборотъ, негласность суда стала бы плечомъ рычага, на который бы дѣйствовали невѣжество, лицемѣріе, своекорыстіе и всѣ пороки, избѣгающіе свѣта, гласности. Вѣсу и центру тяжести тѣла соотвѣтствуютъ въ обществѣ власть и правительство. Отъ помѣщенія этого центра тяжести вверху или внизу общества, отъ количества точекъ опоры, то-есть, общественнаго сознанія націи, зависитъ устойчивость тѣла, прочность правительствъ или зависимость ихъ отъ преторіанцевъ, отъ заговорщиковъ, отъ черни столичной. Переходъ силъ теплоты въ движеніе и движенія въ теплоту наблюдается и въ обществѣ, напримѣръ, въ отношеніяхъ мысли къ дѣлу, правительственной опеки къ самоуправленію. Всѣ физическія силы сводятся въ концѣ концовъ къ простѣйшей—движенію, такъ точно и всѣ общественныя силы сводятся къ самой простой, мускульной, военной, къ праву сильнѣйшаго, къ праву кулачному, составляющему неизбѣжную подкладку всякаго общественнаго строя, будь онъ плодомъ самой высокой цивилизаціи. Контъ, Г. Спенсеръ, Д. С. Милль заимствовали отъ физики дѣленіе соціологіи на статику и динамику. Даже акустика воспроизводится въ институтѣ

цензуры: звукъ теряется на открытомъ воздухѣ, въ безпредѣльномъ пространствѣ, но онъ усиливается въ ограниченномъ со всѣхъ сторонъ, получая резонансъ. Образованіе народовъ въ исторіи подлежитъ всѣмъ законамъ химическихъ соединеній. Въ историческіе народы сплачиваются племена, имѣющія между собою извѣстное химическое сродство, въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ паяхъ (во всѣхъ слояхъ или только въ верхнихъ) и при извѣстномъ нагрѣваніи, при довольно высокой температурѣ. Этому нагрѣванію соотвѣтствуетъ, по мнѣнію г. Стронина, знаніе, просвѣщеніе—сравненіе неудачное, сомнительное; успѣхи знанія могутъ порою исправлять функцію масла, вливаемаго въ огонь племенныхъ распрей и усобицъ (напримѣръ, въ нынѣшней Австріи), нисколько не содѣйствуя сліянію племенныхъ элементовъ въ одну историческую націю. Нагрѣваніе, которымъ обусловливается образованіе не только соединенія, но даже простого сплава разнородныхъ элементовъ, происходило большею частью при освобождающихъ скрытый теплородъ великихъ потугахъ, при внезапныхъ и дружныхъ напряженіяхъ воли. Случалось, что въ критическую минуту соединялись въ народѣ партіи для проведенія возрождающей, спасительной реформы; племена братались, забывая рознь для отраженія общей опасности, или дружились для пріобрѣтенія общими усиліями славы и добычи. Еще больше аналогіи существуетъ между всякимъ существомъ органическаго міра, начиная съ гриба и инфузоріи и кончая человѣкомъ, и между обществомъ, таже преемственность формъ, та же наслѣдственность, та же борьба за существованіе, тотъ же естественный подборъ родичей, то же безконечное и вѣчное эксплоатированіе слабѣйшаго сильнѣйшимъ, съ тою только разницею, что эксплоатированіе современемъ перемѣщается и дѣлается тоньше, благороднѣе; сначала властвуетъ аристократія физической силы, потомъ аристократія возраста, породы, потомъ преобладаніе переходитъ къ аристократіи экономи-

ческой, къ поземельной собственности, капиталу, нынѣ на смѣну капиталу подымается трудъ, и въ отдаленномъ будущемъ виднѣются даже будущія формы этой аристократіи психологической: аристократія геніальности, накопленнаго знанія или учености и метода. Въ каждомъ животномъ организмѣ различаются процессы растительные, совершающіеся непрерывно, напримѣръ, процессъ питанія и процессы животные (чувства и движенія) съ перемежающимися періодами дѣятельности и отдыха. Растительный процессъ общества заключается въ жизни его экономической, животный процессъ въ жизни общества интеллектуальной, моральной и политической съ ея очередями акцій и реакцій.

Здѣсь намъ приходится разстаться съ авторомъ; мы не намѣрены слѣдовать за нимъ въ область анатоміи человѣческаго тѣла и общества. Каждой части тѣла, каждой почти кости, каждому нерву и мускулу соотвѣтствуютъ, по его словамъ, извѣстные общественные органы такого же числа и состава. Воображеніе окрыляетъ аналогику г. Стронина и увлекаетъ его Богъ-вѣсть куда. Вмѣсто метода, во всякомъ случаѣ рискованнаго, ипотетическаго, является простое остроуміе, игра сравненіями. Авторъ, конечно, можетъ защищаться тѣмъ, что онъ предлагаетъ не аксіомы, а только систематическій рядъ предположеній, которыя индукція можетъ принять или отвергнуть. Индукціи придется работать надъ ними долго, въ концѣ ея работы виднѣется вдали общая цѣль и будущность не одной соціологіи, но и всѣхъ вообще наукъ, даже философіи, которую преждевременно хотѣли похоронить. Эта цѣль представляется приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

Аналогика заставляетъ насъ повѣрять ея коренное положеніе о тождествѣ или подобіи общественныхъ скоропреходящихъ явленій съ явленіями, которыя естествоиспытатель можетъ повторять по произволу. Аналогика пополняетъ въ извѣстной степени общій недостатокъ точности, присущей общественнымъ наукамъ, вводя въ

изслѣдованія, совершаемыя помощью одной лишь обсерватики, начало опыта, имѣющее то преимущество, что оно, во-первыхъ, воспроизводитъ по произволу наблюдаемый фактъ, и, во-вторыхъ, уединяетъ его, освобождая отъ всѣхъ несущественныхъ, случайно соединенныхъ съ нимъ элементовъ. Спрашивается: имѣетъ-ли соціологія способъ, соотвѣтствующій изолированію? Г. Стронинъ убѣжденъ, что этотъ способъ существуетъ, и что онъ былъ употребляемъ съ успѣхомъ сознательно Боклемъ и безсознательно многими другими. Есть и теперь наука, недавно развѣнчанная и низведенная съ престола, которая служила складочнымъ мѣстомъ соціологическихъ изолированій — это философія. Наслѣдница богословія, онтологическая философія, или такъ-называемая метафизика, дѣйствовала всегда такимъ образомъ, что, подмѣтивъ въ природѣ внѣшней, или душѣ какой-нибудь законъ, начало, явленіе: матерію, силу, духъ, идею, чувство, волю, она возводила это начало въ міровое начало, въ суть всего сущаго. Отсюда эти матеріализмы, спиритуализмы, пантеизмы, атеизмы, которые нынѣ считаются демонетизированными, вслѣдствіе того, что потрясена до основанія вѣра въ какіе бы то ни было абсолюты. Всѣ эти *измы* не что иное, однако, какъ систематическое изолированіе въ области мысли отдѣльныхъ элементовъ дѣйствительности, и представленіе ихъ съ помощью діалектики въ такой полнотѣ и послѣдовательности, съ какими они никогда не существовали въ дѣйствительности, и съ такою притомъ односторонностью, которая ведетъ къ абсурдамъ. Тысяча геніальныхъ умовъ трудились надъ созданіемъ философскихъ системъ, изъ которыхъ ни одна не годится какъ безусловная истина, но всякая полезна, какъ изолированіе извѣстнаго начала. Всѣ философскія системы походятъ на банки, наполненныя спиртомъ въ кунсткамерѣ, въ которыхъ плаваютъ анатомическіе препараты. Когда философія перестанетъ быть изслѣдованіемъ абсолюта, а возьмется за изученіе однихъ вещей скончаемыхъ и условныхъ, когда она

откажется отъ притязаній на то, чтобы все знать, и превратится въ одну діалектику, въ искусство дѣлать логическіе препараты, изолировать отдѣльные начала и элементы, когда она будетъ работать съ полнымъ сознаніемъ, что ея предположенія не суть нѣчто дѣйствительное, не суть нѣчто безусловно-истинное, что это такія же отвлеченности и искуственныя подставки, какъ точка и линія въ математикѣ, какъ матерія и сила въ естественныхъ наукахъ, тогда она и поможетъ выстроиться соціологіи, а потомъ, можетъ быть, она и совсѣмъ поглощена будетъ соціологіею. По достиженіи соціологіею совершеннолѣтія, отъ нынѣшней философіи останется немногое: наука о человѣкѣ—*антропософія* и въ ней собственно только наука о строеніи души—*психологія*, послѣднее звено, котораго недоставало въ классификаціи Конта, конецъ и вѣнецъ организованнаго знанія. Мѣсто психологіи будетъ по необходимости послѣднее, потому что того требуетъ законъ постепенности въ знаніи, законъ перехода отъ болѣе общаго къ болѣе частному, отъ содержащаго къ содержимому, отъ звѣздъ къ землѣ, отъ общества къ отдѣльному человѣку. Въ настоящее время психологія походитъ на космическое туманное пятно, она моложе соціологіи, которая сама, въ свою очередь, только-что зарождается. Психологія пробавлялась донынѣ либо мелкими средствами личнаго самосознанія, либо метафизическими фантазіями на темы о безусловномъ добрѣ, истинѣ, красотѣ. Группа наукъ психологическихъ только тогда начнетъ, по мнѣнію г. Стронина, развиваться, когда соціологія успѣетъ окрѣпнуть и выработаться, потому что легче изучать вселенную, нежели микрокосмъ души, и легче познавать законы, которыми управляется цѣлое общество, нежели законы жизни и дѣятельности отдѣльнаго человѣка.

Книга г. Стронина о «Методѣ» въ теченіи трехъ лѣтъ отъ ея изданія мало была распространена въ публикѣ, для которой вообще всякая методологія представляется чѣмъ-то сухимъ, непривлекательнымъ, наставле-

ніемъ, какъ производитъ будущія изслѣдованія, которымъ посвятятъ себя, конечно, немногіе. Притомъ достоинство методологіи опредѣляется прежде всего тѣмъ, какою окажется она на практикѣ, при примѣненіи къ дѣлу метода. Г. Стронинъ предлагаетъ теперь опытъ примѣненія своего метода къ частицѣ соціологіи—политикѣ. Обойдя растительный процессъ жизни общества, получившій уже свою научную обработку въ политической экономіи, г. Стронинъ изучилъ нервную систему общества, законы общественныхъ впечатлѣній и рефлексовъ, законы настроенія общественнаго въ его причинахъ, проявленіяхъ и послѣдствіяхъ. Проводниками его въ этой области являются Аристотель, О. Контъ и Бокль, котораго г. Стронинъ величаетъ Геродотомъ будущей науки исторіи. Задача, избранная имъ, немалая; насколько успѣшно ея разрѣшеніе, о томъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ параграфамъ, которые докажутъ, что, въ большинствѣ случаевъ, теорія несравненно легче приложенія ея на практикѣ.

IV.

Слѣдуя Конту, позитивисты дѣлятъ всякую науку объ организмахъ, значитъ и соціологію, на *статику*, излагающую законы равновѣсія, и *динамику*, излагающую законы движенія, иными словами, на науку о строеніи организма и науку о его функціяхъ. Желая въ введеніи къ «Политикѣ» начертить статику общества, дать понятіе о его строеніи, г. Стронинъ видимо увлекся задачею примѣнить во что бы то ни стало математику къ соціологіи. Онъ могъ-бы составить анатомическій очеркъ строенія общественнаго на основаніи данныхъ исключительно соціологическихъ, къ чему богатымъ матеріаломъ послужили-бы вскрытія историческихъ труповъ и наблюденія надъ живущими теперь общественными группами, но онъ предпочелъ изобразить графически общество въ видѣ геометрическихъ фигуръ,

*

которыя не только на государство, но вообще ни на что въ свѣтѣ непохожи. Общество самаго высшаго порядка или государство можетъ быть представлено въ видѣ конуса. Горизонтальный разрѣзъ этого конуса изображается чертежомъ, въ которомъ малыя клѣточки семьи группируются въ большіе круги—роды, общины, тѣ бóльшіе круги еще въ бóльшія — земли, страны; наконецъ, всѣ круги вмѣщаетъ въ себѣ и опоясываетъ наибольшій кругъ—государство. Состоящая изъ мелкихъ клѣточекъ ткань этого поперечнаго разрѣза даетъ наглядное понятіе объ отношеніи селъ, городовъ и столицъ, причемъ большое значеніе имѣетъ положеніе столицы въ центрѣ площади разрѣза или близъ самой окружности. Вертикальный разрѣзъ конуса образуетъ треугольникъ, который можетъ быть разсѣкаемъ двумя линіями, параллельными его основанію, на три яруса или классы: верхній—аристократія, котораго главная примѣта собственность; средній—тимократія, котораго главная примѣта капиталъ, и нижній трудовый ярусъ или демократія. Двѣ наклонныя линіи, проведенныя отъ вершины треугольника къ его основанію, прорѣзываютъ всѣ три главные класса и образуютъ по три части въ каждомъ, а именно, въ господствующемъ верхнемъ: законодательство, судъ и администрацію, въ среднемъ—предводителей въ дѣятельности экономической, арендаторовъ, мануфактуристовъ и банкировъ, и въ нижнемъ, рабочемъ,—земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ. Клѣточки разрѣзаннаго такимъ образомъ на 9 частей треугольника изображаютъ сумму главныхъ членовъ общества, но не самъ его разумъ, не интеллигенцію общественную. Подобно тому, какъ нервная сѣть проникаетъ во всѣ части тѣла, такъ что нервныя нити присущи каждому мускулу, хотя сильнѣйшее сосредоточеніе всей нервной системы имѣетъ мѣсто въ мозгу, общественная интеллигенція проникаетъ насквозь весь общественный конусъ и присуща каждой клѣточкѣ продольнаго и поперечнаго разрѣза, такимъ, однако, образомъ, что наиболь-

шія массы этой интеллигенціи расположены въ верхнемъ ярусѣ, гдѣ законодательство сплетается съ администраціею и судомъ. Основная мысль этого геометрическаго чертежа дѣтски проста, забавна и даже смѣшна. Она напоминаетъ миѳологическую химеру льва-козла-змѣи — такъ странно сложены въ ней элементы математическіе съ физіологическими; она указываетъ на то, что авторъ забрелъ въ такія дебри, гдѣ и витаютъ только одни чудовища да небылицы. Собирательный человѣкъ есть предметъ невидимый, отвлеченный; еслибы намъ удалось обозрѣть разомъ весь аѳинскій народъ, собравшійся на вѣче, или все населеніе Франціи съ его размѣщеніемъ на территоріи, то эти картины не доставили-бы намъ никакого понятія о строеніи государства или народа аѳинскаго или французскаго, какъ не доставили-бы намъ никакого понятія объ организаціи общества пчелинаго или муравейнаго всевозможные разрѣзы, поперечные и продольные муравейника или улья. Отвлеченный предметъ нельзя срисовать, какъ нельзя изобразить кругомъ, треугольникомъ или иною фигурою добро или любовь. Притомъ, если авторъ задался мыслью живописать общество, какъ организмъ, непосредственно сосѣдствующій съ царствомъ животныхъ и растеній и весьма далеко отстоящій отъ области геометрическихъ фигуръ, то ему-бы слѣдовало, при составленіи атласа обществъ, взять за основаніе работъ не геометрическую фигуру, но какое-либо органическое тѣло, напримѣръ, тѣло человѣка съ большимъ мозгомъ и мозжечкомъ, со всѣми парами нервовъ, съ лёгкими, почками и печенью. Будь авторъ немного смѣлѣе и послѣдовательнѣе, онъ-бы никакъ не ограничился одними скромными догадками въ припискахъ на стр. 247, 302 и 326 о подобіи формы общества съ формою человѣческаго тѣла, но онъ бы составилъ цѣлый иллюстрированный атласъ въ этомъ родѣ, съ изображеніемъ общественныхъ ногъ, рукъ, печени и лёгкихъ. Ближайшее знакомство со строеніемъ человѣческаго тѣла избавило-бы его отъ отождествленія ин-

теллигенціи съ сѣтью нервныхъ волоконъ, расходящихся по тѣлу. Нервы дѣйствительно расходятся по тѣлу и служатъ проводниками ощущеній и движеній, но именно никто не выдавалъ ихъ за органы мышленія,—сіе послѣднее считается функціею мозга. Уподобленіе общества тѣлу человѣка помогло-бы автору совершить болѣе правильное расчлененіе общественнаго организма. Вмѣсто тощихъ девяти клѣточекъ треугольника, изъ коихъ три верхніе наполнены содержаніемъ, при помощи Аристотеля (власти: законодательная, судебная и исполнительная), а шесть остальныхъ, при содѣйствіи политической экономіи, мы бы имѣли три или четыре десятка органовъ, потому что неменьшее число ихъ открыла столь пренебрегаемая авторомъ эмпирическая обсерватика. Мы не имѣли бы дѣленія органовъ по ярусамъ, но собственно и ярусовъ-то нѣтъ, потому что всякій общественный органъ имѣетъ развѣтвленія свои и внизу и вверху, въ семьѣ, общинѣ и сословіи. Изъ сопоставленія фактовъ, извлеченныхъ изъ любого учебника, авторъ убѣдился бы, что въ обществѣ бываетъ не то, что въ физіологіи, что одна и та же функція, напримѣръ, мышленіе или правленіе, можетъ быть исправляема попеременно разными общественными органами. Ог. Контъ замѣтилъ, что умственная жизнь общества проходитъ три періода: религіозный, метафизическій и научный. Въ первомъ мыслителями являются жрецы, правителями - воины; во второмъ во главѣ мышленія становятся философы, а во главѣ правленія—юристы; съ теченіемъ времени мышленіе и правленіе опошлились, доставшись въ руки литераторовъ и адвокатовъ, иными словами, фразеровъ и софистовъ, но впослѣдствіи вожатыми общества сдѣлаются люди, обладающіе высшимъ положительнымъ знаніемъ и крупные промышленники. Мы можемъ спорить съ Контомъ и о господствѣ ученыхъ, и о господствѣ промышленниковъ, но мы никакъ не въ состояніи опровергнуть главную мысль его, заключающуюся въ томъ, что тѣ же функціи въ обще-

ствѣ могутъ быть исправляемы разными органами поочередно, между тѣмъ у г. Стронина нѣтъ даже и полнаго перечня этихъ органовъ; у него нѣтъ не только органовъ, чередующихся при отправленіи одной и той же функціи, но не имѣется даже важныхъ органовъ, неизмѣнно исправляющихъ одну и ту же функцію. Въ атласѣ г. Стронина нѣтъ вовсе такой функціи, какъ религія, ни органа ея—духовенства, нѣтъ даже отведеннаго особаго помѣщенія для организованной вооруженной силы народа, между тѣмъ, какъ уже Аристотель далъ особое мѣсто состоянію воиновъ. Въ послѣдующихъ частяхъ своей книги авторъ сравниваетъ войско съ костною системою въ тѣлѣ человѣка; въ концѣ оказывается, что война есть судебная подъ-функція функціи правленія, значитъ, что самъ органъ, исправляющій эту подъ-функцію, есть подъ-органъ правительства и одинъ изъ видовъ суда; слѣдовательно, что его, пожалуй, надо бы помѣстить постоемъ въ верхнемъ ярусѣ общественнаго конуса, гдѣ отведена уже квартира аристократіи, но гдѣ и сама аристократія до того стѣснена, что пришлось вытѣснить и зачислить въ праздношатающіеся ту часть ея, которая не посвящаетъ себя спеціально ни законодательству, ни суду, ни администраціи. Хорошо размѣщеніе силъ, при которомъ подъ самою крышею, въ верхнемъ этажѣ, помѣщены самыя большія тяжести! Зданіе обвалилось бы тотчасъ, какъ обваливались и падали не разъ правительства, опиравшіяся на одно регулярное войско. Еслибы авторъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ въ сравненіи общества съ тѣломъ человѣка, то онъ бы открылъ при нѣкоторыхъ сходствахъ громадныя несходства въ сравниваемыхъ предметахъ. Тѣло человѣка имѣетъ опредѣленное число органовъ, которые всѣ организованы и развиваются почти равномѣрно, такимъ образомъ, что каждому возрасту человѣка соотвѣтствуетъ извѣстная степень развитія всѣхъ органовъ. Г. Стронинъ сознаетъ, что не то бываетъ съ обществами, что будущія общества, которыя сложатся изъ соединенія цѣлыхъ

рассъ, будутъ громаднѣе теперешнихъ государствъ и будутъ обладать бо́льшимъ числомъ ярусовъ и бо́льшимъ числомъ клѣточекъ въ обоихъ разрѣзахъ, и продольномъ и поперечномъ, значитъ, что и органовъ у нихъ будетъ не въ примѣръ болѣе противу настоящаго. Г. Стронинъ признаетъ, что въ обществахъ, и современныхъ, и уже умершихъ, органы не развивались и не развиваются одновременно и равномѣрно, есть органы выработанные, организованные и есть другіе неорганизованные, въ зачаточномъ состояніи, указанные природою, аморфные. По мнѣнію г. Стронина, только правительство, а послѣ него костная система общества, массовая его сила, то-есть войско, вполнѣ организованы и служатъ образцомъ для выработки всѣхъ остальныхъ членовъ, для совмѣщенія разнообразія живого существа съ единствомъ мертвой машины. Слабѣе сплоченъ механизмъ гражданскаго управленія или бюрократія. Скорѣе другихъ устраиваются группы, соприкасающіяся съ правительствомъ, напримѣръ, вѣроисповѣданія, политическія партіи, даже заговорщики и агитаторы. Изъ вѣроисповѣданій, одно римско-католическое выработало организацію, которая и составляетъ весь секретъ его прочности, но наука, искуство и всѣ отрасли промышленности пребываютъ въ хаотическомъ состояніи броженія; отсутствіе организаціи дѣлаетъ ихъ совершенно безсильными въ отношеніи правительства. Европа страдаетъ нынѣ отсутствіемъ надлежащей организаціи труда. Громадная сила присуща всякому узелку, всякой клѣточкѣ устраивающейся матеріи. Современемъ всѣ члены общества получатъ организацію, такъ что вовсе не будетъ атомовъ въ состояніи броженія. Есть еще черта, отличающая общество отъ высшихъ животныхъ организмовъ, но одинаково замѣчаемая какъ въ обществахъ, такъ и въ растеніяхъ и пресмыкающихся животныхъ: самостоятельность частей въ недѣлимомъ, вслѣдствіе чего каждая часть продолжаетъ жить, когда недѣлимое распалось. Когда червь разсѣченъ на части, каждая часть движется еще и шеве-

лится; точно также и послѣ паденія государства живутъ и движутся составныя его части: историческая нація, области, общины, сословія, семьи и, наконецъ, отдѣльныя лица, причемъ каждая частица дѣйствуетъ по тѣмъ законамъ, которые проявлялись въ жизни распавшагося государства. По замѣчанію г. Стронина, общества дѣлятся на централизованныя и децентрализованныя. Первая форма соотвѣтствуетъ потребности нарощенія, вторая потребности сохраненія, возможно бо́льшаго сопротивленія вліяніямъ окружающей среды. Прочнѣйшая и, въ этомъ отношеніи, совершеннѣйшая форма общества—федеративная, та именно, которая совмѣщаетъ самое большее разнообразіе съ единствомъ, всего менѣе похожа на форму человѣка. Чтобы совсѣмъ покончить съ атласомъ г. Стронина, мы соглашаемся съ нимъ, что есть несомнѣнныя сходства между мірами матеріи неорганической и органической, есть сходство между растеніемъ, животнымъ и человѣкомъ, есть сходство между человѣкомъ физическимъ и нравственнымъ, есть, наконецъ, сходство между нравственнымъ человѣкомъ отдѣльнымъ и собирательнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утверждаемъ, что въ изученіи этихъ сходствъ и подобій мы не далеко ушли отъ Мененія Агриппы и его притчи о членахъ тѣла и желудкѣ, и что книга г. Стронина не только не уясняетъ этихъ сходствъ и подобій, но окончательно весь вопросъ запутываетъ, потому что, напередъ предполагая одни только сходства, она не замѣчаетъ рѣжущихъ глаза несходствъ и отличій. Платонъ догадывался по аналогіи, что міръ земной есть живое исполинское животное. Г. Стронинъ усматриваетъ по аналогіи совершенное сходство общества съ конусомъ. Одно предположеніе стоитъ другого, съ тою только разницею, что Платонъ выдавалъ свою догадку за истину, а г. Стронинъ играетъ и забавляется только догадкою, не выдавая ее за истину. Идея Платона не повела къ уразумѣнію строенія земли, такъ точно и идея г. Стронина не поведетъ къ уразумѣнію строенія общества и отношенія его частей. Все

это статическое введеніе въ «Политику» несостоятельно, по ошибочности основнаго замысла. Отъ явленій въ пространствѣ перейдемъ къ явленіямъ во времени, къ фактамъ динамическимъ, къ послѣдовательности общественныхъ отправленій, составляющихъ настоящее содержаніе «Политики».

V.

Эта часть труда вышла несравненно удачнѣе. Причину не трудно угадать. Автору помогла, помимо его сознанія и воли, та самая психологія, которую Контъ исключилъ изъ числа наукъ, но которую г. Стронинъ помѣстилъ на самомъ концѣ, какъ науку позднѣйшую, слѣдующую за соціологіею, къ которой и не слѣдуетъ вовсе прибѣгать для построенія соціологіи. Предметъ психологіи—мысли и поступки людей; и тѣ, и другіе слѣдуютъ одни за другими въ извѣстномъ порядкѣ; съ незапамятныхъ временъ начались надъ нами научныя наблюденія и опыты, ихъ разсѣкали, складывали, разлагали и раздѣляли на классы главнымъ образомъ при посредствѣ того внутренняго чувства самосознанія, самосозерцанія или психическаго зрѣнія, къ которому такъ недовѣрчиво относится авторъ въ своемъ «Методѣ». Собрано матеріалу столько, что его достало на объясненіе если не всѣхъ психическихъ функцій, то по крайней мѣрѣ самой важнѣйшей изъ нихъ—функціи мышленія, и на образованіе нѣкоторыхъ соціологическихъ представленій. Понятія разума, чувства, воли, умственнаго и физическаго труда, добродѣтелей и способностей, переносимы были на цѣлые классы людей, на состоянія, сословія, и собирательный человѣкъ созидался на образъ и подобіе столь же, какъ онъ, невидимаго нравственнаго человѣка. Съ другой стороны, основное единство физическаго и нравственнаго человѣка столь велико, зависимость второго отъ перваго столь безусловна, что обѣ науки, физіологія и психологія человѣка, сближаются

и почти неразрывно соединяются въ безчисленномъ множествѣ точекъ. Физіологія человѣка есть, какъ извѣстно, частица біологіи или общей физіологіи животныхъ и растеній; историки вовсе не заглядывали въ этотъ міръ физіологіи, пробавляясь отжившею, отвлеченною спиритуалистическою психологіею Декарта, которая разсматривала душу, какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, и не догадывалась даже, что микрокосмъ сознанія есть только освѣщенная солнцемъ вершина громадной горы жизни психической, то-есть, что значительная часть психическихъ процессовъ совершается внѣ нашего самосознанія, которое пользуется уже готовыми результатами этой безсознательной работы. Достоинство и заслуга опыта г. Стронина заключается въ томъ, что онъ вникнулъ въ жизнь царствъ растительнаго и животнаго и, процѣдивъ законы этой жизни сквозь фильтръ психологіи, примѣнилъ ихъ къ обществу. Въ общественной жизни онъ различаетъ три процесса: *біологическій*, свойственный всѣмъ организмамъ; *соціологическій*, свойственный всѣмъ общественнымъ функціямъ, какъ экономическимъ, такъ и политическимъ; наконецъ, процессъ спеціально *политическій*.

А. *Біологическій процессъ жизни и смерти.*—Нѣтъ ничего вѣчнаго во вселенной; доказано, что земля наша падетъ когда-то на солнце, но задолго до того на ней прекратится, вслѣдствіе охлажденія, всякая органическая жизнь. Еще раньше того человѣчество дойдетъ до конца своихъ судебъ и своего развитія. Надъ нимъ повисъ неумолимымъ рокомъ физіологическій законъ скрещиванія породъ. Вырожденіе грозитъ неминуемо всѣмъ династіямъ и всѣмъ аристократіямъ, избѣгающимъ неровныхъ браковъ. Когда, вслѣдствіе повторенія однихъ и тѣхъ же соединеній, выработанъ неподвижный типъ въ родѣ, народѣ, племени, они мельчаютъ и теряютъ способности, даровитость. Родъ облагороживается мезаліансами; народъ можетъ продолжать свое существованіе, вливая плебейскую кровь въ свои политическіе

классы. Человѣчество въ общемъ своемъ составѣ имѣетъ обильнѣйшіе источники обновленія крови. Въ одной Европѣ сколько можетъ быть неиспробованныхъ донынѣ племенныхъ сочетаній, а останутся еще въ видѣ запасовъ Америка, со своими бѣлыми людьми, измѣненными вслѣдствіе климатическихъ вліяній, племена монгольское, малайское, негрское. Съ теченіемъ времени однако всѣ соединенія будутъ исчерпаны, и престарѣлое человѣчество станетъ въ концѣ концовъ весьма образованнымъ, но неподвижнымъ и дряхлымъ Китаемъ.

Всякій организмъ растетъ, цвѣтетъ и вянетъ. Три главные періода жизни назовемъ *прогрессомъ*, когда организмъ растетъ и слагается, *застоемъ*, когда слаганіе и разлаганіе уравновѣшиваются, и *регрессомъ*, когда беретъ верхъ разлаганіе. Чѣмъ больше государство, чѣмъ обильнѣе въ немъ источники скрещиванія породъ, тѣмъ дольше каждый періодъ его жизни. Сверхъ физіологической причины смерти—прекращенія скрещиваній, авторомъ намѣчена другая—психологическая, которой связь съ первою имъ необъяснена: исчерпаніе до тла политическихъ идеаловъ. Отъ этихъ двухъ причинъ изживаются и народы, и учрежденія. Застоявшаяся съ Гракховъ, римская республика склоняется книзу въ лицѣ Марія, Помпея, Цезаря. Застоявшееся со временъ Иннокентія III папство разлагается въ глазахъ нашихъ до того, что теряетъ половину самого себя — свою свѣтскую власть. Королевская власть процвѣтаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и застаивается отъ XVI до XVIII столѣтій, среднее сословіе процвѣтаетъ въ застоѣ въ XIX столѣтіи; но регрессъ его уже предвозвѣщенъ движеніями рабочаго класса. Человѣчество, вообще взятое, несомнѣнно сильно растетъ еще и быстро прогрессируетъ, вслѣдствіе чего вездѣ прогрессивныя политическія партіи брали верхъ надъ регрессивными; всѣ эвпатриды, патриціи и палаты лордовъ были побиваемы демосомъ. Желая изучить регрессъ и убѣдиться въ томъ, что прогрессивное движеніе бываетъ всегда перемежающееся,

надо проходить исторію по частямъ, но и въ промежуткахъ прогресса, въ прорывахъ мертваго отдыха и застоя, какая пластическая сила! Въ промежуткѣ IX—VII вѣка до Рождества Христова, между паденіемъ Востока и процвѣтаніемъ Греціи, неизвѣстно какимъ образомъ базилейсы и касты превратились въ аристократіи и въ тимократіи, съ раздѣленіемъ народа по податямъ. Въ темномъ промежуткѣ среднихъ вѣковъ неизвѣстно какимъ образомъ рабство превратилось въ колонатъ и крѣпкое землѣ состояніе. Можно довольно точно опредѣлить границы трехъ періодовъ. Конецъ прогресса знаменуется *прекращеніемъ общественныхъ потребностей*, или вслѣдствіе того, что идеалы изжились, или еще чаще вслѣдствіе того, что оказалась невозможность удовлетворить потребностямъ. Въ семъ послѣднемъ, самомъ обыкновенномъ случаѣ, потребность либо напрягается по мѣрѣ встрѣчаемаго сопротивленія и производитъ революцію, которая протягиваетъ прогрессъ на нѣкоторое время, но истощаетъ непомѣрно средства организма, либо она заглушается на мѣстѣ, атрофируется, вслѣдствіе чего является застой, потому что потребности имѣютъ свою естественную очередь и насыщаются по очередному порядку: сначала экономическая, потомъ политическая, потомъ опять экономическая и такъ дальше. Въ Перикловыхъ Афинахъ исчерпанъ былъ до послѣдней капли демократическій идеалъ, дошедшій не только до полнаго уравненія гражданъ, но и до замѣщенія всѣхъ должностей по жребію, вслѣдствіе чего Афины пали безъ пелопонезской войны и безъ Македоніи. Идеалъ римскихъ прогрессистовъ былъ несравненно шире и состоялъ въ пріобщеніи къ государству всего плебса и всѣхъ итальянскихъ союзниковъ не только политически, но и экономически, посредствомъ аграрныхъ законовъ. Еще шире былъ идеалъ французскій, но потребность введенія средняго сословія въ жизнь политическую была безразсудно задержана при двухъ Лудовикахъ и Регентствѣ, вслѣдствіе чего вспышка этой

потребности имѣла столь неудержимую вулканическую силу, что сорокъ лѣтъ (1789 — 1830) ушли на то только, чтобы насытить эту потребность и ввести этотъ разлившійся потокъ въ его русло. Но насыщеніе потребности было слишкомъ запоздалое: неуспѣло среднее состояніе достигнуть господства, какъ уже набѣгали съ ужасающею быстротою двѣ другія передержанныя волны — потребностей уравненія всего народа въ политическихъ правахъ — и облегченія участи рабочаго пролетаріата, —обѣ въ нелѣпыхъ отъ несвоевременной выработки формахъ всеобщей подачи голосовъ и коммунизма. Напоромъ этихъ волнъ объясняется и ломкость буржуазной іюльской монархіи, и новый взрывъ 1848 г. Нѣтъ организма, который бы устоялъ противъ такого многократно повторяющагося тифа. Гораздо раньше воцаренія Наполеона III, Франція готова была къ паденію. Среди послѣдней прусско-франкской войны, нужда экономическая вспыхнула еще разъ кровавымъ пламенемъ парижской коммуны 1871 г., но была тотчасъ же задавлена. Циркуляръ Жюля-Фавра, приглашающій европейскія державы къ облавѣ противъ Интернаціола, является надгробною надписью французскаго прогресса (82 стр.). Всякій элементъ, даже самый прогрессивный, перестаетъ быть таковымъ, когда дойдетъ до полнаго господства и не будетъ возбуждаемъ подавленною имъ въ конецъ оппозиціею. Прогрессивнѣйшая сила — ученость — можетъ сдѣлаться тормазомъ, когда, сосредоточившись въ маломъ числѣ избранныхъ, будетъ только капитализироваться, не размѣниваясь посредствомъ популяризаціи знаній, не разсыпаясь между массами народа.

Застой отличался прекращеніемъ потребностей и непоявленіемъ никакихъ новыхъ идеаловъ. По весьма оригинальному, но недостаточно доказанному мнѣнію г. Стронина, регрессъ знаменуется воскрешеніемъ мертвыхъ идеаловъ прошедшаго. Во главѣ движенія становятся ретрограды, люди стараго покроя, любители и хвали-

тели добрыхъ старыхъ временъ. Съ тѣхъ поръ неподвижность становится добродѣтелью, заслугою, и совпадаетъ съ либерализмомъ. Послѣ Гракховъ Римъ пятится назадъ до олигархіи посредствомъ Leges Corneliae и до царскихъ временъ въ Цезарѣ и Августѣ. Живымъ примѣромъ регресса является современная Франція. Ж. де-Местръ, Шатобріанъ, романтики, подогрѣваютъ средневѣковые идеалы, іюльская монархія кончается тѣмъ, что общество дѣлаетъ шагъ назадъ въ цезаризмъ, а послѣ цезаризма оно, вѣроятно, сдѣлаетъ еще одинъ шагъ назадъ чрезъ республику къ бѣлымъ лиліямъ и Шамбору. Нѣтъ никакой возможности остановиться на консервативной республикѣ и жить со дня на день безъ всякихъ идеаловъ, такъ только, чтобы жить. Французскіе прогрессисты, люди заинтересованные въ сохраненіи республики, не вѣдаютъ чего хотятъ, а потому не удержатъ, а тѣмъ болѣе не повернутъ впередъ катящуюся назадъ подъ гору государственную колесницу. Всякое шествіе впередъ бываетъ поочередно двумя ногами, то политически, то экономически. Всеобщая подача голосовъ была политическимъ шагомъ впередъ, но не было сдѣлано затѣмъ никакого экономическаго шага впередъ, при отсутствіи котораго темная чернь готова плевать на свободу слова, преподаванія, печати, на самоуправленіе, и является слѣпымъ орудіемъ тиранніи. Что же предлагаютъ французскіе Гракхи? фаланстеръ или народный банкъ, выдающій безпроцентныя ссуды, коммуну или децентрализацію? Сколько головъ, столько умовъ, идеалы неясные, требуютъ много вещей за разъ и притомъ не подходящихъ. Можно-ли послѣ того удивляться, что колесница покатится назадъ съ усиленною скоростью, чрезъ всѣ ступени политическихъ самоубійствъ къ избирательному цензу и Шамбору, къ папству и абсолютизму, и еще дальше къ королямъ-тунеядцамъ Меровингамъ, къ колыбели государства. Передержанная буржуазная потребность не успѣла еще насытиться, когда была обогнана другою, демократическою потребностью;

обѣ столкнулись въ убійственной борьбѣ, недопускающей никакихъ мировыхъ сдѣлокъ. Теорія г. Стронина можетъ и не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ причинъ бѣдствій Франціи, но во всякомъ случаѣ она объясняетъ паденіе Франціи несравненно лучше книги Э. Ренана (De la réforme intellectuelle et morale. Paris. 1871), который утверждаетъ, что народъ французскій былъ побитъ и приниженъ потому, что совсѣмъ потерялъ привычку народовъ, управляемыхъ монархизмомъ по историческому праву (Пруссія), подчинять безпрекословно правительствамъ по ихъ указамъ свою жизнь, свое имущество, не распрашивая и не повѣряя этихъ указовъ.

Періодомъ регресса заканчивается жизнь, послѣ чего за физіологіей слѣдуетъ патологія, судьбы смерти, послѣдовательность разложенія. Авторъ различаетъ три функціи смерти, которыя вяжутся съ функціями жизни въ одно непрерывное кольцо: *вырожденіе, перерожденіе* и *возрожденіе.* Характеристика ихъ слабѣе характеристики функцій жизни; она состоитъ въ слѣдующемъ. Въ періодѣ вырожденія, внѣшнія вліянія одолѣваютъ организмъ, который видимо разсыпается и разлагается механически. Грецію поглощаетъ Македонія, папство теряетъ многія страны, оторванныя отъ него протестантизмомъ, королевская власть ограничивается введеніемъ отвѣтственности министровъ. Изъ государствъ въ такомъ состояніи разложенія обрѣтается нынѣ Австрія. Ее исключили изъ Германіи, отняли сѣверную Италію, послѣ чего она сама собою раскололась на двѣ половины и сдѣлалась Австро-Венгріею. Ей грозитъ новый расколъ: чешскій вопросъ, федерализмъ, выкопанныя древнія права короны св. Вячеслава. Изъ ея настоящаго положенія нѣтъ выхода; централизація отдаляетъ агонію, но готовитъ матеріалы революціи; федерація подготовляетъ раздѣлъ, выдѣляя заранѣе каждому изъ выжидающихъ вступленія въ наслѣдство сосѣдей его часть. Раздѣлъ совершится или путемъ войны или путемъ трактатовъ, причемъ г. Стронинъ, горячій панславистъ, сулитъ боль-

шую часть наслѣдства Россіи и предсказываетъ, что, несмотря на все нежеланіе дѣлать новыя завоеванія, она не въ состояніи будетъ не откликнуться на зовъ за помощью братьевъ чеховъ. Вырожденіе становится перерожденіемъ, когда внѣшній факторъ, довершающій разложеніе, начинаетъ дѣйствовать не издали, а вблизи, внѣдряется въ организмъ и перерабатываетъ разложившіяся части химически, какъ бродило. Обыкновенно общество гибнетъ отъ того именно качества, которое составляло нѣкогда его главную силу: Грецiя отъ искусства, Римъ отъ завоеваній, Польша отъ аристократизма. Врагъ, поселившись въ организмѣ, внутри его находитъ союзниковъ; напротивъ того, погибающая нацiя рѣшается на отчаянныя средства и съ каждымъ новымъ усиліемъ поражаетъ сама себя болѣе и болѣе. Въ каждомъ историческомъ трупѣ водятся черви, изъ его остатковъ образуются новые живые организмы, наступаетъ періодъ возрожденія, которое, кончая первый круговой оборотъ жизни, переходитъ непосредственно въ прогрессъ, то-есть, въ начало новаго оборота.

VI.

В. *Соціологическій процессъ, дѣленіе и единеніе труда, акціи и реакціи.*—Всякій разъ, когда люди образуютъ союзы, сочетанія, либо экономическія, либо политическія, имѣетъ мѣсто явленіе, сообщающее этому общенію людей его неизмѣнно коническую форму: *соединеніе и раздѣленіе труда.* Это начало общественной жизни открыто впервые экономистами, которые изучали его однако весьма односторонне и, изслѣдуя одну сторону этого закона—раздѣленіе, не обращали вниманія на другую—соединеніе. Первое указаніе на громадное значеніе принципа и его примѣнимость ко всей жизни общественной сдѣлано Контомъ. Г. Стронинъ даетъ дальнѣйшее развитіе идеи Конта, причемъ онъ приводитъ столько примѣровъ и обнаруживаетъ такое діалектиче-

ское искуство, что эта часть его «Политики» можетъ считаться основательнѣйшею и лучшею. Первый законъ, выводимый имъ изъ факта единенія и дѣленія труда, есть законъ *непосредственнаго подчиненія*, по которому части соединяются въ непосредственно слѣдующую общность, а цѣлое распадается на непосредственно слѣдующія частности безъ всякихъ скачковъ, правильно, органически. Никогда родъ не раздѣляется на подъклассы и подъ-виды, перескакивая черезъ классы и виды; никогда подъ-виды не создаютъ рода, не бывъ предварительно соединены въ виды. И въ историческихъ событіяхъ, и въ идеяхъ наблюдается неизмѣнная постепенность перехода отъ бэконовскихъ axiomata minora къ media и потомъ къ superiora. Прежде всего появляется, напр., фетишизмъ: обожаніе извѣстнаго дуба, холма, рѣки; потомъ обожаніе отвлеченностей: лѣса, огня, воды; потомъ послѣ саббеизма вполнѣ отвлеченныя идеи: мудрость (Аѳина), красота (Афродита) и т. д., изъ среды которыхъ выдвинулся рокъ (фатумъ, ананкэ), изображающій собою переходный мостъ отъ политеизма къ монотеизму. Наоборотъ, монотеизмъ раздѣлился сначала на древній (еврейскій) и новый; сей послѣдній на христіанство и исламъ, христіанство на восточное и западное, западное на католицизмъ и протестантизмъ. Такъ единятся и дѣлятся наука и искуство, всякая работа экономическая и общественная. Видовъ много, родовъ мало, но они господствуютъ и управляютъ. Синтезъ общества, чиноначаліе соединеній и раздѣленій составляетъ самую типическую черту общественнаго устройства.

На ряду съ закономъ подчиненія существуетъ другой, законъ *соподчиненія* однородныхъ частей, опредѣляющій ихъ старшинство и очередь при всѣхъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ. Когда родъ дѣлится на виды или классы по праву возраста, по старшинству, первое мѣсто занимаютъ и скорѣе развиваются виды и формы простѣйшіе, грубѣйшіе, болѣе общіе. Такимъ-то образомъ наука о природѣ является прежде науки о чело-

вѣкѣ. Въ естествовѣдѣніи сначала науки неограническоѣ природы, потомъ органической. Въ природѣ неорганической выдѣляется видъ—математика, который дѣлится еще на Востокѣ на два подъ-вида: науку времени, чиселъ, ариѳметику и науку пространства, фигуръ, геометрію. Второй видъ наукъ неорганической природы появляется впервые въ Греціи, гдѣ и развился одинъ его подъ-видъ: наука силъ—физика, но другому подъ-виду: наукѣ матеріи—химіи, пришлось дожидаться среднихъ вѣковъ. Человѣкъ и общество еще перемѣшаны у Аристотеля. Нынѣ «humaniora» уже подраздѣлились на соціологію и психологію, соціологія на статику и динамику, изъ коихъ старшинство подобаетъ статикѣ, что доказывается быстрымъ успѣхомъ географіи и статистики, между тѣмъ, какъ динамическая наука—исторія занята до сихъ поръ живописью и портретированіемъ и нисколько не думаетъ объ отысканіи общихъ законовъ развитія и аксіомъ. Изъ двухъ частей государствъ прежде всего устраивается классъ управляющихъ, между тѣмъ какъ классъ управляемыхъ остается неустроеннымъ, аморфнымъ. Въ классѣ управляющихъ первый чередъ принадлежитъ монархизму, потомъ аристократизму, потомъ демократизму. Нѣтъ во всѣхъ обществахъ права, которое было бы безспорнѣе права старшинства, первородства, но наоборотъ, при соединеніи труда младшіе члены семьи, клана, вида, всегда и непремѣнно низводятъ съ престола и оттѣсняютъ, затираютъ своихъ старшихъ собратій. Всѣ соединенія совершаются не въ старшихъ, а въ младшихъ подъ-видахъ и подъ-классахъ. Ариѳметика съ геометріей соединяются въ физикѣ и химіи, химія съ физикой въ физіологіи. На соединеніи всѣхъ старѣйшихъ наукъ въ соціологіи построена система Конта, на немъ основанъ и методъ аналогики г. Стронина. На этомъ основаніи г. Стронинъ проповѣдуетъ соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ младшемъ изъ нихъ—русскомъ, преобладаніе славянъ въ Европѣ; онъ даже предсказываетъ соединеніе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ православіи.

Оба закона: подчиненія и соподчиненія, изъ которыхъ послѣдній подраздѣляется еще на законъ старшихъ и законъ младшихъ видовъ, суть законы эмпирическіе и нуждаются въ раціональномъ объясненіи, которое одно только и можетъ убѣдить насъ въ томъ, что это соединеніе, чтобы раздѣлиться, и это раздѣленіе, чтобы тотчасъ же потомъ соединиться, не есть напрасная работа и совсѣмъ не похоже на химическія соединенія тѣлъ и химическія разложенія тѣлъ на составные элементы. Соединяющіе свой трудъ общественные элементы не пропадаютъ въ цѣломъ, соединеніе и раздѣленіе труда совсѣмъ не имѣютъ соотвѣтствующихъ имъ явленій ни въ неорганической природѣ, ни въ біологіи. Великое начало соединенія и раздѣленія труда есть начало исключительно только соціологическое; основаніе его психологическое: понятіе о цѣли и средствахъ. Люди соединяются для достиженія общими усиліями общей цѣли и раздѣляются для достиженія той же цѣли разными путями и средствами. Понятія о цѣли и средствахъ живьемъ взяты изъ психологіи и перенесены въ соціологію, что и составляетъ второе заимствованіе, сдѣланное авторомъ отъ психологіи, такъ какъ первое заключалось во введеніи въ процессъ жизни и смерти обществъ идеи объ исчерпаніи идеаловъ. Какъ душа и тѣло, какъ дедукція и индукція, такъ соединеніе и расдѣленіе труда составляютъ группу, которой характеристическая черта есть неизмѣнная парность обоихъ элементовъ. Ихъ равновѣсіемъ обусловливается здоровье общества. Одинъ элементъ связываетъ и уплотняетъ общество до окостѣненія, другой разрѣжаетъ его и разсыпалъ бы его въ песокъ, вотъ почему этотъ элементъ и преобладаетъ въ концѣ лѣтъ, наканунѣ разложенія. Въ среднихъ вѣкахъ былъ избытокъ соединенія, быстрая кристаллизація, нынѣ раздѣленіе доходитъ до безобразія, до нелѣпости, у каждаго своя вѣра, совсѣмъ нѣтъ признанной философіи, одна часть науки не вѣдаетъ о другой, цвѣтетъ ученость мелко-травчатая, академическая.

Въ искуствѣ техника совсѣмъ подавляетъ идею, международная политика проповѣдуетъ догматъ невмѣшательства, а политическая экономія формулу: laissez faire, laissez passer. Эксцессъ въ одномъ направленіи влечетъ за собою поворотъ въ другую сторону, который начинается нынѣ на нашихъ глазахъ.

Великое начало соединенія и раздѣленія труда порождаетъ цѣлую теорію мѣняющихся дней и ночей, бодрствованія, чередующагося со сномъ. Общественный корабль не скользитъ по гладкой поверхности водъ, но прорѣзываетъ путь, то подымаясь на волнахъ, то погружаясь въ бездны. Во всякомъ возрастѣ, въ стадіяхъ прогресса, застоя или регресса, линія движенія волнообразна; она состоитъ изъ *акцій* и *реакцій*, причемъ замѣчательно то, что въ стадіи прогресса и всякая акція бываетъ прогрессивна, какъ напряженіе по направленію слаганія роста, соединенія труда, реакція же имѣетъ всѣ признаки ретроградности; напротивъ того, въ стадіи регресса всякая акція, будучи напряженіемъ по направленію къ распаденію, къ разложенію, отличается ретроградностью; напротивъ того, реакція бываетъ ознаменована лучшими началами — либерализмомъ. Въ періодѣ прогресса великими акціями бываютъ союзы классовъ, состояній, народовъ, государствъ; въ періодѣ регресса акціями бываютъ одни дѣленія, напримѣръ, Діоклеціаново или Ѳеодосіево. Насъ бѣситъ реакція, однако она столь же нужна, какъ сонъ, какъ пищевареніе; она усвоиваетъ организму, разжевывая ихъ, всѣ пріобрѣтенія, гуртомъ добытыя въ моменты сильной исторической акціи. Высота и размѣры волнъ акціонно-реакціонныхъ неодинаковы, бурныя волны начала прогресса мельчаютъ и превращаются въ легкую зыбь въ періодѣ застоя, послѣ чего онѣ опять болѣе сильны и могучи въ періодѣ реакціи. Видимыми факторами колебаній, подъема на высоту и соскользанія внизъ, являются политическія партіи, руководимыя споконъ-вѣку болѣе слѣпымъ инстинктомъ, нежели ясными убѣжденіями. Авторъ насчиты-

ваетъ пять такихъ партій: радикалы, либералы, консерваторы, ретрограды и обскуранты. Партіи борются чаще всего и прежде всего открытою физическою силою; если потомъ борьба силою превращается въ борьбу числомъ, то только потому, что самъ числовой расчетъ предопредѣляетъ, куда неминуемо будетъ клониться побѣда, и располагаетъ слабѣйшихъ числомъ къ добровольному отказу отъ борьбы. Потомъ дѣлается еще одно усовершенствованіе: партіи начинаютъ мотивировать свои убѣжденія, возникаетъ общественное мнѣніе. Но въ этомъ мотивированіи бываетъ всегда несравненно болѣе инстинктивнаго, нежели сознательнáго; страсть подтасовываетъ мотивы; лишь только инстинктъ усилился, возгорѣлась страсть, спорщики прибѣгаютъ къ кулаку, вспыхиваетъ междоусобная война, или совершаются политическія преступленія. Даже въ спокойныхъ промежуткахъ между взрывами борьба политическихъ мнѣній запечатлѣна страстностью и поминутно уклоняется отъ главнаго вопроса, причемъ забывается самъ предметъ спора: польза или безполезность извѣстной мѣры, закона, учрежденія и кончается личностями, т. е. тѣмъ, что спорщики поносятъ себя взаимно, называя другъ друга глупцами или подлецами. Люди, чаще стоящіе у кормила правленія— консерваторы, менѣе разборчивы въ средствахъ, не пренебрегаютъ инсинуаціями, мѣтятъ въ жизнь и свободу противниковъ. Люди, добивающіеся власти — прогрессисты, разятъ своихъ противниковъ, обличая ихъ въ нравственномъ ничтожествѣ, въ нравственномъ развратѣ, сами же стараются представляться лучшими, болѣе честными людьми. Въ томъ и заключается великое значеніе нравственности въ исторіи, что борьба партій умами кончается всегда борьбою доблестями и сердцами. Умственное превосходство, политическая геніальность бываютъ удѣломъ либераловъ въ стадіи прогресса и ретроградовъ въ стадіи регресса. Обыкновенно сталкиваются другъ съ другомъ ближайшія партіи: либералы съ ретроградами, но бываютъ случаи, когда радикализмъ и обску-

рантизмъ соприкасаются надъ головами либераловъ, консерваторовъ и ретроградовъ и либо заключаютъ другъ съ другомъ чудовищные союзы на погибель среднихъ партій, либо тузятъ себя и уничтожаютъ. Такіе случаи доказываютъ всегда болѣзненное состояніе общества; тогда-то и проявляется во всей наготѣ неразуміе политическихъ инстинктовъ, которые увлекаютъ обскурантовъ къ террору и тиранніи, радикаловъ къ заговорамъ, преступленіямъ и революціямъ. Г. Стронинъ—злѣйшій противникъ великихъ событій, великихъ переворотовъ и даже великихъ царствованій. У людей, по мнѣнію его, какъ у дѣтей, такъ и тянутся руки къ огню, который свѣтитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жжетъ. Всякій заговоръ понижаетъ уровень общества на всю ту потребность, которая сказалась въ заговорѣ, и которая умолкаетъ потомъ, бывъ подавлена, такъ что потомъ, послѣ длиннаго перерыва, необходимо пропагандировать ее опять. Съ этой точки зрѣнія г. Стронинъ жестоко осуждаетъ декабристовъ (195). Революція никогда ничего не создаетъ, часто она кончается регрессомъ; но если она и не перейдетъ въ регрессъ, вся ея работа состоитъ только во взорваніи на воздухъ препятствія, загородившаго обществу путь развитія, послѣ чего организмъ поправляется медленно, пока не возстановитъ до-революціоннаго равновѣсія и не начнетъ функціонировать, отправляясь съ того пункта, въ которомъ застигла его задержка, устраненная революціею. Необыкновенно живое и мѣткое изображеніе общественныхъ катастрофъ, ихъ причинъ, хода и послѣдствій, составляетъ одну изъ лучшихъ частей книги г. Стронина.

VII.

С. *Спеціально-политическій или правительственный процессъ.*—Раздѣливъ жизнь обществъ на возрасты прогресса, застоя и регресса, и каждый возрастъ на дни и ночи, или на акціи и реакціи, авторъ ставитъ вопросъ, какою послѣдовательностью движеній общество создаетъ

и развиваетъ свои политическіе продукты. До сихъ поръ онъ дѣлалъ только набѣги на психологію, теперь онъ совсѣмъ переѣзжаетъ на психологическую почву съ багажемъ и пожитками. Вся жизнь души человѣка содержится между предѣлами полученнаго впечатлѣнія и вызваннаго имъ рефлекса. Между этими предѣлами лежатъ длинные ряды мыслей, чувствованій и желаній. Человѣкъ обновляется ежеминутно впечатлѣніями, пріобрѣтаетъ новыя привычки мышленія и воли, такъ что, по истеченіи извѣстнаго времени, то же лицо, не переставая быть собою, является отличнымъ отъ прежняго человѣкомъ. То же повторяется и въ обществѣ. На всѣхъ ступеняхъ общественной пирамиды размѣстились мыслящіе атомы, составляющіе *интеллигенцію* общества, элементъ жизни созерцательной, служащіе проводниками впечатлѣній. Есть также въ обществѣ масса, въ нравственномъ отношеніи пассивная, и дѣятельная только въ экономическомъ, готовая поддаваться всевозможнымъ рефлексамъ, вызваннымъ воспріятыми впечатлѣніями,— назовемъ ее *гражданствомъ*. Наконецъ, посрединѣ между этими двумя факторами помѣстился третій—*правительство*, снабженный задерживающими впечатлѣнія аппаратами и недопускающій, чтобы впечатлѣнія переходили автоматически въ рефлексы. Эти три фактора соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ функціямъ души (мышленіе, чувство, воля) и совершаютъ сообща одно дѣло, состоящее въ *инкорпораціи*, то-есть, во введеніи въ плоть и кровь общества новыхъ, свѣжихъ элементовъ, и въ *экскорпораціи*, или въ изверженіи негодящихся уже старыхъ продуктовъ. Одна и та же пища, переработанная поочереди каждымъ изъ трехъ факторовъ, становится совершенно особымъ на видъ продуктомъ. Интеллигенція выработываетъ политическія *идеи*, правительство—*право*, а гражданство—*нравы*. Вся тайна общественной гигіены заключается въ томъ, чтобы новыя политическія понятія претворялись правильно и постепенно въ права, а права столь-же постепенно въ нравы, такъ чтобы

организмъ обновлялся во всѣхъ частяхъ постоянно, мало-по-малу. Каждая задержка процесса присваиванія новаго элемента на одной ступени развитія, безъ перехода въ другую, угрожаетъ болѣзнью, которая, если затянется и превратится въ хроническую, влечетъ за собою бунты, тиранніи, заговоры и всякія катастрофы. Несомнѣнно, что уже въ XIV столѣтіи Францiя имѣла свои états généraux, и что въ ней зарождались тогда идеи объ ограниченной монархіи. Эти идеи не могли войти въ законы вслѣдствіе быстраго и безмѣрнаго развитія абсолютизма. Въ теченіи трехъ вѣковъ возрасталъ напоръ прибывающихъ идей, при совершенномъ застоѣ въ правахъ, пока идеи не поднялись до высоты запружающей теченіе ихъ плотины и прорвали эту плотину посредствомъ революціи, единственная задача которой состояла въ устраненіи застоя въ одномъ только фазисѣ политическаго процесса—законодательномъ. Но такъ какъ идеи накоплялись въ теченіе трехъ вѣковъ и набрались ихъ цѣлые легіоны, то и стали онѣ тѣсниться разомъ и выталкивать другъ друга. Весь трагизмъ теперешняго положенія Франціи заключается именно въ этомъ фактѣ переверщенія въ идеяхъ при недоверщеніи правъ. Бываютъ случаи, что реформа появляется прежде всего въ законахъ, которымъ еще не соотвѣтствуютъ ни идеи, ни нравы; таковы были реформы Іосифа II въ Бельгіи и Австріи, которыя пропали безслѣдно вслѣдствіе того, что въ идеяхъ интеллигенціи не встрѣтили поддержки, а напротивъ того, испытали отпоръ со стороны нравовъ. Въ весьма здоровыхъ и крѣпкихъ организмахъ, напримѣръ, въ Англіи бывали случаи, что идея, не имѣя доступа въ уплотнившійся до крайности законъ, просачивалась помимо него прямо въ обычай и создавала свободу печати, отвѣтственность министровъ, гласность парламентскихъ преній и тому подобныя учрежденія, совсѣмъ лишенныя донынѣ законодательной санкціи, но императорскій Римъ поплатился жизнью за подобнаго рода опытъ, допустивъ христіанству вливаться прямо

въ нравы помимо преслѣдующаго христіанъ закона. Творчество политическое имѣетъ свою постепенность и свои *предѣлы*. Нравы не могутъ идти дальше идей и законовъ, не могутъ ихъ опережать. Ростъ идей возможенъ только на извѣстной степени матеріальнаго благосостоянія, наконецъ все вмѣстѣ: нравы, права и идеи обусловливаются строеніемъ общества, его анатоміею. Бываютъ утопіи, нигдѣ и никогда неприложимыя, напримѣръ, коммунистическія. Бываютъ нововведенія, которыя совсѣмъ негодятся для извѣстныхъ организмовъ. Реформа немыслима, если она не имѣетъ многихъ точекъ соприкосновенія съ существующимъ порядкомъ и многихъ точекъ опоры въ прошедшемъ. Жизнеспособность реформы пропорціональна ея мелочности, спеціальности. Легче пересоздать департаментъ въ министерствѣ, нежели всю администрацію или все судоустройство, или воспитать всю интеллигенцію въ народѣ, но попытка пересоздать вдругъ заразъ и всю экономію, и всю политику, могла бы быть отнесена или къ сумасшествію, или къ полному незнанію первѣйшихъ началъ соціологіи.

VIII.

Каждый изъ трехъ главныхъ политическихъ факторовъ совершаетъ особымъ путемъ процессъ инкорпораціи и экскорпораціи соотвѣтствующихъ ему продуктовъ. Въ области интеллигенціи, то-есть въ совокупности людей, ведущихъ жизнь наиболѣе созерцательную, особенно преданныхъ религіи, наукѣ, искуству, починъ движенія принадлежитъ *новаторамъ*—открывателямъ новыхъ инстинктовъ или мнѣній, которыхъ обыкновенный удѣлъ страдальчество. За ними слѣдомъ идутъ *пропагандисты*, распространители новой идеи, и совершается эстетическій процессъ этой идеи, облеченіе ея въ простыя и красивыя формы. Новаторъ обыкновенно одинокъ, но популяризаторы являются десятками и сотнями, пока идея не снищетъ себѣ популярности. Какъ только ум-

ственная почва вѣка вспахана пропагандою, совершается послѣдній актъ воплощенія идеи—*агитація*, которая часто ведетъ счастливыхъ смѣльчаковъ побѣдною дорогою на самую вершину правительственнаго Капитолія, гдѣ и кончается задача идеи, въ смыслѣ политическаго продукта. Мотивированныя мнѣнія и инстинкты, отлитые пропагандою въ идеалы, дѣлаются законопроектами и поступаютъ въ вѣдѣніе второго политическаго фактора—правительства. Служа посредникомъ между идеею и правомъ, интеллигенціею и гражданствомъ, правительство исправляетъ функцію согласующаго движенія мозжечка. Оно есть органъ общественный, преимущественно эстетическій. Оно подраздѣляется на три подъ-органа, соотвѣтствующіе той же тройцѣ психическихъ способностей или дѣятельностей, теоретической, практической и эстетической; а именно: на *законодательство*, *судъ* и *администрацію*. Всѣ три подъ-органа имѣютъ дѣло съ правомъ; ихъ функціи—правоопредѣленіе, правосудіе и правленіе. Спрашивается: что же такое *право?* На этотъ вопросъ авторъ даетъ отвѣтъ столь, повидимому, циническій, столь противный всѣмъ общимъ мѣстамъ и возвозимымъ въ аксіомы положеніямъ современнаго либерализма, что это опредѣленіе не можетъ не вызвать многочисленныхъ протестовъ. Становясь на точку зрѣнія Прудона въ наименѣе популярномъ изъ его сочиненій: «La guerre et la paix», г. Стронинъ утверждаетъ, что споконъ-вѣку и донынѣ право было и будетъ одно: право кулачное, право сильнѣйшаго. Онъ уничтожаетъ работу Гуго Гроція и его послѣдователей, работавшихъ три вѣка надъ тѣмъ, чтобы заковать въ кандалы чудовище—войну, чтобы обратить физическую силу въ рабыню божественной метафизической идеи права. Г. Стронинъ обожаетъ войну, дѣлаетъ ее органомъ величайшей и превыше всѣхъ другихъ стоящей международной справедливости. Сущность этой позитивистической переработки правовѣдѣнія заключается въ слѣдующемъ:

Въ началѣ исторіи приказывалъ, господствовалъ, распоряжался другими, значитъ, издавалъ законы тотъ, кто былъ физически сильнѣе. Физическая сила доставляла обладающему ею довольство и досугъ, много вещей и рабовъ. Освобождая отъ необходимости физическаго труда, богатство породило науку и искуство. Богатство и знаніе замѣнили собою отчасти и физическую силу, потому что открыли возможность заимствовать ее у другихъ, пользоваться ею какъ орудіемъ. Соединенные элементы силы, богатства и знанія составляютъ всю суть и основаніе всякой прежней и будущей аристократіи, то-есть, господствующаго сословія, опредѣляющаго права, издающаго законы въ своемъ интересѣ. Современемъ массы народа обогащались и раздобылись средствами; полагаясь на свою цѣпкость и численное превосходство, онѣ завладѣвали властью, передѣлывали кодексы, дѣлались участниками права сильнѣйшаго, посредствомъ своихъ выборныхъ делегатовъ. Случалось иногда, что власть была переносима въ среду, которая не обладала ни знаніемъ, ни богатствомъ, напр., въ 1848 г., во Франціи, посредствомъ введенія suffrage universel, но подобный переносъ никогда не удавался и приносилъ пользу одной только тиранніи. Право не перестало быть правомъ сильнѣйшаго; законъ положительный не измѣнилъ и нынѣ своей природы, онъ обязателенъ подъ страхомъ принужденія, наказанія. Даже и въ самой Англіи министръ не потому не нарушаетъ конституціи, что не желаетъ возбуждать противъ себя общественнаго мнѣнія, но потому, что ему пришлось бы жутко отъ примѣненія къ нему argumenti baculini. Если когда-нибудь народы перестанутъ воевать, такъ это потому, что можно будетъ напередъ разсчитывать побѣду, какъ можно разсчитать въ Англіи послѣдствія наложенія податей, неразрѣшенныхъ парламентомъ. Когда агитація сдѣлала свое дѣло, и большинство въ господствующемъ состояніи убѣдилось, что его интересъ требуетъ осуществленія извѣстнаго идеала, тогда начинаетъ

дѣйствовать первый—законодательный подъ-органъ правительства, который расширяетъ или съуживаетъ этотъ идеалъ, примѣняя его ко всѣмъ условіямъ настоящаго и прошедшаго. Въ выработкѣ законопроекта принимаютъ участіе особыя правительственныя коллегіи, комиссіи, потомъ онъ переработывается еще разъ въ еще большихъ собраніяхъ, парламентахъ, сеймахъ, государственныхъ совѣтахъ, наконецъ, онъ окончательно утверждается и дѣлается обязательнымъ закономъ. Какъ будетъ исполняемъ этотъ законъ, добровольно или понудительно? Въ томъ главный вопросъ, въ томъ источникъ всѣхъ будущихъ его нарушеній, значитъ, источникъ необходимости суда и наказанія. Откуда проистекаетъ преступленіе? Отъ свободной воли человѣка—отвѣчаютъ богословы, психологи старой школы и почти всѣ криминалисты; но есть и возражатели, которые, замѣтивъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, и что въ причинахъ дѣйствій—мотивахъ есть строгая послѣдовательность и правильность, отвергаютъ свободу воли; эта свобода, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ оптическій обманъ чувства психическаго зрѣнія, самообольщеніе самосознанія. Г. Стронинъ обходитъ вопросъ о свободѣ воли, хотя лично онъ весь на сторонѣ ея противниковъ, и строитъ все уголовное право на слѣдующемъ фундаментѣ, который на этотъ одинъ разъ оказывается непсихологическимъ. Законъ никогда не выражаетъ собою общественное мнѣніе всего народа, онъ только мнѣніе сильнѣйшаго, то-есть большинства въ господствующемъ классѣ. Часто законъ не только не соотвѣтствуетъ даже и этому-то мнѣнію, но поставленъ въ противность ему и наперекоръ. Если бы законъ и совершенно совпадалъ съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ можетъ расходиться съ жизнью, съ законами отправленій общественнаго организма, потому что общественное мнѣніе есть прежде всего мнѣніе господствующей партіи, а партіи руководимы слѣпыми инстинктами и ошибаются даже и тогда, когда мотивируютъ свои убѣжденія.

Сообразимъ еще пестроту состава общества, историческія наслоенія въ немъ, неравномѣрность просвѣщенія, ума, привычекъ въ этихъ слояхъ; тогда мы поймемъ, что полнѣйшая правда закона всегда относительна, или что есть еще правда самой жизни, что эта правда закона неприложима ко множеству конкретныхъ отношеній и случаевъ. Допустимъ, что законы писанные идеально хороши, что законодательство идетъ въ уровень съ общественнымъ мнѣніемъ, что общественное мнѣніе руководствуется наукою, то-есть открытыми уже и логически осмысленными законами организма, однако статистика занесетъ многія преступленія въ свои лѣтописи, и отдѣльное лицо будетъ все-таки протестовать противъ указовъ общества, даже самыхъ раціональныхъ, даже такихъ, какъ, напримѣръ: не убивай, не похищай, не поджигай! Можно уменьшить до minimum'а, но нельзя вполнѣ устранить несогласія положительнаго закона съ общественнымъ мнѣніемъ, мнѣнія съ правилами развитія организма, то-есть съ правдою, наконецъ, самой правды съ настоящею дѣйствительною жизнью, которая только отражается въ правдѣ науки, какъ въ зеркалѣ. Отсюда роковая необходимость *суда* и *наказанія*, во внутреннихъ и войны во внѣшнихъ отношеніяхъ государства. Ежеминутно падающій вслѣдствіе своихъ органическихъ недостатковъ законъ долженъ быть ежеминутно возстановляемъ и поднимаемъ посредствомъ слѣпой силы, принужденія, реакціи со стороны возмущающихся преступленіемъ юридическихъ инстинктовъ общества. Неразуміе юридическаго судебнаго инстинкта въ обществѣ столь же очевидно, какъ очевидны недостатки всякаго положительнаго закона, однако ему нельзя проявляться иначе, нѣтъ у общества иного средства противодѣйствовать нарушенію закона, и изъ двухъ золъ это зло еще лучшее. Соціологія возникаетъ только теперь, а жизнь течетъ изъ вѣка въ вѣкъ и всегда должна была, немедля и не входя въ причины событій, разрѣшать труднѣйшіе вопросы о «моемъ» и «твоемъ»,

о «должномъ» и «недолжномъ». Ей не приходилось сложа руки ждать, ничего неопредѣляя, отказываясь отъ власти, давать волю страстямъ массы, готовой всегда прибѣгнуть къ жестокому насилію. Во всякомъ случаѣ лучше разрубить затрудненіе кое-какъ, обогнать фактъ, подставивъ теорію, опереться на догадкѣ и издать законъ, поддерживаемый судомъ и подлежащій усовершенствованію. Притомъ въ судѣ—подъ-органѣ правительства, нелишенномъ значительной доли интеллигенціи, инстинктъ правосудія бываетъ всегда двойной, состоящій изъ двухъ стремленій: одного къ осужденію, наказанію, другого—къ помилованію, примиренію, прощенію. Дѣйствіе преступника можетъ быть и не вмѣнено ему, не поставлено ему въ вину. Очищеніе отъ вины покупалось тогда на деньги, нынѣ оно выкупается заслугами, возрастомъ, вреднымъ вліяніемъ среды, вообще стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Функція суда срединная, центральная; достойнѣйшую ея часть всегда составляла царственная прерогатива помилованія. Продуктъ суда—*правосудіе*, не то безусловное, измышленное философами, но реальное, состоящее въ уравненіи дѣянія съ подлежащимъ закономъ, то-есть съ тѣмъ правомъ сильнѣйшаго, въ которомъ окопались, точно въ крѣпости, соединенные союзники: сила физическая, богатство и знаніе. Судъ есть гарнизонъ этой крѣпости и исполняетъ свою обязанность, мало заботясь о психическихъ цѣляхъ наказанія, устрашенія, предупрежденія, исправленія, которыя не суть ни причина, ни источникъ суда.

Чтó въ обществѣ судъ и приговоръ, то въ международныхъ отношеніяхъ война и побѣда. Войнѣ присущи тотъ же драматизмъ, какъ и судебному процессу, тѣ же стремленія къ осужденію и извиненію, такъ же точно какъ и въ процессѣ вѣсы побѣды склоняются къ тому, кому благопріятствуютъ сила, богатство и знаніе. Сходство между судомъ и войною поразительное, но судъ былъ безмѣрно идеализированъ общественнымъ

мнѣніемъ; ради красиваго узора достойныхъ и мягкихъ формъ судоговоренія оно забываетъ про грубую канву, на которой шитъ узоръ, между тѣмъ какъ война есть та же канва, но обращенная къ намъ изнанкою съ рваными концами шелку и шерсти. Война требуетъ страшныхъ приготовленій, богатства, экономіи, организаторскихъ способностей, духа единенія народа съ войскомъ—патріотизма. Всякая армія есть двойной экстрактъ народа и государства. Въ войнѣ высшая организація всегда побѣждаетъ низшую, причемъ, конечно, побѣда идетъ въ прокъ человѣчеству.

Третій подъ-органъ правительства—*администрація*, посвященъ поддерживанію права, исполненію закона. Г. Стронинъ умалчиваетъ о томъ, что въ кругъ ея вѣдомства входитъ попеченіе о благосостояніи гражданъ, посредствомъ банковъ, учрежденій земледѣльческихъ, промышленныхъ, коммерческихъ и содѣйствіе развитію просвѣщенія посредствомъ школъ; онъ пропускаетъ всю ту благотворную дѣятельность, посредствомъ коей администрація связана множествомъ звеньевъ съ экономическою жизнью народа и вліяетъ на ходъ этой жизни. Ограниченная однимъ исполненіемъ существующихъ законовъ, тощая и обрѣзанная, администрація походитъ на челнокъ въ рукахъ ткача: она снуетъ ежеминутно въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, внѣдряя въ общество законы популярные безъ суда, непопулярные при помощи суда, или доводя до правительства результаты своихъ наблюденій, поставляя его въ извѣстность о несходствѣ жизни съ предписаніями закона, а также указывая законодательству на факты жизни, непредусмотрѣнные закономъ. Такимъ образомъ, конецъ дѣятельности администраціи стекается съ началомъ дѣятельности законодательства, и всѣ три функціи правительства образуютъ непрерывный кругъ. Онѣ и дополняютъ взаимно одна другую. Если законъ устарѣлъ или ретроградень, судъ съузитъ или расширитъ его посредствомъ искуснаго толкованія. Судъ регулируетъ также и адми-

нистрацію, оставляя безъ послѣдствій ея иски, оказывающіеся несостоятельными, или привлекая ее къ отвѣтственности; законодательство можетъ ежеминутно перестроить и администрацію и судъ.

«Политика» г. Стронина кончается теоріею функцій *гражданства*, то-есть той густой массы, которой не проникаетъ сплошь ни одна идея, въ которую всякій законъ внѣдряется медленно и съ трудомъ, но изъ которой ни одного разъ усвоеннаго предмета нельзя исключить безъ того, чтобы онъ не оставилъ многочисленныхъ корешковъ. Гражданство есть преимущественно сила физическая и экономическая, а не политическая, это матерія, приводимая въ движеніе интеллигенціею посредствомъ правительственныхъ аппаратовъ. Она не дѣлится въ политическомъ отношеніи ни на какіе органы и всѣ ея функціи крайне просты и элементарны и состоятъ въ *привычкѣ* и *отвычкѣ*. Вгоняя въ народъ новыя права и обязанности, администрація достигаетъ того, что дѣяніе, предписанное закономъ, совершается наконецъ безсознательно, автоматически, что оно обращается въ рутину, въ нравъ, вторую природу человѣка. Какъ только человѣкъ усвоилъ себѣ этотъ нравъ, какъ только онъ его возлюбилъ, то тотчасъ же этотъ нравъ освѣщается лучемъ красоты, эстетическаго творчества и отливается онъ въ обрядъ, обычай. Подвинутый еще на одну ступень, изъ области поэзіи въ область чистаго мышленія, нравъ изъ обычая превращается въ *преданіе*, святыню народа, замѣняющую ему не разъ науку и служащую неистощимымъ родникомъ, изъ котораго интеллигенція почерпаетъ свои идеи. Такимъ образомъ опять и въ послѣдній разъ мы видимъ, что жизнь вращаетъ исполинскимъ колесомъ: интеллигенція беретъ изъ преданія идеи, которыя, бывъ крещены духомъ вѣка, претворяются сначала въ права, а потомъ въ обычаи и преданія. Скоро-ли и какимъ образомъ совершается полный круговой оборотъ идей, правъ, преданій и опять идей?—на эти вопросы «Политика» даетъ только самые общіе, приблизительно точные отвѣты.

Изъ всѣхъ продуктовъ политической жизни самые разрѣженные и, такъ сказать, газообразные суть идеи; гораздо плотнѣе права, которыя можно назвать жидкими продуктами жизни, и всего плотнѣе и тверже—нравы. Идеи блещутъ всѣми цвѣтами радуги: гдѣ ихъ много, тамъ игра этихъ цвѣтовъ порождаетъ оптическій обманъ, вслѣдствіе котораго наблюдателю кажется, что политическая жизнь богата и полна, а между тѣмъ она можетъ быть бѣдна, можетъ произращать одни пустоцвѣты безъ сѣмянъ. Франція импонировала такимъ мнимымъ богатствомъ гуманнѣйшихъ идей, пока не убѣдились, что само накопленіе этихъ идей есть болѣзненный признакъ въ организмѣ, который былъ весьма даровитъ, но истощился отъ всякаго рода излишествъ; что этому накопленію идей соотвѣтствуетъ страшная рутина практики, потому что нѣтъ возможности мѣнять ежегодно и даже ежедневно свои законы, а тѣмъ болѣе нравы. Быстрое движеніе и частое измѣненіе законовъ не можетъ быть также несомнѣннымъ показателемъ высоты развитія общества; вспомнимъ только несмѣтное количество нашихъ бумажныхъ реформъ, начиная съ Петра Великаго, изъ коихъ немногія оказали вліяніе на измѣненіе основъ политической жизни, поражающей своею худобою, и только недавно начавшей наполняться болѣе обѣщающимъ содержаніемъ. Настоящее мѣрило народнаго развитія—это нравы народа, которыхъ нельзя заимствовать извнѣ, но необходимо самому выработать, послѣ чего они могутъ существовать цѣлые вѣка, несмотря ни на какія усилія, направленныя къ разложенію ихъ со стороны законодательства, при содѣйствіи ему даже и физической силы. Нравы суть продукты политическіе, всего болѣе децентрализованные, но и они распространены неравномѣрно и не по всему обществу. Есть обычаи, которые отъ начала міра не проникли до сихъ поръ въ низшіе слои общества, есть преданія преходящія и ломкія, свойственныя одной только аристократіи, то-есть, тому классу общества, который всего склоннѣе къ новизнамъ,

и который въ своей погонѣ за новизнами готовъ совсѣмъ оторваться отъ тяжелыхъ на подъемъ народныхъ массъ. Эти соображенія приводятъ автора къ уразумѣнію великаго значенія *средняго состоянія*, связывающаго верхъ и низъ общества, состоянія умѣренно прогрессивнаго, хранящаго преданія, но воспріимчиваго также къ идеямъ. Круговой оборотъ продуктовъ въ жизни политической бываетъ всегда пропорціоналенъ величинѣ общества, его массивности. Коренной недостатокъ всякаго громаднаго организма заключается въ томъ, что онъ развивается страшно медленно и требуетъ много времени на выработку идей, законовъ и преданій. Это и заставляетъ автора признать относительное превосходство *федерализма*, какъ такой именно формы, которая, при всей громадности цѣлаго, даетъ возможность крови обращаться быстрѣе въ каждомъ изъ членовъ этого цѣлаго.

IX.

Возрастаніе средняго состоянія и федерализмъ—таковы два окончательные вывода, которыми г. Стронинъ заключаетъ свою теорію, и два пожеланія, которыми онъ напутствуетъ свою книгу, отдавая ее на судъ общественнаго мнѣнія. Книга изобилуетъ оригинальными взглядами, неожиданными и поразительно новыми сопоставленіями и сравненіями, но есть въ ней порядочная доза недоказаннаго и страннаго. Оставляя въ сторонѣ мелочи, постараемся формулировать болѣе крупныя возраженія, которыя можно сдѣлать почтенному труду.

Взявъ въ руководство методъ аналогики, г. Стронинъ строитъ систематическія догадки; предположивъ, что всякій законъ космическій повторяется и въ біологіи и въ соціологіи, онъ сталъ примѣнять законы пространства, геометрическія аксіомы къ тому, что лишено пространства, къ явленіямъ духа общественнаго. Онъ открылъ стройныя подобія, составилъ чудовищный атласъ, негодящійся къ употребленію, совсѣмъ не воспользовав-

шись притомъ богатымъ запасомъ матеріаловъ, собранныхъ исторіею или такъ называемою имъ эмпирическою обсерватикою историческихъ событій. Г. Стронинъ не исполнилъ обязательствъ, взятыхъ имъ на себя въ «Исторіи и Методѣ»; онъ ничѣмъ не подтвердилъ на опытѣ правильности своего взгляда на мѣсто, которое по его началамъ должна занимать психологія. Куда дѣвать психологію? По этому вопросу, составляющему яблоко раздора въ лагерѣ позитивистовъ между Литтре и Д. Ст. Миллемъ, г. Стронинъ высказался такимъ образомъ, что психологія слѣдуетъ за соціологіею и есть послѣдняя наука, значитъ, что соціологію можно построить не прибѣгая къ помощи психологіи. Оказалось на опытѣ, что это невозможно. Уже въ біологическомъ процессѣ общества г. Стронинъ двояко объясняетъ смерть обществъ, біологически и психологически: доведеніемъ до конца работы скрещиванія породъ и исчерпаніемъ общественныхъ идеаловъ. Оба рѣшенія не только лишены всякой раціональной связи, но они и не совпадаютъ одно съ другимъ. Исторія изобилуетъ примѣрами народовъ, скончавшихся либо отъ недостатка въ идеалахъ, либо отъ другихъ вполнѣ естественныхъ причинъ, гораздо прежде, нежели смѣшались ихъ племенные элементы, гораздо прежде, чѣмъ выработался, а можетъ быть и потому, что недовольно скоро выработался у нихъ одинъ общій типъ отъ скрещенія составныхъ элементовъ (Финикія, Карѳагенъ, древняя Персія). Замѣтимъ мимоходомъ, что, вводя въ біологическій процессъ новый факторъ—идеалы, авторъ долженъ былъ формулировать законъ ихъ образованія и отживанія, чего онъ не сдѣлалъ. Въ соціологическомъ процессѣ г. Стронинъ основалъ все начало соединенія и раздѣленія труда на психологическихъ понятіяхъ о цѣли и средствахъ. Наконецъ въ политическомъ процессѣ авторъ раздѣлилъ факторы жизни политической на подобіе функцій души: разума, чувства и воли.

Остановимся на минуту на біологическомъ процессѣ. Началомъ и причиною застоя, послѣ котораго наступаетъ

сначала упадокъ, а потомъ и смерть общества, авторъ считаетъ неудовлетвореніе общественной потребности, которая или изуродовала организмъ, замолкая, атрофируясь, или истощила его, потрясая его революціями. Это объясненіе не вполнѣ согласно съ понятіемъ объ обществѣ, какъ объ организмѣ, который долженъ старѣться, хотя бы никогда не хворалъ, хотя бы ни одна его органическая потребность не была подавлена. Изъ положеній автора надлежало бы заключить, что такой совершенно правильно развивающійся организмъ пользовался бы даромъ, похожимъ на безсмертіе, однако это немыслимо, потому что всякій организмъ кончается, даже и безъ болѣзни, причемъ можно сильно поспорить, имѣетъ ли односторонность развитія такую непосредственную связь съ недолговѣчностью, какую предполагаетъ авторъ. Есть односторонніе и увѣчные организмы между людьми, которые доживаютъ почти до Маѳусаиловыхъ лѣтъ. Къ этому же ложному выводу о безсмертіи мы можемъ придти еще другимъ путемъ: ничто не препятствуетъ народу обновлять до безконечности свои идеалы, то-есть получать все новыя и новыя впечатлѣнія отъ окружающей среды, образовать изъ нихъ понятія и наряжать эти понятія въ чувственныя формы. При некончающейся во всю жизнь впечатлительности организма не можетъ быть окончательнаго исчерпанія всѣхъ идеаловъ безъ остатка, развѣ пришлось бы допустить, что поражены параличемъ вдругъ окончательно всѣ нервы ощущеній, то-есть вся интеллигенція народа.

Начало и конецъ стадіи прогресса опредѣлены далеко не точно, еще бо́льшая путаница выходитъ съ разграниченіемъ застоя и регресса. Остроумная догадка о воскресеніи народныхъ идеаловъ виситъ на воздухѣ, ничѣмъ неподтвержденная, недоказанная. Нельзя серьезно относиться къ такой діалектической игрѣ понятіями, какую представляетъ предположеніе, что римскій цезаризмъ есть поворотъ Рима назадъ къ временамъ Тарквинія и тому под.; наоборотъ, можно доказать против-

ное, а именно, что народы сильно прогрессирующіе углублялись иногда въ свое историческое прошедшее для извлеченія оттуда народныхъ преданій, необходимыхъ для разрѣшенія задачъ современности. Обращеніе народа къ своей исторіи для заимствованія оттуда идеаловъ не есть непремѣнный показатель регресса; напротивъ того, оно можетъ иногда служить доказательствомъ крѣпости организма, который при выработкѣ понятій изъ впечатлѣній поочередно то хватаетъ и присвоиваетъ себѣ чужое, то отворачивается съ омерзеніемъ отъ чужаго и пытается выводить все содержаніе своей жизни изъ исключительныхъ особенностей своей личности. Эти два поочередныя стремленія, одно къ космополитическимъ рукожатьямъ и объятіямъ, другое къ уединенію, къ дикому возлюбленію самого себя, съ пожертвованіемъ всего патріотизму, вызываютъ появленіе волнообразной линіи акцій и реакцій едва ли не въ бо̀льшей степени, нежели фактъ соединенія и раздѣленія труда, положенный авторомъ въ исключительное основаніе акцій и реакцій. Вся эта глава о соединеніи и раздѣленіи труда была бы согласна съ истиной, если бы развитіе организма было только внутреннее, если бы оно совершалось, такъ сказать, подъ воздушнымъ колоколомъ, безъ всякаго вліянія окружающей среды, которое иногда мѣшаетъ развитію, а иногда служитъ могущественнѣйшимъ стимуломъ и производитъ совершенный поворотъ не только въ чувствахъ, но и въ самыхъ понятіяхъ. Патріотизмъ есть громадная скрытая сила, которая освобождается, превращается въ живую и пылаетъ только въ короткія минуты борьбы и опасности. Тогда-то и совершаются мгновенно такія перемѣны, такія акціи и реакціи, которыхъ объясненія напрасно бы мы искали въ мѣрныхъ движеніяхъ общественнаго сложенія и разложенія, анализа и синтеза.

Въ политическомъ процессѣ г. Строninъ является психологомъ, но психологомъ одностороннимъ и неполнымъ. Неизвѣстно, куда у него дѣвались функція чув-

ства, аффекты простые и превратившіеся отъ повторенія въ привычки, то-есть, страсти? Изъ всѣхъ чувствъ выдѣлено одно—эстетическое, и приписано правительству, а въ правительствѣ особенно войнѣ и суду. Несомнѣнно, что процессъ чувства есть самый темный и сложный вопросъ современной психологіи, но безъ него нельзя себѣ объяснить, почему общество откликается только на нѣкоторыя идеи вѣка и отвращается отъ остальныхъ, почему изъ громаднаго запаса мертваго знанія оно выбираетъ тѣ, а не другія идеи, которыя и становятся ферментомъ, живыми политическими идеалами. Нельзя также объяснить и образованіе политическихъ партій—явленіе, которое исключено авторомъ безъ всякаго повода изъ политическаго процесса съ перенесеніемъ его въ соціологическій, гдѣ оно совсѣмъ неумѣстно соединено съ началомъ соединенія и раздѣленія труда. Политическія партіи суть факторы, которыхъ произведеніемъ является само правительство. Совокупность всѣхъ партій и составляетъ гражданство, не то пассивное и сгущенное въ одну безформенную массу, какимъ оно представляется автору, но раздѣленное на отряды, знающее наизусть свои преданія, чуткое на кличъ интеллигенціи и вліяющее такимъ образомъ на историческія судьбы общества. Хотя бы нѣкоторые, или даже и всѣ классы народа не обладали правами политическими, ихъ настроеніе и сочувствіе производятъ сильнѣйшее давленіе на правительство. Если бы г. Стронинъ былъ болѣе основательный психологъ, то онъ не поражалъ бы насъ своимъ одностороннимъ и грубымъ натурализмомъ, мѣтко схватывающимъ инстинкты, но не оставляющимъ почти мѣста въ жизни сознательной идеѣ; отъ него ускользаетъ весь переходъ инстинкта въ идею. По его мнѣнію, политическія партіи, какъ были слѣпыя, дѣйствующія по инстинкту, такъ такими и навсегда останутся. То же можно бы сказать и о каждомъ отдѣльномъ лицѣ, однако извѣстно, что въ зрѣломъ возрастѣ человѣка и общества разсудокъ беретъ верхъ надъ аффек-

тами и инстинктомъ, и что бывали политики, предводители партій, которые математически вѣрно разсчитывали будущія событія, значитъ, что и въ политикѣ не вездѣ и не для всѣхъ инстинктъ служитъ единственнымъ проводникомъ. То же можно сказать и о судебномъ инстинктѣ. Г. Стронинъ думаетъ, что онъ совсѣмъ покончилъ съ уголовнымъ правомъ, указавъ на его первоначальный источникъ—инстинктъ, но на инстинктѣ нельзя ничего построить, даже если допустимъ, что этихъ инстинктовъ два: одинъ, клонящійся къ суровости, и другой къ смягченію. Изъ инстинкта нельзя вывести систему наказанія, а такъ какъ умъ нашъ ищетъ раціональной системы наказанія, то онъ берется по необходимости за изученіе послѣдствій, вытекающихъ изъ наказанія, какъ для общества, такъ и для самого преступника, значитъ, прибѣгаетъ къ психологіи. Въ своемъ источникѣ право есть несомнѣнно порожденіе силы и вѣрнѣйшее отраженіе господства силы, богатства и знанія, но дальнѣйшая переработка его обществомъ, толкованіе, приложеніе и обобщеніе видоизмѣняютъ это право, безъ всякаго переноса власти изъ класса въ классъ, и даже среди глубокаго застоя. Эти вліянія растягиваютъ право, подкладываютъ подъ первобытное и грубое проявленіе воли самыя умныя и тонкія предположенія и теоріи, такъ что оно переполняется совсѣмъ новымъ содержаніемъ и дѣлается чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ прежняго. Безъ всякой перемѣны въ законѣ, отношенія общественныя, нравственныя и юридическія дѣлаются нѣжнѣе, мягче, чтѣ и подмѣтили древніе и средневѣковые писатели, и что они приписывали изнѣженности, какъ послѣдствію долгаго мира. Это постепенное размягченіе суроваго обычая, эта гуманность, выдѣляющаяся вслѣдствіе долгаго общежитія и просачивающаяся безсознательно въ практику и въ толкованіе закона, хотя бы буква закона была самая суровая, составляютъ то, чтó у Стронина представлено вторымъ подъ-видомъ судебнаго инстинкта, стремленіемъ

къ невмѣненію. Мы уже указали на то, что авторъ страшно обрѣзалъ администрацію, исключивъ изъ нея вліяніе на экономію общества полицейскихъ и финансовыхъ установленій, искусно завѣдуемыхъ администраціею. Въ книгѣ г. Стронина ощущается вообще недостатокъ теоріи взаимнодѣйствія процессовъ экономическаго и политическаго. Авторъ догадывается, что всякій шагъ впередъ экономическій вызываетъ новый шагъ впередъ политическій, и что общество движется точно человѣкъ, на ходу дѣйствующій поочередно обѣими ногами. Эта истина брошена въ видѣ остроумнаго сравненія, но не развита съ надлежащею обстоятельностью.

Мы покончили съ общею частью труда г. Стронина, съ его теоріею; но въ книгѣ есть еще двѣсти страницъ, посвященныхъ спеціально Россіи; къ этому-то эпилогу намъ придется теперь обратиться.

X.

Создавъ посредствомъ дедукціи систему политики, которой анатомическая или статическая часть весьма слаба, а динамическая исполнена догадокъ, требующихъ подтвержденія, г. Стронинъ долженъ бы былъ провѣрить свои теоріи на дѣлѣ, то-есть начертить исторію человѣчества или какой-либо части человѣчества, извѣстной группы народовъ, или хотя-бы одного народа и доказать, что человѣчествомъ или народомъ пройдены всѣ тѣ процессы, которые составляютъ содержаніе «Политики». Безъ историческаго труда, который обѣщанъ г. Стронинымъ, его теорія виситъ на воздухѣ и остается блистательнымъ фейерверкомъ. Но нетерпѣливое его желаніе перейти тотчасъ къ практическимъ результатамъ столь велико, и увѣренность въ непреложности предугаданныхъ и неповѣренныхъ законовъ столь сильна, что̀, отложивъ представленіе доказательствъ, онъ нынѣ же задается мыслью дать на основаніи началъ своей политики діагностику и прогностику сегодняшней Россіи,

иными словами, сдѣлавъ скачекъ изъ науки въ искусство, онъ берется по фактамъ текущей политики опредѣлить возрастъ, степень и особенности развитія Россіи и предсказать ея судьбы, формулировать какъ ближайшее будущее, такъ и самое отдаленное. Всякому свойственно гадать о будущемъ, но иное дѣло угадывать, иное же дѣло знать будущее и предрѣшать его вѣщимъ духомъ во имя науки, на основаніи законовъ, выведенныхъ изъ прошедшаго. Эта титаническая задача не была по силамъ ни одной философіи исторіи, едва-ли она удалась и г. Стронину. Послѣднія 200 страницъ его книги, посвященныя Россіи, конечно весьма пикантны, онѣ прочтутся съ любопытствомъ даже тѣми людьми, которые не одолѣютъ его теоріи; на этихъ страницахъ выводятся люди близко знакомые, затрогиваются свѣжія раны, изъ которыхъ еще сочится кровь, и высказываются смѣло, а порою и рѣзко, прочувствованныя многими изъ насъ задушевныя думы, еще не обратившіяся въ былое, изображается наглядно живая дѣйствительность настоящей минуты. Строго-научнаго мало въ этихъ опредѣленіяхъ и предсказаніяхъ, по всей вѣроятности немногимъ больше, чѣмъ въ предсказаніяхъ старинныхъ календарей о погодѣ на грядущій годъ. Вѣроятности выводовъ препятствуетъ то, что въ основаніяхъ заключеній настоящіе факты перемѣшаны съ гражданскими убѣжденіями автора, то-есть что авторъ въ законы русской политики возводитъ чувства, его одушевляющія, которыя онъ желалъ бы видѣть руководящими будущностью отечества. Таковы, напримѣръ, его теорія русскихъ завоеваній, оставляющихъ будто-бы неприкосновенными своеобразности инкорпорируемыхъ земель; таковы его идеи о сплоченіи въ единицы цѣлыхъ расъ человѣчества, о панславизмѣ и паневропеизмѣ подъ русскимъ знаменемъ, о славянско-русской политикѣ, съ точки зрѣнія которой славянскій съѣздъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 1867 г. представляется чуть-ли не міровымъ событіемъ и началомъ новой эры (стр. 492). Увлеченіе

г. Стронина своими идеями столь велико, что въ будущей возможной германско-славянской борьбѣ онъ предлагаетъ, какъ средство одолѣть противниковъ нравственнымъ превосходствомъ, введеніе воинскаго чиноначалія по выборамъ (485) и предрекаетъ открытіе въ тактикѣ такого клинообразнаго построенія войскъ, по закону разсѣченія среды остроконечіями, которое дастъ опять перевѣсъ холодному оружію надъ огнестрѣльнымъ. Подобные прогностики могли бы смѣло стать наряду съ самыми фантастическими предвѣщаніями знаменитаго Фурье. Г. Стронинъ мыслитель весьма радикальный, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ человѣкъ сердечный и патріотъ до мозга костей, пропитанный преданіями національной исторіи, которыя такимъ образомъ укладываются съ радикализмомъ, что самымъ радикальнымъ выходитъ у него непремѣнно и почти всегда завѣтное національное: и предполагаемое имъ соединеніе всѣхъ христіанскихъ церквей въ младшей изъ нихъ—православіи, и соединеніе всѣхъ славянъ въ самомъ младшемъ племени—русскомъ, и соединеніе всей Европы подъ началомъ ославянившейся Россіи, словомъ, осуществленіе на радикальной канвѣ славянофильскаго идеала, съ тою только разницею отъ московскаго славянофильства, что оно гуманнѣе, безобиднѣе; что оно ведетъ не къ съѣденію и переваренію всей славянщины, а потомъ пожалуй и Европы, здоровымъ великороссійскимъ желудкомъ, но клонится къ тому, чтобы каждой особи славянской и даже не-славянской, дать мирно жить въ нѣдрахъ гигантскаго государства, допускающаго величайшее разнообразіе частей. Хотя за взглядами г. Стронина мы не признаемъ научности, тѣмъ не менѣе они остроумны, глубокомысленны и заслуживаютъ того, чтобы быть принятыми, если не къ руководству, то по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію; вотъ почему мы постараемся передать вкратцѣ ихъ содержаніе.

XI.

Никогда и нигдѣ—въ такомъ родѣ разсуждаетъ г. Стронинъ—за исключеніемъ Новаго Свѣта—Сѣверной Америки, не было еще демократизма подобнаго твоему, мужицкое государство съ 55 милліонами на 80 землевладѣльцевъ. И чтó въ сравненіи съ этою колоссальною гущею наша буржуазія изъ какихъ-нибудь 500 т. человѣкъ, подраздѣляющаяся еще притомъ на два непохожіе одинъ на другой пласты. Одинъ пластъ, крупной буржуазіи, еврейско-нѣмецкій, полипомъ вросъ въ общественное тѣло, захватилъ коммерцію, биржу, а отчасти и оффиціальную или такъ-называемую академическую науку; другой пластъ—мелкой буржуазіи, отдѣленный отъ аристократіи нѣмецко-еврейской стѣной, тоже мужичій, только побогаче; онъ плаваетъ въ демократизмѣ какъ въ своемъ соку и не выработалъ да и не выработаетъ никогда буржуазнаго духа узкаго расчета, довольства малымъ, умѣренности. Столь-же насквозь демократична и интеллигенція русская отъ основанія вплоть до самой вершины общественнаго конуса. Въ одномъ изъ ея факторовъ—религіи, духовенство выросло все изъ народа и только во времена монгольскія пополнялось аристократіею, которая потомъ перестала въ него опускаться. Кромѣ этого духовенства имѣется еще своя особая интеллигенція, вполнѣ самородная и простонародная, выросшая какъ ягода въ лѣсу и неимѣющая себѣ ничего подобнаго—это расколъ. Въ другомъ факторѣ—наукѣ, корку академическую нѣмецкаго наслоенія пробивали съ Ломоносова головами своими недюжинные люди, всѣ почти кровные демократы. Въ одномъ только искуствѣ аристократія приняла участіе съ честью и славою (Пушкинская плеяда), но далеко не вся. Г. Стронинъ допускаетъ двѣ русскія аристократіи: одну по образцу монголовъ, хуже и ниже всякаго вельможества, и другую, по образцу Европы, которая отличается тѣмъ, что, оставаясь аристократіею

по крови, братается по духу съ демократизмомъ; процѣдившись сквозь демократическій фильтръ въ церкви, въ школѣ, въ русской конструкціи жизни, она не только прогрессивнѣе всякой аристократіи въ Европѣ, не исключая англійской, но, въ ущербъ своимъ интересамъ, она столь-же по духу радикальна, какъ и самый отъявленный демократизмъ. «Аристократизма мы не знали, говоритъ авторъ, въ другихъ формахъ, какъ невѣжественныхъ» (355), а такъ какъ жизнь сложилась такимъ образомъ, что и буржуазности намъ не видать, то намъ остается только нашъ демократизмъ, который мы должны пронести дальше, сдѣлать и просвѣщеннымъ, и сознательнымъ. Къ тому же результату приводитъ изученіе государства въ пространственномъ отношеніи по горизонтальному разрѣзу. Наша малая сравнительно съ объемомъ государства столица пять разъ мѣняла мѣсто, и усѣлась на дальнемъ сѣверѣ, на самой периферіи государства; наши расползающіеся во всѣ стороны города похожи на деревни, но за то села безподобны по своей густотѣ, по плотности, по объему. Никогда тебѣ не сравняться ни съ Англіею и Франціею, странами великихъ столицъ, ни съ Германіею, буржуазнымъ міромъ городовъ, о, деревенская страна, предрасположенная судьбою къ децентрализаціи, несмотря и вопреки всей нынѣшней централизаціи правительства! Залогомъ децентрализаціоннаго строя служитъ твой колоссальный объемъ все еще возрастающій, какъ катящаяся глыба снѣгу. Когда ты устоишься и почувствуешь потребность промѣнять строй пригодный для приращенія на строй наиболѣе пригодный для сохраненія, тогда и начнется разсредоточеніе съ умноженіемъ и уразноображеніемъ политическихъ органовъ, служащее показателемъ высшей организаціи.

Мы уже указывали, почему не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы долгота дней націи исключительно обусловливалась запасомъ неиспробованныхъ скрещиваній, но мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что скре-

щиванія составляютъ источникъ обновленія, и что Россія страшно богата въ этомъ отношеніи, потому что къ помѣси славянскаго съ финскимъ, образовавшей великорусское ядро катящейся глыбы, пристало почти все русское, да и многое славянское, что даже общій русскій типъ еще не установился, что любая окраина Россіи есть цѣлая этнографическая казна. Теперь близорукіе централисты сѣтуютъ на эту пестроту окраинъ, они хотѣли бы многое разомъ урѣзать и вытравить, но придетъ время, когда интеллигенція и правительство убѣдятся, что подобное отношеніе къ своему собственному цѣннѣйшему добру то же, что самоизувѣченіе себя, и постигнутъ возможность продлить жизнь и прогрессивность цѣлаго на многіе вѣка покровительствомъ помѣсямъ и случиваніемъ племенъ и сословій.

Никто въ мірѣ не оспариваетъ, и злѣйшіе враги и завистники признаютъ, что молодое созданіе еще растетъ и въ ширь, и въ высь, и въ пространство, и въ населеніе; но много лѣтъ имѣетъ оно за собою, а такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, то можно принять за вѣроятное, что уже подходитъ къ концу періодъ роста, и что чѣмъ не запаслась, чего не пріобрѣла въ смыслѣ коренныхъ качествъ нація, того уже и не видать ей. Трудъ ея жизни состоялъ въ политическихъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ, изъ которыхъ первыя преобладали надъ послѣдними. Слабость инстинкта соединенія была сначала поразительная, много времени прошло, пока образовалась первая государственная клѣточка; едва стали нарощаться на эту клѣточку роды одинъ за другимъ, какъ явилось раздѣленіе въ видѣ удѣльности, которое уничтожило почти всю работу соединенія, пока случайность внѣшняя и иго татарское не дало инстинкту соединенія рѣшительнаго перевѣса надъ инстинктомъ раздѣленія и не повело племя самое ковкое, безличное, тягучее, къ тѣмъ инкорпораціямъ, присоединеніямъ, завоеваніямъ, которыхъ конецъ впереди, потому что для автора дѣло рѣшенное: коль

скоро есть пангерманизмъ, то будетъ панславизмъ, а дальше и паневропеизмъ подъ гегемоніею Россіи. Какъ ни открещиваются всякій разъ отъ завоеванія всѣ наши партіи, идти впередъ приходится не по охотѣ, а по неволѣ, не преднамѣренно, а необходимо, подобно Вѣчному Жиду, потому что въ сердцѣ самой Европы оказываются союзники, братья, подобно чехамъ простирающіе къ намъ руки, и придется идти на Дунай и Карпаты, и за Альпы и Рейнъ, пока не дойдемъ до Атлантическаго океана.... (386). Чего-жъ жалѣть, помогай Богъ, дай только намъ побольше аппетиту на этотъ богатырскій пиръ горою! Жаль, что не обозначено приблизительно, въ какой годъ отъ Рождества Христова совершится это побѣдное шествіе до Атлантическаго океана, съ бубнами и литаврами; вѣроятно, еще не скоро, потому что если романскія племена, съ Франціею во главѣ, спустились уже книзу по дугѣ прогресса, Англія стоитъ на кульминаціонномъ пунктѣ этой дуги, а Германія подвигается вверхъ по другому концу ея, то для Россіи кульминаціонный пунктъ еще весьма далекъ (366). Искренно жаль разрушать эти милыя грезы, эти розовыя надежды, а между тѣмъ, однако, грунтъ, на которомъ онѣ построены, столь шатокъ, что онѣ не могутъ не провалиться. Основаніе ихъ состоитъ въ такомъ розовомъ, аркадскомъ представленіи у автора о завоеваніяхъ вообще и русскихъ въ особенности, которое никакъ и ничѣмъ не оправдывается въ дѣйствительности. По мнѣнію г. Стронина, соединенія романскія отличались быстротою, порывистостью, грандіозностью и непрочностью (Карлъ Великій, Иннокентій III, Карлъ V, Наполеонъ I). Германскія—совершались настойчиво, преемственно, клонились къ совершенному обезличенію побѣжденныхъ, къ уподобленію ихъ себѣ—способъ отличный, но для малыхъ только пространствъ и при условіи большихъ временъ. Русскій способъ завоеванія не похожъ на романскій; завоеванія совершались не порывисто, не внезапно, безъ завоевательно-на-

строенныхъ государей, безъ особенно геніальныхъ полководцевъ, точно въ видѣ прибоя волны морской. Русскій способъ завоеванія не похожъ и на германскій, но воспроизводитъ римскій; онъ никогда не вытравлялъ систематически племенныхъ и національныхъ особенностей. «Никогда,—говоритъ г. Стронинъ, въ словахъ, которымъ мы бы хотѣли отъ всей души вѣрить,—мы не набрасывались ни на вѣру, ни на языкъ побѣжденныхъ, мы не набрасывались на нихъ даже съ религіозною и политическою пропагандою исподоволь. Миссіонерство наше слабо, школа наша и донынѣ не существуетъ, нашъ чиновникъ и до сихъ поръ не политикъ» (380). Все, что дѣлается на западной окраинѣ подъ именемъ обрусенія, представляется автору случайностью, налетѣвшимъ шкваломъ мелкой завистливости, подражательностью или отрыжкою гнилой старины. Въ доказательство, что методъ русскій есть воспроизведеніе римскаго, то-есть что онъ не мѣшаетъ побѣжденнымъ оставаться собою, приводятся въ прошедшемъ сеймъ польскій 1814—1830 гг., автономія остзейской окраины, конституція Финляндіи, въ далекомъ будущемъ федеральный союзъ не изъ губерній, а изъ великихъ земскихъ единицъ, отмежеванныхъ какъ географіею, такъ и исторіею: Великороссія сѣверо-западная славянскаго типа, Великороссія финскаго типа, можетъ быть еще Великороссія татарскаго типа, двѣ Малороссіи на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, Бѣлоруссія, Новороссія, Остзейскій край и Польша съ Финляндіею, Кавказомъ, Туркестаномъ, Сибирью; наконецъ, въ настоящемъ признаки, изъ которыхъ можно заключить, что это прошлое поведетъ къ этому будущему. Такимъ признакомъ г. Стронинъ считаетъ земскую реформу, которая когда-нибудь введется и на окраинахъ, фактъ, раздутый журналистикою, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный, русскихъ сепаратизмовъ; наконецъ, русскій отвѣтъ на требованія земской автономіи—генералъ-губернаторства или намѣстничества, установленія, учрежденныя, повидимому, для единообразія, а между тѣмъ укрѣпляющія въ сущности

разнообразіе и служащія зародышемъ децентрализаціи. Это блистательное открытіе римско-русскаго метода завоеваній не выдерживаетъ повѣрки и оказывается личнымъ гуманнымъ пожеланіемъ автора, возведеннымъ въ законъ русской исторіи. Если-бы г. Стронинъ потрудился заглянуть въ исторію глубже, въ до-петровскую эпоху, то онъ бы нашелъ тамъ методъ завоеваній, открытый политикою московскихъ вѣнценосцевъ, посредствомъ котораго такъ основательно прикрѣплены, напримѣръ, сѣверныя народоправства, что не осталось въ нихъ уже никакихъ другихъ воспоминаній и живыхъ преданій великой старины. Способъ этотъ, весьма успѣшный, въ смыслѣ закрѣпленія пріобрѣтеній, хотя и дорого оплачиваемый вѣковымъ безплодіемъ вспаханной такимъ образомъ почвы, состоялъ въ томъ, чтобы демократизировать общество, оставивъ некультурные слои народа нетронутыми, но снять у нихъ съ плечъ разомъ всѣ культурныя, аристократическія наслоенія и замѣстить ихъ заѣзжими людьми и пришлыми элементами изъ центра государства. Понятно, что при такомъ истребленіи мѣстныхъ аристократій и при неимѣніи у себя иного аристократизма, кромѣ того, который проявляется «въ невѣжественныхъ формахъ», государство насколько выиграло въ отношеніи безопасности, настолько проиграло въ отношеніи чувства индивидуализма, котораго роковую потерю оплакиваетъ г. Стронинъ, на всю нашу будущность (401). Не разнообразіе и не богатство задатковъ нашего федерализма, но совсѣмъ иныя причины произвели то, что отдѣльный человѣкъ слабъ и малъ въ этомъ могучемъ, но весьма до сихъ поръ однообразномъ цѣломъ. Съ Петра Великаго измѣнились значительно и пріемы завоевательные; въ Европу прорубались окошки, простирались руки къ культурѣ, которая вся выросла изъ аристократизма, проявлявшагося тамъ не въ однихъ только невѣжественныхъ формахъ; отсюда автономія остзейскаго края, Финляндіи, конгрессоваго королевства западныхъ и юго-западныхъ губерній; отсюда попытки

развести у себя дома, сверхъ аристократіи по образцу монгольскому, аристократію по нѣмецкому и даже по польскому образцу; отсюда самыя широкія уступки всевозможнаго происхожденія барству, даже иногда во вредъ интересамъ низшихъ, некультурныхъ слоевъ населенія. Извѣстно, съ какою силою проявилъ себя демократическій инстинктъ, возвращаясь разомъ, къ древне-московскимъ преданіямъ завоеванія Новгорода и Пскова. Русско-римскаго метода завоеваній такимъ образомъ не было въ Россіи и нѣтъ, а есть два крайніе пріема и между ними никакой средины: либо лелѣять и пересаживать къ себѣ всякое барство, либо срѣзывать всякую культурность до основанія. Разводить барство, не значитъ возвращать индивидуализмъ. Срѣзывать культурный слой, не значитъ подготовлять панславизмъ и паневропеизмъ, не значитъ даже создавать въ покоренной странѣ прочную русскую партію, которая не образуется никогда посредствомъ однихъ аграрныхъ законовъ и возможна въ демократическомъ направленіи только посредствомъ возрощенія мѣстной культуры изъ мѣстныхъ же сѣмянъ, съ глубокимъ уваженіемъ къ привычкамъ, преданіямъ и особенностямъ политически объединяемой земли. Самъ же авторъ говоритъ: «безъ духа сепаратизма, безъ принципа автономичности частей, нѣтъ теперь духа соединительности, нѣтъ теперь Рима для міра» (396), но дѣло въ томъ, что вопросъ только поставленъ, задача не рѣшена, методъ не открытъ, а пока онъ не будетъ открытъ, можно повременить съ торжественнымъ маршемъ за Рейнъ къ Атлантическому океану.

Вся часть, сильнѣйшая въ «Политикѣ», о раздѣленіи и соединеніи труда, вышла слабѣйшею въ прогностикѣ и діагностикѣ Россіи; она темна и непослѣдовательна. Почти такая же оцѣнка приходится на долю опредѣленія числами изгибовъ и размѣровъ волнообразной линіи русскихъ акцій и реакцій. Вполнѣ вѣрно то, что богатырь, засидѣвшись сиднемъ четыре вѣка и потративъ ихъ на изобрѣтеніе метода собиранія земель,

сдѣлалъ потомъ исполинскій прыжокъ при Петрѣ, послѣ котораго пришлось долго отдыхать; что и затѣмъ онъ подвигался внезапными и раздѣленными временемъ прыжками, что непостепенность развитія превратилась въ хроническую болѣзнь и всякій разъ то разражается цѣлая буря прогресса, то наступаетъ мертвенное затишье застоя, среди котораго приходится начинать съизнова десять разъ начатое дѣло, попорченное потомъ и брошенное. Но, соглашаясь на то, что русскія волны еще не могутъ превратиться въ легкую зыбь, мы никакъ не раздѣляемъ того безнадежно-пессимистическаго взгляда автора, по которому каждой акціи и реакціи отмежевано не меньше 30 лѣтъ, взгляду, по которому мы должны ублажать себя только тѣмъ, что еще лѣтъ десятокъ или полтора мы будемъ обрѣтаться въ періодѣ убывающей акціи, потомъ опустимся еще на 30 лѣтъ въ темную глубь какой-то гигантской реакціи. Наша интеллигенція, по мнѣнію г. Стронина, вымерла до-тла, нигдѣ нѣтъ ни капли таланта, творчества; наша правительственная жизнь мельчаетъ, двѣ-три реформы, податная, военная—и конецъ; за то кипитъ жизнь экономическая, но и она, пробушевавъ, завянетъ,—тогда-то и начнется настоящая реакція; мы нынѣ видимъ одни только цвѣточки и не вкушали еще ягодокъ. Въ то время, когда всѣ нынѣшнія учрежденія будутъ мало-помалу уходить въ тряскую почву, всасываться ею, намъ будетъ предстоять одно утѣшеніе: реакціи во внутренней политикѣ будутъ соотвѣтствовать акція во внѣшней, уже отдохнувшей, громъ побѣдъ, гроза завоеваній, а среди реакціи экономической будетъ собираться съ силами интеллигенція наша, не новый, небывалый до нынѣ расцвѣтъ, но самобытное русское творчество. Самъ г. Стронинъ признаетъ, что Павловская реакція длилась всего четыре года, наверстывая интенсивностью то, что теряла въ экстенсивности, значитъ, и въ будущемъ могутъ быть реакціи покороче; что и волны акціи неровны; такъ, между двумя громадными прогрес-

сіями Петра I и Александра II помѣстились двѣ гораздо меньшія: Екатерины II и Александра I. Ошибочность прогностики о продолжительности акцій и реакцій въ Россіи проистекаетъ у автора изъ того, что онъ уединяетъ народъ русскій и разсматриваетъ его совсѣмъ внѣ всякой связи съ Европой. Опредѣлять волны жизни по одной внутренней работѣ, по соединенію и раздѣленію труда у себя дома можно бы только тогда, еслибы государство было на дальнемъ острову, внѣ всякаго общенія съ остальнымъ человѣчествомъ, чего нельзя допустить даже въ отношеніи Англіи, которая все-таки испытываетъ на себѣ вліяніе жизни общеевропейской. Въ Россіи, вслѣдствіе ея молодости, воспріимчивости, подражательности, заимствованія главныхъ мотивовъ жизни извнѣ, всѣ европейскія акціи и реакціи имѣютъ громадное вліяніе, какъ факторъ, опредѣляющій, вмѣстѣ съ внутреннимъ соединеніемъ и раздѣленіемъ труда, очередь русскихъ акцій и реакцій, а такъ какъ акціи и реакціи европейскія вовсе не совпадаютъ съ русскими, то всякое опредѣленіе числами лѣтъ акцій и реакцій въ Россіи по однимъ русскимъ дѣламъ и отношеніямъ есть ни къ чему неведущая кабалистика, невнушающая никакого къ себѣ довѣрія. Вѣра въ скоро-грядущій періодъ завоеваній и побѣдъ, какъ ничѣмъ не мотивированная и только непосредственная, не подлежитъ даже повѣркѣ критики. Напротивъ того, совсѣмъ непонятно, какъ могутъ упадокъ въ интеллигенціи, застой въ законодательствѣ и истощеніе экономическое породить завоеванія и подготовить расцвѣтъ интеллигенціи; скорѣе можно предполагать, что мы будемъ побиты, но бывъ побиты, воспрянемъ, и поумнѣемъ, и пріободримся. Наши пораженія были всегда плодотворнѣе побѣдъ, на этомъ основаніи у насъ прбпасть пессимистовъ, которыхъ девизъ: чѣмъ хуже—тѣмъ лучше, и, такъ какъ нація обрѣтается еще въ періодѣ роста, въ теченіе коего идетъ ей все впрокъ, и побѣда и пораженія, то наши пессимисты оказывались совершенно правыми въ большинствѣ случаевъ.

Исторію и характеристику политическихъ партій г. Стронинъ начинаетъ съ никонцевъ и старообрядцевъ и ведетъ ее вплоть до западниковъ и славянофиловъ сороковыхъ годовъ. На нашихъ глазахъ случилось превращеніе:—одна изъ партій прогрессивныхъ получила кличку, которая будетъ ея крещеніемъ и останется за нею всю будущую жизнь, кличку «нигилизма и нигилистовъ», между тѣмъ, какъ наши консерваторы еще не раздобылись на соотвѣтствующее имъ названіе. Партій во всей Россіи только двѣ, и онѣ скорѣе соціальныя, нежели политическія; главное основаніе дѣленія до сихъ поръ: «за мужика, или противъ мужика»; второстепенныя суть: сепаратизмъ и централизаторство, вѣрованіе во все или ни во что̀ невѣрованіе, полный спиритуализмъ или матеріализмъ, искуство для искуства или реализмъ. Между этими крайностями нѣтъ ни посредствующихъ оттѣнковъ, ни компромиссовъ. Современемъ явятся эти посредствующія звенья, но непреходящимъ отличіемъ всѣхъ нашихъ будущихъ партій будетъ все-таки ихъ не политичность, а общественность, ихъ соціальная подкладка, ихъ стояніе на великихъ, общечеловѣческихъ вопросахъ, а не на мѣстныхъ и національныхъ, что вполнѣ и соотвѣтствуетъ духу націи, призванной ко всемірному владычеству и привыкшей вмѣщать въ себѣ всѣ политическія формы, отъ финляндской до самоѣдской.

Перехожу къ впечатлѣніямъ и рефлексамъ, къ процессу инкорпорацій и экскорпорацій. Всѣхъ главныхъ впечатлѣній авторъ насчитываетъ четыре: удѣльной жизни (до 1/2 XIII); монгольское (1/2 XIII—1/2 XV); впечатлѣніе завоеваній (1/2 XV—1/2 XIX); и заходящее въ завоевательный періодъ, совмѣщающееся съ нимъ, впечатлѣніе Европы (1/2 XVII—1/2 XIX). Какъ совпаденіе европейскаго періода съ завоевательнымъ, такъ и то обстоятельство, что съ 1/2 XVII в. завоеванія дѣлались на счетъ Европы, указываетъ на то, что авторъ произвольно раздвоилъ на два впечатлѣнія одинъ и

тотъ же фактъ, проявляющійся только двумя различными, обусловливающими себя взаимно сторонами. Никакое впечатлѣніе не можетъ пропасть, пока не экскорпорировано, ни одно не могло быть въ конецъ экскорпорировано, вотъ почему въ насъ шевелятся донынѣ рефлексы жизни удѣльно-вѣчевой. Въ этой жизни сложились двѣ противоположныя привычки: жить сообща, міромъ, и жить въ разсыпную, землями. Экскорпорировать ихъ взялся помонгольскій монархизмъ, но не настолько, чтобы ихъ извести; они есть и напрашиваются въ жизнь. Режимъ земскій изъ общества ушелъ въ правительство въ видѣ генералъ-губернаторствъ и намѣстничествъ; режимъ мірской ушелъ изъ аристократіи къ мужикамъ, притаился и теперь вдвигается опять чрезъ открытую дверь земскихъ учрежденій, самоуправленія губерній. Другое впечатлѣніе, монгольское, не довольно проклятое русскими историками, потрясло всю нервную систему общества, заставило всѣхъ толпами бѣжать въ монахи, заставило аристократію слагаться по монгольскому типу, дало ей развиваться не вверхъ, а только внизъ, на счетъ народа, пріуготовило его закрѣпощеніе, наконецъ, отрѣзало насъ отъ Европы такъ, что и теперь не легко ее догнать, и что никогда, во вѣки вѣковъ, несовмѣстить намъ европейскаго индивидуализма съ нашимъ мірскимъ режимомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно создало монархизмъ, безчисленными корнями проникшій до самой подпочвы. Тираннія Грознаго, прекращеніе династіи, послужили только блистательною повѣркою крѣпости принципа, невѣроятной его прочности. Романовскій монархизмъ потянулъ къ Европѣ и началъ новый періодъ жизни, завоевательный въ физическомъ, подражательный въ цивилизаціонномъ отношеніи, въ которомъ г. Стронинъ усматриваетъ дѣйствіе двухъ впечатлѣній, потому что рефлексами его являются два качества, повидимому, несогласимыя:—гордость и смиреніе, изъ которыхъ гордость отмежевала себѣ внутреннюю политику и даетъ себя больно чувствовать по-

рою побѣжденнымъ, напр., полякамъ, а смиреніе знаменуетъ собою внѣшнюю политику и проявляется не только въ отсутствіи всякаго шовинизма, но и въ порядочной дозѣ самоуниженія передъ равными и высшими иностранцами. Отъ завоеваній выработался въ великорусскомъ племени тонъ повелительный, но эта гордость относится всегда къ массѣ, безъ разложенія ея на личности, безъ сознанія личнаго достоинства. Съ другой стороны, уваженіе къ иностранному доходитъ до подобострастія, до раболѣпства, но оно снабдило русскаго человѣка и драгоцѣннымъ качествомъ, безъ котораго нѣтъ ни владычества всемірнаго, ни даже роли всемірно-исторической: склонностью къ самоосужденію, безпощадною критикою надъ самимъ собою, безъ всякихъ умалчиваній. Общій ходъ русской исторіи до сихъ поръ таковъ, что наибольшей экскорпораціи подвергался духъ индивидуализма, а наибольшая инкорпорація досталась духу стадности, безличности, государственности, что вся жизнедѣятельность направлена была въ правительственную роль; развитіе стало совершаться правительственнымъ починомъ, скачками, усвоеніемъ европейскихъ обычаевъ, прежде чѣмъ поспѣли европейскіе законы, и усвоеніемъ европейскихъ правъ, прежде чѣмъ привились европейскія идеи. Составляя совершенную противоположность Франціи, которая страдала перевершеніемъ идей при застоѣ въ учрежденіяхъ, Россія страдаетъ хроническимъ недовершеніемъ идей, вслѣдствіе чего подъ прогрессивное нововведеніе, опережающее вѣкъ, подкапываются нравы, и оно можетъ быть столь же легко урѣзано, сколь легко дано. Отсюда возможность ввести разомъ не только классическое, но и восточное преподаваніе, ввести не только префектскую, но и сатрапскую власти (450), ограничить какъ угодно земскія учрежденія, судъ присяжныхъ, законы о печати; одного того нельзя сдѣлать, и въ этомъ одномъ наталкиваемся на предѣлъ политическаго творчества: нельзя экскорпорировать пропитывающій всю организацію русскаго об-

щества демократизмъ, невозможно аристократизировать это общество.

Объявивъ русскую интеллигенцію въ настоящую минуту вполнѣ несостоятельною, отказавъ ей и въ новаторствѣ и въ агитаторствѣ, низведя ея современную работу до самой вялой и мелкой пропаганды идей, давно положенныхъ въ ротъ и десять разъ пережеванныхъ, г. Стронинъ не высоко ставитъ и наличныя средства подъ-органовъ, исправляющихъ функціи правительственныхъ процессовъ: законодательства, администраціи и суда. Увеличивающаяся трудность разработки законодательныхъ вопросовъ, возрастающая по мѣрѣ осложненія жизни, повела къ палліативнымъ средствамъ усиленія законодательныхъ установленій, къ кабинетному выслушиванію экспертовъ, къ зондированію земства и печати, а между тѣмъ наличная зрѣлость общества для мотивированія законоположеній въ представительномъ собраніи столь мала, что авторъ отрицаетъ возможность добыть изъ народа достаточный персоналъ, который бы могъ трезво, толково и полезно разсуждать о нуждахъ и дѣлахъ общегосударственныхъ. Нѣтъ худа безъ добра; нераздѣленіе законодательной власти съ аристократіей, невозможность раздѣлить ее нынѣ съ еврейско-нѣмецкой тимократіей поведетъ къ тому, что она будетъ раздѣлена съ демократіей, когда эта демократія сдѣлается мало-мальски грамотна и знающа. Еще пройдетъ одно поколѣніе, и власть, сама идя на встрѣчу дѣйствительной потребности, призоветъ общество высказаться чрезъ представителей по вопросамъ о дѣлахъ государственныхъ. Вѣроятно, при этомъ случаѣ не будетъ никакихъ конституціонныхъ уговоровъ, а просто съ одной стороны свобода мнѣній, съ другой—вниманіе къ новому органу законодательства только совѣщательному, въ основу котораго, вѣроятно, ляжетъ давно взлелѣянный слафянофилами антиевропейскій идеалъ земскаго собора; идеалъ этотъ облечется, вѣроятно, въ форму единаго народнаго вѣча, а если и раздѣлится на думы, земскую и бояр-

скую, то подъ условіемъ никакъ не наслѣдственности въ думѣ боярской, и вѣроятно даже не выборности, а просто назначенія. Обновленный судъ нашъ вышелъ какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Зевса, на первыхъ порахъ онъ поражалъ новизною, обычай, нравы спѣшили въ немъ на помощь закону писанному, каждая буква учрежденія была переполнена духомъ. Нынѣ, когда новое учрежденіе вдвинулось плотно въ жизнь и сдѣлалось популярнымъ, прошедшее беретъ свое, задними ходами возвращаются и втискиваются опять и произволъ, и грубость, и взятки, и неравенство, и халатное отношеніе къ дѣлу. Теперь едва возможно угадывать будущія судьбы судебной реформы, но если судъ будетъ совершенствоваться, то это усовершенствованіе будетъ клониться, во-первыхъ къ тому, чтобы дать больше гарантій личности, уравновѣшивая защиту съ обвиненіемъ, во-вторыхъ, чтобы еще больше ослабить вмѣняемость. Никакіе законы не возмогутъ водворить суровость и взыскательность, когда нравы мягки какъ воскъ, когда въ нихъ нѣтъ мстительности, злорадства при видѣ казни, когда въ нихъ утвердилась равнозначительность преступленія съ несчастіемъ. Что бы ни толковали наши юристы и публицисты, уголовное противодѣйствіе преступленію не будетъ усиливаться, а будетъ ослабѣвать путемъ расширенія суда по совѣсти на счетъ суда по закону, путемъ смягчающихъ обстоятельствъ, смягченія наказаній и помилованія, путемъ преобразованія мѣстъ заключенія. То же незлобіе, та же наклонность къ невмѣненію замѣтны и въ отношеніяхъ Россіи къ внѣшнимъ врагамъ ея, лишенныхъ мелкой завистливости и злопамятованія, хотя при этомъ общество не забываетъ ни на минуту о высокомъ значеніи вооруженной силы и вполнѣ солидарно съ верховною властью въ ея милитаризмѣ. Что касается до администраціи, то она отличается отъ всякой другой въ Европѣ гораздо большею дозою произвольности, которую она почерпаетъ дважды: отъ историческаго, традиціоннаго автократизма и отъ

самого общества, на днѣ котораго лежитъ полная произвольность власти (крестьянская семья). Внизу подъ нами—океанъ произвола, неограниченность власти отца надъ сыномъ, мужа надъ женою, мужчины надъ женщиною, всякаго физически сильнѣйшаго надъ физически слабѣйшимъ. Этотъ произволъ есть тѣневая сторона нашей демократіи, возмущающая, отвратительная: она насъ относитъ ко временамъ первобытнымъ, предшествовавшимъ образованію феодальнаго порядка. Изъ демократіи этотъ произволъ заносится и въ законодательство, и въ судъ, и даже въ интеллигенцію. Между тѣмъ эта интеллигенція только и есть наша надежда и спасеніе. Она одна, дѣйствуя обратнымъ токомъ на умы и нравы, можетъ мало-по-малу экскорпорировать произволъ, составляющій канатную канву нравовъ. Она замѣняетъ въ Россіи среднее состояніе и спаиваетъ низъ общества съ готовою оторваться вершиною. Задача ея не высокая, роль ея не казистая: популяризація знаній, долбленіе окаменѣлой массы крестьянства каплями воды, проведеніе до низу общества самыми тонкими струями продуктовъ политическихъ. Школа—вотъ единственный завѣтъ будущаго. Безъ школы, безъ образованія, безъ страшныхъ, сверхъестественныхъ усилій со стороны интеллигенціи наша демократія не только не пойдетъ на смѣну буржуазіи, но застынетъ мертвымъ, летаргическимъ сномъ; всѣ ея силы и счастливыя предрасположенія обратятся въ слабость, и организмъ пораженъ будетъ въ самомъ его центрѣ, потому что русскій демократизмъ есть тотъ конецъ Аріадниной нити, на которомъ свитъ весь русскій политическій клубокъ; безъ демократизма общество не дойдетъ до разрѣшенія ни одной изъ предстоящихъ ему задачъ.—Таковы послѣднія заключенія автора.

(1873 году).

РАЗБОРЪ ПОСЛѢДНЯГО ТРУДА

К. Д. КАВЕЛИНА,

«ЗАДАЧИ ЭТИКИ».

(1885 г.).

РАЗБОРЪ ПОСЛѢДНЯГО ТРУДА

К. Д. КАВЕЛИНА

«Задачи этики».

(Исполненіе завѣщаннаго).

Художникъ удовлетворенъ, когда его произведеніе взволновало публику, вызвавъ общую эстетическую эмоцію. Поработавшій надъ міровыми вопросами жизни мыслитель достигъ цѣли, когда онъ, хотя бы на минуту, овладѣлъ вниманіемъ читателя, заставивъ его поразмыслить о вопросахъ и о предлагаемыхъ рѣшеніяхъ этихъ вопросовъ. Онъ удовлетворенъ даже и тогда, когда бы всѣ его предложенія были отвергнуты, коль скоро вопросъ ясно поставленъ. Раньше или позже вопросъ этотъ дождется рѣшенія. Съ такими скромными требованіями конченъ былъ 2 августа 1884 предсмертный трудъ К. Д. Кавелина, посвященный «Молодому Поколѣнію». Съ этимъ поколѣніемъ знаменитый умершій желалъ подѣлиться мыслями, сложившимися въ его головѣ въ теченіе многихъ лѣтъ и содержащими, по его убѣжденію, крупинки истины. «Пусть молодое поколѣніе,—писалъ онъ,—усвоитъ изъ моего этюда, чтó покажется ему вѣрнымъ, а объ остальномъ пусть подумаетъ крѣпко». Письмо Кавелина изъ с. Иванова отъ 25 іюня 1884 г. («Вѣстн. Евр.», іюнь, 1885) удостовѣряетъ, что онъ четыре раза брался за этотъ трудъ и бросалъ написан-

ное, а о предметѣ думалъ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ (1873—1885); что онъ помѣстилъ въ книгѣ все главное и существенное, что̀ могъ сказать современникамъ, что онъ радовался какъ ребенокъ, что, бывъ изложены литературно, мысли его не пропадутъ. Онъ опасался той нашей лѣни умственной, отъ которой мы толчемся на одномъ мѣстѣ, не двигаясь. Онъ опасался, что его книгу прочтутъ, слегка похвалятъ и положатъ, что она забудется, не задѣнетъ никого за нутро, не вызоветъ критики и тѣхъ опроверженій, которыя перекрестнымъ огнемъ встрѣчаютъ всякое новшество въ вопросахъ міровыхъ и общедоступныхъ, каковы вопросы этики и вообще жизни практической. Я ему предлагалъ по выходѣ каждой изъ трехъ книжекъ «Вѣстн. Евр.», въ коихъ помѣщались «Задачи Этики», мои посильныя замѣчанія и опроверженія. Не разбирая ихъ, Константинъ Дмитріевичъ прямо потребовалъ, чтобы я мои замѣчанія напечаталъ. Повтореніемъ этого вызова я былъ почтенъ за недѣлю до послѣдней болѣзни и за двѣ до оплакиваемой нами кончины. Приступая къ исполненію, по мѣрѣ силъ моихъ, долга моего по отношенію къ памяти умершаго, я считаю необходимымъ предварить читателя, что мой разборъ былъ бы не достоинъ памяти К. Д. Кавелина, еслибы онъ не былъ написанъ съ полнѣйшею откровенностью, еслибы онъ имѣлъ видъ похвальнаго слова, а не опроверженія послѣдняго труда Кавелина, еслибы я забылъ правило: amicus Plato, magis amica veritas, еслибы я понизилъ сколько-нибудь тонъ защиты моихъ мнѣній, прямо противныхъ его мнѣніямъ, а такихъ спорныхъ пунктовъ будетъ весьма много. Только горячимъ отстаиваніемъ того, что я считалъ истиною, могу я почтить такого поборника и искателя истины, какимъ былъ привлекательный и вліятельный авторъ «Задачъ Этики», воплощавшій въ своихъ дѣйствіяхъ субъективные этическіе идеалы и преданный имъ безпредѣльно до самаго конца. Въ моихъ глазахъ разборъ этой по объему малой, но весьма содержательной книги представляетъ еще

и тотъ особый интересъ, что сама книга есть превосходный матеріалъ для нѣсколькихъ страницъ будущаго жизнеописанія одного изъ самыхъ крупныхъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка.

I.

Этика есть ученіе о нравственности (писатель XVIII вѣка, сказалъ бы: о добродѣтели), о томъ, чего долженъ желать человѣкъ, въ чемъ долженъ онъ искать того вѣчно-ускользающаго отъ него удовлетворенія, которое обозначается крайне общимъ и туманнымъ словомъ *счастіе*. Нельзя сказать, чтобы опредѣленіе этики у К. было ясное и точное. На 75 стр. онъ утверждаетъ, что *этическая* точка зрѣнія не противорѣчитъ *научной*, изъ чего слѣдуетъ, что бываетъ этика и ненаучная. Она дѣйствительно есть; такова этика религіозная. К. только потому и предлагаетъ въ своей этикѣ путь болѣе трудный и тернистый, нежели въ вѣроученіи, что бываютъ люди, у которыхъ нѣтъ вѣры, и которымъ никакія земныя силы ее не внушатъ (72). Итакъ, этика этикѣ рознь. Предлагаемая Кавелинымъ этика есть научная (72), составляющая особую отрасль знанія (83). Всякая наука (въ томъ числѣ и этика) есть произведеніе ума, разлагающаго понятія, выработанныя изъ ощущеній и впечатлѣній, на составные мысленные элементы и дающаго результатамъ этой переработки своеобразную группировку (16), причемъ продуктъ знанія отсѣкается отъ своихъ первоначальныхъ живыхъ корней, изъ этого продукта исключается все личное, конкретное. За этимъ исключеніемъ въ знаніи остаются только обезцвѣченныя обобщенія, сведенныя въ своей совокупности въ одинъ міръ *идейный*, совсѣмъ отличный отъ дѣйствительнаго, и даже на него не похожій. Міръ этотъ въ извѣстномъ отношеніи даже и лучше дѣйствительнаго, потому что происходящія въ немъ сочетанія занесенныхъ извнѣ чрезъ впечатлѣнія элементовъ иногда гораздо болѣе удо-

влетворяютъ человѣка, нежели дѣйствительная жизнь; притомъ эти сочетанія способны превратиться въ руководящіе идеалы внѣшней дѣятельности, а, слѣдовательно, способны преобразовать самую дѣйствительность сообразно требованіямъ ума. По вѣрному замѣчанію К. (46), *теоретическое* знаніе, т.-е. наука, не имѣетъ никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ критическаго установленія фактовъ и открытія ихъ условій и законовъ. Значитъ, наука можетъ имѣть свою область, свой предметъ, но не свои спеціальныя практическія задачи. Если этика—наука, то невѣрно, будто бы ея задача — регулировать жизнь человѣка, подчинять ее нормамъ (15); невѣрно, якобы этика имѣетъ задачею дать душевнымъ движеніямъ направленіе, опредѣляемое субъективными идеалами (92). «Идеаловъ,—говоритъ К.,—собственно нѣтъ и быть не можетъ въ области теоретическаго знанія» (46), слѣдовательно, они являются за гранью теоретическаго знанія, въ области прикладнаго знанія, т.-е. не науки, а искуства. Это признаетъ К. и предлагаетъ (81) раздѣлить этику на двѣ части: 1) *этика-наука*—опредѣленіе условій и законовъ нравственности и 2) *этика* прикладная или *этика-искуство*, введеніе нравственности въ житейскій обиходъ. По его же словамъ, этика-наука доводитъ насъ только до порога дѣйствительной жизни, но еще не создаетъ добраго, нравственнаго человѣка. При такомъ дѣленіи слѣдовало заняться либо наукою, либо искуствомъ, либо обоими. Кавелинъ задачъ прикладной этики вовсе не касается (онѣ возможны однако въ смыслѣ казуистики); онъ не учитъ, какъ осуществлять идейныя нравственныя комбинаціи, онъ не переступаетъ порога дѣйствительной жизни, онъ занятъ исключительно *началами* и *основаніями* нравственности, иными словами—законами и условіями нравственности. Онъ обходится съ этикою какъ съ наукою, имѣющею особое мѣсто въ системѣ знанія. Прежде чѣмъ я перейду къ оцѣнкѣ мыслей К. по этой части, я долженъ замѣтить, что тѣ «основанія» этики, которыя онъ на-

звалъ «задачами», не поставлены на настоящей научной почвѣ, не доказаны и висятъ на воздухѣ. Наука есть произведеніе ума, который служитъ прекраснымъ проводникомъ, но только въ ограниченномъ пространствѣ. Есть предметы, обрѣтающіеся внѣ предѣловъ знанія; есть неразрѣшимые умомъ вопросы. Опытная психологія считаетъ несомнѣннымъ существованіе безсознательныхъ психическихъ процессовъ, такъ что сознательная дѣятельность является только освѣщенною вершиною дерева психической жизни, стволъ котораго въ тѣни, а корни пребываютъ въ непроглядной темнотѣ. Нашъ умъ не есть первичное событіе въ психической жизни, раньше его были ощущенія, рефлексы, эмоціи, волевыя движенія; нашъ умъ—не начальствующая способность души, словомъ, онъ весьма ограниченъ. К. отказывается признать, что онъ ограниченъ (87), но вмѣстѣ съ тѣмъ констатируетъ непререкаемыми доказательствами его ограниченность: «умъ не схватываетъ индивидуальности, чувства, перехода объективнаго въ субъективное; умъ просвѣтляетъ ощущеніе, подымаетъ его, дѣлаетъ тонкимъ, но замѣнить его своими комбинаціями не можетъ; умъ не выходитъ изъ условій своей дѣятельности: анализа, сравненія и частичнаго синтеза». Какова бы ни была однако ограниченность ума, если этика — наука, то она можетъ быть выстроена только средствами того же ума, который прежде, чѣмъ выведетъ любое положеніе, долженъ его доказать. Прежнія системы этики задавались прежде всего выводомъ идеи долга, какъ факта, присущаго совѣсти человѣка, и опредѣленіемъ санкціи долга, т.-е. роковыхъ дурныхъ послѣдствій его нарушенія, обезпечивающихъ его исполненіе у большинства людей. Основаніе идеи долга усматриваемо было либо въ авторитетномъ приказаніи свыше, либо въ категорическомъ императивѣ, т.-е. въ безотчетномъ, немогущемъ быть доказаннымъ требованіи ума, либо въ расчетахъ прямой пользы личной или коллективной отъ добродѣтели и отъ самаго страданія. Въ по-

слѣднее время оказывается наклонность упразднить долгъ въ смыслѣ какого-то почти внѣшняго на душу нажима и объяснить его какъ непреодолимое влеченіе достигшей извѣстнаго совершенства природы человѣческой, творящей добро ради самаго добра, безъ всякихъ иныхъ мотивовъ (H. Spencer, Data of ethics, 1879; Guyot, Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction, Paris. 1885). Съ легкой руки Дарвина и Спенсера понятія, казавшіяся неразлагаемыми и простыми, являются крайне сложными отложеніями, которыя готовились въ теченіе сотенъ вѣковъ и имѣли свои превращенія и фазисы развитія. Производятся усиленныя разысканія физіологическихъ основаній такихъ идей — чувствъ, какими являются добро и красота. Сверленіе производится одновременно съ двухъ концовъ и есть основательныя надежды думать, что когда-нибудь, хотя еще не скоро, будетъ пробитъ тоннель и установлено полное тождество физическихъ и психическихъ отправленій, въ сравненіи съ каковымъ проходомъ будетъ считаться сущею бездѣлицею тотъ, которымъ пробуравлена громада горы С.-Готардъ. Психо-физіологическими изысканіями К. не занимался. Онъ не эволюціонистъ; онъ располагаетъ только стариннымъ методомъ *самонаблюденія*, но онъ не занимается также ни выводомъ, ни опроверженіемъ идеи долга и его санкціи. Объявивъ, что умъ неспособенъ постигать личное, К. полагаетъ, что единеніе силамъ или цѣльность жизни придаетъ не умъ, а непосредственное ощущеніе дѣйствительности, которое и составляетъ настоящую почву и для этической жизни, и для религіознаго міросозерцанія (87). Съ основною мыслью этого отрывка я согласенъ, но съ извѣстными оговорками. Преподаваніе правилъ плаванія не сдѣлаетъ человѣка искуснымъ пловцомъ, если у него нѣтъ, во-первыхъ, желанія плавать и, во-вторыхъ, навыка плавать, доведеннаго до того, что плаваніе совершается автоматически. И преподаватель этики, и фанатическій блюститель религіозной обрядности могутъ быть дурными, жестокими и без-

сердечными людьми, даже любуясь красотою нравственности, даже сантиментальничая и предаваясь сладкимъ мечтамъ объ идиллическомъ счастіи людей. По древнему преданію крокодилъ проливаетъ слезы, пожирая жертву, то-есть онъ сочувствуетъ ей эстетически, что ему не мѣшаетъ относиться къ ней крайне не-этически. Оставимъ пока въ сторонѣ подобныя уродства, которыя вообще—только исключенія изъ общаго правила объ обыкновенномъ и естественномъ превращеніи идеи въ эмоцію и дѣйствіе. Допустимъ съ К., что уму непостижимо индивидуальное и что, слѣдовательно, онъ никогда не разгадаетъ, какъ превращается общая идея добра—предметъ науки этики — въ нравственный идеалъ добра — предметъ искуства этики, иными словами, какъ къ сознанному добру приходитъ желаніе поставить его цѣлью стремленій и осуществить. Во всякомъ случаѣ и при всей необъяснимости превращенія К. различаетъ *идею* и *идеалъ*, какъ два настроенія сознанія, занятаго однимъ и тѣмъ же предметомъ. На стр. 51 онъ упрекаетъ русскихъ за частое смѣшиваніе идеи и идеала. Идея, по его словамъ, есть предметъ созерцанія, сопровождаемаго ощущеніями и чувствами, а идеалъ—то же, что цѣль; идеалъ — проводникъ между мыслью и дѣйствительностью, идеалъ— камертонъ дѣятельности, спрягающій воедино мотивы и дающій имъ одно общее направленіе (50). При такомъ отнесеніи идеала въ этику—искуство и при сознаніи различія между идеею и ея проводникомъ, автору надлежало начать съ первичнаго и затѣмъ перейти къ производному, дать понятіе объ идеяхъ, какъ предметахъ созерцанія, и затѣмъ уже объяснить идеалы, ихъ проводники. Если онъ—психологъ стараго покроя, то онъ долженъ бы изучить идею подъ микроскопомъ абстракціи или созерцанія, дать ея формулу, какъ то дѣлали бывшіе метафизики, и развить потомъ эту идею путемъ дедукціи. Онъ ничего подобнаго не дѣлаетъ, но онъ не слѣдуетъ и за эволюціонистами, не пытается искать корешковъ этики въ біологіи, не слѣдитъ за за-

рожденіемъ нравственныхъ понятій, за ихъ развитіемъ въ настоящемъ и не заключаетъ о ихъ будущемъ. Раздѣливъ идеалы на объективные и субъективные (53), К. даетъ новое опредѣленіе этикѣ, называя ее ученіемъ о субъективныхъ идеалахъ, послѣ чего внезапно, какъ *deus ex machina*, выводятся имъ на показъ неизвѣстно откуда происходящіе и какъ бы произвольно народившіеся субъективные или нравственные идеалы. Человѣкъ! ты долженъ быть воздержанъ и умѣренъ (56), скроменъ и простъ (61), довѣрчивъ къ жизни и покоенъ; ты долженъ любить вообще людей и притомъ любить въ каждомъ не то, чѣмъ сей послѣдній есть въ дѣйствительности, но то, чѣмъ онъ могъ бы и долженъ бы быть въ качествѣ человѣка. Всѣ эти правила прекрасны, писать бы ихъ золотыми буквами, но они не связны, не полны, а главное, неизвѣстно на чемъ основаны. Они несомнѣнно субъективны и заслуживаютъ полнаго уваженія, какъ выводъ, сдѣланный весьма добродѣтельнымъ человѣкомъ изъ всей его практической жизни и дѣятельности, но снабдите только этимъ запасомъ чисто субъективныхъ данныхъ человѣка, извѣрившагося и неудовлетворяемаго религіозною этикою, и я увѣренъ, что снабженный лишенъ будетъ возможности вступить въ споръ съ поборниками религіознаго міросозерцанія. Предлагая идеалы, К. не выяснилъ нисколько, почему нравственный человѣкъ долженъ извѣстнымъ образомъ чувствовать и поступать. Таково мое первое возраженіе противъ книги К.; хотя оно формальнаго свойства, но немаловажное: не научная постановка вопроса, обходъ понятія: *долженъ*; почему человѣкъ долженъ? или, по крайней мѣрѣ, почему считаетъ человѣкъ, что онъ что-либо долженъ сдѣлать? Прежде чѣмъ перейду къ разбору мыслей, на которыя наводитъ Кавелина обличаемый имъ кризисъ въ нравстенности, считаю удобнымъ покончить заразъ и съ другимъ еще чисто формальнымъ возраженіемъ и указать на то, что, разсуждая и о психологіи и объ этикѣ, К. не отвелъ

этикѣ подобающаго ей мѣста въ системѣ знаній и не установилъ ея отношенія къ психологіи, что ведетъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и сбивчивости въ выводахъ.

II.

Я раздѣляю взглядъ Кавелина (34) о томъ, что этику вталкивали испоконъ вѣка по недоразумѣнію въ философію, съ которою она не имѣетъ ничего общаго, но что несомнѣнно также, что этическія ученія вліяли на образованіе философскихъ системъ. Между занимавшимися міровыми вопросами всегда замѣтны были, по части взглядовъ на мораль, два противоположныя теченія неравной величины. Между изслѣдователями были нѣкоторые, правда, немногіе (единицы или по крайней мѣрѣ только сотни среди милліоновъ), которые, задаваясь исключительно изслѣдованіемъ начала вещей и причинъ явленій, относились къ фактамъ морали безсердечно и превращали этику въ своего рода экспериментацію. Извѣстна характерная фраза Тэна: «Есть причины добродѣтели, какъ и причины пищеваренія и животной теплоты. Порокъ и добродѣтель—такіе же продукты, какъ сѣрная кислота или сахаръ». Если для наблюдателя его *я* исчезло въ природѣ, то онъ удовлетворенъ уже тѣмъ, что созерцалъ громаду и проникъ лучше другихъ ея тайны. Но для огромнаго большинства людей умственныя наслажденія ученаго недоступны. Милліоны воспринимаютъ только умственную пищу уже вполнѣ готовую, будь она догматъ вѣры или новое открытіе. Ихъ не интересуетъ ни начало вещей, ни громада вселенной, а смотрятъ они только на другой конецъ, на свое *я*. Они на всѣ лады повторяютъ то, что̀ такъ хорошо выразилъ К. (28): «что я, единица среди природы, мыслью несущійся за предѣлы міра, а связанный тѣломъ и обстановкою, ничтожный рабъ, зависящій отъ случайности, которая можетъ раздавить меня, какъ червяка?» Хотя призракъ личнаго счастія при погонѣ

отношеній къ сосѣдкѣ. «Обѣ,—говоритъ онъ (10),—проникаютъ въ тайны психической жизни и подходятъ къ источникамъ, гдѣ эта жизнь зарождается». Еще недавно этику включали въ философію; послѣ паденія философіи, основанной на самодержавіи ума въ области души, отъ нея отложились опытныя науки, которыя создали *опытную* психологію, выросшую на нашихъ глазахъ и получившую громаднѣйшій объемъ. Въ ближайшемъ будущемъ эта психологія должна преобразовать по своимъ началамъ всю область права и всю соціологію. По схемѣ новѣйшей индуктивной философіи соціологія и будетъ заключительнымъ и послѣднимъ звеномъ въ цѣпи знанія. Все научное знаніе только и дѣлится въ сущности на двѣ части: на *естествознаніе*, посвященное движеніямъ вещества, отъ звѣздъ и колебаній эѳира до жизненныхъ физіологическихъ явленій въ мірѣ животныхъ, и на *психологію*, посвященную тоже движеніямъ, но отмѣчаемымъ только сознаніемъ, измѣненіями состояній сознанія, изъ которыхъ въ каждомъ происходитъ сочетаніе элементовъ мышленія, эмоціи и воли. Правовыя и соціальныя науки являются только привѣсками къ психологіи; онѣ посвящены тѣмъ приспособленіямъ и снарядамъ, которыми достигается возможно полное и богатое развитіе психической жизни въ цѣлыхъ собраніяхъ единицъ, въ народныхъ и государственныхъ массахъ. Быстро и непомѣрно разростаясь, психологія поглотила множество наукъ, считавшихся самостоятельными, въ томъ числѣ эстетику и этику. Въ природѣ нѣтъ ни красоты, ни нравственности, это произведенія идейнаго лишь міра, это только обобщенія не самыхъ чувственныхъ отъ внѣшняго міра ощущеній, но душевныхъ, чисто личныхъ эмоцій, вызываемыхъ впечатлѣніями внѣшняго міра. Опытная психологія помѣщаетъ эти обобщенныя эмоціи въ отдѣлѣ чувствованій, въ которомъ особыя главы отведены чувствамъ: эстетическому, этическому, религіозному. Въ каждой изъ этихъ главъ разыскиваются законы причинъ, вслѣдствіе которыхъ явленія дѣйствительности

за нимъ всегда ускользаетъ изъ рукъ, и хотя нелѣпо искать смысла личной жизни, потому что подъ микроскопомъ ума она есть только голый фактъ, а не символъ съ внутреннимъ скрытымъ смысломъ, но червякъ-единица порою жалуется, протестуетъ и злословитъ, и этотъ протестъ имѣетъ нѣкоторое значеніе и послѣдствія, потому что въ сознаніи дѣйствительность претворяется въ міръ идейный, причемъ дѣлаются сочетанія идей, представляющія не то, чтò существуетъ, но то, чтò возможно, Человѣческое *я* и будетъ осуществлять возможное, совершенствуя и себя, и обстановку, слѣдовательно, весьма существенно, чтобы это *я* не заупрямилось и не сдѣлало забастовки въ работѣ. К. правъ, когда онъ говоритъ (63): человѣческая личность есть стержень, на которомъ вертится все общество въ поступательномъ движеніи человѣка. Въ минутахъ колебанія и остановки единица сильно страдаетъ, теряетъ бодрость духа; порою, извѣрившись въ знаніе, кидается опрометью въ мистицизмъ. «Это состояніе несносное,—говоритъ Поль Буржэ (Essais de psychologie contemporaine; art. Taine, p. 207, édit. 1885),—которое кончается либо отреченіемъ отъ благороднѣйшихъ требованій души, либо признаніемъ, что наука не можетъ проникать до самаго дна вѣчно ноющаго сердца нашего. Такое признаніе равносильно воротамъ, открытымъ въ мистицизмъ»... Оставаясь безучастными къ законамъ мірозданія, несмѣтныя толпы страдающихъ ловятъ каждое слово, вѣщающее имъ о томъ, что вѣчно, прочно, что добро. Они готовы вѣрить на слово каждому вѣщателю и пророку, который имъ только передаетъ, какъ удивительную тайну, ихъ собственныя эмоціи, ихъ истому и печаль. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательны и «Исповѣдь» графа Толстого и «Задачи этики» Кавелина, оба занимающіеся исканіемъ смысла жизни личной. Графъ Л. Толстой отвернулся отъ науки, его неудовлетворившей; Кавелинъ строитъ свою этику, какъ науку, отводя ей какую-то смежную съ психологіею область, но не опредѣляя ея

волнуютъ насъ извѣстнымъ образомъ пріятно или непріятно, какъ честность или порокъ, какъ грандіозность, грація, комизмъ или просто красота. Дальше того наука не идетъ, но за ея рубежомъ имѣются практическія искуства, преподающія практическіе совѣты для творчества по началамъ науки.

Этику, какъ искуство, можно бы подраздѣлить на этическую *педагогику* или выработку характеровъ и этическую *политику* или воплощеніе этическихъ идеаловъ въ правовыхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Эта часть этики современемъ займетъ мѣсто нынѣшней философіи права. Я утверждаю, что если разложить по этой схемѣ все содержаніе книги К., то большая часть ея отойдетъ въ опытную психологію, а все остальное помѣстится въ этической педагогикѣ. Кавелинъ не признаетъ вовсе этической политики, такъ какъ по его понятіямъ этика преподаетъ только субъективно-личные, а не объективно-коллективные идеалы нравственнаго добра. Послѣ этой раскладки, на выстройку этики, какъ особаго зданія, не останется уже ни одного кирпича. — Наибольшее количество матеріала должно быть отнесено, конечно, въ область психологіи какъ науки. У самаго порога своей этики К. и помѣстилъ самое крупное свое заимствованіе изъ психологіи въ видѣ предварительнаго вопроса о *свободѣ воли*. Этотъ вопросъ — чисто метафизическій, одинъ изъ тѣхъ, которые индуктивная философія старается всячески оставить за штатомъ, что она дѣлаетъ со всѣми вообще вопросами нерѣшимыми, а потому и праздными по ея понятіямъ. Очень можетъ быть, что этотъ вопросъ и будетъ упраздненъ въ наукѣ; въ этомъ направленіи высказался А. Бэнъ (Emotions and Will), отрекающійся отъ вопроса о свободѣ воли, въ которомъ онъ видитъ отрыжку средневѣковой схоластики. При разложеніи данныхъ психологіи на ихъ первичные элементы, понятіе о свободѣ воли теряетъ свое прежнее значеніе и даже отчасти и самый свой смыслъ. Книга К. передаетъ только въ сжатомъ повто-

реніи результаты литературнаго диспута его съ г. Сѣченовымъ (*Кавелинъ*, Задачи психологіи. 1872; *Сѣченовъ*, Психологическіе этюды. 1873). Нельзя сказать, чтобы новая редакція была удовлетворительна. Она состоитъ изъ уступокъ детерминизму, дѣлаемыхъ одною рукою и взятыхъ назадъ другою. Въ сущности К., какъ я думаю, правъ, но аргументація его неубѣдительна, чтò и постараюсь доказать.

III.

Все въ мірѣ имѣетъ свои причины и совершается по законамъ бытія. Если есть на лицо условія явленія, то оно неминуемо послѣдуетъ, слѣдовательно, мы о немъ говоримъ, что оно *необходимо*. Эти основанія вполнѣ примѣнимы къ поступкамъ и образамъ дѣйствія и единицъ, и массъ, разсматриваемыхъ какъ сыпучія кучи песчинокъ и массъ уорганизованныхъ, то-есть общественныхъ группъ. Зная характеръ человѣка, мы навѣрняка предсказываемъ, какъ онъ поступитъ въ данномъ случаѣ, и не ошибемся, если точно знаемъ и характеръ лица, и обстановку, въ которой онъ дѣйствуетъ. Въ сущности понятія: *рокъ*, *случай*, *произволъ* тождественны и не обозначаютъ вовсе настоящихъ какихъ-либо предметовъ. Они—условныя вѣхи, которыя ставятся на пробѣлахъ знанія, они — x, y, z, алгебраическіе знаки неизвѣстныхъ величинъ. Мы многаго не знаемъ, порою насъ настигаетъ нечаемое, опрокидывающее съ хохотомъ всѣ предвидѣнія и расчеты. Рокъ и есть олицетвореніе того нечаемаго, которое человѣкъ воображаетъ какъ нѣчто на него похожее, какъ олицетворенный верховный произволъ. Случай есть такой же символъ незнанія единичнымъ лицомъ многихъ явленій природы, долженствующихъ самымъ естественнымъ образомъ произойти и его коснуться. Отъ этихъ явленій онъ могъ бы себя оградить, еслибы онъ ихъ предвидѣлъ, но онъ ихъ не предвидѣлъ. Верховенство случая въ природѣ, воспѣ-

ваемое многими философами и поэтами пессимистами (Лукрецій, Ришпэнъ), есть самоотреченіе разума отъ его дѣятельности, нарочитое напускное незнаніе. Самъ произволъ въ единичномъ лицѣ обыкновенно доказывается свидѣтельскимъ показаніемъ непосредственнаго чувства, увѣренностью въ возможности сознательнаго выбора между двумя прямо противоположными направленіями дѣйствія; но чувство можетъ также ошибаться, какъ ошибается зрѣніе человѣка, находящагося на палубѣ движущагося парохода, которому кажется, что онъ-то неподвиженъ, а бегутъ отъ него берега. Иное считать себя свободнымъ, а иное быть свободнымъ. Если разбирать каждое наше дѣйствіе, то большинство ихъ—это дѣйствія автоматическія, совершаемыя по навыку, безъ всякаго усилія воли, и даже безъ напряженія вниманія. Меньшая часть дѣйствій произведена хотя и по волѣ, но по не встрѣчающимъ противодѣйствія мотивамъ, и только наименьшая часть родилась среди грозы, среди бури отъ столкнувшихся чувствъ и мотивовъ. Опытъ и анализъ доказываютъ, что и въ этой области бытія имѣетъ мѣсто дарвиновская теорія, то-есть, что происходитъ между мотивами борьба за существованіе, причемъ неизбѣжно беретъ верхъ тотъ изъ мотивовъ, который посильнѣе. Этотъ законъ признается Кавелинымъ (97): «борьба мотивовъ рѣшается по законамъ механики, въ преобладаніи сильныхъ надъ слабыми есть нѣчто роковое, неотразимое. Моралистъ но можетъ примириться съ такимъ исходомъ столкновенія, но тщетны усилія! противъ нихъ нѣтъ ни заклинанія, ни чаръ». Итакъ, Кавелинъ, повидимому, рѣшительный детерминистъ. Такъ какъ онъ не даетъ пропуска этикѣ въ чисто объективную, по его понятіямъ, область права и государства, то его могутъ и не озадачивать нисколько вопросы, какъ быть общественной юстиціи безъ фикціи свободы, слѣдовательно, безъ основанія для вмѣняемости. Юстиція можетъ превосходно устроиться и при самомъ крайнемъ детерминизмѣ (теоріи новѣйшихъ итальянскихъ

криминалистовъ); стоитъ лишь измѣнить слегка юридическую миѳологію и ея жаргонъ. Приручать можно и животныхъ, вся педагогика нынѣ только и заключается въ пріемахъ дрессировки людей. Если она не достигла цѣли, то остается правосудіе, котораго задача собственно упрощена, если ему не предлагаютъ доискиваться вины и отвѣшивать возмездіе на воображаемыхъ вѣсахъ, а просто требуютъ, чтобы оно опредѣлило, что такому-то волку или тигру въ образѣ человѣческомъ, неудобному или даже опасному для другихъ, будь онъ психически здоровъ или тронутъ, слѣдуетъ обрѣзать когти, вырвать зубы или и совсѣмъ изъять его изъ общежитія.

Я уже сказалъ, что уступка Кавелина детерминизму была только кажущаяся. Несмотря на признанный роковой перевѣсъ сильнѣйшаго мотива, воля человѣка, по убѣжденію К., полусвободна. Чѣмъ развитѣе организмъ, тѣмъ менѣе похожа дѣятельность его на рефлексы, тѣмъ зависимѣе и возбужденія, и движенія отъ центральнаго психическаго ȣргана, то-есть отъ сознанія (23). Наряду съ внѣшними побужденіями являются идеи и эмоціи, всякое и стремленіе, и внѣшнее побужденіе становится мотивами, только просочившись сквозь сознаніе, причемъ каждое изъ нихъ теряетъ свою принудительную силу (26). Сознаніе нейтрализируетъ внѣшнія побужденія и превращаетъ наклонности въ опредѣленныя цѣли (27); оно—регуляторъ мотивовъ, дѣйствующій чрезъ противопоставленіе имъ разныхъ соображеній, которыя К. не рѣшается назвать мотивами, но которыя несомнѣнно—мотивы, коль скоро они имѣютъ власть одни возбужденія усиливать, другія задерживать или ослаблять (49). Эти соображенія не суть мотивы по словамъ К., они лежатъ внѣ и выше мотивовъ; они—идейныя основанія нравственныхъ *идеаловъ* (50). Все это крайне туманно и неопредѣленно. Еслибы пришлось этотъ сложный механизмъ, какъ онъ понятъ у К., изобразить въ картинѣ, то мнѣ кажется, что эту задачу можно бы разрѣшить слѣдующимъ образомъ. Представимъ себѣ рыдванъ, за-

пряженный четверкою прыткихъ и рвущихся въ разныя стороны лошадей; эти лошади—мотивы. На нихъ надѣты сбруи, закинуты возжи,—то суть соображенія, идейные зачатки идеаловъ. На козлахъ сидитъ возница—сознаніе или человѣческое *я*, которое правитъ четверкою, то попуская, то затягивая возжи, то ударяя, по усмотрѣнію, кнутомъ по любой коренной или пристяжной. Въ этой теоріи воли все отъ начала до конца сомнительно и даже несогласно съ дѣйствительностью. Мотивы, обуздываемые не другими мотивами, а соображеніями, не суть настоящіе мотивы, а какіе-то малеванные. Малая доля дѣйствій совершается по понудительнымъ мотивамъ, а весьма значительная часть ихъ—по вкусамъ, расположеніямъ, носящимся въ воображеніи идеаламъ, слѣдовательно, по соображеніямъ, которымъ авторъ упорно отказываетъ въ званіи мотивовъ, хотя они, если судить по послѣдствіямъ, — настоящіе мотивы, а не исправляющіе должность. Наконецъ, виновникомъ и причиною результатовъ ѣзды на запряженныхъ лошадяхъ всѣми будетъ считаемъ возница самъ, а не его лошади. На этихъ основаніяхъ компромиссъ съ детерминизмомъ состояться не можетъ; не мотивъ будетъ увлекать человѣка, а допускать дѣйствіе будетъ мое *я*, орудующее мотивами, внѣ его находящимися и прирученными. Куда же дѣнется роковое преобладаніе сильныхъ мотивовъ надъ слабыми, если ни тѣ, ни другіе не принудительны и если мое *я* то и дѣлаетъ, что регулируетъ ихъ и ими управляетъ? При такихъ условіяхъ автора слѣдовало бы отнести къ сторонникамъ не условной, а безусловной самопроизвольности воли. Я вовсе не желаю входить самъ въ споръ и разрѣшать его либо въ пользу детерминизма, либо въ пользу самопроизвольности; объ этомъ предметѣ написано несмѣтное число книгъ; желающимъ изучить вопросъ можно ука-указать превосходную книгу Альфреда Фулье: La liberté et le déterminisme (2 éd., 1884). Мнѣ кажется, что его и нынѣ можно бы изъять, если не изъ знанія вообще,

то изъ опытной психологіи, и перенести въ столь обезславленную, но еще не совсѣмъ похороненную метафизику, потому что своими корнями этотъ вопросъ держится въ бездонныхъ глубинахъ индивидуализма, конкретной личности и идеи причинности, которую умъ въ самой личности подмѣтилъ, наблюлъ, обобщилъ и по аналогіи перенесъ на все, внѣ насъ существующее. Образцомъ для этой категоріи, подъ которую подводятся мысленно всѣ явленія міра, служитъ только самосознаніе, то-есть человѣческое *я* и притомъ не *я* настоящее и реальное, но *я* воображаемое, *я* метафизическое, то-есть, мысленно проектируемое въ пространствѣ и времени и только сравниваемое съ реальнымъ. Такъ называемая свобода воли сидитъ въ этомъ отвлеченномъ *я*, нѣтъ реальнаго предмета ей соотвѣтствующаго, потому что въ дѣйствительности царитъ неволя сильнѣйшихъ мотивовъ. Она—форма безъ содержанія, она—такой же абсолютъ, какъ всѣ идейныя существа: добро, правда, красота; она — созданіе воображенія, съ реальной точки зрѣнія небылица. Въ дѣйствительной жизни либо воля отсутствуетъ, либо она дѣйствуетъ, но если она дѣйствуетъ, то она полна содержанія и всегда либо стремится къ желаемому, либо борется съ нежелаемымъ. Въ дѣйствительной жизни нѣтъ никакого контраста между свободнымъ и необходимымъ. Необходимыми называются тѣ явленія, которыя не могутъ не произойти, когда имѣются въ наличности всѣ до единаго условія ихъ осуществленія. Предположимъ, что къ числу условій, факторовъ явленія, принадлежитъ личная чья-нибудь рѣшимость содѣйствовать его осуществленію. Если это событіе произошло, то оно произошло по необходимости, то-есть, по законамъ природы, даже, если на него будемъ смотрѣть съ точки зрѣнія личнаго его фактора. Но оно было произвольно, потому что оно было имъ желаемо или, если употребимъ болѣе точное слово, еще необтершееся, но уже употреблявшееся въ книгахъ объ уголовномъ правѣ, потому что оно было волимо. Свобода

воли или вольная воля собственно таутологія, какъ, напримѣръ, водяная вода; оно есть объясненіе не вещи, а ея символа, воспроизведеніемъ его почти механическимъ, причемъ употреблены другія слова, но знаніе не подвинулось ни на вершокъ. Большая заслуга Августа Конта и позитивистовъ—та, что они прогнали изъ индуктивной науки всѣ абсолюты, чѣмъ облегчили успѣхи опытнаго знанія, или, по крайней мѣрѣ, что они научили, что къ абсолютамъ слѣдуетъ относиться не какъ къ реальностямъ, а какъ къ символическимъ знакамъ, къ своего рода уличнымъ проваламъ въ мостовой, отмѣчаемымъ по ночамъ горящими фонарями. Разница только та, что провалы въ мостовой не глубоки, а тутъ зіяютъ бездонныя отверстія, въ которыя и не гляди, и не суйся, а не то пропадешь. Испытано, что всякая бездна манитъ и влечетъ къ себѣ человѣка. Послѣ всѣхъ успѣховъ знанія, послѣ идейнаго воспроизведенія въ видѣ простыхъ механизмовъ и міра, и души, въ химической ретортѣ изслѣдователя всегда останется неразлагаемый осадокъ, то неизвѣстное, которое К. называетъ единичнымъ, конкретнымъ; нѣчто добивающееся узнать смыслъ жизни и интересующееся не тѣмъ, что вразумительно написано на скрижаляхъ знанія, но только тѣмъ, что обрѣтается въ бездонныхъ колодцахъ. Одно непререкаемое существованіе такихъ колодцевъ обезпечиваетъ навсегда господство религіи въ умахъ милліоновъ людей. Они существуютъ и въ области эстетики, и въ области этики. Баллада Шиллера «Пловецъ» не есть сплошной вымыселъ. Являются порою добровольцы, которые кидаются на дно моря не ради брошенной туда дорогой чаши и не ради жемчуга и ковалловъ, а просто, чтобы побывать тамъ, куда не заходилъ ни одинъ человѣкъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти Икаровы попытки были безплодны. Набѣги въ область, объявленную непознаваемою, кончались обыкновенно гибелью наѣздниковъ, но вознаграждались иногда и богатою добычею; послѣ нихъ иногда расширялся кругъ знанія за рубежи, начерченные цир-

кулемъ осторожной индукціи, открещивающейся отъ вопросовъ съ гадательными отвѣтами и тѣмъ обрѣзывающей крылья пытливому уму и отважному сердцу. Назовите эти догадки подобіемъ науки, полу-наукою, полупоэзіею, а все-таки выйдетъ, что метафизика есть, что она не упразднена. Самъ Кавелинъ въ сущности метафизикъ, мнящій, что онъ стоитъ на почвѣ опытной индукціи. Но если метафизикѣ суждено воскреснуть, то только при условіи полнѣйшаго ея преобразованія, введенія новыхъ методовъ и полнаго ея отказа отъ обращенія съ идеями-абсолютами, какъ съ понятіями, которымъ соотвѣтствуютъ реальныя дѣйствительности. Они — продукты одного лишь мышленія, символы непознаваемаго; они—хотя и факты, но только психическіе и съ этой точки зрѣнія далеко не безрезультатны. При полномъ сознаніи ихъ метафизичности и нереальности, ихъ можно отстаивать какъ «насъ возвышающую мечту» (я не рѣшаюсь сказать: «обманъ»), какъ дорогое сокровище души, ихъ можно защищать, дабы, похитивъ ихъ у насъ, знаніе не бросило, какъ говоритъ К. (104), сираго и немощнаго человѣка среди кипучаго омута жизни безъ всякой поддержки. Что поворотъ къ метафизикѣ не только возможенъ, но и существуетъ, это я постараюсь доказать нѣсколькими соображеніями и нѣсколькими цитатами.

IV.

Говоря языкомъ физіологіи, вся нервная дѣятельность, составляющая оборотную сторону психической, ничто иное какъ рефлексъ, но у человѣка онъ осложенъ преобладаніемъ функцій головного мозга, посредничащихъ между возбужденіемъ и движеніемъ. Такъ какъ организмъ у человѣка крайне сложный и наиболѣе сосредоточенный, то и откликается онъ на всякое возбужденіе всѣмъ составомъ нервнаго механизма, всѣмъ сознаніемъ, всѣмъ, что называется *я*. За исключеніемъ одного во-

проса съ метафизическимъ проваломъ о тайнѣ творчества, о томъ, какъ совершаются геніальныя комбинаціи, великія открытія (о такъ-называемомъ творческомъ вдохновеніи), во всемъ остальномъ и мысль, и дѣятельное желаніе или мотивъ, суть только части живого *я* и изъ него въ дѣйствительности не выдѣлимы. Притомъ и мысль, и желаніе не различаются качественно; всякая мысль, по своей природѣ, или уже сдѣлалась или склонна къ тому, чтобы сдѣлаться мотивомъ. Мысль есть нѣчто производное, ей предшествовало чувство и уже начавшееся, но пріостановленное движеніе. Сама идея, какъ образъ или представленіе, вызываетъ въ мышцахъ нервныя движенія къ ея осуществленію [1]). Всякое внѣшнее сознаваемое возбужденіе похоже на послѣдняго пришлеца въ многолюдномъ собраніи, притомъ въ собраніи не безпорядочномъ, какъ торжище, а уорганизованномъ. По закону сродства одни изъ присутствующихъ манятъ пришлеца къ себѣ, другіе отталкиваютъ. Въ числѣ идей, участвующихъ въ этомъ вѣчѣ, рѣшающемъ о направленіи движенія, есть одна съ метафизическимъ оттѣнкомъ, которая, развиваясь и укореняясь, можетъ сдѣлаться сильнѣйшимъ и даже преобладающимъ мотивомъ. Эта идея—метафизическая; она—формула съ величиною неизвѣстною, съ нѣкоторымъ осадкомъ, остающимся послѣ всѣхъ логическихъ операцій на днѣ индивидуальнаго *я*. Такой неразлагаемый осадокъ есть и въ понятіи темперамента, какъ совокупности природныхъ и унаслѣдованныхъ качествъ единичнаго организма. Онъ есть и въ понятіи характера, какъ способа откликаться своеобразно на толчки и запросы извнѣ, слѣдуя по однимъ только лично собою протореннымъ колеямъ. Эта идея—фонарь надъ вѣчно открытымъ метафизическимъ проваломъ, надъ вопросомъ о томъ: машина ли человѣкъ, какъ полагаютъ матеріялисты, или въ немъ

---

[1]) Fouillée: Quand je pense à marcher, l'idée je puis marcher signifie: je commence l'innervation aboutissant à la marche.

есть еще нѣчто внѣ-феноменальное, которое участвуетъ въ отвѣтахъ на запросы извнѣ не только освѣщенными своими частями, но и своимъ темнымъ фономъ? Всякій вопросъ можетъ быть рѣшенъ положительно или отрицательно. Допустимъ отрицательное рѣшеніе, что свободы воли нѣтъ, что она лишь «насъ возвышающій обманъ»; но сама эта идея сидитъ крѣпко въ умѣ, и если она изъ него не искоренима, то она и есть полнѣйшій эквивалентъ несуществующей реально свободы воли, эквивалентъ, приносящій на практикѣ всѣ плоды, какіе бы доставляла сама отрицаемая детерминизмомъ реальность. Въ развитіи идеи свободы могутъ быть отмѣчены фазисы этого развитія, психологическіе его моменты. Наименѣе свободны дитя и дикарь, ихъ жизнь наиболѣе приближена къ типу нервнаго рефлекса;—они рабы всякаго внѣшняго толчка и всякой похоти. Второй моментъ наиболѣе походитъ на такъ называемою свободу безразличія. Является сознаніе о возможности задержать движеніе, но и эта задержка не есть произволъ безъ мотива. Мотивъ ея—сама воля, какъ идеалъ, представленіе о силѣ, исходящей отъ *я* и способный сказать: не хочу, по отношенію къ самой настойчивой потребности, хотя бы пришлось страдать и погибнуть или убить въ себѣ сердечныя привязанности, отрѣшиться отъ привычекъ. *Я* дѣйствительному, состоящему подъ давленіемъ мотива, противопоставляется мысленно *я* будущее, *я*, разсматриваемое внѣ времени sub specie aeternitatis, *я* при извѣстномъ настроеніи и напряженіи возможное, причемъ совершается сначала мысленное, а потомъ и дѣйствительное превращеніе обыкновеннаго человѣка въ героя. Разъ этотъ секретъ открытъ, то и найдена Архимедова точка опоры для міроваго рычага. Лицо стяжало независимость, его могутъ стереть съ поверхности земли, но оно не согнется. Но этотъ моментъ задержки движенія—только переходный; онъ важенъ, не какъ убіеніе въ себѣ желаній (Nirvana), но какъ снятіе цѣпей внѣшнихъ мотивовъ, не исходящихъ

изнутри самого *я*, а также какъ накопленіе запаса силы для дѣлъ предстоящихъ. Въ дѣйствительномъ, себя сознающемъ и возникло представленіе о другомъ *я*, идейномъ, отличномъ отъ дѣйствительнаго, возникъ образъ человѣка, каковъ онъ долженъ быть, совершеннѣйшаго, любящаго, опредѣляющагося къ дѣйствію по наиболѣе универсальнымъ мотивамъ. На высотѣ этого послѣдняго видоизмѣненія идеи, свобода—то же что безкорыстіе, что самопожертвованіе, что любовь. Индивидуальныя разницы въ людяхъ исчезаютъ, всѣ личности одинаково идеальны, мое *я* отождествляется съ каждымъ другимъ и со всѣми, и съ вселенною, и желаетъ всеобщаго добра. Детерминизмъ, такимъ образомъ, признанъ, но въ немъ самомъ найденъ упругій элементъ — мотивъ: идея мысленной свободы, которая столь сильна, что выноситъ на своихъ плечахъ цѣлую этику. Выводъ идеи не мой, я его заимствовалъ отъ Фулье, изъ книги коего я рѣшаюсь сдѣлать еще два характерныя заимствованія.

«Мы въ этомъ мірѣ стѣснены и какъ бы прикрѣплены гвоздями необходимости; мы не только заключены, но насъ жмутъ самыя стѣны нашей тюрьмы. Мы можемъ пошевельнуться только тогда, когда сама тюрьма, то-есть вселенная, повернется и унесетъ насъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ. Однако, несмотря на давленіе, я нахожу въ идеѣ свободы средство сопротивляться. Когда я убѣжденъ, что стѣны темницы подадутся и допустятъ выпрямиться моимъ членамъ, стѣны, въ самомъ дѣлѣ, отодвигаются. Я ихъ ощупалъ опять на нѣкоторомъ разстояніи, но и затѣмъ онѣ не перестаютъ отодвигаться подъ натискомъ идеи и опытъ не способенъ провести границу, которую бы я не могъ переступить при простомъ воздѣйствіи идеи на эту границу» (стр. 347).

Фулье кончаетъ свою книгу ссылкою на миѳъ о Прометеѣ и уподобляетъ идею свободы похищенному имъ отъ очага боговъ огню. Прометей связанъ по рукамъ и по ногамъ, но мыслью и сердцемъ онъ свобо-

день и грезитъ только объ одномъ освобожденіи. Онъ изобрѣлъ способы развязывать понемногу свои путы: посредствомъ науки, посредствомъ искуства. Путы эти сдѣлались болѣе упругіе, болѣе тонкіе, почти незамѣтные, однако они есть и онъ ихъ мысленно ощупываетъ каждую минуту. Одновременно онъ созерцаетъ весь родъ человѣческій, закованный въ цѣпи, страдающій и плачущій. Слыша вопли братьевъ, Прометей забылъ себя и свои оковы, забылъ, что роковымъ образомъ онъ навѣки отъ нихъ отдѣленъ, онъ устремляется на ихъ освобожденіе. Тогда совершается чудо: при усиліи, внушенномъ любовью, Прометей сорвалъ съ себя свои цѣпи, самъ о томъ не думая, онъ соединился съ братьями, онъ съ ними, онъ въ нихъ, онъ свободенъ, насколько дано быть свободнымъ человѣку (стр. 359).

Еслибы книга Фулье побывала въ рукахъ у Кавелина, я не сомнѣваюсь, что она видоизмѣнила бы нѣкоторыя положенія «Задачъ этики». К. объяснилъ бы себѣ то, что у него загадачно, какъ можетъ человѣкъ любить въ ближнемъ не конкретное лицо, какъ единицу, но универсальный типъ человѣка. К. указалъ бы на то, что, усмотрѣвъ этотъ образецъ въ самомъ себѣ, мыслящее лицо, обобщая его, перенесло его и на другихъ. Объяснилось бы и еще одно загадочное обстоятельство и какъ бы противорѣчіе, почему изслѣдователь, начавъ съ отыскиванія смысла жизни въ ускользающемъ и недоступномъ уму индивидуальномъ, предлагаетъ въ концѣ концовъ отрѣшиться отъ всякихъ чисто личныхъ идеаловъ счастія и прилѣпляться только къ универсальному. Я долженъ оговориться, что, ссылаясь на Фулье, я далекъ былъ отъ мысли попрекать К. незнаніемъ той или другой книжки. Нельзя знать все печатаемое, въ особенности человѣку, какъ К., весьма занятому другимъ дѣломъ и посвящающему философіи только малый остатокъ времени, досуги въ промежуткахъ занятій. Отъ автора можно только требовать, чтобы онъ былъ въ умственной атмосферѣ своего вѣка,

чтобы отъ него не ускользали крупныя явленія и направленія. Впрочемъ, новѣйшая плеяда французскихъ психологовъ и моралистовъ, въ числѣ которыхъ блистаетъ и Фулье—явленіе довольно крупное, и жаль, что К. съ ними не познакомился. Я отказываюсь также и отъ подробнаго разбора деталей у К. въ оцѣнкахъ новѣйшихъ школъ философіи. Неточно то, что говоритъ К. о новѣйшей англійской, неточны его замѣчанія и о нѣмецкой, работающей нынѣ надъ подведеніемъ подъ сознательные психическіе процессы того, что имъ предшествуетъ въ безсознательномъ. Нельзя отдѣлаться полустраничкою отъ утилитаріанца Джона Стюарта Милля (70) и двѣнадцатью строками (70, 71) отъ А. Конта и отъ Г. Спенсера, осудивъ гуртомъ и «Начала Психологіи» и «Данныя Этики». Нельзя сказать, что опытное знаніе, исключавшее, насколько это возможно, метафизику, есть тоже знаніе метафизическое (103); нельзя предлагать, какъ нѣчто новое и неполучившее правъ гражданства въ наукѣ (33), перенесеніе центра тяжести въ знанія изъ объективнаго въ субъективное, потому что это давно уже сдѣлано при самомъ воцареніи опытной психологіи, но этимъ не рѣшились коренные вопросы знанія, потому что лицомъ къ лицу стали двѣ теоріи, изъ коихъ одна усматриваетъ въ душѣ только особый механизмъ, а другая признаетъ и за, и подъ явленіями непроницаемый темный фонъ живой личности. Книга К. выиграла бы, еслибы изъ нея исключить нѣкоторыя нѣсколько рѣзкія и, можетъ быть, поспѣшныя сужденія въ родѣ того (107), напримѣръ, что новѣйшіе народы разрѣшили окончательно, безповоротно и блистательно вопросъ о мышленіи, его условіяхъ и законахъ и о его участіи въ жизни людей. Никакой жизненный вопросъ не рѣшается безповоротно, даже въ біологіи (напр., что такое жизнь?), тѣмъ болѣе вопросъ о мышленіи, въ которомъ такъ и рябитъ въ глазахъ отъ засѣвшихъ цѣлыми гнѣздами абсолютовъ, отъ этихъ мысленныхъ созданій и якобы реальностей, между тѣмъ какъ они

только мечты или условные знаки. К. былъ весьма склоненъ къ рѣшительнымъ сужденіямъ, что можно доказать ссылкою (38) на его сужденія о христіанской этикѣ, какъ образцѣ совершенства, послѣднемъ словѣ мудрости и неприступной скалѣ, къ которой возвращаются люди послѣ скитаній для утоленія мукъ и терзаній души. Я не опровергаю нисколько содержанія этого вполнѣ вѣрнаго положенія, но я возражаю противъ формы, противъ двусмысленностей, къ которымъ она располагаетъ. Религіозное ученіе Христово было, несомнѣнно, этическое, но слово: *христіанскій* объемлетъ весь ростъ ученія въ теченіе всѣхъ 19 вѣковъ, со всѣми уклоненіями, ошибками и даже ересями, наконецъ, со всѣми трудами ученыхъ, хотя и свѣтскихъ, но сочинявшихъ христіанскія этики въ родѣ Кавелинской, то-есть этики, въ которыхъ предлагаемо было то же практическое ученіе, но выведенное изъ самого нутра природы человѣческой. Я считаю опрометчивымъ даже и сужденіе (37) о тщетѣ усилій искать либо въ буддизмѣ, либо у Сократа или Платона этическихъ ученій, напоминающихъ христіанство. Я не хочу касаться церковнаго ученія, но разсуждая о такихъ «христіанскихъ» этикахъ, какова Кавелинская, я утверждаю, что онѣ могли бы многое позаимствовать, напр., отъ буддизма. Слишкомъ тѣсенъ кругъ, которыми онѣ очерчиваютъ этическую дѣятельность—отношенія къ людямъ и между людьми, между тѣмъ какъ буддизмъ дышетъ безконечною любовью и къ меньшей братіи, ко всякой твари, ко всякому цвѣтку, къ жизни вообще, гдѣ бы и въ чемъ бы она ни проявлялась.

Кончивъ съ предварительнымъ вопросомъ о свободѣ воли и откинувъ все второстепенное, перехожу къ самой сути «Задачъ этики» и утверждаю, что это строеніе имѣетъ мало общаго съ опытною психологіею. Оно все зиждется на понятіи *я*, какъ на первичномъ и неразложимомъ основаніи, между тѣмъ какъ нынѣ, даже и не феноменалистами, признано, что понятіе о *я* въ мы-

шленіи есть сложнѣйшій продуктъ, значекъ, подъ который подведено весьма разнообразное содержаніе, что оно есть не болѣе какъ объединенная мысленно совокупность всѣхъ душевныхъ состояній лица.

V.

Извѣстно, что психологія сильно увеличилась въ объемѣ и разбогатѣла, когда перешла изъ рукъ философовъ въ руки физіологовъ, когда вмѣсто скудныхъ средствъ самонаблюденія она стала располагать данными статистики, психіатріи и внѣшними наблюденіями надъ тысячами людей здоровыхъ и больныхъ, находящихся въ сознательномъ состояніи или въ безсознательномъ.— Кавелинъ дѣйствовалъ еще по старымъ методамъ, посредствомъ одного самонаблюденія и разсуждалъ такимъ образомъ (11—27). Человѣку свойственно знаніе и кромѣ знанія—сознаніе, какъ бы второй ярусъ той же «способности», знаніе предметовъ, посредственное, послѣ переработки впечатлѣній въ мышленіи, вслѣдствіе чего психическая жизнь человѣка имѣетъ какъ бы два центра. Зачатки второго центра есть и у животныхъ, но у человѣка дифференціяція органовъ мышленія особенно развита. Вторичная, посредственная дѣятельность ума не вполнѣ оцѣнена по мнѣнію К. въ Германіи и совершенно упущена (??) англійскими и французскими психологами. Сознаніе, по мнѣнію К. (13), можетъ быть и пассивное, и активное: оно пассивно въ созерцаніи, оно активно, когда повѣряетъ и направляетъ мысли, чувства и внѣшніе поступки, когда мысли, ставъ идеалами, превращаются въ цѣли (50). «Дѣятельное» (?) сознаніе [1]) этихъ идеаловъ есть совѣсть, но не совѣсть—ихъ родитель. Ихъ создаетъ само индивидуальное лицо, въ которомъ сходятся всѣ нити знанія и дѣятельности (64),

[1]) Сознаніе есть собственно созерцаніе происходящаго въ душѣ. Трудно понять, какъ еще иначе можетъ быть оно дѣятельно?

ловѣческое *я*, сознаніе и воля за одно. Этому *я* либо лигія, либо этика внушаютъ: будь добръ, люби, жертвуй собою, между тѣмъ какъ въ другое ухо похоти лепчутъ: яждь, пей и веселися. — Такова, если не дословно, то по своему содержанію вся теорія Кавелина. Допустимъ, что она вѣрна, но есть же еще другія, которыя надобно было прежде всего опровергнуть и устранить. Есть цѣлая фаланга чистыхъ феноменалистовъ съ Ип. Тэномъ во главѣ (de l'Intelligence, l. IV, ch. 3).—«Изъ всѣхъ запружавшихъ науку призраковъ, — говоритъ Тэнъ, — остались только два: *я* и матерія. Послѣдняя уже упразднена, все во внѣшней природѣ сводится къ движеніямъ, какъ къ проявленіямъ силъ, а сила есть лишь подмѣченный законъ такой постоянной связи между событіями, что за однимъ слѣдуетъ непремѣнно другое. Пора упразднить и это отвлеченное и пустое *я*, и всѣ якобы особыя способности, приписываемыя душѣ. Только одни психическія событія: ощущенія, образы, воспоминанія, идеи составляютъ поочередно наше моральное существо. Они—непрерывная ткань, разрѣзываемая лишь мысленно на полоски. Въ этой ткани нѣтъ ничего кромѣ психическихъ событій и связей этихъ событій, болѣе или менѣе далекихъ, съ фактами внѣшняго міра. Эту ткань мы именуемъ словомъ *я*. Оно—особое отдѣленіе въ системѣ нервныхъ функцій, а нервныя функціи составляютъ особую область въ живомъ и цѣломъ животномъ». Есть еще и другое опредѣленіе понятія *я* у Герберта Спенсера (Начала Психологіи, часть 6-я, главы 16—18). Наша психическая жизнь есть постоянная то дифференціяція, то интеграція состояній души, причемъ окончательнымъ результатомъ объединенія являются всегда двѣ противоположныя группы душевныхъ состояній: объектъ и субъектъ или не-я и *я*. Въ первой группѣ преобладаютъ ощущенія живыя и вызываемыя ими эмоціи, другая группа состоитъ изъ состояній сознанія слабыхъ, изъ образовъ и воспоминаній пережитаго. Если, по предложенію Тэна, въ ткани со-

знанія вырѣжемъ мысленно тончайшую полоску, представляющую одно кратчайшее мгновеніе психическаго бытія, то функцію сознанія можно будетъ уподобить функціи зрѣнія. Глазъ, какъ извѣстно, обозрѣваетъ заразъ малую долю внѣшняго міра, нѣсколько предметовъ, да и изъ нихъ видитъ вполнѣ точно только то, что отражается на сѣткѣ въ пунктѣ прямо противъ центра зрачка. Наше *я*, составляющее подвижной центръ самосознанія, также останавливается одновременно только на одномъ предметѣ и переходитъ затѣмъ на другіе. На этотъ пунктъ нанизываются, такъ сказать, всѣ мыслимые предметы, какъ впечатляющіеся, такъ и воспоминаемые или воображаемые посредствомъ комбинацій. Посредствомъ него и объединяется прошедшее, настоящее и будущее. Феноменалисты правы въ томъ, что въ понятіи *я* содержится только совокупность отмѣченныхъ эмоціями перемѣнъ въ состояніяхъ сознанія: таково дѣйствительно *я* живое, реальное. Но умъ нашъ не можетъ остановиться ни на какомъ конкретномъ явленіи, онъ тотчасъ его обобщаетъ и создаетъ изъ него нѣчто идейное, несуществующее въ дѣйствительности. Матеріалъ для обобщенія готовъ, обобщеніе возможно чрезъ простое сопоставленіе по воспоминаніямъ того же *я* въ разные моменты прошлаго и чрезъ проектированіе его же въ возможномъ будущемъ, чрезъ представленіе себѣ этого *я*, какимъ оно было и какимъ оно могло бы быть, какимъ желательно, чтобы оно было. Между реальною подкладкою идеи и самою идеею имѣется соединяющій оба предмета элементъ,—самъ процессъ обобщенія, идеализаціи. Изъ существованія этой связи между первоначальнымъ и производнымъ вовсе не слѣдуетъ заключать, будто бы имѣются двѣ способности, два рода или яруса познанія и, соотвѣтственно тому, два органа психической дѣятельности. Заимствуемъ сравненіе изъ самой книги К. (25). На возстановленіе тканей въ организмѣ человѣка поступаетъ не сама воспріятая организмомъ пища въ ея первоначальномъ видѣ, но только *chylus*, выра-

ботанный уже процессомъ пищеваренія въ желудкѣ, а все-таки претворяющій пищу въ организмѣ человѣка желудокъ одинъ, а не два, и нельзя сказать, чтобы въ пищевареніи самъ организмъ раздваивался. Предлагаемое К. объясненіе механизма мышленія и не убѣдительно, и далеко не ново. Оно—дальній отголосокъ старинной, нынѣ покинутой теоріи о способностяхъ души; оно—воспроизведеніе дѣленія познающей способности на *Verstand* и *Vernunft*, на *Denken* и *Nachdenken*, на непосредственное пониманіе и рефлексію, какъ спеціальный органъ философскаго мышленія, противуполагаемаго простому. Въ предлагаемой К. конструкціи динамическое признано статическимъ, притомъ психическое раздвоеніе знанія перенесено и на животныхъ (12). Его слѣдуетъ, по словамъ К., признать даже у комара (49), который влекомъ къ человѣку желаніемъ напиться крови, но вмѣстѣ съ тѣмъ боится за свою жизнь (слѣдовательно, представляетъ себѣ и будущее), высматриваетъ, описываетъ круги въ воздухѣ и только, убѣдившись, что опасности нѣтъ, вонзаетъ свой хоботъ. Послѣ этихъ возраженій, направленныхъ на психологію К., послѣдуемъ за нимъ въ спеціальную область этики.

VI.

Опредѣленіе Кавелинымъ понятій: *нравственный* и *нравственность*, весьма, повидимому, точное, весьма своеобразное и крайне несходное съ общепринятымъ. Оно находится въ тѣснѣйшей связи съ господствующей у К. идеей, къ которой перейду впослѣдствіи, что современная мысль, склонившись къ односторонне-объективному взгляду на жизнь, утратила чутье къ внутренней, духовной жизни людей (7). К. совсѣмъ исключаетъ изъ области этики всѣ человѣческіе поступки, насколько они *внѣшніе*, то-есть насколько посредствомъ нихъ субъектъ соприкасается съ другими людьми и съ обществомъ или

съ общественною властью. Мѣрка, по которой оцѣниваются поступки, разсматриваемые въ качествѣ внѣшнихъ, чисто объективная, только утилитарная. Поступокъ чествуется или преслѣдуется на основаніи окрѣпшихъ до неподвижности нормъ, установленныхъ закономъ, или на основаніи общепринятыхъ приличій и нравовъ, безъ всякаго отношенія его къ тому, изъ какихъ побужденій онъ истекалъ. К. соединилъ, такъ сказать, въ одну кучу и законы, и нравы, и правовую, и общественную мораль. По его понятіямъ и установленное закономъ, и установленное нравами одинаково условно, одинаково принудительно, потому что одинаковъ съ наказаніемъ можетъ быть остракизмъ общественнаго мнѣнія. Нравы,—говоритъ К. (8),—имѣютъ источникомъ потребности уорганизованнаго быта людей и относятся слѣдовательно къ области права, отъ котораго они отличаются только случайностью, больше по недоразумѣнію, нежели по существу дѣла. К. иронически относится къ выраженіямъ: *нравственное поведеніе*, *общественная мораль*; они—такія же безсмыслицы какъ: *законопротивный замыселъ*, *преступная воля* (7). Мѣрка этики должна быть совсѣмъ иная. Этика оцѣниваетъ поступки, насколько они *внутренніе*, то-есть съ момента состоявшейся рѣшимости, хотя бы не обнаружившейся еще ни дѣломъ, ни словомъ. Она цѣнитъ поступокъ исключительно только по чистотѣ и достоинству побужденій. Такимъ образомъ подъ нравственностью К. понимаетъ чисто формальное отношеніе поступка къ его мотивамъ, отдѣленное отъ его содержанія и практическихъ послѣдствій, какъ случайныхъ, такъ и бывшихъ въ виду у дѣйствующаго лица. На этотъ счетъ К. выразился весьма категорически (6): часто объективная сторона поступка становится на одну доску съ внутренней и подразумѣвается, что понятіе о нравственности слагается съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ. Кавелинъ отвергаетъ этотъ взглядъ и полагаетъ, что оцѣнка должна быть производима только по субъективной сторонѣ поступка, причемъ

объективная безразлична. Односторонній взглядъ на предметъ опровергается всего лучше сопоставленіемъ съ идеею ея послѣдствій.—Допустимъ, что извѣстное лицо по самому искреннему своему убѣжденію, весьма неправильному и ошибочному, сочло извѣстную идейную комбинацію условій добромъ и осуществило ее, проливъ много крови и причинивъ множество страданій. Допустимъ, что это лицо дѣйствовало вполнѣ безкорыстно. По опредѣленію Кавелина, дѣйствія его будутъ нравственны, хотя бы дѣйствующее лицо былъ Торквемада, потому что страданія людей суть признаки объективные, опредѣляющіе внѣшнюю, а не внутреннюю сторону поступковъ. Нельзя будетъ назвать безнравственною политику Филиппа II, еслибы было доказано, что онъ не лицемѣрилъ, а дѣйствовалъ какъ убѣжденный фанатикъ.—Трудно будетъ рѣшить, какъ отнестись къ лицу столь мало развитому, что въ сознаніи его и не родятся иные идеалы, кромѣ чисто личныхъ (101): разбогатѣть, жениться по разсчету, добиться между людьми почестей, извѣстности и т. под.—Понятіе о нравственности не можетъ быть только формальное; для полноты его необходимо, чтобы субъектъ осуществлялъ не только какой-либо субъективный идеалъ, но чтобы онъ осуществлялъ идеалъ хорошій, достойный одобренія и подражанія.—Въ концѣ книги Кавелинъ, самъ того не замѣчая, переходитъ на объективную точку зрѣнія, признавая (100), что идеалъ идеалу рознь, когда онъ дѣлитъ идеалы на низшіе—чисто личные и на высшіе—то-есть общіе и отвлеченные, и когда онъ сожалѣетъ (101) о томъ, что современный человѣкъ, извѣрившись въ отвлеченные идеалы, ограничивается теперь чисто личными, которые не могутъ его удовлетворить. Повидимому, при окончаніи своего труда К. если не перешелъ къ объективному взгляду, то находился на пути къ такому переходу, къ понятіямъ въ родѣ тѣхъ, какія изложены въ § 14 «Data of Ethics» Г. Спенсера. Хотя-бы, по словамъ Спенсера, приверженецъ такъ на-

зываемой имъ интуитивной морали исключительно руководствовался рѣшеніями одной только своей совѣсти, онъ все-таки потому лишь довѣряетъ этимъ рѣшеніямъ, что сознаетъ, хотя можетъ быть и смутно, что своимъ послушаніемъ онъ содѣйствуетъ благосостоянію другихъ, а непослушаніемъ причиняетъ имъ страданія. Предложите ему назвать добрымъ (нравственнымъ) образъ дѣйствія, который въ совокупности производимыхъ имъ ощущеній приноситъ болѣе страданій, нежели удовольствій въ сей жизни, или въ общепринятой будущей—и онъ этого не въ состояніи будетъ сдѣлать, изъ чего очевидно слѣдуетъ, что въ основаніи всѣхъ умозрѣній о добрѣ и злѣ (нравственности и безнравственности) лежитъ то положеніе, что поступки называются добрыми или злыми, смотря по тому, содѣйствуютъ ли они по совокупности своихъ результатовъ счастію или несчастію людей». «Нѣтъ школы, — присовокупляетъ Спенсеръ (§ 16),—которая бы не ставила высшею нравственною цѣлью извѣстную желательную эмоцію, какъ бы мы ее ни называли: удовлетвореніе, радость, блаженство, испытанныя кѣмъ-либо, когда-либо, однимъ лицомъ или многими. Это понятіе объ удовлетвореніи— столь же необходимый элементъ въ морали, какъ понятіе пространства вообще въ міросозерцаніи».—Таковъ выводъ, дѣлаемый не утилитаріанцемъ, но философомъ, который въ окончательномъ фазисѣ эволюціи нравственности признаетъ господствующимъ началомъ: дѣлать добро ради только добра, а не по какимъ-либо инымъ побужденіямъ.

Выдѣленіе объективныхъ признаковъ изъ морали и построеніе ея на одномъ субъективномъ, на искренности и прямотѣ мотивовъ, не только невозможно логически, но ведетъ на практикѣ къ особенной этической нетерпимости, которая столь же неудобна и нежелательна, какъ и религіозная нетерпимость. Миновало то время, когда полагали, что быть нравственнымъ не можетъ человѣкъ не вѣрующій, или хотя бы и вѣрующій, но не

по опредѣленному религіозному закону, отъ усвоенія себѣ котораго зависѣло и спасеніе человѣка. Въ этикѣ не ставится, конечно, вопросъ о спасеніи души, но вопросъ о нравственности, то-есть о настоящей, а не кажущейся добротѣ, выдвигается на первый планъ и подлежитъ рѣшенію. Допустимъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя субъектами: одинъ—кантіанецъ, подчиняющійся въ своихъ дѣйствіяхъ категорическому императиву своего практическаго ума, то-есть безусловному требованію своей умственной природы, и другой — чистѣйшій бентамистъ, не признающій иной морали, кромѣ установленной положительнымъ закономъ, и иного мотива, кромѣ эгоизма, но доведеннаго до той степени развитія, на которой лицо, желающее своего счастія, должно дѣлать добро и другимъ по простому расчету. Допустимъ, что оба субъекта одинаково благодѣтельны, что ихъ человѣколюбіе доходитъ до самопожертвованія, у одного по чувству долга, у другого по тонкому расчету, что вслѣдствіе долгаго упражненія воли дѣланіе добра другимъ людямъ стало у обоихъ второю природою и совершается почти автоматически безъ взвѣшиванія мотивовъ, по первому импульсу. По теоріи К., изъ нихъ только кантіанецъ—нравственный человѣкъ, а бентамистъ — не нравственный. Съ этимъ я не могу согласиться. И по началамъ этики, человѣкъ долженъ судиться не за мотивы отдѣльныхъ своихъ поступковъ, но *за все поведеніе*, за свой характеръ, за свой образъ дѣйствій. Онъ судится какъ сила, сознательно производящая объективное добро или зло. Основаніе нравственности на одномъ субъективномъ началѣ не только не принято наукою, но оно совсѣмъ непригодно для этики. Въ жизни психической трудно только въ первый разъ прійти къ новому сочетанію движеній; разъ оно сдѣлано, повтореніе его идетъ шибче по проторенному слѣду, пока оно не сдѣлается совсѣмъ автоматическимъ. Чѣмъ крѣпче характеръ, тѣмъ больше выработалось въ немъ привычекъ дѣйствія, являющихся подспорьями и замѣ-

стителями обдуманныхъ мотивовъ. Весьма рѣдко лицу приходится рѣшаться на что-либо совсѣмъ новое при борьбѣ сталкивающихся мотивовъ. Эти рѣдкія минуты борьбы служатъ повѣркою силы и закала характера. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мотивъ — неразличимъ отъ привычки, и мы ежеминутно принуждены дѣлить не только дѣйствія людей, но и самихъ людей съ ихъ характерами и привычками на добрыхъ и злыхъ, нравственныхъ и безнравственныхъ, что мы и дѣлаемъ по объективнымъ признакамъ, не доискиваясь окончательно, какова была причина, которая привела въ дѣйствіе нравственную силу или, лучше сказать, носителя этой силы—человѣка.

И въ современной этикѣ, и въ современной психологіи выводы не основываются на результатахъ единичныхъ психическихъ самонаблюденій. Выводъ становится возможенъ только, когда сверхъ самонаблюденія имѣются тысячи опытовъ, произведенныхъ извнѣ надъ другими людьми. Съ этой точки зрѣнія исключеніе Кавелинымъ общественной морали и права изъ области этики едва ли имѣетъ достаточное основаніе. Въ § VIII книги (105, 106) К. ставитъ, въ смыслѣ окончательнаго вывода, что объективный міръ, въ которомъ порою такъ плохо живется, есть не что иное, какъ мысль живаго лица, прошедшая чрезъ повѣрку милліоновъ и цѣлыхъ поколѣній и сдѣлавшаяся, вслѣдствіе того, объективною для каждаго человѣка въ отдѣльности, мысль ненеподвижная, но измѣняющаяся, хотя и очень медленно. Это положеніе вѣрно, насколько оно относится не къ объективному міру вообще, а только къ общественному. Оно не ново, оно усвоено наукою и даже сдѣлалось банальнымъ отъ частаго повторенія. Изъ него слѣдуетъ, что законы и нравы общества не настолько пропитаны однимъ утилитаріанизмомъ, чтобы ихъ совсѣмъ исключать изъ этики. Субъективные, личные этическіе идеалы, распространяясь при переходѣ изъ единицъ въ массы, проникали въ учрежденія и нравы.

Только на видъ законы и нравы могутъ казаться окаменѣлостями, на дѣлѣ же они страшно живучи. Бывали примѣры крупныхъ рубокъ въ этой чащѣ, но каждый усѣченный пень пускалъ новые побѣги. Они такъ живучи именно потому, что исполнены этическаго элемента и что могутъ иногда содержать гораздо большій процентъ нравственнаго добра, нежели замѣстившія ихъ идейныя комбинаціи, вводимыя въ жизнь, но не провѣренныя опытомъ и не выдерживающія этой пробы. Наоборотъ, всякая идея общественной реформы есть протестъ нравственнаго чувства противъ отвердѣлаго порядка и волевой порывъ къ осуществленію этическихъ идеаловъ, уже народившихся и затѣвающихъ борьбу за существованіе съ укрѣпившимися на боевыхъ позиціяхъ предшественниками. Идеалы эти— коллективные, но они также несомнѣнно этическіе, потому что ихъ содержаніе—идея возможнаго, положительнаго добра. Мораль коллективная внушаетъ человѣку: будь справедливъ и милосердъ не только по отношенію къ ближнимъ и къ міру животныхъ, но и ко всему во всей вселенной, чтó развивается и дышетъ, но и ко всякому сословію, племени, народности, но и къ своему, и къ чужому государству; содѣйствуй правильному установленію отношеній между собирательными группами въ родѣ человѣческомъ; страдай лично отъ всѣхъ неправильно поставленныхъ общихъ отношеній и стремись къ тому, чтобы зло было вытѣсняемо, а добро водворяемо твоими единоличными усиліями или общимъ дѣйствованіемъ съ другими заодно. Мораль не перестаетъ быть моралью, становясь изъ индивидуальной общественною; общественная есть также индивидуальная, но только обобщенная и перенесенная въ особую область фактовъ, располагаемыхъ по ея законамъ. Въ этой области царятъ тотъ же детерминизмъ, та же борьба мотивовъ за существованіе, та же упругость метафизической идеи свободы. Къ индивидуальной морали, послѣ разработки ея христіанствомъ, мало приба-

витъ этика, въ томъ мы согласны съ К., но по его же словамъ (104), еще не вполнѣ обозначилось положеніе индивидуальнаго лица среди общества, въ государствѣ и въ международныхъ отношеніяхъ. Еслибы Кавелинъ не выдѣлилъ эту область въ исключительное вѣдѣніе опытному объективному знанію съ его индукціею, не имѣющею ничего общаго съ субъективными идеалами, то его этика сильно бы разрослась и сдѣлалась бы необычайно интересна. Въ ней бы выдвинулись на первый планъ всѣ жгучіе вопросы современности, въ ней бы сказались не одна ноющая тоска, но и локализированныя въ разныхъ частяхъ организма боли отъ современныхъ ранъ и язвъ. Невольно задаешься вопросомъ: съ какою цѣлью съузилъ, какъ бы нарочно, авторъ область этики? Былъ ли онъ озадаченъ громадностью объема или дѣйствовалъ по инымъ соображеніямъ? Конечно, по послѣдней причинѣ. Ограничивая этику душою единичнаго человѣка, Кавелинъ увлекаемъ былъ крайне смѣлою идеею, которая бы произвела, еслибы ее принять, коренной переворотъ въ современныхъ понятіяхъ о ходѣ европейской исторіи въ послѣдніе четыре или пять вѣковъ. Европейская мысль якобы склонилась въ этотъ періодъ времени къ одностороннему объективному взгляду на жизнь и бросила безъ поддержки живое лицо, сирое и немощное, въ кипучій омутъ жизни. Нынѣ надлежало бы укрѣпить и пріободрить это завявшее и зачерствѣвшее живое лицо, поставивъ его на первый планъ и сдѣлавъ изъ него ось, около которой вращается все сущее. Эту задачу совершатъ долженствующія примириться, не извѣстно на какомъ основаніи, религія и наука (88). Еще въ болѣе далекомъ будущемъ мерцаетъ едва замѣтнымъ блескомъ надежда привести къ одной системѣ, то-есть объединить идеалы объективные и субъективные (53), что и будетъ составлять вѣнецъ знанія и верхъ человѣческой премудрости. Идея о ходѣ всемірно-историческаго развитія поставлена какъ очевидная аксіома, безъ всякихъ доказательствъ. Мнѣ

приходится теперь съ этою-то именно идеею посчитаться.

VII.

Одна изъ главныхъ практическихъ задачъ морали: противодѣйствовать *нравственному* злу, то-есть такому, въ числѣ факторовъ котораго имѣется и воля лица, единичнаго или собирательнаго, дѣйствующая купно съ другими условіями. Воспрепятствовать проявленію нравственнаго зла можно двумя путями: либо лишивъ дѣйствующее лицо возможности дѣйствовать, либо уничтоживъ въ немъ само желаніе дѣйствовать. Заимствуемъ примѣръ для объясненія изъ книги К. (52). Человѣкъ страдаетъ извѣстною слабостью, напримѣръ, запоемъ. Онъ можетъ лечиться отъ этой слабости, избѣгать искушеній, просить другихъ, чтобы его не допускали напиваться (мѣры объективныя, внѣшнія). Но онъ можетъ также одолѣть свою слабость усиліемъ надъ самимъ собою, произвольнымъ увеличеніемъ извѣстнаго мотива, парализующаго желаніе, какъ бы оно ни было напряжено (субъективныя мѣры). Несомнѣнно, что противодѣйствованіе злу составляетъ только одну сторону нравственной задачи; измѣненіе среды и обстановки, устранивъ много поводовъ къ злу, еще не сдѣлаетъ человѣка добрымъ; желательно, чтобы самъ по себѣ онъ былъ твердъ и побѣждалъ всѣ искушенія. Допустимъ, что нынѣ мы слишкомъ много и слишкомъ часто налегаемъ на обстановку, что по вопросамъ о вмѣненіи мы часто слагаемъ причину дѣйствія, то-есть вину, съ лица на его обстановку, что, работая больше всего по части обстановки, мы какъ будто бы отвыкли работать надъ единичною душою и превращать ее въ разсадникъ нравственнаго добра. (Надобно, однако, мимоходомъ сказать, что мы значительно превзошли людей XVIII вѣка, наивно вѣровавшихъ въ нравственное возрожденіе всего рода человѣческаго посредствомъ одного распространенія въ немъ просвѣтительныхъ идей). Осуществляя идейныя комбинаціи,

человѣкъ руководствовался ими какъ идеалами, которые и подраздѣляются Кавелинымъ на объективные и субъективные; изъ нихъ только послѣдніе, по его мнѣнію, тождественны съ нравственными и подлежатъ вѣдѣнію этики. Кавелинъ возлагаетъ надежду совмѣстно и на религіозную проповѣдь, и на этическую пропаганду; онъ полагаетъ, что ихъ общими усиліями будетъ выпрямлена ось вращенія современнаго общества, которая въ послѣдніе вѣка излишне склонилась къ объективизму, между тѣмъ какъ ей подобаетъ имѣть живую личность въ зенитѣ. Накренилась эта ось вслѣдствіе узурпацій положительнаго знанія и родителя его—ума, который превысилъ, такъ сказать, свою власть и сталъ въ душѣ самодержавствовать, отвѣчая и на вопросы индивидуальной жизни, и на вопросы, касающіеся его положенія въ природѣ и общежитіи (29), и отрицая всякую истину, получаемую инымъ путемъ, кромѣ знанія (102). Нынѣ этотъ умъ развѣнчанъ, мышленіе поставлено въ одинъ уровень съ другими незамѣнимыми имъ функціями души. Новое опытное знаніе рѣшило вопросъ о мышленіи. «Соблазнившись,—говоритъ К.—древомъ познанія добра и зла и повторивъ исторію грѣхопаденія, народы Европы разгадали загадку мышленія, разсѣяли ея миражи и объяснили механику, которая ихъ производитъ» (107). Благодаря имъ, путь расчищенъ отъ разбитой ими умозрительной философіи, но это только отрицательный результатъ. Кто будетъ грядый по очищенному пути? Тоска ожиданія, скука и скорбь, чувство пустоты и неудовлетворенности—таковы элементы вдыхаемаго нами воздуха. Что-то подобное чувствовалось предъ пришествіемъ Христа. Одинъ міръ кончается, другой еще не народился. Будущее принадлежитъ субъективизму. Религія и этика возстановятъ повергнутые въ прахъ субъективные идеалы, попираемые толпою, которая поклоняется Маммону и золотому тельцу. Эти черты и предсказанія основаны на соображеніяхъ, касающихся только западно-европейской исторіи. У насъ

ни субъективное, ни объективное не устроено, между тѣмъ, какъ въ западной Европѣ формы общежитія до того, по мнѣнію Кавелина, выработаны и совершенны, что ощущается сравнительно и меньшая потребность нравственнаго обновленія человѣка. Эти формы и даютъ сильный отпоръ пробивающемуся сквозь нихъ индивидуализму.

Приступая къ разбору изложеннаго ученія, я долженъ начать съ предупрежденія недоразумѣній, какія бы могла породить сдѣланная мною выдержка (о соблазняющемъ древѣ добра и зла и о повтореніи грѣхопаденія). По одной этой выдержкѣ поверхностный читатель могъ бы, чего добраго, заподозрить К. въ клерикальномъ образѣ мыслей. Не только тотъ, кто имѣлъ счастье знать покойнаго автора лично, но и тотъ, кто внимательно прочелъ его книгу (въ особенности на стр. 2 слова ея, относящіяся къ поборникамъ преданій и старыхъ добрыхъ нравовъ), не можетъ не согласиться, что въ вышеприведенной фразѣ идетъ только рѣчь объ одномъ изъ эпизодовъ изъ послѣдняго періода европейской исторіи, о такъ-называемой трансцендентальной философіи, которая, если не считать ея отцомъ Канта, явилась тотчасъ послѣ него и, занявъ собою первые три десятка лѣтъ въ XIX столѣтіи, оборвалась на величайшемъ ея представителѣ Гегелѣ, послѣ котораго произошелъ взрывъ матеріалистическихъ ученій, а затѣмъ прослѣдовали позитивизмъ Л. Конта и философіи эволюціи. Положимъ, что были всякія узурпаціи со стороны трансцендентальной философіи; это обстоятельство не можетъ еще служить основаніемъ къ отождествленію этого, сравнительно короткаго эпизода въ европейскомъ развитіи, съ совокупностью событій за послѣдніе 400 лѣтъ. Притомъ, эта-то трансцендентальная философія заслуживала бы особенной пощады со стороны Кавелина, потому что онъ относится къ религіозному чувству, какъ и слѣдуетъ, съ высокимъ уваженіемъ, а она была полу-религіозное ученіе; провозглашая тожде-

ство идеи и бытія, она замѣщала только божество идеею и пріучала людей погружаться въ созерцаніе этой идеи до самозабвенія, до пожертвованія собою и своими личными привязанностями. Она сіяла яркою и красивою звѣздою послѣ грубо матеріалистическихъ ученій XVIII вѣка. Вспомнимъ знаменитый московскій кружокъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, который начинается со Станкевича, имѣетъ въ центрѣ своемъ Грановскаго и вмѣщаетъ въ себѣ самого Кавелина; неужели этотъ кружокъ, со всею красотою своихъ идеальнѣйшихъ стремленій, съ чистѣйшею любовью и къ своему народу, и къ человѣчеству, клонился къ односторонне-объективному взгляду? а между тѣмъ онъ состоялъ изъ гегеліанцевъ, и Гегелева философія только тогда потеряла надъ ихъ умами свою власть, когда подъ острымъ ножемъ объективной критики оказалось, что у нея нѣтъ реальной подкладки. Съ забытыми противниками рѣдко разсчитываются; мы ждали отъ К. расчетовъ не съ павшею философіею, а съ новѣйшею, индуктивною, и нашли только очень неопредѣленную фразу (103), что опытное знаніе есть по принципу то же, что и прежнее чисто логическое, метафизическое, но что оно только ближе къ людямъ и практичнѣе! Чтобы судить это знаніе, какъ соучастника въ упадкѣ нравовъ и порчѣ идеаловъ, надобно доказать, что и оно вмѣстѣ съ западно-европейскою цивилизаціею излишне склонилось къ объективному направленію. Но изъ другихъ мѣстъ книги вытекаетъ прямо противное заключеніе. Кавелинъ винитъ европейца послѣднихъ вѣковъ (63) за обращеніе всего своего труда на природу и устройство общественныхъ дѣлъ и за оставленіе безъ ухода психической жизни, словомъ, за исключительныя занятія матеріальными интересами и политикою и за пренебреженіе психологіею и этикою. Но если были по этой части упущенія, то они, конечно, наверстаны, послѣ того какъ опытная психологія заняла первое мѣсто въ системѣ знаній. На стр. 43 К. признаетъ, что новѣйшіе евро-

пейцы сдѣлали великое открытіе, что, подобно матеріальнымъ, и психическіе факты могутъ быть измѣняемы и комбинируемы согласно съ желаніями людей. Такое признаніе рѣшаетъ вопросъ, если не о направленіи всей цивилизаціи, то о направленіи новѣйшей психологіи и этики. Этика есть ученіе о нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, искуство выводить и образовать нравственныхъ людей. Какъ наука, она преподаетъ условія, при которыхъ человѣкъ будетъ настроенъ къ добру, она предлагаетъ ему привлекательные идеалы добра, но какъ искуство, она можетъ дѣйствовать на людей только самымъ внѣшнимъ образомъ и совершенно объективно. Если на 97 стр. К. отнесъ къ сферѣ чисто объективной дѣятельности художественное творчество, то тоже самое онъ долженъ былъ сдѣлать и по отношенію къ нравственному творчеству. Этика, какъ искуство, дѣйствуетъ на людей только одними внѣшними, вполнѣ объективными средствами; другихъ средствъ она и не имѣетъ, и не можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи. Въ этомъ отношеніи она раздѣляетъ участь самой религіи, которая также дѣйствуетъ на умъ, чувство и воображеніе только извнѣ: словомъ, ученіемъ и торжественностью обрядовъ. Мнѣ кажется, что само дѣленіе идеаловъ на субъективные и объективные и самъ субъективизмъ цѣлей и средствъ, считаемый отличительнымъ признакомъ этики, суть только недоразумѣнія, происходящія оттого, что авторъ исключительно держался метода самонаблюденія, между тѣмъ, какъ въ современной психологіи преобладаетъ наблюденіе извнѣ изслѣдователемъ множества людей. По мнѣнію К., идеалъ этическій субъективенъ; по мнѣнію г. Спенсера, онъ объективенъ. Положимъ, что его можно назвать субъективнымъ съ формальной стороны, какъ образъ дѣйствія субъекта на самого себя, какъ измѣненіе своихъ мотивовъ дѣйствія своими же усиліями воли, но этическая дѣятельность единичнаго лица сохраняетъ это качество субъективизма, только вращаясь въ своемъ собствен-

ють самосознанія и не задавать мыслью исправлять другихъ людей. Разъ она этою послѣднею мыслью проникалась, она уже сдѣлалась объективною, потому что и предметъ ея сталъ внѣшній, и всѣ средства ея внѣшнія, и заключаются они только (я извиняюсь за выраженіе, но перемѣнить его не могу) въ дрессировкѣ другихъ лицъ. Вліяніе одного лица на волевые мотивы дѣйствія другаго можетъ быть только посредственное. Никто не влѣзаетъ другому въ душу, не вставляетъ въ другаго мотива, подвигающаго волю на хотѣніе. Можно только окольными путями, пользуясь, конечно, знаніемъ человѣческаго сердца, располагать его къ тому, чтобы оно захотѣло что-нибудь сдѣлать. Еще труднѣе настроить его такъ, чтобы оно хотѣло только одного, а отъ другого воздерживалось при видоизмѣняющихся внѣшнихъ обстоятельствахъ. На практикѣ задача сильно облегчается тѣмъ, что сознательный мотивъ скоро и неминуемо превращается въ механическую привычку, которая и дѣлается его эквивалентомъ и замѣстителемъ.

Мотивъ не водружается извнѣ, но можно ученіемъ, просьбою, приказомъ, наказаніемъ заставлять другое лицо, чтобы оно совершало извѣстное дѣйствіе многократно. Еще легче тѣми же средствами заставлять лицо отъ чего-нибудь воздерживаться. Въ дѣйствительности нѣтъ такого нравственнаго человѣка, какого представляетъ себѣ К., на каждомъ шагу анализирующаго отдаленнѣйшіе мотивы своихъ дѣйствій. Въ дѣйствительности этическое искуство все сдѣлало, когда оно вселило въ людей хорошія привычки. Въ привычкѣ сидитъ укрывшійся мотивъ, какъ гусеница въ своемъ коконѣ. Въ случаѣ надобности, при борьбѣ мотивовъ за существованіе коконъ вскрывается, то-есть при анализѣ привычки проявляется наружу самъ родитель ея—притаившійся мотивъ. Я полагаю, что родъ человѣческій не сталъ бы счастливѣе оттого, если бы всѣ люди сдѣлались резонерствующими моралистами. Огромное большин-

ство людей — оптимисты, мирящіеся съ жизнью и за нее благодарные, не смотря на тяготу труда и горе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они и не мыслящіе въ томъ смыслѣ, какой придаетъ К. этому слову, то-есть не составляющіе творчески изъ данныхъ сознанія неизвѣданныхъ еще комбинацій. Ихъ мнѣнія — шаблонныя, какъ бы подсказанныя, ихъ чувства настроены по камертону современныхъ литературы и искуства, ихъ дѣйствія приноровлены къ существующему обычаю и порядку. Это армія, командуемая весьма небольшимъ количествомъ офицеровъ — изобрѣтателей новыхъ идейныхъ комбинацій, людей выдающихся, геніальныхъ. Вся сила не въ рядовыхъ солдатахъ, а только въ этихъ руководителяхъ Прометеяхъ. Между ними бываютъ и никогда не изведутся отчаянные и пессимисты, но можно ли сказать по общему впечатлѣнію, что нынѣ въ Европѣ сіи послѣдніе выражаютъ, какъ преобладающее во всемъ обществѣ чувство, міровую скорбь (taedium vitae, Weltschmerz), желаніе умереть? Появленіе новаго религіознаго ученія крайне сомнительно, во-первыхъ потому, что, по совершенно вѣрному заключенію К., нельзя себѣ представить нравственнаго ученія выше евангельскаго, во-вторыхъ, что вѣкъ нашъ вообще нерелигіозенъ. Онъ отличается, напротивъ того, необычайнымъ развитіемъ и успѣхами положительнаго знанія. Наука стоитъ, повидимому, на высотѣ своего призванія и справляется бодро и смѣло со своимъ практическимъ дѣломъ; она имѣла и имѣетъ великихъ представителей. Ссылка Кавелина на несомнѣнный упадокъ артистическаго творчества ничего не доказываетъ. К. до мозга костей моралистъ, даже и въ искуствѣ, и оцѣниваетъ его главнымъ образомъ по его прикладной сторонѣ, по его *воспитательному значенію* (96, 98), изъ чего дѣлается выводъ, что если артистическое творчество у насъ теперь пало, то причина тому—одновременныя паденіе и порча нравственности. Паденіе творчества въ искуствѣ доказываетъ только, что настоящій моментъ мало распола-

гаетъ къ образованію новыхъ идейныхъ комбинацій, эстетическихъ, а не этическихъ, а это обстоятельство можетъ быть объясняемо тѣмъ, что наше время — переходное, съ ежеминутно мѣняющимся настроеніемъ. Обломки стараго нагружаются въ прошедшее, все будущее зависитъ отъ того, какъ устроится поднявшаяся демократія. Художники еще не потрафили угадать, какіе артистическіе идеалы заставятъ этого сфинкса восхищаться, какимъ образомъ можно имъ умственно завладѣть и его увлечь. Опытъ учитъ, что между развитіемъ и процвѣтаніемъ искуства и этики мало общаго, что они не совпадаютъ и во времени, что для процвѣтанія искуства, можетъ быть, нужна нѣкоторая порча нравовъ (Пелопонезская война въ Греціи, Возрожденіе въ Италіи XVI в. среди полнаго разложенія всѣхъ основъ нравственности и такого разврата, какого не видалъ міръ со временъ римскихъ кесарей). Изъ всѣхъ этихъ соображеній уясняется для меня заключеніе, что пессимистическій взглядъ Кавелина, насколько онъ касается настоящаго Европы, ея культуры и направленія умственной дѣятельности, неправиленъ, неоснователенъ, и что еще нельзя сказать, чтобы въ поступательномъ движеніи европейской жизни и мысли не было прежней увѣренности и твердости, а слышались только плачъ, стоны и вопли унынія и отчаянія.

VIII.

Хотя содержаніе книги Кавелина передано мною почти въ полномъ ея объемѣ, но оно далеко не исчерпано. Есть въ ней еще одинъ уголокъ, крайне интересный не столько по отношенію къ системѣ этики, сколько по отношенію къ самому Кавелину лично, къ возможности опредѣлить то мѣсто, какое занималъ онъ, какъ мыслитель, среди господствовавшихъ въ его время системъ философіи, къ возможности уяснить его точки соприкосновенія и связи съ величайшими философами

прошедшаго по кореннымъ вопросамъ жизни и бытія. Кавелинъ былъ весьма крупнымъ и могучимъ дѣятелемъ въ умственной жизни Россіи съ сороковыхъ до восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что появится въ будущемъ его жизнеописаніе, что сама его переписка съ именитѣйшими его современниками прольетъ много свѣта на его вѣкъ и на переживаемое нами время. Тогда «Задачи этики» пріобрѣтутъ большое значеніе, какъ источникъ, возстановляющій особенно рельефно умственную физіономію умершаго и его міросозерцаніе. Тогда весьма будутъ цѣнны автобіографическія указанія, разбросанныя въ книгѣ о томъ, отъ кого онъ заимствовалъ свои основныя философскія понятія, тогда будутъ приняты въ соображеніе даже его обмолвки или легкіе косвенные намеки на тѣ или другіе предметы и вопросы.

Кавелинъ, очевидно, не эволюціонистъ. Философія эволюціи не прошла мимо него безслѣдно, онъ ее отмѣтилъ, но не проникъ во внутрь ея и отошелъ. «Обойдемъ,—говоритъ онъ (12),—безконечный и для нашей цѣли (т.-е. для этики) безполезный (?) споръ о томъ, была ли индивидуальная самостоятельность организмовъ слѣдствіемъ того, что въ силу данныхъ условій должна была явиться организованная жизнь, или же стремленіе къ самостоятельности породило организованную жизнь, снабдило организмы самочувствіемъ, способностью вырабатывать впечатлѣнія и ощущенія». Хотя К. изучалъ психологію по старому методу, но нельзя не сказать, чтобы онъ не справлялся съ результатами психо-физіологіи и не принималъ ихъ къ свѣдѣнію. Онъ ихъ пригонялъ къ своему идеализму, какъ прилаживалъ ихъ къ старому ученію и Германъ Лотце, († 1881), къ «Микрокосмосу» котораго К. относился всегда съ особымъ уваженіемъ. Опытный методъ видоизмѣнилъ не только систему, но и языкъ психологіи, ея терминологію. Хотя К. и старался усвоить себѣ новую терминологію («дифференціяція», «унаслѣдованныя

душевныя качества», стр. 12, 111), но порою попадаются въ книгѣ лоскутки старой, напримѣръ, выводы, основанные на оставленной нынѣ гипотезѣ о самостоятельныхъ способностяхъ души. Введено и метафизическое понятіе цѣлесообразности въ дѣятельности этихъ способностей, напримѣръ (32): умъ представляется какъ факторъ, служащій для достиженія извѣстныхъ въ природѣ души коренящихся цѣлей. Очень велика осторожность, съ которою К., проходя мимо обломковъ стараго и зачатковъ новаго, уклоняется почти дипломатически отъ прямыхъ отвѣтовъ на нѣкоторые коренные вопросы, отъ которыхъ въ сущности зависитъ выборъ точки отправленія при построеніи системы. Напримѣръ, на стр. 15 онъ пишетъ: «заключается ли единство всѣхъ нашихъ психическихъ отправленій въ единой живой душѣ или она есть равнодѣйствующая всѣхъ психическихъ отправленій,—это вопросъ, который для этики не имѣетъ интереса и значенія». Едва ли это справедливо; вопросъ имѣетъ коренное значеніе и онъ рѣшенъ косвенно К. въ его этикѣ, хотя К. и не нашелъ возможности о томъ распространяться. Кавелинъ — извѣрившійся въ своего учителя гегеліанецъ; на то указываютъ слова стр. 13, въ которыхъ, толкуя о неоцѣненной будто бы по достоинству способности самосознанія и строя на ней этику, К. отмѣчаетъ, что эта способность уже была подведена подъ логическую схему и послужила Шеллингу и Гегелю исходною точкою для ихъ системъ. Извѣриться въ философскую систему и вообще въ философію можно двоякимъ путемъ: либо пришедши къ заключенію, которое приводитъ и К. какъ причину осужденія, что система не отвѣчаетъ на запросы личной жизни, на требованія личнаго счастія, или убѣдившись, что она — мыльный пузырь, что она лишена реальнаго основанія. Я полагаю, что мотивъ, заставившій К. отложиться отъ гегеліанства, былъ скорѣе послѣдній, во-первыхъ потому, что пока вѣра въ истинность извѣстной философіи существуетъ, до тѣхъ поръ она по силѣ своей почти равна

вѣрѣ религіозной, до тѣхъ поръ идеаломъ личнаго счастія является полная преданность идеѣ, принимаемой за безусловную истину; во-вторыхъ, потому, что, по вѣрному замѣчанію К., умъ и знаніе не могутъ никогда дать никакихъ отвѣтовъ на запросы индивидуальной жизни,— а между тѣмъ, онъ не отошелъ отъ науки и изъ ея данныхъ старается выстроить систему, на которую возлагаетъ всѣ свои надежды. Гегелева философія уже была разрушена и превращена въ развалины. Изъ-за ея обломковъ выдвигался и росъ до громадной высоты образъ первоучителя Канта, съ котораго опять приходилось вновь начинать. Кавелинъ отчасти локкистъ, отчасти кантіанецъ. Отъ Локка онъ беретъ начало: въ умѣ нѣтъ ничего, кромѣ ощущеній (41); отъ Канта онъ заимствуетъ субъективизмъ знанія, непознаваемость внѣшняго міра въ его существѣ и ограниченіе операцій мышленія одними только субъективными отъ міра сего впечатлѣніями, знакомство съ этимъ міромъ только по слѣдамъ, какіе оставляютъ въ чувствѣ предметы. Извѣстно, что, гордясь своимъ открытіемъ, что познаваемая среда существуетъ для насъ только во впечатлѣніяхъ, полученныхъ отъ нея, Кантъ сравнивалъ себя съ Коперникомъ. Онъ полагалъ, что поставилъ въ самомъ центрѣ знанія разумъ съ его апріорическими формами и категоріями мышленія, какъ начало, опредѣляющее само содержаніе этого знанія. Но извѣстно также, что по понятіямъ Канта существуетъ и незнаемое, но мысленно постижимое сверхчувственное, міръ ноуменовъ, по отношеніи къ которому міръ феноменовъ не можетъ считаться даже копіею его или отраженіемъ (сравн. Windelband, Geschichte der neueren Philosophie, т. 2-й, стр. 68 — 70. Leipzig, 1880). Ученикъ существенно отличается отъ учителя тѣмъ, что его философія уже совсѣмъ не трансцендентальная, она покончила съ ноуменами, отнеся ихъ къ числу фикцій, превративъ въ метафизическія мечты воображенія. Она отвергла все трансцендентное, даже то, что̀ Герб. Спен-

серъ вставилъ какъ отрицательный элементъ въ свою философію подъ названіемъ «Непознаваемаго» (Unknowable). Спенсера упрекаютъ въ томъ, что, допустивъ этого фактора въ свою философію, онъ не выводитъ затѣмъ изъ него никакихъ послѣдствій. Трудно, однако, отрицать бытіе этой области, намъ недоступной и потому мистической. Кавелинъ отвергаетъ это бытіе весьма рѣшительно. Мы съ нимъ часто и долго по этому предмету спорили. У меня есть любопытный документъ: письмо ко мнѣ Константина Дмитріевича 30 апрѣля 1884 г. въ игриво шуточномъ тонѣ, который онъ любилъ. Передаю главное мѣсто въ этомъ письмѣ, не дерзая измѣнить ни словечка: «осенью, если до того времени не околѣю, привезу громовое опроверженіе magni ignoti въ своихъ «Задачахъ этики», которая, между прочимъ, будетъ построена на совершенномъ его отрицаніи. Вы будете посрамлены и принуждены поджать хвостикъ». То, чтó имѣетъ прямую связь въ «Задачахъ этики» съ этимъ письмомъ, сводится къ слѣдующему.

О внѣшнемъ мірѣ Кавелинъ выражается такъ (45): «внѣ насъ несомнѣнно существуетъ реальный міръ, котораго мы частица», міръ явленій уже познанныхъ или могущихъ быть познанными, но перенесенныхъ въ сознаніе въ передѣлкѣ, въ переводѣ на психическій языкъ. Кавелинъ указываетъ и на два *критеріума* объективныхъ фактовъ: тождество послѣдовательныхъ впечатлѣній, производимыхъ на субъектъ однимъ и тѣмъ же явленіемъ, и сличеніе впечатлѣній о событіи у большого числа людей, имѣющихъ нормальныя умственныя способности (31), иными словами: экспериментація и преданіе или внѣшній авторитетъ. Во всякомъ случаѣ впечатлѣніе производно, прежде него существовалъ уже предметъ, который его произвелъ. Посему міръ идейный, сотканный изъ впечатлѣній, надлежало бы представлять какъ дальнѣйшее продолженіе реальнаго, хотя бы міръ этотъ былъ мало похожъ на то, что онъ въ передѣлкѣ изображаетъ. Такая постановка вопроса не унизила бы

ни въ чемъ притязаній человѣка на господство въ природѣ, потому что если при ней остается за умомъ полная возможность дѣлать новыя идейныя сочетанія занесенныхъ въ познаніе объективныхъ элементовъ, то онъ сообразно съ тѣмъ будетъ измѣнять объективную среду, устраивая ее по образу и подобію идейнаго. Но мнѣ кажется, что Кавелинъ, увлекшись Коперниковскою точкою зрѣнія Канта, далъ вопросу объ отношеніи объективнаго къ субъективному неожиданное и едва ли основательное рѣшеніе. Изъ того, что знаніе условно, что оно — плодъ объективной силы, превращенной въ психическое состояніе, что трудно провести границу между средою и мыслью (31), Кавелинъ заключилъ, что самъ якобы объективный міръ внѣшнихъ реальностей есть только продолженіе субъективнаго *я* (33). По его словамъ, міръ реальный можетъ быть извѣстенъ людямъ только съ той стороны, какою онъ ихъ касается. Они могутъ его знать, насколько могутъ что нибудь знать, а это знаніе условное. Слѣдовательно для человѣка не можетъ быть безусловно объективнаго міра; это только созданіе отвлеченной логики, которому нѣтъ соотвѣтствующихъ фактовъ въ дѣйствительности. Знаніе бываетъ либо единичное, либо коллективное: знаніе множества людей. Сему послѣднему мы по ошибкѣ приписываемъ названіе безусловнаго или объективнаго (45). Такъ какъ мы—часть и общества, и природы, то обѣ среды близки къ намъ и родныя (105). Отъ этихъ положеній уже одинъ только шагъ до окончательнаго вывода (106) *что источникъ мнимаго объективнаго міра есть психическая жизнь единичнаго лица*, которой продукты, перейдя чрезъ мышленіе другихъ людей, получаютъ видъ такъ-называемаго объективнаго міра, столь порою непривѣтливаго каждому человѣку въ отдѣльности. Такое опроверженіе magni ignoti едва ли въ состояніи удовлетворить кого бы то ни было. Кавелинъ совершенно отвергаетъ существованіе ноуменальнаго міра, то-есть предметовъ, имѣющихъ недосягаемое нутро, и

по поверхности которыхъ скользитъ только нашъ умственный глазъ. Онъ допускаетъ только міръ феноменальный и притомъ только міръ такихъ явленій, которыя входитъ въ сознаніе подъ психическими значками и масками. Изъ того, что они замаскированы, онъ ихъ превращаетъ въ чисто психическія данныя, а внѣшній міръ онъ дѣлаетъ простымъ безформеннымъ продолженіемъ нашего *я*, составляющимъ съ этимъ *я* одно сплошное цѣлое, растягиваемое въ безконечность. Такимъ образомъ, мы дошли до геркулесовыхъ столбовъ въ субъективизмѣ: одинъ пунктъ въ пространствѣ—единичное *я*—сдѣлался не только средоточіемъ, но и эквивалентомъ всей вселенной.

Еще одно и послѣднее замѣчаніе. Въ сознаніи не все прозрачно, не все проницаемо. Въ видѣ паровъ подымается вверхъ до горныхъ высотъ все общее, коллективное, генерическое, превращающееся въ отвлеченія; на днѣ сознанія остается неразлагающійся ни при какихъ усиліяхъ ума осадокъ: живое *я*, и шевелится безпокойный, притязательный червякъ желанія счастія, рождающій всякія мрачныя, пессимистическія воззрѣнія. Какъ его заморить? какъ пріобрѣсти душевное спокойствіе?—Пессимизмъ предлагаетъ способъ радикальный, но унизительный и малодушный: бѣгство въ смерть, уклоненіе отъ борьбы. Есть и другіе выходы, болѣе достойные, болѣе человѣчные. Графъ Левъ Толстой предлагаетъ свою мораль, основанную не на знаніи, а на чувствѣ безконечнаго состраданія, мораль пассивную и не отъ міра сего, потому что, уча страдать, она воспрещаетъ всякое сопротивленіе злу. Кавелинъ прибѣгъ къ пособіямъ науки, которая, очевидно, по вопросамъ о личномъ благѣ и счастіи помочь ему не можетъ, потому что она оперируетъ только надъ генерическимъ и обезличеннымъ. Предлагая свои [illegible] субъективные идеалы, Кавелинъ создаетъ ихъ изъ универсалій, изъ отвлеченностей, въ родѣ той [illegible] въ единицѣ не ее, а идеальный типъ человѣка. [illegible], онъ вынужденъ

заявить (107), что этическіе идеалы сами по себѣ— мертвые, и что они превращаются въ дѣйствительность только воспитаніемъ, (т.-е. дрессировкою) и упражненіемъ, (т.-е. возобновленіемъ много разъ однихъ пріемовъ). Прежде чѣмъ повторять что-либо, нужно его въ первый разъ сдѣлать, а чтобы впервые сдѣлать, нужно захотѣть его сдѣлать, въ противномъ случаѣ будетъ машина, но безъ своего двигателя. Таковы основанія, по которымъ я полагаю, что Кавелинъ не во всемъ былъ послѣдователенъ въ своемъ сочиненіи, и что его система этики едва ли во многомъ облегчитъ выходъ современному человѣку изъ его затруднительнаго положенія.

Слѣдуетъ ли затѣмъ заключить, что безполезна сама книга, изъ которой оказывается, что немногое придется позаимствовать? Совсѣмъ напротивъ того, книга напомнила массу предметовъ, заставила не только юношей, но и стариковъ, сильно подумать о томъ, чего коснулась; она вложила пальцы вниманія въ открытыя раны, заставила скорбѣть о томъ, что личность зачахла и одичала, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что при кажущихся успѣхахъ чисто внѣшней культуры испортилась сама среда и жутко въ ней приходится человѣку. Эта скорбь необычайно глубока и сердечна, вслѣдствіе того она краснорѣчива и выразительна; она обаятельно дѣйствуетъ и притомъ она увлекаетъ въ гораздо большей степени людей нефилософовъ, нежели записныхъ психологовъ; да и предназначалась она не для немногихъ, а для массы читателей. Я увѣренъ въ томъ, что всѣ наши критики книги, направленныя противъ ея построенія и техники, канутъ въ Лету и забудутся, а читатели «Задачъ этики» все-таки не переведутся, и будутъ они не изъ тѣхъ, которые читаютъ книги ради критики, но изъ тѣхъ, которые дорожатъ всякими «изліяніями благородной души», потому что въ нихъ самихъ откликаются и ихъ эмоціонируютъ мощное негодованіе и искренняя печаль. И «Исповѣдь» гр. Л. Толстого, и «Задачи этики» Кавелина — знаменья времени, интереснѣйшіе

«человѣческіе» документы изъ эпохи остановки въ движеніи, умственнаго шатанія и мучительной неизвѣстности, куда идти? продолжать ли усвоивать извнѣ заимствованныя формы, которыя плохо къ намъ пристаютъ, скоро загрязняются и изнашиваются, или вернуться опять назадъ ко временамъ специфически московскаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, ко второй четверти XIX столѣтія? Скорбь и сѣтованія повсемѣстны, каждый откликается по своему; то же произошло съ Кавелинымъ. Его произведеніе — голосъ человѣка сороковыхъ годовъ, выработавшагося въ самомъ средоточіи умственной жизни тогдашней Россіи, Москвѣ, и притомъ голосъ «западника» въ тотъ моментъ развѣтвленія направленій русской мысли на западничество и славянофильство, когда у обоихъ было весьма много общаго. Послѣ неудачъ и разочарованій 1848 и западниковъ стала одушевлять общая со славянофилами вѣра въ близкій упадокъ Запада съ его законченною и богатѣйшею культурой, предполагаемымъ наслѣдникомъ которой являлся русскій Востокъ, по тому только основанію, что онъ — бѣлый листъ, еще не исписанный. Вѣра въ отживаніе западной Европы сохранилась неизмѣнная до конца жизни въ К.; книга его и есть нѣчто въ родѣ читаемой Западу отходной, но, съ другой стороны, ходъ послѣднихъ міровыхъ событій сильно ослабилъ предположенія о возможности предъявить какія-либо права на наслѣдство. Если на западѣ, какъ полагаетъ К., личность зачахла, то у насъ она не развилась; нравственная немощь, если ею поражена наравнѣ съ нами Европа, въ обоихъ случаяхъ почти одинакова; нѣтъ грани между Востокомъ и Западомъ, какъ нѣтъ ея въ дѣйствительности между объектомъ и субъектомъ. Изъ крайне затруднительнаго положенія выручили Кавелина остатки западническихъ воззрѣній сороковыхъ годовъ. Они внушили ему то, одностороннее на мой взглядъ, убѣжденіе, что положеніе наше все-таки выгоднѣе и лучше, сравнительно съ европейцами, потому что если задача жизни

уже не сводится къ тому, чтобы брать и пересаживать на свою почву плоды чужой культуры, а къ упорному труду каждаго единичнаго самосознанія надъ своими волевыми мотивами, то сама культура пойдетъ европейцу не въ прокъ, а въ задержку и помѣху, потому что онъ уже наладился совершенствовать себя измѣненіемъ внѣшней обстановки и объективныхъ формъ культуры, что едва ли рѣшится сдѣлать полуоборотъ направо къ субъективизму. Если откинуть эти пылкія увлеченія К. и выдѣлить изъ книги существенное, то окажется, что корень ученія свѣжъ, и что на знамени написано то самое, за что К. воевалъ неизмѣнно всю жизнь: *индивидуализмъ*, усовершенствованіе личности, не отвлеченной только, а живой. Есть въ книгѣ слова, отъ которыхъ нельзя не встрепенуться: «иди, ищи, думай, изслѣдуй все своими усиліями и умомъ» (29); «трижды счастливъ, кто, не пускаясь далеко отъ берега, мирно плаваетъ около него, освѣщаемый надежнымъ свѣтомъ маяка; но кто отважился подъ знаменемъ ума отыскивать неизвѣстное, тотъ сжегъ свои корабли, тому нѣтъ возврата; онъ долженъ идти впередъ, не останавливаясь и не страшась никакихъ чудовищъ» (105).

Эти мужественныя слова ободряютъ; они раздаются, какъ трубный звукъ. Въ нихъ мы съ К. за одно, мы расходимся только въ томъ, что онъ совѣтуетъ погрузиться въ субъективную работу, совсѣмъ оставляя въ сторонѣ объективныя условія бытія, мы же убѣждены, что самой работѣ надъ единичнымъ самоусовершенствованіемъ мѣшаютъ объективныя условія, что порча нравовъ происходитъ отъ шатанія въ умахъ, отъ колебаній при рѣшеніи самыхъ коренныхъ, общихъ и притомъ вполнѣ объективныхъ вопросовъ, касающихся среды. Какъ только пріостановившаяся громада двинется по прямому пути и засвѣтятся маяки, несомнѣнно улучшится затѣмъ и нравственность въ живыхъ единицахъ,

а, можетъ быть, и совершится вновь подъемъ и самосознанія, и нравственности, который напомнитъ блистательную эпоху всесторонняго прогресса и творчества въ Россіи въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

5 сентября 1885.

ОТВѢТЪ Г. ЮРКЕВИЧУ.

(«С.-Петербургскія Вѣдомости» 5 апрѣля 1864).

ОТВѢТЪ Г. ЮРКЕВИЧУ.

Мой учебникъ уголовнаго права удостоился неожиданной чести: на него ополчилась Москва. Поднялась въ походъ осадная артиллерія, три недѣли сряду продолжалась пальба въ «Современной Лѣтописи» Московскихъ Вѣдомостей (№№ 9, 10 и 11). Открывая пальбу, г. Юркевичъ объявилъ, что онъ побьетъ меня въ моей логикѣ, уничтожитъ меня въ моей метафизикѣ, взорветъ на воздухъ мою психологію. Чтобы вѣрнѣе достигнуть желаемаго результата, почтенный профессоръ взялъ на прицѣлъ одинъ только пунктъ въ моемъ сочиненіи, первую главу моего труда. Спѣшу увѣдомить моего противника, что я остался живъ и здоровъ послѣ пальбы, что́ я приписываю, конечно, не недостатку желанія съ его стороны, но тому, что заряды были холостые. Въ этой полемикѣ, направленной противъ моего учебника, достается порядкомъ и мнѣ самому лично; язвительная и злая, въ отношеніи къ моимъ качествамъ, полемика становится наивна и забавна, когда переходитъ къ разбору моего труда, не потому, чтобы этотъ трудъ былъ образцомъ совершенства (я самъ очень хорошо сознаю его неудовлетворительность), но потому, что со стороны почтеннаго профессора, что ни ударъ—то промахъ, и что не знаешь чему больше удивляться: непониманію-ли смысла книги, или искаженію вырванныхъ изъ нея отрывковъ. Приступая весьма неохотно къ опроверженію несправедливой, по моему мнѣнію, рецензіи, обѣщаюсь быть весьма откровеннымъ, воздать *suum cuique*

и признаться чистосердечно, въ чемъ считаю моего противника сильнѣе меня, и въ чемъ, въ глазахъ моихъ, обнаруживается слабость его діалектики.

Я отдаю ему, безъ всякаго спора, пальму первенства въ силѣ и крѣпости выраженій; на то онъ сотрудникъ «Современной Лѣтописи» и «Домашней Бесѣды»; школа, значитъ, была у него хорошая. Мой учебникъ есть «непрерывный рядъ нелѣпостей», «нелѣпая игра понятій», въ которой авторъ «льститъ каждой страсти и каждой глупости» и «теряется, словно сонный, въ области самыхъ простыхъ понятій». Сужденія мои «безтолковы», опредѣленія мои «безграмотны», словомъ вся книга есть «галиматья». Кромѣ этой крупной картечи, г. Юркевичъ обладаетъ въ совершенствѣ искуствомъ метать стрѣлы, обмокнутыя въ кураръ и другія вещества, о которыхъ толкуетъ токсикологія. Чего тутъ нѣтъ въ этихъ ядовитыхъ намекахъ?—И *«мудрый ляхъ по шкоди»*, и обвиненіе чуть-ли не въ сочувствіи «революціонному *жонду*», и солидарность «съ петербургскими редакціями», которыя цѣнятъ людей съ моими «тенденціями» и моимъ «невѣдѣніемъ», и подозрѣніе въ ереси, безбожіи, и оуэнизмѣ, и уподобленіе меня «ксендзу католическому». Словомъ, вслѣдствіе страннаго сочетанія понятій, которыя считались до сихъ поръ другъ съ другомъ несовмѣстными, изъ этого длиннаго обвинительнаго акта явствуетъ, что я въ одно и тоже время переодѣтый іезуитъ и коммунистъ, недопускающій ни собственности, ни наказанія, ни браковъ, ни наслѣдства, просто на просто человѣкъ съ вреднѣйшимъ образомъ мыслей. Помилосердуйте, г. рецензентъ! Съ вашею критикою я надѣюсь справиться, но ваши намеки не безопасны. Чего добраго—иной вамъ на слово повѣритъ. Нечего дѣлать, надобно смириться и поспѣшить съ оправданіемъ. Становлюсь мысленно предъ вами, какъ предъ судебнымъ слѣдователемъ, и осмѣливаюсь требовать, чтобы вы записали въ слѣдственный протоколъ нижеслѣдующее мое показаніе:

«Я (имя рекъ), православный отъ отца и дѣда, съ младыхъ лѣтъ проживая здѣсь, занимался ученіемъ (не смѣю сказать наукою, потому что, какъ извѣстно, монополію науки имѣетъ у насъ одинъ только университетъ московскій). Надъ собираніемъ матеріаловъ книги, изданной мною въ свѣтъ, трудился я пять лѣтъ и не позволилъ себѣ помѣстить въ ней какія бы то ни было аллюзіи политическія или національныя. Писалъ я первый ея выпускъ осенью 1862 г., а на писаніе втораго выпуска употребилъ весну и лѣто 1863 года. Писывалъ я, правда, да и то изрѣдка, журнальныя статейки, въ чемъ чистосердечно каюсь; но я слыхалъ, что и многіе профессоры московскіе больше изощряются въ писаніи газетныхъ статеекъ, нежели въ изготовленіи пространныхъ сочиненій. Одинъ грѣхъ за собою признаю, это тотъ грѣхъ, на который указываете вы въ изреченіи: мудрый ляхъ по шкоди, но въ извиненіе мое въ этомъ случаѣ могу привести слѣдующее обстоятельство. Въ моей простотѣ я думалъ, что для науки вообще, а наипаче для такой высокой науки, какъ философія, все равно что еврей, что татаринъ, что остякъ. Изъ вашихъ словъ убѣждаюсь въ противномъ, изъ чего заключаю, что философія, которую проповѣдуете вы, есть какая-то новая философія, о которой не имѣлъ я никакого извѣстія. Если вамъ неугодно повѣрить моему показанію, то можно навести справки или опросить повальнымъ обыскомъ окольныхъ жителей, тѣмъ болѣе, что я не скрывался и не училъ тайкомъ, а преподавалъ мой предметъ много лѣтъ публично во многихъ, (да и то не въ частныхъ) учебныхъ заведеніяхъ. Еще одно слово. Не взыщите за то, что, касаясь столь высокаго предмета, какъ религія, неимѣющаго, впрочемъ, непосредственной связи съ уголовнымъ правомъ, я не считалъ умѣстнымъ исповѣдаться передъ читателями, во что я вѣрую и какъ я вѣрую, не потому, чтобы выгораживалъ себя видимо изъ числа вѣрующихъ, но потому, что, по моимъ соображеніямъ, что за надобность знать о томъ читателямъ, лишь бы только

я излагалъ мое дѣло (т. е. уголовное право) толково и вразумительно. Наука имѣетъ свой кругъ дѣйствія, свои методы, свою цѣль—знаніе; свою задачу—устроеніе земныхъ отношеній человѣка къ природѣ и другимъ подобнымъ ему существамъ. Я постоянно доказывалъ, что нашъ разумъ ограниченъ, что наше знаніе имѣетъ свои предѣлы; въ этой то области уму непостижимаго и царствуетъ религія».

Здѣсь конецъ моего показанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и моихъ вамъ уступокъ, г. рецензентъ. Я защитился отъ васъ тѣмъ, что въ судебной практикѣ было бы названо доказательствомъ моего *alibi*. Минута слабости прошла, и, ободрившись духомъ, берусь провѣрить и опровергнуть ваши возраженія на всѣхъ трехъ избранныхъ вами поприщахъ логики, метафизики и психологіи.

Логика. Убѣжденный въ тщетѣ идеализма, который силится представить всѣ явленія дѣйствительности какъ рядъ воплощеній и превращеній безконечныхъ идей, я старался доказать, что внѣ насъ эти идеи (а въ томъ числѣ и идея безусловной справедливости) не существуютъ; что эти идеи суть нечто иное, какъ извѣстныя формы нашего мышленія; что, будучи продуктами мышленія, наши идеалы справедливости мѣняются по времени и мѣсту и могутъ быть только относительные, иными словами, что у одного народа слыветъ добродѣтелью, то у другаго можетъ считаться порокомъ, и наоборотъ. Чтó можетъ быть проще такого взгляда на справедливость? Съ этимъ взглядомъ мой противникъ никакъ не можетъ согласиться. Онъ убѣжденъ, что въ юриспруденціи можно, немудрствуя лукаво, начать право съ безконечной идеи правды и справедливости, не озабочиваясь нисколько, какимъ образомъ понятіе справедливости сложилось и выработалось въ умѣ человѣческомъ. Его полемическій пріемъ для того, чтобы сбить меня съ толку, состоитъ въ слѣдующемъ: онъ утверждаетъ, что, выгоняя абсолютъ въ одну дверь, я ввожу

его въ другую; что, объявляя, безусловную справедливость существомъ небывалымъ, я въ тоже время воздвигаю этому божеству жертвенники. Г. Юркевичъ приводитъ слѣдующія доказательства моей непослѣдовательности: 1) что, по моему мнѣнію, человѣкъ обязанъ руководствоваться въ дѣйствіяхъ своихъ сознаніемъ долга, а не расчетомъ ожидающихъ его за эти дѣйствія внѣшнихъ наградъ или казней; 2) что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ наказывать конченное, но неудавшееся преступленіе (délit manqué), одинаково съ удавшимся, хотя бы замышляемое зло и не случилось; 3) наконецъ, что, по моему мнѣнію, и въ международныхъ отношеніяхъ есть санкція справедливости, неминуемая какъ законъ природы, и что народъ, угнетающій другіе, самъ, въ свою очередь, поражается горестями, страданіями, болѣзнями. Въ этихъ трехъ тезисахъ нѣтъ даже тѣни поклоненія безусловной справедливости. Признайтесь, г. Юркевичъ, что въ душѣ вы меня считаете матеріалистомъ. Для васъ—открытаго поклонника Шталя, этого крайняго солдата на правомъ флангѣ въ арміи реакціи, всѣ мыслители, несогласные со Шталемъ (а ихъ весьма много), отдѣляющіе законовѣдѣніе отъ богословія, должны сливаться болѣе или менѣе въ одну безразличную массу. Вы разсуждаете, я думаю, такимъ образомъ: матеріалистъ—значитъ человѣкъ, который думаетъ только о своихъ удовольствіяхъ и доволенъ когда у него брюхо сыто (Epicuri e grege porcus), слѣдовательно, слово долгъ въ устахъ его —несообразность, а когда онъ жертвуетъ собою для извѣстныхъ убѣжденій, то онъ, очевидно, противорѣчитъ самъ себѣ и, самъ того не замѣчая, дѣлается послѣдователемъ Шталя. Я не матеріалистъ, г. Юркевичъ, за что и достается мнѣ иногда порядкомъ; но и сами матеріалисты не то, что вы объ нихъ думаете. Всѣ уважали Іеремію Бэнтама; порядочнымъ человѣкомъ считается нынѣ Джонъ Стюартъ Миллъ; они утилитаріанисты, но и они учатъ, что величайшее удовольствіе человѣка наслаждаться счастіемъ другихъ, жертвуя даже

своимъ добромъ. Я могу быть вполнѣ убѣжденъ, что справедливость не есть существо особое, что она не пришла ко мнѣ извнѣ, что она не врождена моему уму, но есть продуктъ моего собственнаго мышленія, и въ тоже самое время я могу быть глубоко преданъ носящимся въ моемъ умѣ идеаламъ справедливости, до пожертвованія этимъ идеаламъ моимъ общественнымъ положеніемъ, моими связями, богатствомъ, дружбою, любовью и даже самою жизнью. Вы не вѣрите, г. Юркевичъ? Вспомните притчу о добромъ Самарянинѣ. Люди противуположныхъ убѣжденій, религіозныхъ и философскихъ, могутъ легко сходиться въ одномъ и томъ же нравственномъ законѣ. Лучшее вамъ доказательство— Бэнтамъ, котораго теорію я, между прочимъ, опровергаю, но имя коего я привожу для примѣра. Мораль Бэнтама на практикѣ почти одна и таже, что и мораль христіанская. Разсужденія г. Юркевича по поводу *délit manqué* принадлежатъ къ числу юридическихъ, не скажу нелѣпостей, но курьезовъ, которыми изобилуютъ въ особенности послѣднія два его письма. Уголовное право всѣхъ образованныхъ народовъ наказываетъ множество дѣйствій, въ которыхъ обнаружилась несомнѣннымъ образомъ злая воля, хотя бы эти дѣйствія не причинили еще никакого зла (напр., поддѣлка монеты, документовъ и т. п.). Все ученіе о покушеніи держится на этомъ принципѣ. Можно, конечно, спорить о томъ, слѣдуетъ ли наказывать неудавшееся преступленіе наравнѣ съ удавшимся, или подвергать его смягченному наказанію, но въ уравненіи неудавшагося преступленія съ удавшимся нельзя еще видѣть никакого признака абсолютизма, потому что къ этому заключенію приходятъ многія теоріи относительныя, отрицающія идею возмездія (см., напр., *Grollman*, Grundsätze des Criminalr. § 89). Наконецъ, что касается до санкціи справедливости въ убѣжденіяхъ международныхъ, то въ моемъ убѣжденіи о неминуемости этой санкціи нѣтъ никакого мистицизма. Оно основано на опытѣ вѣковъ и столь же

достовѣрно, какъ то, что всѣ люди смертны; Иванъ человѣкъ, слѣдовательно и Иванъ смертенъ. Я вижу, положимъ, какъ нѣкто дѣлаетъ сознательно подлость; я и заключаю, что не миновать ему упрековъ совѣсти. Профессоръ читаетъ съ каѳедры старый хламъ, не слѣдя за успѣхами науки; не будучи пророкомъ, смѣло предсказываю, что славы прочной онъ не пріобрѣтетъ, что школы онъ не создастъ, что имя его безслѣдно канетъ въ Лету. Даже и въ томъ мудромъ повѣріи народномъ, что *чужое добро въ прокъ нейдетъ*, нѣтъ ничего таинственнаго: оно взято изъ ежедневныхъ наблюденій. Кто корыстуется чужимъ трудомъ, кто живетъ грабежемъ и насиліемъ, тотъ не цѣнитъ своихъ пріобрѣтеній и не умѣетъ хранить награбленнаго, у того оно расплывается въ рукахъ, такъ что въ концѣ концовъ старый коршунъ голодаетъ, а чего онъ самъ не растерялъ, то промотаютъ дурно-воспитанныя его дѣти. Я говорю о явленіи, которое объясняется очень просто законами природы, т.-е. естественнымъ ходомъ жизни человѣческой, а вы, г. Юркевичъ, обрадовались, что поймали меня на поклоненіи міровой Немезидѣ, и такъ какъ по вашему всѣ мудрыя изреченія происходятъ непремѣнно отъ Шталя, то вы и восклицаете: «Одинъ Шталь шелъ дорогою, на которую вы ступили теперь». Пора покончить съ подобною путаницей понятій. Во всякой миѳологіи слѣдуетъ отличать внутренній смыслъ миѳа отъ его символической оболочки. Только дѣтскій умъ первобытныхъ Грековъ вѣрилъ въ дѣйствительное существованіе божественныхъ Эвменидъ, но уже Цицеронъ смѣется надъ древнею сказкой (itaque poenas luunt non tam judiciis, quam ut eos agitent insectenturque furiae, non ardentibus taedis, sicut in fabulis, sed angore conscientiae fraudisque cruciatu).

Еще два удара наноситъ мнѣ г. Юркевичъ: одинъ задѣваетъ мою критику теоріи исправленія, другой состоитъ въ томъ, будтобы я путаюсь въ понятіяхъ, ставя на первомъ планѣ то христіанскій принципъ любви, то языческій принципъ справедливости, и самъ не знаю,

которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Что касается до перваго возраженія, то г. Юркевичъ упрекаетъ меня въ приторной гуманности за то, что я сомнѣваюсь въ возможности дѣйствовать на душу преступника чисто механически, что не вѣрю въ исправимость его во чтобы то ни стало, и не допускаю того, чтобы всѣ мѣры уголовныя пригнаны были къ одной только цѣли—исправленію. «Развѣ сочинитель не знаетъ, говоритъ мой рецензентъ, что есть наказанія педагогическія? Утверждать, что на душу нельзя дѣйствовать механически, значитъ думать, что человѣкъ также равнодушенъ къ своимъ внѣшнимъ положеніямъ, какъ оселъ или баранъ, и что внѣшнія обстоятельства его жизни также не имѣютъ вліянія на кругъ его мыслей, какъ для мыслей осла или барана безъ слѣда пропадаетъ вся ихъ исторія». Подъ педагогическими исправительными наказаніями мой противникъ, вѣроятно, разумѣетъ розги. Дѣтей въ самомъ дѣлѣ сѣкутъ, въ старину сѣкли еще больше, но чтобы розги были хорошее средство педагогическое—это пока еще сомнительно. Извѣстно, что г. Юркевичъ приверженецъ розогъ, о чемъ я съ нимъ спорить не намѣренъ; въ концѣ концовъ это дѣло вкуса, притомъ споръ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко, въ область педагогіи. Кто поживетъ—увидитъ, я же лично смѣю питать надежду, что доживу до той минуты, когда розга будетъ вытѣснена изъ народнаго воспитанія, какъ она вытѣсняется нынѣ изъ уголовнаго законодательства. Внѣшняя обстановка человѣка имѣетъ на него, конечно, вліяніе, но результатовъ этого вліянія предвидѣть и разсчитать напередъ невозможно. Когда человѣкъ заартачится, то онъ бываетъ упрямѣе самаго упрямаго изъ ословъ, да и сладкимъ внушеніямъ филантропіи неохотно вѣритъ, когда эта филантропія держитъ хлыстъ въ рукахъ и говоритъ: покайся, а не то я засажу въ темную, или заставлю тебя голодать. Наконецъ, второе возраженіе г. Юркевича о принципахъ любви и справедливости есть не что иное, какъ фокусъ, основанный на томъ, что

критикъ подставляетъ одно слово вмѣсто другаго, вслѣдствіе чего и выходитъ какъ будто бы несообразность (въ такихъ фокусахъ мой противникъ великій мастеръ; смотри на стр. 9 того же письма игру словами: справедливость и совѣсть). Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Высшій идеалъ человѣческій, какой мы до сихъ поръ имѣемъ, есть, безъ сомнѣнія, идеалъ христіанскій. Христіанство требуетъ прощать обиды. Намъ всѣмъ, воспитавшимся подъ вліяніемъ христіанства, долженъ быть присущъ этотъ идеалъ, слѣдовательно, я въ правѣ былъ сказать, что въ идеальномъ типѣ человѣка, какимъ онъ долженъ быть по нашимъ современнымъ понятіямъ и нравамъ, первое мѣсто занимаетъ всепрощеніе обидъ, иными словами, что человѣкъ, какимъ ему быть слѣдуетъ, не долженъ имѣть никакихъ чисто личныхъ непріятностей и обязанъ жертвовать своимъ самолюбіемъ на пользу общую, отказываясь отъ удовольствія мести. Г. Юркевичъ, вмѣсто слова: *всепрощеніе обидъ* подставляетъ: *любовь христіанская*, и утверждаетъ, что выше всего я ставлю принципъ любви. Это просто эскамотажъ, потому что прощеніе обидъ можетъ быть дѣломъ не только любви, но и справедливости (вспомните слова Христа по поводу прелюбодѣйной жены); съ другой же стороны, понятіе любви гораздо шире, нежели понятіе прощенія обидъ. Въ другомъ мѣстѣ я утверждаю, что хороша филантропія, но что еще лучше правосудіе, и что, слѣдовательно, прежде всего человѣку надобно дать все то, что ему слѣдуетъ по праву, и только потомъ можно ему благодѣтельствовать, сколько душѣ угодно, по началу любви. Смѣю утверждать, что въ этомъ новомъ положеніи нѣтъ никакого противорѣчія съ прежнимъ, и что критика моего противника, основывающаяся на придиркахъ и игрѣ словъ, не можетъ быть названа честною и добросовѣстною.

Перехожу въ область *метафизики*. Здѣсь г. Юркевичъ дѣлаетъ два капитальныя открытія, посредствомъ индуктивнаго метода, который Богъ-вѣсть зачѣмъ при-

путанъ: 1) что моя теорія есть каррикатура церковнаго права, потому что я, словно ксендзъ католическій, (почему же католическій?), допускаю только два наказанія: не хочешь жить съ нами, уйди отъ насъ, а не то исправься и живи съ нами; 2) что я волкъ въ овечьей шкурѣ, иными словами: коммунистъ, отвергающій наказаніе и толкующій, однако лицемѣрно, о правѣ уголовномъ. Постараюсь доказать, что оба открытія не стоятъ натуги родовъ.

Первое открытіе. Моя уголовная система походитъ на систему церковныхъ наказаній. Положимъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Вамъ, г. Юркевичъ, какъ человѣку религіозному, менѣе другихъ прилично негодовать за то, что я иду по стопамъ церкви, и что я желалъ бы, чтобы законодательства свѣтскія подражали церковному въ гуманномъ, въ хорошемъ. Но вы заблуждаетесь, полагая, что только одна церковь не отводитъ устрашенію мѣста въ системѣ мѣръ, охраняющихъ общественный порядокъ. Было одно законодательство, положительное, мудрое, знаменитое, которое шло тою же тропою въ самыя цвѣтущія времена своего существованія, а именно законодательство римское. Во времена республики оно употребляло, въ отношеніи къ гражданамъ, двѣ только мѣры репрессивныя: денежныя пени и изгнаніе. Правда, что гражданъ въ римской республикѣ было немного, но съ тѣхъ поръ проходитъ 2000 лѣтъ, и результатъ успѣховъ человѣчества состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что то хорошее, которое составляло въ началѣ исключительную принадлежность немногихъ, распространялось на милліоны и дѣлалось достояніемъ народныхъ массъ. Государство было некогда переполнено рабами, нынѣ всѣ свободны. Судъ, съ его гарантіями, существовалъ нѣкогда только для немногихъ, нынѣ онъ для всѣхъ. Почему не допустить, что и наказанія для всѣхъ могутъ быть когда нибудь похожи на тѣ, какія существовали для немногихъ за 2000 лѣтъ? Желанія мои скромныя, вы считаете ихъ

несбыточными. Вы полагаете, что «міръ дѣйствительный, съ его порядкомъ, добрымъ ли, дурнымъ ли, скованъ цѣпями необходимости желѣзной, несокрушимой; что весь нашъ разумъ есть не что иное, какъ знаніе различныхъ необходимостей». Знаніе, такимъ образомъ понимаемое, какъ вы его понимаете, г. философъ, есть только тормазъ всякаго усовершенствованія и просвѣщенія. Необходимость бываетъ двоякая: дѣйствительная и воображаемая. Доказывать первую я считаю занятіемъ празднымъ и безполезнымъ. Дитя хотѣло бы поиграть съ луною; достаточно сказать ему: достань и забавляйся. Утопистъ мечтаетъ объ обществѣ безъ наказаній; достаточно сказать ему: попробуй составить такое общество. Даже Оуэнъ въ Нью-Лянаркѣ не могъ обойтись безъ наказаній и долженъ былъ выгонять негодяевъ. Спорить съ утопистами, отвергающими всякое наказаніе, напрасно, потому что ихъ идеи не найдутъ доступа къ массамъ и разобьются о желѣзную необходимость охраненія, во что бы то ни стало, общественнаго порядка; ихъ теоріи замѣчательны только какъ протестъ противъ недостатковъ общественнаго устройства въ данное время. Но есть другаго рода необходимость—картонная, воображаемая, и задачу науки полагаютъ многіе въ томъ, чтобы воевать съ этою необходимостью, расширяя послѣдовательно область свободы человѣческой. Безумецъ! кричали на маркиза Беккаріа консерваторы прошлаго столѣтія; онъ посягаетъ на пытку, онъ отвергаетъ желѣзную необходимость добиться признанія отъ подсудимаго! Защитники смертной казни кричатъ еще и до сихъ поръ на ея противниковъ: мечтатели! они хотятъ обойтись безъ гильотины и палача! Еще гораздо раньше консерваторы римскіе называли, безъ сомнѣнія, съумасшедшими людей, оспаривавшихъ необходимость рабства, однако рабства нынѣ нѣтъ, пытка исчезла, да и смертная казнь выводится постепенно изъ употребленія.

Второе открытіе. Дабы доказать, что я коммунистъ

потому что не хочу строить уголовное право на началѣ устрашенія, г. Юркевичъ употребляетъ неподражаемый, по своей убѣдительности, пріемъ, извѣстный въ риторикѣ подъ именемъ фигуры вопрошенія. Вотъ его слова: «Долженъ ли я заниматься опроверженіемъ убѣжденій автора, которыя я раскрывалъ столь охотно? Пусть остается онъ при своемъ мнѣніи, что воздаяніе есть месть. Пусть, такимъ же образомъ, остается г. Спасовичъ при своемъ мнѣніи, что устрашеніе, которымъ угрожаетъ законъ своему нарушителю, есть терроръ. Или нужно доказывать, что это безсмыслie, что A непремѣнно A. Или нужно здѣсь доказывать, что терроръ, посредствомъ коего революціонный жондъ терзаетъ несчастную страну, нѣсколько отличенъ отъ суда безпристрастнаго и исходящаго отъ законной власти, что человѣческія общества кое-чѣмъ отличаются отъ разбойническихъ бандъ», и т. д. Въ другомъ мѣстѣ критикъ жалуется на то, что, по моему мнѣнію, теорія Шталя, которую *весь ученый міръ* (???) считаетъ христіанскою, принадлежитъ къ языческому порядку вещей.

На вашу фигуру вопрошенія позвольтѣ мнѣ отвѣтить тоже вопросомъ. Вы знаете, что теперь внутри Небесной имперіи идетъ ожесточенная борьба между богдыханомъ и тайпингами. О чемъ? Того я и самъ не знаю; тѣмъ лучше; я выбралъ нарочно примѣръ далекій, въ которомъ бы вы не могли подъискать никакихъ неблаговидныхъ аллюзій. И у богдыхана, и у тайпинговъ есть своя артиллерія, свои пушки; и тѣ и другія войска обучаются европейскими офицерами. Неужели вы полагаете, что пушки тайпинговъ стрѣляютъ хуже и разрываются скорѣе, отъ того только, что онѣ тайпинговы, а не богдыханскія? Всякій артиллеристъ посмѣялся бы надъ подобнымъ предположеніемъ. Онъ знаетъ, что пушка тайпингская можетъ завтра очутиться въ рукахъ у богдыханцевъ и наоборотъ, и что она будетъ столь же вѣрно служить своему новому обладателю, какъ служила до сихъ поръ тому, въ чьихъ

рукахъ находилась. Иное дѣло, когда артиллеристъ замѣтитъ, что пушка чугунная или ненарѣзная, тогда онъ скажетъ, что эта пушка дрянь, чья бы она ни была, что ее слѣдуетъ бросить и запастись другою, нарѣзною, бронзовою или стальною. Неужели вы думаете, г. Юркевичъ, что есть разница между устрашеніемъ и терроромъ? Я полагаю, что это два названія одного и того же понятія, одно русское, другое французское. Неужели вы полагаете, что есть малѣйшая разница между возмездіемъ и местью? Неужели вы въ самомъ дѣлѣ полагаете, что міръ ученый придаетъ какое нибудь научное значеніе теологическимъ фантазіямъ Шталя? Неужели вы убѣждены, что философія Шталя христіанская? Мало сказать, что она языческая, потому что уже классическая древность стояла выше шталевой точки зрѣнія; она принадлежитъ міросозерцанію восточному, требующему казней для успокоенія разгнѣваннаго преступленіемъ божества. Если вы уважаете авторитетъ св. писанія, то вы не можете не согласиться, что теорія Шталя несовмѣстна съ слѣдующими изрѣченіями Евангелія, которыя или вмѣняютъ въ обязанность прощеніе обидъ, или опровергаютъ божественность мірскаго правосудія: Ев. отъ Матв. V, 7, 39—40, 44; VI, 14, 15; VII, 1, 3; XVIII, 21, 22; XXII, 17—21; Ев. отъ Марка XI, 25, 26; XII, 16, 17; Ев. отъ Луки VI, 27—37; XX, 24—26; Ев. отъ Іоан. VIII, 3—11; XVIII, 36.

О замѣчаніяхъ г. Юркевича по части *психологіи*, составляющихъ содержаніе его третьяго письма, я скажу весьма немногое, во-первыхъ потому, что эти замѣчанія отрывочны, безсвязны, дробны и потому не особенно важны; во-вторыхъ потому, что половина третьяго письма занята изложеніемъ теоріи происхожденія идеаловъ по моему учебнику, надъ которою г. Юркевичъ, конечно, глумится, но которой онъ не противупоставляетъ никакой новой теоріи собственнаго издѣлія, такъ что неизвѣстно, чего онъ хочетъ и чѣмъ онъ недово-

ленъ. Въ критикѣ *свободы дѣйствій* мой рецензентъ потѣшается надъ тѣмъ, что, по словамъ моимъ, человѣкъ можетъ пренебречь всякую внѣшнюю необходимость и даже не безусловно подчиняется внушеніямъ своего ума. Оба эти положенія до того просты, что смѣяться надъ ними можетъ только не понимающій ихъ смысла. Первое изъ указанныхъ мною дѣйствій называется обыкновенно геройствомъ, второе выражается въ очень извѣстной латинской пословицѣ: *video meliora proboque, deteriora sequor*. Въ замѣчаніяхъ объ *умыслѣ* г. Юркевичъ предлагаетъ нарядить комисію изъ экспертовъ по части логики для рѣшенія—можетъ ли преступникъ рѣшаться на злое дѣло завѣдомо о послѣдствіяхъ, не желая однако этихъ послѣдствій? Недоумѣнія моего критика совершенно напрасны. Орсини зналъ, что его бомбы поразятъ многихъ, а убить онъ хотѣлъ одного; кого желалъ онъ убить, того не убилъ, но онъ убилъ и переранилъ множество людей, къ которымъ лично онъ не питалъ никакой вражды. Не могу сойтись съ моимъ рецензентомъ и въ опредѣленіи *умысла*, потому что онъ стоитъ болѣе на почвѣ филологіи, я же придерживаюсь того точнаго смысла, который даютъ умыслу законодательства положительная. Упрекъ въ томъ, будто бы я отрицаю вліяніе ощущенія потребности на вмѣненіе, устраняется ссылкою на мое ученіе о состояніи крайней необходимости (с. 103—105 учебника). Въ замѣткѣ о *различіи дѣйствія* вреднаго отъ преступнаго, г. Юркевичъ дѣлаетъ одно прекурьознѣйшее открытіе. Онъ полагаетъ, что человѣкъ, незнающій о послѣдствіяхъ своего дѣйствія, все равно, что съумасшедшій, и что онъ не подлежитъ отвѣтственности, потому что не обладалъ въ моментъ дѣйствія нормальнымъ разумомъ, «Ошибка, заблужденіе, незнаніе», говоритъ авторъ, «относятся къ этимъ же ненормальнымъ состояніямъ разума (каковы: съумасшествіе, горячка, опьяненіе, состояніе гнѣва, испуга и другіе аффекты), хотя причина ненормальности здѣсь внѣшняя, случайная». Очевидно, что у г. Юркевича

взглядъ на знаніе иной, нежели у Сократа. Мудрѣйшій изъ Грековъ убѣжденъ былъ, что онъ знаетъ только одно: что онъ ничего не знаетъ. Г. Юркевичъ нормальнымъ состояніемъ разума считаетъ всевѣденіе, ненормальнымъ—незнаніе чего нибудь (такъ вѣдь и слѣдуетъ, когда стоишь на точкѣ зрѣнія абсолюта). Сознайтесь, г. Юркевичъ, что изъ вашихъ словъ можно вывести неблагопріятный для васъ приговоръ. Вы сами сознаетесь во второмъ письмѣ, что вы не спеціалистъ по части законовѣденія, слѣдовательно (по крайней мѣрѣ по части законовѣденія) вы знаете не все; слѣдовательно, вы легко могли дѣлать промахи въ вашихъ сужденіяхъ юридическихъ, и всякій промахъ можетъ быть объясненъ ненормальнымъ состояніемъ вашего разума въ моментъ писанія. Не правда ли, какой богатый источникъ для разныхъ остротъ?

Я покончилъ съ критикою г. Юркевича на мой учебникъ, но мнѣ приходится еще раскланяться съ чистымъ, цѣломудреннымъ геніемъ Ѳемиды, который былъ вызванъ моимъ противникомъ, и съ С. И. Баршевымъ, которому посвящены его письма. Мой противникъ думаетъ: вотъ, дескать, ученый смирный, преданный дѣлу безъ страсти, безъ шума, безъ гама, никогда не унизившій себя раболѣпствомъ передъ духомъ времени и поклоненіемъ грубой, невѣжественной толпѣ; за нимъ слѣдуйте, ему подражайте! Тутъ, вѣроятно, вышло какое-нибудь недоразумѣніе: или геній Ѳемиды не столь чистъ, какъ полагаетъ г. Юркевичъ, или примѣръ, избранный г. Юркевичемъ, не совсѣмъ удаченъ; я же полагаю, что слѣдуетъ допустить и то, и другое. Съ одной стороны, совершенное безучастіе законовѣденія въ современномъ положеніи общества и въ его потребностяхъ есть очевидная несообразность; какая же была бы польза отъ подобной науки? Съ другой стороны, почтенный мужъ, которому посвящены письма и котораго заслугъ я не думаю оспаривать, не всегда уединялся отъ шума и толкотни житейской: и его муза носитъ на себѣ слѣды

страстныхъ объятій и жаркихъ поцѣлуевъ духа времени. Въ сороковыхъ годахъ г. С. Баршевъ издалъ книгу (Общія начала теоріи законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Москва 1841), въ которой онъ доказывалъ и безусловную необходимость смертной казни (разд. II, стр. 21: есть случаи, гдѣ смертная казнь можетъ быть необходима, хотя преступленіе ни въ какомъ отношеніи неопасно для государства; стр. 23: если государство казнитъ смертью, то не человѣкъ убиваетъ человѣка, но преступленіе, достойное смерти, лишаетъ жизни преступника; кровь требуетъ крови, и т. д.), и превосходство смертной казни передъ пожизненнымъ заключеніемъ (стр. 35: если государство лишаетъ только жизни, то оно убиваетъ только тѣло, но когда оно осуждаетъ на пожизненное лишеніе свободы въ соединеніи съ тяжкими работами, то оно можетъ убить и душу), и цѣлесообразность обезчещивающихъ наказаній (стр. 54), и полезность наказаній тѣлесныхъ (стр. 81), и много другихъ вещей, рѣзко противуположныхъ теперешнимъ убѣжденіямъ и теперешнему ходу законодательствъ. Въ тоже время, на каѳедрѣ, г. Баршевъ былъ защитникомъ розыскнаго процесса. Потомъ, въ послѣдніе 6 или 7 лѣтъ, г. Баршевъ сталъ ревностнымъ поборникомъ процесса обвинительнаго. Я не виню его нисколько за перемѣну убѣжденій и нахожу, что онъ поступилъ благоразумно, слѣдуя потоку времени, но я не могу принять его за образецъ неподатливости внѣшнимъ вліяніямъ. За подобный образецъ я бы не усомнился принять его, еслибы онъ защищалъ обвинительный процессъ лѣтъ двадцать тому назадъ, или если бы онъ отстаивалъ нынѣ съ жаромъ великую полезность смертной казни или необходимость наказаній тѣлесныхъ.

По всей вѣроятности, мои доводы не убѣдятъ нисколько моего критика, всякій изъ насъ останется при своихъ убѣжденіяхъ; тѣмъ и кончается большая часть полемики, особенно когда между міросозерцаніями спорящихъ есть цѣлая пропасть. Г. Юркевичъ сравниваетъ

мой трудъ съ гнилыми болотами, мои мысли—съ міазмами; я тоже не полагаю, чтобы отъ его критики несло благоуханіями. Г. Юркевичъ досадуетъ на то, что есть нынѣ запросъ на подобныя моимъ произведенія (значитъ, они соотвѣтствуютъ какой-либо потребности въ обществѣ); я же думаю, что запросъ на произведенія, пропитанныя его идеями, будетъ постепенно уменшаться. Г. Юркевичъ считаетъ меня никуда не годнымъ юристомъ; я же отношу его къ разряду тѣхъ лицъ, которыя, по мѣткому выраженію одного средневѣковаго историка, думаютъ, что «они облечены въ философскую мантію, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ, они держатъ въ рукахъ только одну отъ этой мантіи тряпку». (Luitprandi, Antapodosis lib. 1 cap. 1, у Перца въ Scrip. rer. germ.). О томъ, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ въ настоящемъ спорѣ, мнѣнія, вѣроятно, раздѣлятся, но, безъ сомнѣнія, всѣ безпристрастные люди согласятся, что для дѣла, для истины, было бы полезнѣе, если бы этотъ споръ не выходилъ за границы благопристойности, соблюдаемой въ серьозныхъ преніяхъ. И въ войнѣ настоящей есть свои нормы (coutumes de guerre, Kriegsmanier), тѣмъ болѣе въ ученомъ диспутѣ; можно препираться не, кусаясь и не таская другъ друга за волосы.

5 Апрѣля 1864 г.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ

ОРЕСТА МИЛЛЕРА:

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ НАУКѢ И ВЪ ЖИЗНИ.

(Письмо къ редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1865 г.).

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ

Г. ОРЕСТА МИЛЛЕРА:

Въ началѣ прошлаго лѣта, когда появилась книга, написанная Пыпинымъ и мною: «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ», г. Орестъ Миллеръ издалъ отдѣльною брошюрой свою критику на это сочиненіе. «С.-Петербургскія Вѣдомости» посвятили нашей книгѣ одинъ фельетонъ и о брошюрѣ отозвались съ похвалой. Брошюра старается разъединить сочинителей книги; о части, написанной мною, она отзывается съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ, но нападаетъ на г. Пыпина за сквозящій въ его трудѣ космополитизмъ и опровергаетъ его шагъ за шагомъ во имя принципа народности, котораго г. Миллеръ является глубоко-убѣжденнымъ послѣдователемъ и бойцомъ. «Про обзоръ польской литературы Спасовича — говоритъ г. Миллеръ (стр. 62), можно развѣ замѣтить, что ему почти не мѣсто въ книгѣ г. Пыпина». Какъ ни лестенъ для меня вообще отзывъ г. Миллера, однако, я могу принять его не иначе, какъ условно и съ оговорками, *sous benefice d'inventaire*, потому что весьма сомнительно, сходимся ли мы съ г. Миллеромъ въ коренныхъ основаніяхъ взглядовъ нашихъ на славянскій вопросъ; съ другой стороны, точно такъ же сомнительно, существуютъ ли въ убѣжденіяхъ моихъ и

г. Пыпина столь существенныя различія, которыя требовали бы обязательно нашего развода. Надѣюсь, г. редакторъ, что вы не откажете мнѣ помѣстить мой отвѣтъ г. Миллеру въ вашей газетѣ, которая и о коллективномъ трудѣ нашемъ упомянула, и брошюру г. Миллера отмѣтила, и слѣдитъ издавна весьма старательно за явленіями, относящимися до славянскаго міра. Такъ какъ г. Пыпинъ отвѣчалъ уже весьма обстоятельно нашему критику, опровергая его возраженія по пунктамъ («Современникъ», іюньская книжка), то мнѣ не приходится даже быть защитникомъ г. Пыпина, чѣмъ, конечно, упрощается моя задача, потому что является возможность выполнить ее, не вдаваясь въ мелочи и держась на высотѣ коренныхъ началъ. Приступаю къ ней съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что весьма пріятно имѣть состязаніе съ противникомъ, въ родѣ г. Миллера. Тонъ его полемики спокоенъ и благороденъ; касаясь самыхъ жгучихъ вопросовъ современности, г. Миллеръ не доходитъ до личностей и язвительныхъ намековъ, которые сдѣлались въ послѣднее время насущнымъ хлѣбомъ нашей литературы, не обращается къ страстямъ, но старается говорить трезвымъ языкомъ разсудка и науки. Въ своей оцѣнкѣ польской литературы и польской исторіи г. Миллеръ не бросаетъ въ нихъ ни камнемъ, ни грязью и находитъ въ нихъ многія родственныя черты, къ которымъ онъ относится съ сочувствіемъ. Хотя онъ и причисляетъ себя къ славянофиламъ, но въ немъ незамѣтно той узкой сектаторской нетерпимости, которая столь странна въ редакторѣ «Дня» и въ лучшихъ его сотрудникахъ. Г-нъ Миллеръ хотя и причисляетъ себя къ славянофиламъ, но стоитъ одиноко и особнякомъ въ славянофильскомъ лагерѣ и видимо затѣваетъ расколъ. Его брошюра весьма интересна, какъ доказательство той внутренней работы, которая теперь совершается незамѣтно въ умахъ, и которая обнаруживается въ упадкѣ и разложеніи всѣхъ прежнихъ литературныхъ символовъ вѣры, преданій и партій. Въ прежнее время существовали въ наукѣ и въ литературѣ

рѣзко опредѣлившіяся направленія, партіи шли строемъ, сражались подъ знаменами, и всякій зналъ по боевому кличу, гдѣ его друзья и гдѣ враги. Теперь — не то; судьба перетасовала подобранныя мастями карты; закадычные друзья перессорились, враги составили противуестественныя коалиціи, многіе не выдержали испытанія жизни и измѣнили своимъ убѣжденіямъ, когда вмѣсто словъ потребовалось дѣло; иные же, хотя и остались вѣрны прежнему своему *credo*, но ничему новому не научились и твердятъ наизусть разъ навсегда заученныя фразы. Среди всеобщаго кораблекрушенія ни одно судно не уцѣлѣло, а на поверхности волнъ плаваютъ только отдѣльные пловцы, кто въ бочкѣ, кто на обломкѣ мачты, кто на бревнахъ. Этотъ процессъ распаденія группъ на единицы, вслѣдствіе котораго «своя своихъ не познаша», давно замѣченъ и въ густой фалангѣ столь многочисленной нѣкогда либеральной партіи, и между нашими демократами и между нашими радикалами; наконецъ, онъ коснулся, повидимому, и славянофиловъ. Если г. Орестъ Миллеръ славянофилъ, то онъ славянофилъ особенной породы, невиданнаго до сихъ поръ оттѣнка, славянофилъ безъ лирическаго паѳоса, озабоченный скорѣе критикою догматовъ, нежели непоколебимою къ нимъ приверженностью, старающійся выйти изъ сентиментально-нѣжныхъ и стать въ дѣльныя и трезвыя отношенія къ народности. Г-нъ Миллеръ самъ отмѣчаетъ весьма старательно, въ чемъ онъ отходитъ отъ славянофильскаго кружка. Главныя причины этой семейной ссоры состоятъ въ слѣдующемъ.

Г-нъ Миллеръ противуполагаетъ Славянъ всему Западу и защищаетъ элементъ своеобразія въ славянской цивилизаціи, но онъ отвергаетъ мысль о необходимости русской гегемоніи въ группѣ народностей славянскихъ и о навязываніи другимъ Славянамъ русскаго языка. «Не намъ — говоритъ онъ — ни подъ какимъ видомъ не намъ самимъ, особливо послѣ всѣхъ нашихъ спеціаль-

ныхъ грѣховъ, твердить и натверживать славянству объ этомъ. Мы можемъ быть увѣрены, что если намъ принадлежитъ великая роль, то въ этомъ и безъ нашихъ напоминаній убѣдятся въ свое время другіе Славяне» (стр. 76). Г-нъ Миллеръ считаетъ важною ошибкой излишнее пристрастіе славянофиловъ къ старинѣ исключительно московской (стр. 72), отрекается отъ такихъ славянофиловъ какъ г. Погодинъ (стр. 40), упрекаетъ въ замкнутости и нетерпимости Кирѣевскаго, Хомякова, К. Аксакова (стр. 20) и винитъ И. Аксакова въ упорномъ стояніи за всякую іоту въ догматахъ, выработанныхъ предшественниками и значительно уже устарѣвшихъ. Важнѣйшая уступка, которую дѣлаетъ г. Миллеръ, относится къ религіозному вопросу. Мнѣніе славянофиловъ, сюда относящееся, г. Миллеръ считаетъ фанатическимъ и крайнимъ (стр. 20). Онъ допускаетъ, что можно быть римскимъ католикомъ безъ измѣны славянству. Наконецъ, г. Миллеръ отличается еще и тѣмъ, что не боится и не злословитъ противъ украинофильства и малороссійскаго сепаратизма (43—47). При столь гуманныхъ, повидимому, отношеніяхъ къ Славянамъ не московской масти, спрашивается: ужъ подлинно ли г. Миллеръ славянофилъ? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ: да, въ славянофильствѣ г. Миллера не можетъ быть сомнѣнія; есть три славянофильскіе конька, которые проходятъ по всей его брошюрѣ: вѣра въ гніеніе Запада (73), убѣжденіе, что ни въ наукѣ, ни въ жизни, нѣтъ ничего выше принципа народности (83), и исканіе какихъ-то старославянскихъ началъ. Подъ всѣ эти странности подлажена теорія собственнаго издѣлія, которую г. Миллеръ формулируетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 52): «Образованіе, какъ *развиваемость*, составляетъ, конечно, громадную силу, и именно помощью его славянскія начала совершили такъ много, въ лицѣ гусситства. Но образованіе, само по себѣ, и важно только какъ *развиваемость*; *качественная* же цѣнность его зависитъ отъ *того, что развивается*, отъ тѣхъ началъ, которыя даютъ

содержаніе образованности». Построеніе этой фразы неправильно въ логическомъ отношеніи, но смыслъ ея ясенъ; она обозначаетъ, что содержаніе жизни общества даютъ одни только народныя начала, образованіе же сообщаетъ этимъ логическимъ началамъ только высшую степень развитія.

Начнемъ съ старославянскихъ идей. Извѣстно, что когда-то, въ доисторической древности, Славяне и по языку походили болѣе другъ на друга, и сближались сильнѣе, нежели теперь, въ обычаяхъ и юридическихъ понятіяхъ. Вездѣ было устройство общинно-демократическое, съ княземъ во главѣ, съ народными собраніями и круговою порукою общинъ. Впослѣдствіи, отъ разныхъ историческихъ причинъ и внѣшнихъ вліяній, этотъ первобытный типъ стерся и исчезъ, такъ что только археологіи принадлежитъ, безъ сомнѣнія, честь изобрѣтенія вновь этого единства, которое не существуетъ въ дѣйствительности. Изъ этого вывода не слѣдуетъ, чтобы разросшіяся вѣтви славянскаго пня не могли когда-нибудь соединиться въ будущемъ на одно общее дѣло; но это соединеніе наступитъ, когда отыщется общее дѣло, которое послужитъ звеномъ соединенія. Во всякомъ случаѣ, если этому новому единенію, непохожему на прежнее, суждено когда-нибудь осуществиться, то оно построится не на археологическихъ изысканіяхъ и не на этнографическихъ или филологическихъ сходствахъ, но на общихъ интересахъ соединяющихся народностей. Таковъ смыслъ труда г. Пыпина; весь вопросъ въ томъ, есть ли общіе интересы, могущіе соединить Славянъ, или нѣтъ? Вопросъ этотъ чисто-фактическій; если же г. Пыпинъ даетъ ему въ настоящемъ отрицательное рѣшеніе, то въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ только вчера мы были свидѣтелями упорной борьбы двухъ передовыхъ славянскихъ народностей. Вмѣсто того, чтобы показать, что г. Пыпинъ ошибается въ оцѣнкѣ фактовъ, и пріискать связующіе уже теперь Славянъ бытовые интересы, г. Миллеръ предпочелъ избрать другой

путь. По его мнѣнію, единство рода славянскаго никогда не утрачивалось и существуетъ въ настоящее время, какъ существовало испоконъ вѣка, съ тою только разницею, что общій, единый древнеславянскій типъ устройства прикрытъ былъ, въ теченіи вѣковъ, нѣсколькими наносными пластами иноплеменныхъ цивилизацій. Изслѣдователи старины не изобрѣтаютъ, но обрѣтаютъ имѣющееся единство, скидая наносные слои и докапываясь до первобытной почвы. Изъ глубины этихъ раскопокъ еще и до сихъ поръ вѣетъ «старый демократическій духъ» древняго славянства. Всѣ великія явленія въ жизни славянскихъ народовъ, каковы богомильство у Болгаръ, гусситство у Чеховъ — не болѣе какъ отголоски «старыхъ бытовыхъ привычекъ» и «старыхъ инстинктовъ свободы» (29, 37). Вся критика г. Миллера въ такомъ родѣ. У каждаго поколѣнія и вѣка есть свои потребности, и каждый, сообразно этимъ потребностямъ, строитъ свои идеалы. У большинства людей эти идеалы лежатъ въ будущемъ; но есть одна литературная партія, которая, вслѣдствіе особаго оптическаго обмана, похожаго на извѣстный физикѣ миражъ, помѣщаетъ свои идеалы вмѣсто будущаго въ прошедшемъ и вѣруетъ, что все то, чего желаемъ, уже давнымъ давно дано исторіею, причемъ она надѣляетъ это прошедшее такими совершенствами, какихъ оно никогда не имѣло въ дѣйствительности. Не вдаваясь въ объясненіе причинъ этого миража и въ оцѣнку относительной пользы или относительнаго вреда, какіе доставило это направленіе, замѣтимъ, что оно не есть особенность русской литературы, что оно въ несравненно большихъ еще размѣрахъ проявилось и больше зла надѣлало въ другихъ литературахъ, напримѣръ, въ польской, просто потому, что нашло болѣе пищи для идеализаціи въ блестящемъ прошедшемъ Польши, нежели въ болѣе скромной исторіи Великаго Княжества Московскаго. На основаніи историческихъ данныхъ можно доказать, что эти ретроспективныя фантазіи не имѣютъ никакого реальнаго осно

ванія и прямо противорѣчатъ исторіи. Если приступить съ ножемъ критики къ старославянскимъ началамъ, которыя, будто бы, даютъ содержаніе жизни народа, то окажется, что ихъ вовсе нѣтъ, что они — только призраки. Возьмемъ для примѣра юридическія старославянскія начала, демократическія общины съ княземъ во главѣ, вѣча, виры, круговую поруку. Многое въ этихъ учрежденіяхъ должно быть отнесено насчетъ возраста; всѣ народы, не скажу въ младенческій, но въ догосударственный періодъ своего существованія, имѣютъ необходимо нѣкоторыя общія учрежденія, каковы виры, вѣча, круговая порука, причемъ эти учрежденія были гораздо сильнѣе отчеканены у Германцевъ, нежели у Славянъ. Многое въ этихъ учрежденіяхъ слѣдуетъ приписать внѣшнимъ вліяніямъ и назвать заимствованіями, совершенными или на глазахъ у исторіи, напр., христіанство, или въ недосягаемой дали прошедшаго (извѣстно, что исторія знаетъ Славянъ уже значительно развитыми). Наконецъ, нѣтъ ни одного начала, о которомъ можно было бы положительно сказать, что оно коренное славянское. Я вызываю г. Миллера показать хотя одно такое коренное славянское начало, которое сохранило бы свои очертанія при болѣе внимательномъ изученіи и не расплывалось бы въ туманное пятно, и напередъ увѣренъ, что г. Миллеръ не можетъ дать мнѣ утвердительнаго отвѣта. Если додуматься до недоступнаго наблюденію начала началъ, до момента зарожденія народностей, то передъ нами явится только одна раса, съ ея племенными свойствами, въ видѣ бѣлой страницы, на которой ничего не написано; это неопредѣленное нѣчто не имѣетъ еще никакого содержанія. Психологія давно покончила съ такъ-называемыми апріорическими элементами познанія, или съ врожденными нашему уму, готовыми идеями; давно логика пришла къ тому убѣжденію, что наше познаніе заимствуетъ все свое содержаніе изъ міра внѣшняго, умъ же нашъ есть формальная способность перерабатывать это содержаніе. То же на-

чало вполнѣ примѣнимо и къ народному творчеству. Нѣтъ никакихъ апріорическихъ, ни племенныхъ, ни народныхъ бытовыхъ началъ; но каждая раса и каждый народъ одарены способностью особеннымъ образомъ перерабатывать содержаніе, заимствуемое извнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ сочиненная г. Миллеромъ теорія о культурѣ, какъ о *развиваемости*, и возникаетъ вопросъ: что такое народность? Нѣмецъ далъ бы на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: народность въ субъективномъ смыслѣ есть способность народа класть на явленія жизни клеймо индивидуальности, въ объективномъ смыслѣ народность есть совокупность историческихъ преданій народа, взятыхъ въ данный моментъ, преданій весьма тягучихъ, но безпрестанно мѣняющихся и въ формахъ своихъ, и въ составѣ, такъ-что одно и тоже явленіе, весьма народное сегодня, можетъ сдѣлаться ненароднымъ завтра, и наоборотъ (напримѣръ, протестантизмъ, преобладавшій въ Польшѣ въ XVI столѣтіи и римско-католическая реакція въ XVII съ іезуитами. Не помню, кто-то замѣтилъ, весьма справедливо, по поводу бывшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ юбилея Шекспира, что произведенія Шекспира болѣе національны теперь на материкѣ Европы, напримѣръ, въ Германіи, нежели въ отечествѣ поэта, хотя Шекспиръ былъ самый національный изъ англійскихъ поэтовъ XVI вѣка). Намъ кажется, что г. Миллеръ не вездѣ остается вѣренъ своей теоріи образованія, въ смыслѣ развиваемости апріорическихъ народныхъ началъ, по крайней мѣрѣ его можно страшнѣйшимъ образомъ поразить на основаніи его же собственныхъ словъ. Для примѣра сдѣлаемъ слѣдующую выдержку изъ его брошюры, исполненную густѣйшаго славянофильскаго тумана (стр. 72): «Одряхлѣлъ и до сердца сгнилъ не весь Западъ, а внутренно сгнили его феодальныя государственныя и соціальныя преданія; возрожденіе приготовляется на Западѣ въ развивающемся началѣ народности. Да, сгнила та самая западная государственность, помощью которой было пришиб-

лено въ Чехіи великое движеніе славянской мысли и т. д., и т. д.» Самъ г. Миллеръ не можетъ не согласиться, что тѣ феодальныя и соціальныя преданія, о которыхъ онъ говоритъ, и та самая государственность, которую онъ ненавидитъ, были и суть на Западѣ явленія весьма національныя. Если они по содержанію своему національны, то процессъ жизни въ будущемъ можетъ состоять, по теоріи развиваемости г. Миллера, не въ отсѣченіи ихъ, а въ сообщеніи имъ высшаго развитія, въ возведеніи ихъ въ квадратъ, кубъ и т. д. Г-нъ Миллеръ утверждаетъ, что эти феодальныя и соціальныя преданія гнилы, изъ чего слѣдуетъ заключить, что или сама сердцевина западно-европейскаго общества подвержена гніенію, если она даетъ столь гнилые побѣги, или что народъ можетъ исцѣляться отъ органическихъ своихъ болѣзней, обрубая и ввергая въ огонь тѣ изъ своихъ народныхъ преданій, которыя оказываются негодными, денаціонализируя тѣ изъ явленій жизни, которыя оказываются неподходящими къ бытовымъ цѣлямъ, къ коимъ онъ стремиться въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ принципъ народности — плохое лекарство отъ зла, и трудно понять, какимъ образомъ онъ можетъ освободить больное тѣло отъ своихъ же собственныхъ патологическихъ отложеній. Предлагаемъ г. Миллеру самому рѣшить эту мудреную задачу, которая, по нашему мнѣнію, неразрѣшима. Самъ принципъ народности требуетъ предварительной строгой повѣрки. Весьма сомнительно, можно ли обращать народность въ принципъ такимъ образомъ, какъ это дѣлаетъ г. Миллеръ; никакъ не слѣдуетъ противуполагать этотъ принципъ космополитической культурѣ, и совершенно невозможно возводить принципъ народности въ начало началъ, въ идею, «дальше которой не пошла ни современная жизнь, ни современная наука» (стр. 83).

Мнѣ кажется, что самый вопросъ о первенствѣ между народностью и культурою поставленъ г. Миллеромъ неправильно, потому что онъ основанъ у нашего

критика на предполагаемомъ антагонизмѣ между двумя понятіями, который не существуетъ въ дѣйствительности. Мнѣ кажется, что незачѣмъ предаваться празднымъ размышленіямъ о томъ, что выше: конкретный ли націонализмъ, или абстрактный космополитизмъ. Этотъ мудреный вопросъ ужасно похожъ на пресловутый споръ очковъ и носа въ баснѣ. Извѣстно, что мозгъ есть органъ мысли, но что мысль, родившаяся въ мозгу одного человѣка, мгновенно дѣлается достояніемъ общественнымъ. По методѣ г. Миллера слѣдовало бы поставить два принципа: принципъ мозга и принципъ мысли, задаться вопросомъ, что выше; мозгъ ли, производящій мысль, или его произведеніе? Конечно, въ историческомъ порядкѣ вещей прежде всего существовалъ индивидуальный умъ; этотъ умъ выработалъ мысль, которая носила при рожденіи печать единичной личности, пока не разошлась въ народѣ; потомъ она стала мыслью національною, сильно окрашенною народнымъ колоритомъ; наконецъ, при дальнѣйшемъ своемъ распространеніи, она, бывъ обезцвѣчена, превратилась въ общечеловѣческую культурную идею. Рѣка не перестаетъ быть рѣкою, хотя она имѣетъ иной видъ у своего истока, въ серединѣ теченія и въ устьѣ; то же можно сказать и о всякомъ явленіи жизни общественной. Особенной цѣны ему не придаетъ то обстоятельство, что оно индивидуальное или національное или общечеловѣческое культурное: если оно теперь космополитическое, то прежде, когда-то, оно было національное, а еще раньше индивидуальное. Достоинство его зависитъ отъ содержащагося въ немъ процента добра; мѣрою же этого добра никакъ не можетъ служить національность, которая сама по себѣ не имѣетъ съ этимъ добромъ никакой связи. Г. Миллеръ бѣжитъ отъ космополитизма изъ опасенія, чтобы не изсякъ родникъ оригинальности и творчества человѣческаго, когда всѣ народныя особенности исчезнутъ и замѣнятся однимъ безразличнымъ, общечеловѣческимъ складомъ жизни. Мы вполнѣ понимаемъ эту

любовь къ своеобразію, мы ей вполнѣ сочувствуемъ—мы ненавидимъ слѣпаго подражанія и усвоиванія себѣ безъ переработки всякихъ навѣянныхъ и напускныхъ идей; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, что обращеніе къ старославянскимъ началамъ и идеямъ не есть вполнѣ вѣрный путь для достиженія этой цѣли, потому что народъ способенъ перечеканивать на свою монету всякій наличный металлъ, причемъ совершенно все равно, какой матеріалъ употребленъ въ дѣло: такая же хорошая новая монета можетъ выйти изъ петровскаго или екатерининскаго рубля, или изъ старинной гривны золота, какъ изъ самоновѣйшаго саверена или талера. Сколько мнѣ извѣстно, г. Пыпинъ ни въ одномъ мѣстѣ своего труда не высказывается противъ своеобразности развитія; онъ даже предвѣщаетъ русскому обществу появленіе новой поэзіи, которая будетъ несравненно національнѣе прежней. Я нахожу притомъ, что г. Пыпинъ, тысячу разъ правъ, когда утверждаетъ (стр. 22), что эта новая поэзія будетъ имѣть содержаніе спеціально-русское, и что для созданія ея незачѣмъ обращаться къ старославянскимъ миѳологическимъ лохмотьямъ. Главное условіе всякой поэзіи—своеобразіе, которое не пріобрѣтается, конечно, настраиваніемъ пѣсни на ладъ старины, но достигнется очень просто, когда въ пѣснѣ будутъ трепетать живые интересы современной жизни народа.

Я почти кончилъ мой отвѣтъ г. Оресту Миллеру; остается только подвести итоги. Въ весьма сложномъ процессѣ жизни общества участвуютъ въ качествѣ производителей и историческія преданія народа, и внѣшнія культурныя вліянія. Есть одно направленіе въ литературѣ, которое даетъ рѣшительный перевѣсъ народнымъ стихіямъ надъ культурными, приписывая послѣднимъ значеніе второстепенное, подначальное. Есть и другое направленіе, которое признаетъ только культуру и отказываетъ народности въ прочномъ основаніи, считая ее явленіемъ преходящимъ. Коллективный трудъ г. Пыпина и мой не можетъ быть отнесенъ ни къ тому,

ни къ другому направленію, потому что мы отрицаемъ самое основаніе теорій, служащихъ подкладкою обоимъ направленіямъ. Въ каждомъ данномъ случаѣ, когда предстоитъ рѣшить какую-нибудь практическую задачу, возникаетъ вопросъ, чѣмъ руководствоваться въ рѣшеніи: старыми ли, исторически сложившимися и потому весьма крѣпкими и надежными привычками народа, или свѣточемъ общечеловѣческой цивилизаціи? Рѣшеніе этой задачи есть дѣло личной совѣсти.

Августъ 1865 г.

ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ

Н. И. Костомарова съ профессоромъ А. Г. Градовскимъ.

(«Голосъ» 1877 годъ).

ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ КОСТОМАРОВА СЪ ГРАДОВСКИМЪ.

Какъ волна неустойчивы, какъ осенняя погода измѣнчивы изо-дня въ день воззрѣнія нашей повременной печати на такъ-называемый польскій вопросъ, или на отношеніе къ Россіи одной изъ крупныхъ славянскихъ національностей, судьбы которой всего тѣснѣе сплетены съ судьбами русской народности и державы. Самъ вопросъ всплываетъ обыкновенно по случаю, напоминающему о немъ, послѣ чего онъ оставляется и забывается на долгія времена, какъ порѣшенный. Въ настоящее время вызвала его турецко-славянская война и отношеніе къ ней, не активное, само собою разумѣется, но только умственное и нравственное, поляковъ. Сначала по этому предмету шли въ нашей печати выраженія, наполненныя едва ли не изумленія, а по крайней мѣрѣ одобренія за то, что въ общей сложности поляки высказались по поводу войны сочувственно, какъ подобаетъ славянамъ, къ успѣхамъ русскаго оружія, что они отдѣлились въ этомъ отношеніи отъ мадьяръ, что даже такіе вліятельные и нисколько нерасположенные въ пользу Россіи органы, какъ краковскій «Czas», пошли не запинаясь по этому направленію. Потомъ достаточно было митинга во Львовѣ, оппозиціи противъ миротворцевъ на сеймѣ галиційскомъ, проекта адреса сеймовой депутаціи, чтобы заставить г. Боборыкина сказать въ сущности слѣдующее: мы ошибались, предполагая въ цѣлой націи друже-

газеты. Самъ профессоръ А. Г. Градовск
бѣетъ въ своихъ надеждахъ на прим
Костомарову («С.-Петербургскія Вѣд
въ сравненіи со своею первоначальнок
торую, какъ на вызовъ, посыпались о
цею статьи и брошюры (многочислени
товъ доказала, что письмомъ затронут
жгучихъ вопросовъ сегодняшняго дня).

Быстрыя перемѣны настроеній об
ностью понятій, невѣрною постановкой
мирящіяся, то расходящіяся стороны
другъ друга; если бы онѣ болѣе входи
своихъ историческихъ антагонистовъ,
имѣли бы мѣста ни изумленіе, ни разоч
что ожиданія соразмѣрялись бы съ воз
числѣ возможностей не ставилось бы
чтобы общество дѣйствовало единодуш
человѣкъ, въ положеніи новомъ и небі
оно, наладившееся мѣшать и привык
стало внезапно безъ колебаній содѣйс
отвлеченной идеи. Галиційское общество
Боборыкина, не дошло еще до того, ч
молебны ...

крѣпко установившемся убѣжденіи о діаметральной противоположности интересовъ, о томъ, что зло одной стороны есть добро другой и наоборотъ, является хотя бы и меньшинство, которое наперекоръ рутинѣ, принимая въ разсчетъ совершившіеся факты, помышляетъ объ установленіи болѣе удобнаго и болѣе человѣчнаго общежитія, то, какъ бы мало ни было это меньшинство, слѣдуетъ заключить, какъ заключала одна изъ недавнихъ поредовыхъ статей «Сѣвернаго Вѣстника», что есть улучшеніе, что кое-что дѣлается для разрѣшенія вопроса, хотя движеніе происходитъ не безъ труда и натуги. На сторонѣ движенія притомъ, если не многочисленныя массы, за то отборные люди, умственные предводители народа. То полное единодушіе, котораго не можетъ быть съ польской стороны, не существуетъ и съ русской даже между отборными людьми, даже между мыслителями. За отзывомъ профессора Градовскаго, предлагавшимъ воздержаться отъ оскорбленій, послѣдовала желчная діатриба Н. И. Костомарова противъ «поляковъ миротворцевъ», послѣ которой профессоръ Градовскій, хотя и возражалъ (№ 213 «Спб. Вѣд.»), но мягко, со множествомъ оговорокъ, со множествомъ книксеновъ передъ «глубокимъ знатокомъ русской и польской исторіи» и какъ бы съ предчувствіемъ, что Н. И. Костомаровъ одержитъ верхъ, потому что его слова «неотразимо подѣйствуютъ на многихъ и многихъ». Въ Н. И. Костомаровѣ совмѣщаются: талантливый историкъ, повѣдавшій намъ многое интересное о старинѣ по источникамъ, и политикъ, берущійся порою практически устраивать современныя общественныя задачи. Какъ кабинетный ученый, г. Костомаровъ довольно вѣскій авторитетъ, но какъ публицистъ онъ не доказалъ ничѣмъ своихъ способностей, своей практичности (вспомнимъ поднятый имъ въ 1862 г. вопросъ о вольномъ университетѣ); знатокъ прошедшаго не всегда оріентировался въ настоящемъ. Въ статьяхъ г. Костомарова весьма важно знать, кто ихъ писалъ: историкъ, или

публицистъ? Относительно статьи «полякамъ миротворцамъ» не трудно доказать, что она цѣликомъ вышла изъ-подъ пера Костомарова-публициста, и что Костомаровъ-историкъ не только не принималъ въ ней никакого участія, но даже блистательно ее опровергъ въ своемъ отвѣтѣ на письмо Градовскаго. Не вѣрите?—Сопоставьте оба отзыва, сличивъ логическіе пріемы автора.

Устраняю обстоятельства второстепенныя, неизбѣжное попреканіе Валленродомъ, воспоминанія о траурномъ костюмѣ, котораго теперь не носятъ и о которомъ можно бы забыть по правилу, которое изречено когда-то самимъ г. Костомаровымъ: «что было, то прошло и былью поросло». Не считаю нужнымъ возражать и на странный со стороны лица, привыкшаго идти за объясненіями въ глубь историческихъ событій, выводъ о томъ, что весь мятежъ 1863 г. былъ не что иное, какъ польская отместка за освобожденіе крестьянъ,—выводъ, который только тогда бы объяснялъ фактъ, если бы весь народъ состоялъ изъ однихъ пановъ. Я пропускаю и незатѣйливый аргументъ, основанный на польскомъ ругательствѣ: psia krew, которому совершенно равносильное обрѣтается и на русскомъ языкѣ. Главная сила статьи «полякамъ миротворцамъ» заключается не въ этихъ мелочахъ и не въ томъ, чему научили г. Костомарова памятники, а въ томъ, что внушило г. Костомарову его общеніе съ современниками, его личныя знакомства съ поляками. Вотъ квинтъ-эссенція его наблюденій: г. Костомарову не удалось встрѣтить ни одного поляка, который бы не ненавидѣлъ всѣхъ русскихъ и всего русскаго. «Русская церковь имъ смердитъ, отъ русскихъ пріемовъ жизни ихъ тошнитъ; русскій языкъ представляется имъ грубымъ, а русскую интеллигентную жизнь они ставятъ ни во что и презираютъ». Всѣ они поголовно—Валлепроды, всѣ они носятся съ затаенною мыслью объ отстройкѣ за-ново Польши въ границахъ 1772 года. Не вводите, совѣтуетъ г. Костомаровъ, греческаго деревяннаго коня въ троянскія стѣны; не до-

пускайте польскихъ писателей, артистовъ, промышленниковъ, ученыхъ до общенія съ русскими, а не то они пойдутъ тотчасъ же валленродствовать, вмѣсто того, чтобы заниматься каждый своею спеціальностью. Когда столь сложный вопросъ, какъ польскій, рѣшается на основаніи однихъ только личныхъ опытовъ и знакомствъ, то рѣшать его компетентенъ всякій, кто имѣлъ знакомства, и рѣшается онъ по простому житейскому опыту, причемъ не требуется учености. Г. Костомарову слѣдуетъ, во-первыхъ, возразить, что можетъ быть случайно такъ пришлось, что попадались ему неудачныя знакомства, все одного и того же вида экземпляры; во-вторыхъ, что живой человѣкъ—не ископаемое, міровыя событія бросаютъ на него тѣнь, кладутъ печать, такъ что и знакомые, которыхъ имѣлъ возможность наблюдать г. Костомаровъ и которыхъ кругъ у всякаго изъ насъ не можетъ быть особенно великъ, очень, можетъ быть, значительно видоизмѣнились вслѣдствіе происшедшаго послѣ того, какъ ихъ наблюдалъ г. Костомаровъ. Съ этой-то точки зрѣнія и повелъ свою бесѣду г. Градовскій, намекая на то, что Германія объединилась, Франція пала и папство пошатнулось, вслѣдствіе чего и будущее должно представляться полякамъ въ иномъ видѣ, нежели лѣтъ пятнадцать тому назадъ; разсѣялись иллюзіи, убыли считавшіяся надежными точки опоры, должно было наступить отрезвленіе. Всю силу этихъ доводовъ сознала историкъ Костомаровъ, который и поспѣшилъ заявить въ № 523 «Новаго Времени» слѣдующее: Я далекъ отъ того, чтобы признавать за народомъ свойства, остающіяся неизмѣнными; я всегда думалъ, что нравственныя свойства, кажущіяся намъ присущими народу, суть послѣдствія разныхъ историко-бытовыхъ условій теченія предшествовавшей жизни. Иныя прилипаютъ къ народному характеру до того, что мы готовы въ нихъ видѣть что-то судьбою данное, другія стираются быстрѣе подъ вліяніемъ новыхъ поворотовъ исторіи». Нельзя не согласиться съ этими золотыми положеніями, они вполнѣ

истинны, вполнѣ научны; но разъ эти положенія усвоены публицистомъ, ими опредѣляется и точный способъ разрѣшенія вопроса, не по личнымъ знакомствамъ съ немногими единицами, изъ которыхъ только посредствомъ поспѣшнаго обобщенія можно составить себѣ поверхностное, невѣрное и ненадежное понятіе о свойствахъ цѣлой націи, и не посредствомъ субъективныхъ впечатлѣній и догадокъ въ родѣ слѣдующихъ: «А я имъ (миротворцамъ полякамъ) ни на волосъ не вѣрю». Вѣритъ ли имъ, или не вѣритъ г. Костомаровъ, это обстоятельство побочное, ни на волосъ не подвигающее не только къ рѣшенію, но и къ уясненію вопроса, тѣмъ болѣе, что и та искренность, которой онъ не усматриваетъ въ предлагающихъ мировую, и вслѣдствіе отсутствія которой онъ прерываетъ обмѣнъ мыслей между думающими думу о мировой, есть, въ настоящемъ положеніи обсуждаемаго предмета, обстоятельство совершенно постороннее, неимѣющее никакой важности. Я опасаюсь, что съ перваго взгляда не всѣ согласятся на это дѣлаемое мною съ умысломъ обезцѣниваніе столь важнаго качества искренности, и могутъ счесть слова мои за парадоксъ. Постараюсь доказать примѣрами, почему это положеніе должно быть признано безспорнымъ.

Знатоку не только старины, но и народнаго быта, г. Костомарову, вѣроятно, случалось бывать на крестьянскихъ сходкахъ, когда мирятся двѣ семьи, долго и упорно между собою враждовавшія. Важнѣйшею помѣхой въ переговорахъ бываютъ прежде всего бабы, которыхъ трудно урезонить, потому что онѣ вытряхиваютъ тотчасъ всѣ дрязги, весь соръ, всю старину. Дѣло бы запнулось и кончилось бы на попреканіяхъ, если бы дать волю языкамъ; а потому когда сдѣлка налаживается, то бабъ обыкновенно прогоняютъ и берутся толковать люди степенные и хладнокровные—мужья, старики. Не принято оскорблять противника язвительными словами не въ бровь, а въ глазъ: «обманываешь, проведешь, ни на волосъ тебѣ не вѣрю»; вообще какъ можно меньше ста-

раются говорить о чувствахъ, а больше о дѣлѣ, и поминутно приводится на память правило: не поминать прошлаго. Мирящіеся еще не относятся другъ къ другу дружелюбно, они даже и не питаютъ другъ къ другу никакого довѣрія, каждая сторона старается уличить противника въ непослѣдовательности, устранить двусмысленности и заручиться относительно противника всевозможными гарантіями. Сердечности еще никакой нѣтъ, а есть только обоюдное сознаніе общаго интереса въ томъ, чтобы перестать себѣ взаимно вредить и установить хотя бы не совсѣмъ пріятный, но сносный и обоюдно полезный способъ сожитія. Мирящіеся, можетъ быть, разойдутся, ничего не порѣшивъ, но разъ запала мысль о мировой, она будетъ ходить по головамъ и работать; что не состоялось сегодня, можетъ состояться завтра или послѣ-завтра. Если удалось сговориться, ударили по рукамъ, можетъ быть даже не поцѣловались, даже и не запили, разстались холодно, въ намѣреніи буквально сдержать уговоръ, но не дѣлать сверхъ уговора ни на волосъ поблажки. Нерасположеніе существуетъ, но ему негдѣ разыграться, время вступаетъ въ свои права и незамѣтно заживляетъ раны; у враждовавшихъ товарищей или сосѣдей появляются общія предпріятія, общія радости и печали и, глянь, чрезъ десятокъ лѣтъ пропадетъ и память между дѣтьми о томъ, что отцы ихъ дрались и враждовали: до того силою событій сдѣлается етвенною та искренность, которой и быть не могло при замиреніи, когда каждый изъ спорящихъ осуществлялъ въ уговорѣ только свои личныя цѣли, уступая необходимости, но вовсе и не желая дѣлать добро противнику.

Мнѣ кажется, мировыя между національностями подготовляются такимъ-же образомъ, какъ и между семьями. Желчныя выходки съ напоминаніемъ всѣхъ національныхъ грѣховъ, которыхъ, само собою разумѣется, было не мало, производятъ одно только послѣдствіе, непріятное для людей, привыкшихъ раз-

суждать: онѣ безполезно раздражаютъ обѣ стороны. Статьи въ родѣ той, которая помѣщена въ № 478 «Новаго Времени», сильно напоминаютъ бабьи пререканія на сходкѣ, о которыхъ я говорилъ и которыя съ перваго-же разу портятъ въ конецъ дѣло, прежде чѣмъ выяснилась его возможность или невозможность. Сдѣлка не всегда своевременна, не всегда даже возможна, но возможность ея зависитъ отъ условій, которыя берутся выполнить участвующія въ ней стороны. Условія эти, въ свою очередь, заключаются въ идеяхъ и правахъ, иными словами, въ убѣжденіяхъ и привычкахъ сторонъ, въ отысканіи такого общаго основанія, на которомъ, не смотря на свою рознь, онѣ могли бы сойтись. Убѣжденія и привычки, по вѣрному замѣчанію г. Костомарова, не суть нѣчто непреложное; всякая національность есть ковкій металлъ, который постоянно перечеканиваютъ событія. Отъ свойства металла, который онъ имѣетъ, или которыя при навариваніи и ковкѣ онъ можетъ пріобрѣсти, зависитъ, можетъ-ли онъ когда-либо получить пригодную для извѣстнаго дѣла форму. Разрѣшеніемъ отвлеченнаго вопроса о возможности, не касаясь времени, исчерпывается работа писателя, историка или публициста; остальное зависитъ отчасти отъ политики, которая во многомъ заступила у насъ мѣсто древняго рока и сдѣлалась способною навѣрняка осуществлять предусматриваемые ею результаты, отчасти отъ самодѣятельности каждой націи, отъ умственной ея работы и отъ усилій коллективной воли націи надъ собою, чтобы отвыкнуть отъ старыхъ и пріобрѣсти новыя понятія и привычки. При обсужденіи въ области отвлеченной идеи, а не практическаго дѣла, тѣхъ свойствъ, которыя необходимо пріобрѣсти, и тѣхъ, отъ которыхъ надобно отрѣшиться, потому что они мѣшаютъ единенію, большое значеніе имѣетъ какъ относительная важность, такъ и стародавность послѣднихъ, моментъ, съ котораго они образовались, легли въ основу жизни и прилипли, по выраженію г. Костомарова, къ народному характеру. Нѣтъ

никакого сомнѣнія, что одно изъ такихъ препятствій, и притомъ одно изъ стародавнѣйшихъ, заключается въ религіи, но г. Костомаровъ идетъ еще дальше: онъ кладетъ эту рознь во главу угла польскаго вопроса и заключаетъ: «что касается до вражды къ намъ поляковъ, историческимъ корнемъ ея надобно признать наше разновѣріе». Этимъ положеніемъ г. Костомаровъ, отступившій въ статьѣ номера 523 отъ положеній, заключающихся въ статьѣ № 478 къ «Миротворцамъ полякамъ», укрѣпляется на своей новой позиціи, подводя подъ свой тезисъ о невозможности мировой новое основаніе — вѣру, вмѣсто препятствія, заключавшагося въ неискренности. Приведеніе этого новаго основанія можно бы разсматривать, если бы квитаться съ г. Костомаровымъ его же монетой, то-есть обвиненіями въ неискренности, какъ маневръ, употребленный для прикрытія отступленія. Потому что ни отъ одного изъ современныхъ народовъ нельзя ожидать, чтобы онъ оставилъ свою вѣру и усвоилъ себѣ чужую. Но я предпочитаю допустить, что оно серьезно; въ такомъ случаѣ придется заключить, что г. Костомаровъ историкъ односторонній, а главное, что онъ несовременный человѣкъ, до того засидѣвшійся въ давно минувшихъ столѣтіяхъ, что ему стала чужда почва современнаго государства. Г. Костомаровъ не принялъ въ соображеніе, что рознь не есть еще ненависть и вражда, что разновѣріе есть нормальное качество всѣхъ современныхъ обществъ, что весь ходъ жизни послѣднихъ временъ ведетъ къ тому, чтобы всякія вѣры, всякія убѣжденія и вкусы уживались въ государствѣ подъ однимъ положительнымъ закономъ, что въ будущемъ пререканія о религіи получатъ вѣроятно характеръ такого же спокойнаго диспута, какъ диспутъ о происхожденіи варяговъ, послѣ котораго гг. Костомаровъ и Погодинъ разошлись, не питая другъ къ другу никакой особенной вражды и злобы. Причины вражды въ нашъ вѣкъ бываютъ гораздо реальнѣе, нежели религіозное разномысліе; къ этому разномыслію мы привыкли вслѣд-

ствіе вѣротерпимости, которая для нашего общества, воспитаннаго въ ней, сдѣлалась такимъ же условіемъ для умственной жизни, какъ хлѣбъ насущный, или какъ вдыхаемый воздухъ для физической.

Въ заключеніе нашихъ возраженій противъ статей г. Костомарова позволимъ себѣ привести и разобрать слѣдующій отрывокъ изъ статьи его въ № 523: «Всѣ пути примиренія достойны уваженія, кромѣ одного—писать газетныя статейки. Этотъ путь тѣмъ болѣе безплоденъ, что въ нашихъ толкахъ мы будемъ натакиваться на вопросы, которыхъ разрѣшеніе зависитъ отъ законодательной власти и не можетъ быть достигнуто бесѣдами досужихъ политикановъ». Если дѣйствительно всякія печатныя объясненія по польскому вопросу безусловно безплодны, то что заставило г. Костомарова выступить во всеоружіи на арену и своимъ участіемъ въ турнирѣ съ поляками-миротворцами заслужить, по приложенію къ нему имъ же придуманной мѣрки, не совсѣмъ лестное названіе «досужаго политикана»? Должно быть, толки не совсѣмъ безплодные, коль скоро г. Костомаровъ, хотя и увѣренъ, что изъ газетной болтовни ничего не выйдетъ, позаботился, однако, запереть всѣ двери и законопатить всѣ щели въ стѣнѣ, отдѣляющей въ умственномъ отношеніи два народа, чтобы помѣшать всякимъ толкамъ и бесѣдамъ о примиреніи, котораго онъ не желаетъ допустить. Замѣтимъ, что законодательная власть въ статьѣ г. Костомарова является, какъ deus ex machina на древней сценѣ, для развязки дѣйствія, что призываніе ея ничѣмъ не мотивировано, кромѣ развѣ желанія автора положить конецъ преніямъ, для которыхъ онъ самъ доставилъ обильнѣйшій матеріалъ. Ни г. Градовскій, ни его заграничные корреспонденты не разрѣшали законодательныхъ вопросовъ, не вторгались въ сферу дѣятельности правительства, не разбирали вовсе ни закона 10-го декабря 1865 г., ни исключительнаго положенія и мѣръ, принятыхъ въ отношеніи польскаго элемента въ имперіи. Измѣнятся-ли когда-

либо эти мѣропріятія и законы?—это вопросъ времени и мудрости правительственной, зависящій отъ власти законодательной; онъ подлежитъ обсужденію въ печати наравнѣ съ другими общественными вопросами, но онъ-то и не поднимался вовсе въ брошюрахъ и статьяхъ, вызванныхъ замѣткою г. Градовскаго по поводу польскаго легіона («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 121); напротивъ того, г. Градовскимъ заявлено прямо, что «о законодательныхъ, административныхъ и общественныхъ мѣрахъ теперь не время говорить». Но въ обществѣ вліяющими на ходъ его жизни дѣятелями являются, сверхъ правительства и законовъ, еще понятія и чувства народныя, которыя, хотя и ничего практически не рѣшаютъ, но обусловливаютъ всякую реформу, облегчая ее или затрудняя. Въ области этихъ народныхъ мыслей и чувствъ есть свои авторитеты, есть владыки до того вліятельные, что господство ихъ надъ умами длится еще много лѣтъ послѣ того, какъ истлѣли ихъ кости. Не досужіе политиканы были Пушкинъ и Карамзинъ, первый въ своемъ стихотвореніи: Клеветникамъ Россіи, второй—въ запискѣ о Польшѣ. Словами этихъ могучихъ вожатыхъ клянется еще значительная часть русскаго общества; точно такимъ же вожатымъ продолжаетъ быть у поляковъ Мицкевичъ. Что изрекли богатыри, то на тысячу ладовъ твердятъ донынѣ эпигоны. Между тѣмъ время шло, положеніе сторонъ измѣнилось самымъ кореннымъ образомъ; отъ совершившихся событій авторитеты пошатнулись, потому что нашлись люди, хотя и маленькіе ростомъ, не подъ стать усопшимъ богатырямъ, которые, однако, дерзнули провѣрить изреченія учителей и додуматься до иныхъ заключеній. Эти пока весьма малочисленные новаторы сдѣлали странный выводъ: не пора-ли бы перестать другъ друга ненавидѣть; они не предлагаютъ перемѣнить вражду на любовь и желали бы только, чтобъ установились взаимное уваженіе и терпимость,—чувства возможныя даже между бывшими врагами, въ надеждѣ, что если эти чувства водворятся,

то за ними придетъ когда-нибудь и дружба, по пословицѣ: стерпится-слюбится. Таковъ именно смыслъ предложенія г. Градовскаго, которое г. Костомаровъ отвергнулъ на дѣлѣ, не возражая противъ него прямо въ статьѣ № 478. Предложеніе это г. Градовскій формулировалъ слѣдующими словами: воздержаніе отъ всякихъ неумѣстныхъ выходокъ, затрогивающихъ народную честь, отъ всякихъ оскорбительныхъ намековъ, отъ всякихъ заподозриваній и огульныхъ обвиненій. Эта нехитрая программа, предлагаемая для установленія болѣе прямаго общенія между двумя родственными, хотя и враждовавшими литературами можетъ быть осуществлена, въ чемъ согласится каждый, безъ вторженія въ область дѣятельности законодательной власти и даже въ кругъ ею рѣшаемыхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, если бы она была приведена въ дѣйствіе, то она лишила бы каждую изъ сторонъ предлога «ставить ни во что и презирать интеллигентную жизнь противниковъ».

22 Августа 1877 г.

ПОЛЬСКІЯ ФАНТАЗІИ

НА

СЛАВЯНОФИЛЬСКУЮ ТЕМУ.

Польша и Россія въ 1872 году, сочиненіе бывшаго члена Государственнаго Совѣта Царства Польскаго. Дрезденъ. (Polska i Rossya w 1872 r., przez b. Członka Rady Stanu Królestwa polskiego. Drezno, 1872.

ПОЛЬСКІЯ ФАНТАЗІИ

НА

СЛАВЯНОФИЛЬСКУЮ ТЕМУ.

I.

Особый Государственный Совѣтъ для Царства Польскаго былъ однимъ изъ мертворожденныхъ дѣтенышей такъ называемой комбинаціи 1862 г. или, иными словами, системы управленія маркиза Вѣлёпольскаго. Этотъ Совѣтъ, долженствовавшій состоять изъ высшихъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ царства, ни разу, кажется, не функціонировалъ, остался на бумагѣ и унесенъ былъ волнами мятежа 1863 г. Авторъ разбираемой нами брошюры былъ или именовался по крайней мѣрѣ членомъ Совѣта, значитъ, онъ былъ изъ высшихъ сановниковъ царства при Вѣлёпольскомъ; онъ и теперь еще, послѣ всѣхъ неудачъ, благоговѣетъ передъ маркизомъ, предъ тѣми качествами ума и характера Вѣлёпольскаго, которыя обворожили и увлекли русскихъ государственныхъ людей (страница 62), которыя заставили этихъ людей приложить свою руку къ комбинаціи 1862 г., состоявшейся «благодаря особенной милости Провидѣнія, великодушію Монарха и тогдашнему настроенію русскаго народа» (стр. 64). Авторъ —полякъ и пишетъ тѣмъ прекраснымъ языкомъ, который нынѣ на-

[illegible] [illegible] [illegible] и который [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]. Авторъ [illegible] съ Велёпольскимъ и его программою. Онъ жилъ долго въ Петербургѣ и Москвѣ (34). Онъ [illegible] признатель-ность къ тѣмъ русскимъ людямъ въ Петербургѣ, кото-рые не [illegible] его вѣры и остались его пріятелями въ частной жизни, не смотря на [illegible] распри. Слогъ автора не лишенъ [illegible] [illegible] и ритори-ческаго бомбаста. Брошюру эту онъ посвящаетъ «от-цамъ семействъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] гражданамъ, [illegible] [illegible] бездѣй-ствія въ [illegible] послѣ первыхъ [illegible] 1862 году». Въ каждой почти страницѣ встрѣчаются выраженія о [illegible]: Провидѣніи и [illegible] Премуд-рости, которыя если съ одной стороны свидѣтельствуютъ о религіозномъ образѣ мыслей члена Совѣта, то съ дру-гой подвергаютъ его упреку въ томъ, что онъ сильно злоупотребляетъ этими понятіями. Потому что странно, напримѣръ, слышать, какъ непосредственному дѣйствію Провидѣнія приписывается [illegible] 1862 года, кото-рая, какъ [illegible] [illegible] событія, была [illegible], не имѣвшая въ себѣ самой никакихъ жизненныхъ условій существованія, съ самаго своего начала несостоятельная, безплодная и въ будущемъ, съ чѣмъ и самъ авторъ соглашается (34). Авторъ не назвалъ себя по имени, хотя число приверженцевъ Велёпольскаго не такъ ве-лико, чтобы нельзя было ихъ перебрать поодиночкѣ и разрѣшить вопросъ о происхожденіи брошюры, что и сдѣлали львовскія газеты. Одна изъ нихъ «Gazeta na-rodowa», въ статьѣ за подписью S. B., объявила, что подъ анонимомъ скрывается Казимиръ Кржививицкій, быв-шій директоръ правительственной Комиссіи просвѣще-нія и исповѣданій въ Царствѣ Польскомъ. Оставляя сообщенный львовскою газетою фактъ на ея отвѣтствен-ности и обходя вопросъ о личности автора брошюры, какъ въ сущности не очень важный, или, лучше сказать, важный лишь настолько, насколько брошюра представ-

ляется произведеніемъ несомнѣнно польскаго, а не русскаго пера, остановимся на ея содержаніи, которое во многихъ отношеніяхъ знаменательно. Ново въ брошюрѣ не то, что авторъ является глашатаемъ мира, апостоломъ соглашенія племенъ, — въ сущности всѣ органы русской печати, не исключая «Московскихъ Вѣдомостей», гласятъ о необходимости примиренія, причемъ иные находятъ это примиреніе возможнымъ безъ обрусенія, иные посредствомъ и послѣ обрусенія, всѣ же ждутъ болѣе или менѣе авансовъ со стороны поляковъ; съ другой стороны, авансы эти никогда не были такъ часты, какъ въ настоящее время. Поминутно то возвращаются въ Россію добровольно, подвергая себя всѣмъ послѣдствіямъ явки, тѣ или другіе повстанцы 1863 г., то высказываются въ пользу Россіи, извѣрившись въ помощь Запада, тѣ или другіе корифеи польской эмиграціи. Инстинктивно чувствуется, что теперь-то и настала настоящая пора сѣять, кончать семейный споръ семейно, безъ всякихъ постороннихъ вмѣшательствъ и вліяній, устроить племенной бракъ на справедливыхъ и безобидныхъ для обѣихъ сторонъ основаніяхъ, которыя со стороны побѣдителя будутъ имѣть всѣ признаки и выгоды благоразумнаго великодушія, а у побѣжденнаго отнимутъ право сѣтовать на свою судьбу. Примиреніе— общая пѣснь, вещь, одинаково всѣми одобряемая въ принципѣ; весь вопросъ только въ основаніяхъ его и кондиціяхъ. Особенность разбираемой нами брошюры составляетъ то, что авторъ, заявляя себя горячимъ польскимъ патріотомъ, сдается безъ кондицій, предлагаетъ своимъ соотечественникамъ сейчасъ и поголовно слиться съ русскими, принести въ жертву даже свой языкъ и, исчезнувъ въ смыслѣ особаго народа, возродиться въ единицѣ высшаго порядка, въ славянщинѣ, говорящей однимъ культурнымъ языкомъ и выросшей изъ русскаго государства. Авторъ забѣгаетъ впередъ русскимъ славянофиламъ, предвосхищая у нихъ задушевнѣйшія ихъ мечты о томъ, какъ славянскіе ручьи сольются въ рус-

[illegible]

преданія слушать будетъ растроганный до глубины души потомокъ, хотя бы онъ уже и забылъ свой родной языкъ». Я полагаю, что это утѣшеніе не совсѣмъ искренно со стороны автора брошюры. Народность въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ вмѣщаетъ въ себѣ два элемента: пассивный и активный. Пассивный состоитъ въ извѣстныхъ привычкахъ мысли, чувства и воли, которыя присущи человѣку вслѣдствіе воспитанія, хотя бы онъ былъ отступникъ, и проявляются невольно въ томъ, что мысль все-таки отливается въ родныя слова и въ памяти держатся кой-какія воспоминанія. Активный элементъ въ народности заключается въ возлюбленіи народныхъ идеаловъ, въ проникновеніи себя этими идеалами до того, что человѣкъ готовъ имъ жертвовать своимъ личнымъ счастіемъ и жизнью. Привычки сохраняетъ даже измѣнникъ или совершеннѣйшій индифферентъ и космополитъ, но патріотомъ не можетъ быть человѣкъ безъ народныхъ привычекъ, въ особенности безъ привычки народнаго языка. Такъ какъ у насъ все воспитаніе книжное, то безъ языка нѣтъ ключа къ литературѣ, значитъ, и къ преданіямъ родины; значитъ, потомокъ, незнающій языка предковъ, слушая, не будетъ слышать и понимать преданій о предкахъ, значитъ, онъ ими не тронется вовсе, значитъ, родина его воспитанія будетъ его настоящею родиною, и сдѣлается онъ, если онъ самъ хорошій человѣкъ, настоящимъ хорошимъ русскимъ человѣкомъ.

Утѣшеніе преданіями очевидно разсчитано авторомъ на польскихъ его читателей; для русскихъ оно безполезно и даже излишне; для русскихъ совершенно съ перваго же разу понятно, что здѣсь проповѣдуется отреченіе не отъ языка съ сохраненіемъ преданій, а совмѣстно и отъ языка и отъ преданій, отреченіе отъ всего, «что вообще, но нѣсколько вульгарно, называется любовью къ отечеству» (7). Оно и проще; въ отреченіи отъ языка съ сохраненіемъ преданій русскій человѣкъ всегда бы подозрѣвалъ какое либо валленродство, сирѣчь

затаенную измѣну, а тутъ—просто полнѣйшее самоуничтоженіе въ смыслѣ національности. Съ этой точки зрѣнія, заявленія автора брошюры, какъ истаго поляка, пріобрѣтаютъ необыкновенный вѣсъ и значеніе. Они самымъ неожиданнымъ образомъ являются подмогою и подспорьемъ славянофильскимъ воззрѣніямъ на польскій вопросъ. Понятно, почему на нихъ ссылается г. Лавровскій, ратуя противъ несомнѣнно русскаго автора «Восточной политики Германіи и обрусенія» въ «Вѣстникѣ Европы» за текущій годъ. Трудно себѣ представить болѣе рѣзкій контрастъ, нежели тотъ, который существуетъ между М. Т-вымъ, авторомъ «Восточной политики Германіи и обрусенія», и членомъ Совѣта.— М. Т-въ полагаетъ, что не все ладно въ мѣропріятіяхъ по польскому вопросу за послѣднее время, что въ западныхъ губерніяхъ русскіе дѣятели задались мыслью русить многое не только русское, но издревле русское, что въ такъ-называемомъ привислянскомъ краѣ была могущественная и вліятельная русская партія между туземцами, которая правила сеймами, возводила королей и помогла разложиться Рѣчи-Посполитой, а теперь ея нѣтъ, что ее надобно создать и образовать, чтобы опереться на нее, а не на одну бюрократію и войско (В. Евр. январь, 692), что введеніе русскаго языка во всѣ проявленія публичной и учебной жизни въ Царствѣ Польскомъ не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ слитія поляковъ съ русскими въ одно этнографическое цѣлое или обрусеніе, но само это обрусеніе имѣетъ малые шансы въ царствѣ, потому что польскій простолюдинъ, хотя бы и учившійся въ полурусскихъ школахъ, не перестанетъ чувствовать себя въ національномъ смыслѣ полякомъ, значитъ, будетъ въ умственномъ отношеніи питаться книжками, которыя будутъ приготовляемы туземнымъ культурнымъ слоемъ, а этотъ туземный слой не можетъ сочувствовать уничтоженію своей національности и своего языка (691). М. Т-въ разсуждаетъ, какъ русскій, о мѣрахъ, которыя, по его мнѣнію, должны

бы быть предприняты въ Царствѣ Польскомъ для блага и въ интересахъ его родины—Россіи. Членъ Совѣта, какъ полякъ, считаетъ себя не въ правѣ предлагать какіе либо совѣты на этотъ счетъ русскому народу. Онъ разсуждаетъ съ большимъ тактомъ и весьма резонно, слѣдующимъ образомъ: «я не думаю, говоритъ онъ, чтобы для Россіи было невозможно или безполезно вернуться опять къ комбинаціи 1862 г.; зажили бы скорѣе въ этомъ случаѣ нѣкоторыя раны; оказаны бы были нѣкоторыя услуги общечеловѣческой цивилизаціи; развязаны были бы можетъ быть руки для какого-нибудь великаго всемірно-историческаго дѣйствія. Я утверждаю только, что сужденіе о пользѣ и цѣлесообразности подобнаго средства принадлежитъ всецѣло русскому правительству, мы же, столь жестоко провинившіеся въ 1863 г. и на голову разбитые, никоимъ образомъ не годимся въ совѣтники (64)». Авторъ брошюры, если даетъ совѣты, то только своимъ соотечественникамъ, но, такъ какъ его наставленія клонятся прямо къ сліянію съ русскими въ одно этнографическое цѣлое, съ отреченіемъ отъ языка, то очевидно, что, если его соотечественники его послушаютъ и если его внушеніямъ послѣдуютъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе, Россія получитъ разомъ, безъ всякихъ стараній съ своей стороны и безъ всякой перемѣны своей политики на окраинахъ, ту русскую партію, о которой хлопочетъ г. М. Т-въ.

Тогда окажется, что польскій вопросъ—вещь вовсе не столь мудреная, какъ казалось; что «ларчикъ просто открывался»; что для приведенія этого многотруднаго вопроса къ благополучному окончанію не только не потребуется сдѣлать какія либо измѣненія въ системѣ, но, напротивъ того, придется идти неуклонно съ удвоенною энергіею по направленію, избранному въ минуту борьбы и кризиса въ 1863 и 1864 годахъ. Спрашивается, есть ли надежда, чтобы всѣ или многіе изъ соотечественниковъ автора послѣдовали его примѣру, убѣдились его дово-

дами? Убѣдительнымъ совѣтъ можетъ быть только тогда, когда онъ логиченъ, когда и его посылки несомнѣнно вѣрны, и окончательные выводы и заключенія вытекаютъ изъ предпосланныхъ имъ посылокъ. Всѣ племенныя и международныя распри на свѣтѣ происходятъ главнымъ образомъ отъ нелогичности, отъ сумбура въ головахъ, оттого, что люди или берутъ посылки, которыхъ брать не слѣдуетъ, или выводятъ изъ надлежащихъ посылокъ кривотолкомъ ненадлежащія заключенія. Взглянемъ съ этой стороны на брошюру: «Польша и Россія въ 1872 году».

II.

Съ первыхъ страницъ сочиненія насъ поражаетъ то обстоятельство, что авторъ усвоилъ себѣ такія двѣ посылки, которыя служили донынѣ пищею для племенной розни, масломъ, подливаемымъ въ огонь, и послѣ которыхъ обыкновенно прекращался всякій разговоръ о замиреніи: *во-первыхъ*, протестъ противъ раздѣла Польши, мѣшающій польскому народному самолюбію признать, что государство до тла сгнило прежде, нежели къ нему прикоснулись сосѣди, и заставляющій поляковъ донынѣ бредить границами 1772 года; *во-вторыхъ*, увлеченіе бонапартизмомъ, самый тяжелый грѣхъ и повальная болѣзнь Польши послѣраздѣльной. Раздѣлъ Польши, говоритъ авторъ (3), былъ тяжелою обидою со стороны сосѣдей; предки наши исполняли свой долгъ, дѣлая повстанія; мы, ихъ потомки, обязаны были бы пролить послѣднюю каплю крови для того же, если бы мы были въ такомъ же какъ и они положеніи... Впослѣдствіи, послѣ раздѣловъ, не легкомысліе заставляло предковъ нашихъ для воскрешенія Польши тянуть къ наполеоновскимъ орламъ (14, 15). Какъ ни кровожадны были эти птицы, какъ ни холоденъ былъ эгоизмъ полководца, который гналъ ихъ на поля, усѣянныя костьми, но онѣ

летѣли съ гнѣзда, въ которомъ завѣдомо всему міру бились горячія сердца для общечеловѣческихъ идей, гдѣ, хотя на дѣлѣ и попираема была справедливость, но никто не произнесъ богохульственнаго слова, что справедливость—вздоръ (!!!), гдѣ блистательнѣйшая въ мірѣ магистратура (!!) золотыми устами научала народъ и человѣчество отдавать честь справедливости (!!).» Послѣ этихъ прелестныхъ по своей наивности словъ можно было бы повидимому закрыть книгу, предвидя слѣдующее неизбѣжное заключеніе: если дѣды поступали хорошо и дѣльно, пробуя воскрешать умершую, то и внукамъ слѣдовало бы совершать тоже, потому что въ противномъ случаѣ надлежало бы опредѣлить день и часъ, когда то, что было народнымъ долгомъ, превратилось въ народное преступленіе или ошибку. Если отцы хорошо дѣлали, когда тянули къ странѣ, гдѣ, хотя втоптана была въ грязь справедливость, но звучали золотыя фразы, то и сыновьямъ подобаетъ быть стойкими въ томъ же влеченіи, можетъ быть даже помышлять о реставраціи господина, проживающаго въ Числьгёрстѣ, или, по крайней мѣрѣ, пропѣть эпическую пѣснь про Седанскій бой и Седанскаго героя. Ничуть не бывало; авторъ такой же врагъ, какъ и благоразумнѣйшіе изъ его соотечественниковъ, малѣйшаго помышленія о политическомъ возстановленіи Польши, онъ внушаетъ полякамъ отказаться отъ всякой надежды не только на извѣстную династію, но и на Францію вообще. Слѣдующимъ образомъ происходитъ у него этотъ нежданный и негаданный поворотъ. «Отъ цѣлей нашихъ предковъ, разсуждаетъ авторъ, мы должны отказаться, потому что, имѣя въ рукахъ недурныя карты, мы оплошали дважды, кинувшись въ азартную игру въ 1830 и 1862 годахъ (80). Мы должны разъ навсегда подчиниться силѣ совершившагося факта. Совершившійся фактъ тоже въ политикѣ, что въ небесной механикѣ центры тяготѣнія, управляющіе движеніями космической матеріи» (2). Независимо отъ того, что подобный выводъ сильно смахиваетъ на

поклоненіе золотому тельцу, иными словами, на обожаніе успѣха, мы остаемся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи, отчего внуки должны отказаться отъ цѣлей дѣдовъ, оттого ли, что они промахнулись и оплошали, или оттого, что самыя цѣли оказались физически невозможными и неосуществимыми. Въ первомъ предположеніи происходитъ игра идеею долга точно въ прятки: былъ долгъ—промахнулись—долга не стало. Во второмъ предположеніи долгъ не существовалъ съ самаго начала, хотя дѣды въ простотѣ своей воображали, что онъ существуетъ, вслѣдствіе чего, отказываясь отъ отцовскихъ затѣй, внуки дѣйствуютъ вовсе не по уваженію къ совершившемуся факту, а потому, что они поумнѣли въ сравненіи съ отцами и прозрѣли простоту отцовъ.

Что ни говори авторъ о полномъ согласіи идеи совершившагося факта съ существованіемъ нравственнаго порядка, обѣ эти идеи несовмѣстимы, и пріемъ его съ совершившимся фактомъ, вслѣдствіе котораго дѣлаются столь чудныя перемѣны съ долгомъ, что долгъ былъ и вдругъ пропалъ, исчезъ, улетучился, есть не болѣе какъ эскамотажъ, вполнѣ очевидный для всякаго внимательнаго наблюдателя.

Выводъ сдѣланъ какими бы то ни было путями и изъ какихъ бы то ни было посылокъ, притомъ выводъ самъ по себѣ правильный и вѣрный, заключающійся въ томъ, что внукамъ надо отказаться отъ унаслѣдованныхъ предками затѣй относительно несбыточной самобытности политической. На этомъ отрицательномъ результатѣ, не отличающемся особенною новизною, авторъ не желаетъ покончить. Онъ понимаетъ, что отрицательными результатами довольствуются только мертвецы и отпѣтые, что сердце, пока живо, просится желать, что рука спрашиваетъ: что дѣлать? наконецъ, что человѣку не живется безъ идеаловъ, значитъ, по упраздненіи стараго, надобно его замѣстить другимъ, болѣе удачнымъ. Новый богъ нашелся, онъ изваянъ и поставленъ на пьедесталъ. Одноплеменные, однокровные народы стре-

мятся нынѣ повсемѣстно скучиваться въ большія массы. Наполеонъ III предугадалъ и предрекъ, что однокровные агломераты составляютъ правдоподобнѣйшую форму будущаго устройства Европы (18); создана Италія, сплотилась Германія, теперь чередъ за славянщиной, которая образуется посредствомъ того, что по возможности всѣ славяне сольются въ русское государство и усвоятъ себѣ русскій государственный и литературный языкъ, подъ оболочкой котораго, если и будутъ прозябать прочіе бывшіе славянскіе языки, то только въ видѣ некультурныхъ нарѣчій. Панславизмъ, какъ извѣстно, далеко не новость, любопытно только знать, какъ онъ зародился у автора? изъ какихъ произошелъ источниковъ? какъ сдѣлался его крестнымъ отцомъ Наполеонъ III? Какъ попалъ Наполеонъ III въ предтечи этого новаго культа, котораго вчерашнимъ жрецомъ былъ Кавуръ, а нынѣшнимъ жрецомъ состоитъ, безъ сомнѣнія, князь Бисмаркъ? Панславизмъ въ брошюрѣ является осуществленіемъ отвлеченной теоріи, примѣненіемъ общаго закона, знаменующаго будто бы ближайшее будущее и состоящаго въ томъ, что единокровныя племенныя особи будутъ непремѣнно скучиваться въ большія расовыя единицы. Богъ вѣсть откуда взялся этотъ законъ, который и a priori не повѣренъ, и a posteriori не можетъ быть доказанъ. Никогда еще племенныя особи не сплачивались воедино во имя отвлеченной идеи о своемъ братствѣ по крови; напротивъ того, онѣ живали впродолженіи многихъ вѣковъ о-бокъ другъ друга, не помышляя о сліяніи. Сплоченіе многихъ и большею частью разныхъ племенъ не въ расовыя, а въ національныя единицы, было по большей части слѣдствіемъ грубой силы, иногда оно было вызываемо сознаніемъ общей опасности отъ внѣшняго врага или видами дѣла, могущаго быть совершеннымъ сообща, во всякомъ же случаѣ если оно устанавливалось и окрѣпало, то подкладкою ему служили не чувства кровнаго родства, но весьма положительные бытовые интересы сплачивающихся, которые надо отыскать

и указать, когда заходитъ рѣчь объ образованіи новаго агломерата. Въ общемъ ходѣ историческихъ событій, раса является всегда фактомъ первоначальнымъ; потомъ изъ слiянія разныхъ расъ, иногда самыхъ противоположныхъ, возникаютъ историческія національности. Разъ выработавшаяся и отчеканившаяся національность хранитъ крѣпко этотъ чеканъ и ни за что въ свѣтѣ не согласна расплавиться опять въ расу, погрузиться обратно въ расовую неопредѣленность и безразличіе. Чеканъ національности весьма крѣпокъ, онъ переживаетъ вѣка и тысячелѣтія. Въ основаніи всѣхъ новѣйшихъ національныхъ сплоченій, каковы Италія или германская имперія, лежитъ какой нибудь подобный чеканъ, какая нибудь историческая традиція. Италіи помогла сплотиться память о древнемъ Римѣ, государственномъ средоточіи Италіи и властелинѣ міра; передъ Германіею носились легенды о Карлѣ Великомъ и о Фридрихѣ Барбаруссѣ. Законъ срощенія національностей въ расы оказывается несуществующимъ, противнымъ исторіи, онъ просто—измышленіе автора брошюры, а за устраненіемъ его и панславизмъ автора является чѣмъ-то недоказаннымъ и висящимъ на воздухѣ. Вслѣдствіе безпочвенности этого идеала онъ ни для кого не привлекателенъ. Я не думаю, чтобы его нельзя было сдѣлать привлекательнымъ не только для русскихъ, которыхъ народному самолюбію онъ не можетъ не льстить, но и для другихъ славянъ,— опираются же на него и весьма сильно чехи, чая отъ Россіи избавленія отъ своихъ бѣдъ и непріятелей. Но я полагаю, что, являясь панславистомъ, авторъ взялся за дѣло не съ надлежащаго конца. Ему бы слѣдовало вникнуть въ бытъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ, и отыскать тѣ, весьма существенные интересы, которые заставляютъ какъ поляковъ, такъ и русскихъ, искать взаимнаго сближенія, поляковъ потому, что послѣ отреченія отъ мечтаній о политической самобытности имъ сроднѣе и естественнѣе и по натурѣ, и по преданіямъ быть въ государствѣ у Россіи, нежели у нѣмцевъ; рус-

скихъ же потому, что обезнароженіе поляковъ, съ той минуты какъ дознано будетъ, что они основательно и и окончательно отказались отъ своихъ мечтаній о самобытности, становится безполезнымъ и ни для кого не нужнымъ, а установленіе въ ближайшемъ будущемъ прочныхъ связей съ ними, на безопасныхъ для Россіи основаніяхъ, не только ограждало бы Россію отъ возможнаго напора волнъ нѣмецкихъ, но и «развязывало бы Россіи руки для какого-нибудь всемірно историческаго дѣйствія» (64). Россія, не превращаясь въ славянщину, сдѣлалась бы тогда можетъ быть ядромъ, къ которому бы съ радостью и упованіемъ пристали многіе народы и славянскаго и даже не славянскаго происхожденія. Вмѣсто этого пріема авторъ, желая увлечь поляковъ въ свою славянщину, дѣлаетъ скачекъ, становится вдругъ космополитомъ и начинаетъ поучать своихъ земляковъ съ точки зрѣнія отвлеченнѣйшаго національнаго индифферентизма, что въ сущности народность вздоръ, а главное-то—человѣчество, и что народность важна только какъ формочка, въ которую надобно влѣзть, чтобы сдѣлаться *настоящимъ человѣкомъ* (8).—Въ мірѣ, говоритъ онъ, все возрождается чрезъ смерть къ новой жизни (5), ежеминутно приходится жертвовать своею формою быта, чтобы облечься въ другую, имѣющую высшее назначеніе (4); какъ та, такъ и другая форма суть въ сущности созданія одной и той же Божественной Премудрости.—По этой теоріи отечество, родина являются чѣмъ-то въ родѣ платья, которое можно мѣнять, когда одно износится, надѣть другое, болѣе просторное или даже помириться съ болѣе узкимъ, въ надеждѣ, что оно подастся и расширится, когда станешь его носить. Перемѣна сначала непріятна, но потомъ къ ней пріобыкнешь. Собственно есть двѣ отчизны у человѣка, по мнѣнію автора: одна обаятельная и милая—отчизна сердца; другая, которая тѣмъ хороша, что ее никто не отниметъ—отчизна труда. Съ теченіемъ времени то, что для предковъ было отчизной труда, сдѣлается отчизною сердца для потом-

ковъ. Космополитическій элементъ столь силенъ въ брошюрѣ, что она заставляетъ поляковъ и впрашиваться-то у русскихъ въ славянщину космополитично: пустите насъ, мы люди, и, какъ люди, желаемъ мы общенія съ вами въ одномъ политическомъ тѣлѣ (72). Странная, неправда-ли, рекомендація для входа въ славянщину. На этомъ основаніи въ эти же двери на равныхъ правахъ могутъ и будутъ стучаться татары, евреи, даже нѣмцы и всѣ вообще племена! Я не прочь отъ мысли о полнѣйшемъ удовлетвореніи этихъ племенъ, но спрашивается, причемъ же тутъ славянщина, изъ-за которой хлопочетъ брошюра?

Если послѣ всѣхъ приведенныхъ выдержекъ изъ брошюры станемъ подводить итоги, то увидимъ, что авторъ, какъ Протей, ежеминутно мѣняетъ видъ и оборачивается во что-нибудь новое; то онъ полякъ стараго покроя и слегка бонапартистъ, то онъ панславистъ, то онъ космополитъ. Видно, что готовясь разрѣшать польскій вопросъ, онъ запасся всевозможными отмычками разной формы и величины. Наблюдемъ за нимъ въ дѣлѣ, какъ станетъ онъ открывать ларчикъ, который, что ни говорятъ о немъ, а не легко открывается. Чтобы оцѣнить практическую сторону совѣтовъ, предлагаемыхъ авторомъ соотечественникамъ, сдѣлаемъ рядъ выписокъ изъ брошюры, которыя коснутся самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности и потому заслуживаютъ серьезнѣйшаго вниманія, хотя высказаны не твердымъ въ основныхъ принципахъ, неустойчивымъ и до смѣшнаго непослѣдовательнымъ человѣкомъ.

III.

«Мы страшно упали; какъ собирательное цѣлое, мы не могли бы нынѣ совершить никакого матеріальнаго дѣйствія, ни пригрозить кому бы то ни было, ни привлечь (12). Мужикъ въ политической игрѣ не нашъ,

онъ всегда стоитъ за власть, онъ обезпеченъ, получивъ отъ русскаго правительства болѣе, чѣмъ ему бы могло дать всякое другое правительство; не станемъ же мы на него дѣйствовать посредствомъ соціалистической пропаганды (15). Мы совершенно одни передъ лицомъ подѣлившихся нами державъ, безъ подмоги въ крестьянствѣ, безъ крѣпкаго средняго класса, безъ денегъ, даже безъ пользующихся общепризнаннымъ авторитетомъ представителей народной мысли, то-есть, безъ кормчихъ въ горной области идеи. Наши, несомнѣнно даровитые, ученые и литераторы не могутъ вліять органически на собирательное цѣлое, лишенное всякой организаціи, они носятся надъ нами, блестятъ и украшаютъ, но не въ силахъ вести къ исполненію великихъ общественныхъ призваній (16). Мы стоимъ у перепутья и должны теперь же, не медля, уяснить себѣ и рѣшить, куда пойти и къ кому тянуть: къ Германіи, Австріи или Россіи (17)? Есть совѣтчики, которые внушаютъ: зачѣмъ рѣшаться, когда можно временить, оттягивать и балансировать. Мизерная политика мизерныхъ интересовъ! обличеніе не только матеріальнаго, но и нравственнаго безсилія и ничтожества! Съ нами не станутъ торговаться, насъ станутъ эксплоатировать и въ концѣ концовъ дадутъ лишь то, что сами дать хотятъ, не обращая вниманія на наши изподтишка угрозы (19)». Поставивъ столь широко задачу, предлежащую собирательному цѣлому, авторъ сейчасъ же съуживаетъ ее и предлагаетъ этому собирательному цѣлому нынѣ же раздѣлиться на три части, спасаться каждой части поодиночкѣ. Онъ отказываетъ себѣ въ правѣ давать совѣты жителямъ Познани и галичанамъ, изъ которыхъ первыхъ необходимость заставляетъ устраиваться наивыгоднѣйшимъ образомъ въ германской имперіи, а вторымъ опереться на Австрію (17). Онъ поучаетъ только однихъ обывателей Царства Польскаго и имперіи Россійской, однако, не безъ задней мысли и не безъ надежды, что изъ его совѣтовъ выростутъ въ будущемъ плоды и для познанцевъ и для галичанъ.

«Придетъ, можетъ быть, время послѣ слитія нашего съ русскимъ народомъ, что мы, не смотря на наше миролюбіе, переведемъ на славянскій языкъ нѣкоторые афоризмы теперешнихъ государственныхъ людей Германіи, по каковымъ афоризмамъ рѣшены недавно судьбы Лотарингіи и Эльзаса». Оговорившись такимъ образомъ, авторъ сводитъ итоги, дѣлаетъ расчетъ для вывода баланса между собирательнымъ цѣлымъ въ произвольно имъ выдѣленной третьей части и всѣми тремя державами, въ предѣлахъ коихъ обрѣтается это цѣлое. Балансъ выходитъ слѣдующій, прежде всего въ отношеніи къ Австріи.

«Видали вы больного, который на кровати мечется и которому непокойно лежать и на боку, и на спинѣ; это образъ державы Габсбурговъ. Среди этого хаоса голова кружится, политика превращается въ сновидѣніе и бредъ, ступаешь по облакамъ, не чувствуя почвы подъ ногами и, какъ ни прикинешь, выходитъ нескладно, будетъ ли это централизмъ, дуализмъ или федерализмъ». Остріемъ тончайшей ироніи пронизана придунайская Вавилонія, ея разношерстность, ея безчисленныя сеймовыя говорильни, нескончаемый торгъ «аусглейхами», въ которомъ всѣ племена прицѣниваются и расходятся, ничѣмъ не порѣшивши, не ударивши по рукамъ, между тѣмъ какъ дѣло не спорится, и оказывается, что всѣ толкутся на одномъ и томъ же мѣстѣ, не дѣлая ни шагу впередъ». Такой мѣткій и вѣрный очеркъ австрійскихъ дѣлъ и отношеній способенъ отбить у самыхъ завзятыхъ политикановъ малѣйшую надежду на возстановленіе Польши посредствомъ Австріи. Чешско-польско-мадьярскій федерализмъ отнесенъ авторомъ къ числу несбыточнѣйшихъ утопій, какъ и всякій вообще федерализмъ, который имъ сочтенъ неприходящимся современнымъ народамъ ни по праву, ни по росту. Вдали представляется автору, какъ нѣчто весьма возможное, то предположеніе,, что исчерпавъ всѣ попытки федерализаціи, нѣмцы сойдутся съ мадьярами на счетъ славянъ, и станетъ Австрія славян-

скимъ изъ разныхъ кусковъ сшитымъ тѣломъ, управляемымъ изъ Вѣны нѣмецкою душою. Въ своей нелюбви къ нѣмцамъ авторъ хватаетъ черезъ край, и его воображенію рисуется даже Drang nach Osten изъ Вѣны, германизація Галиціи, въ чемъ нельзя не признать сильной утрировки. Германизація Галиціи не успѣвала при Меттернихѣ, — теперь. при автономіи областей, она немыслима. Австрія живетъ со дня на день, но потому то она и даетъ людямъ жить, только житье это ненадежное и не прочное, части расклеиваются, ежеминутно можетъ послѣдовать паденіе стропилъ и столбовъ. Пріятно-ли копаться въ плѣсени, или работать въ ожиданіи обвала крыши въ зданіи, которое не можетъ служить даже и пристанищемъ? (35—49).

IV.

Предположеніе сближенія поляковъ съ германскою имперіею представляется во сто кратъ хуже надеждъ, возлагаемыхъ на Австрію (26—35). Австрія—ненадежный пріютъ для поляка, но Германія вообще, для славянства—готовая могила. Авторъ брошюры не можетъ слышать безъ сильнѣйшаго негодованія сужденій довольно распространенныхъ нынѣ, о томъ, что если нельзя намъ оставаться поляками, такъ сдѣлаемтесь нѣмцами. Онъ называетъ это изреченіе отчаяніемъ въ формѣ силлогизма (29). Полякъ и нѣмецъ—это два вещества химически несродныя, которыя, какъ ихъ ни мѣшай, никоимъ образомъ не соединятся. Чрезъ всѣ пôры мы были бы залиты снаружи внутрь и сверху внизъ элементомъ болѣе образованнымъ, непристающимъ къ намъ и ненуждающимся въ насъ. Въ администраціи, судѣ, школѣ явилась бы тьма людей достойныхъ, технически и гуманно развитыхъ, но чуждыхъ намъ вполнѣ и непреодолимо предубѣжденныхъ въ превосходствѣ своей породы и въ естественной неспособности нашей къ вос-

пріятію высшей культуры. Мы бы превратились въ стадо, они въ пастуховъ. Нашъ ремесленникъ вытѣсненъ бы былъ въ скоромъ времени и разоренъ вслѣдствіе конкурренціи несравненно болѣе ловкихъ ремесленниковъ-пришельцевъ. Невзначай и весьма быстро среди насъ сформировались бы эти пришельцы въ свои кружки и корпораціи. Наши ряды стали бы рѣдѣть, пришлецъ сталъ бы втискиваться въ среду нашего крестьянства. Нѣмцамъ сподручнѣе колонизировать Царство Польское, нежели Соединенные Штаты, а Царство Польское, вмѣщающее нынѣ 5.300.000 жителей, могло бы вмѣстить 11 мил., будь оно населено столь плотно, какъ Силезія и 20—будь оно населено столь плотно, какъ королевство Саксонское. Начнется борьба упорная за существованіе, но безъ видимаго насилія, въ предѣлахъ законности и при условіяхъ формальной равноправности, борьба холодная, безстрастная, систематическая, нещадная, вслѣдствіе которой насъ, славянъ западныхъ, ожидаетъ отъ нѣмцевъ судьба краснокожихъ въ Америкѣ.— Я не намѣренъ оспаривать страшной серьезности этихъ опасеній, я только думаю, что авторъ брошюры своею теоріею національности отнялъ у себя право заявлять ихъ и самъ выковалъ на себя оружіе, которымъ можно побить его на голову. Самъ онъ признаетъ, что Германія несравненно образованнѣе Россіи; что и суды были бы образцовые, и административные порядки превосходнѣе, и школы совершеннѣе, и началось бы живѣйшее движеніе въ области промышленности; значитъ, жилось бы лучше и умственно и экономически. Если національность—платье, которое можно мѣнять по произволу, то какъ не взять то, которое сшито по послѣдней модѣ, и выкроено изъ самой лучшей матеріи? какъ не взять ту форму, въ которой до высшаго совершенства дошелъ человѣкъ, и которая, по признанію автора, вмѣщаетъ въ себѣ безцѣнныя пособія для развитія какъ человѣка отдѣльно взятаго, такъ и человѣческаго общества? Чувствуя шаткость основаній, авторъ прибѣгаетъ къ на-

тяжкамъ. То онъ изобрѣтаетъ тончайшія различія между денаціонализаціею въ нѣмецкомъ и въ русскомъ направленіяхъ, стараясь втолковать, что отъ первой вредъ дѣйствительный, а отъ второй только воображаемый (un être de raison, 32), какъ будто національности, какъ душѣ собирательнаго цѣлаго, обреченной на смерть, станетъ легче оттого, кому послѣ ея смерти достанется ея тѣло? То онъ внушаетъ образованному классу польскому, что сколько бы онъ лично ни выигралъ въ отношеніи удобствъ у нѣмцевъ, онъ все-таки не въ правѣ выдавать нѣмцамъ головою польскаго мужика, которому господство нѣмцевъ готовитъ судьбу латышей и эстовъ въ остзейскихъ губерніяхъ, и къ которому бы нѣмецкая культура не могла никоимъ образомъ просачиваться по недостатку, такъ сказать, кровеносныхъ сосудовъ. Промахи въ каждомъ изъ этихъ доводовъ очевидны. Когда заведено будетъ общеобязательное обученіе нѣмецкой грамотѣ (заводится же оно нынѣ въ Познани), явятся и кровеносные сосуды, проводящіе образованіе и до мужика. Мужикъ, правда, обнѣмечится, но не умретъ, какъ вымираютъ краснокожіе; въ чемъ же бѣда, если онъ облечется въ культурно-высшую національность? Превращеніе его въ нѣмца будетъ осязательнымъ опроверженіемъ предположенія, будто бы нѣмецъ и полякъ два вещества химически несродныя и несоединимыя; ополячились же нѣкогда нѣмецкіе города въ Польшѣ, русѣютъ многіе нѣмцы въ Россіи, съ другой стороны, вся почти восточная полоса Германіи только и состоитъ изъ обнѣмечившихся славянъ. Наконецъ, что касается до судьбы латышей и эстовъ, то она не страшна для славянъ, потому что послѣдніе слились бы съ нѣмцами на почвѣ современнаго государства и на основаніяхъ равноправности, а первые борются съ нѣмецкимъ элементомъ изъ-за средневѣковыхъ привилегій послѣдняго: борьба здѣсь въ сущности аристократическаго элемента съ демократическимъ, а не расы съ расою.

Вѣрнымъ чутьемъ почуялъ авторъ опасность съ нѣ-

[illegible] стороны. Во всѣ его пріемы, чтобы доказать эту [illegible], [illegible] на [illegible] бросать въ воду. Отчего такая странность? Да оттого, что въ своей ненависти къ нѣмцамъ и въ своихъ горячечныхъ патріотическихъ разрубить и упразднить [illegible] польскій вопросъ для дружнаго противодѣйствія нѣмцамъ, онъ сталъ совѣтовать полякамъ сбросить, такъ сказать, свою шкуру, сдѣлаться мысленно на одинъ моментъ космополитами, то-есть только людьми и затѣмъ уже русско-славянами. Только на бумагѣ подобныя превращенія дѣлаются въ мигъ, въ дѣйствительности надо, чтобы прошло нѣсколько поколѣній, пока «отчизна труда» сдѣлается «отчизною сердца». Въ промежуткѣ между двумя этими пунктами, отставъ отъ берега одной національности и не приставъ къ другой, человѣкъ дѣлается космополитически индифферентенъ къ обѣимъ, значитъ, весьма не гораздъ на отпоръ и весьма склоненъ къ воспріятію всякой высшей культуры, въ особенности, когда она приноситъ и матеріальное благосостояніе, и матеріальные порядки. Авторъ—нѣмцеѣдъ, а между тѣмъ въ сущности, какъ проповѣдникъ космополитизма, онъ работаетъ только для нѣмцевъ. Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ ополчался на нѣмцевъ, то ему бы слѣдовало повести иную рѣчь и внушать своимъ соотечественникамъ, чтобы они углубились въ свои національныя традиціи, въ числѣ которыхъ нѣтъ задушевнѣе той, которая гласитъ, что «Jak świat świa-tem, Nie będzie Polak Niemcowi bratem». Эта пословица не вытекла изъ славянскихъ мечтаній, она выростаетъ изъ самаго корня польской исторіи. Русскій народъ никогда не былъ въ столь близкомъ соприкосновеніи съ нѣмцами, онъ имѣлъ въ нихъ когда-то небезполезныхъ, хотя и тяжелыхъ учителей, но не господъ; нерасположеніе его къ нѣмцамъ вытекаетъ скорѣе изъ передуманнаго, а не изъ пережитаго. Два самые яркіе факта польской исторіи, это—Болеславъ Храбрый, сплачивающій изъ славянъ польскую державу для отраженія нѣмцевъ, да Ягелло и Витовтъ въ *великой* войнѣ въ Грюн-

вальдскомъ бою 1410 г. Въ моментъ глубочайшаго паденія Польши, когда ея корона продавалась почти съ молотка, удалось нѣмцу сѣсть на польскій престолъ; донынѣ свѣжо преданіе, какъ онъ ее опоилъ и развратилъ (Августы II и III). Польшу упрекаютъ за ея западническія влеченія, но эти влеченія неслись всегда подальше, въ Римъ, во Францію. Никогда Польша не вела нѣмцевъ на славянъ, не по неимѣнію къ тому случаевъ, но по несходству національныхъ традицій и характеровъ. Наконецъ, какъ ни мало великое княжество Познанское, а и въ немъ при страшномъ неравенствѣ силъ длится донынѣ сопротивленіе польскаго элемента нѣмецкому, доказывая во всякомъ случаѣ, что побѣда германизму достанется не легко. Если бы отъ всей польской исторіи остался одинъ этотъ скарбъ—антипатія къ нѣмцамъ—и его бы зарыли, то славянскій міръ сдѣлался бы настолько же бѣднѣе, блюсти же его можно только сохраняя національность, а слѣдовательно языкъ.

Примкнуть къ Австріи совсѣмъ ненадежно, къ Германіи гибельно, значитъ, только и остается сплотиться воедино съ Россіею. Эта часть брошюры есть одна изъ лучшихъ (49—68). Весьма кстати и вóвремя, съ послѣдовательностью бóльшею, нежели въ другихъ частяхъ сочиненія, авторъ доказываетъ, что какъ ни тяжело народности польской переживать моментъ, исполненный исключительныхъ мѣръ и стѣсненій, которыя вызваны ея же собственнымъ образомъ дѣйствія въ 1863 г., все-таки ей выгоднѣе снести эти стѣсненія, которыя и по существу вызвавшей ихъ причины, и по мысли законодателя имѣютъ временной, преходящій характеръ, значитъ, могутъ существенно измѣниться, какъ только русскій народъ и правительство убѣдятся, что поляки не только по средствамъ, но и по умственному настроенію своему нынѣ болѣе не опасны, въ особенности же когда они убѣдятся на дѣлѣ, что поляки готовы крѣпко стоять за дѣло русское, насколько оно вмѣстѣ съ тѣмъ является дѣломъ и общеславянскимъ, и общечеловѣчес-

ницъ. «Никогда не забудетъ, говоритъ авторъ (49), славяно- [illegible] никто не [illegible] имъ въ [illegible] и не [illegible] имъ [illegible]. Если бы не были [illegible] или [illegible], то мы бы [illegible] при- [illegible] къ [illegible] будущему или [illegible] [illegible], которые [illegible] къ [illegible] [illegible], [illegible] же [illegible] бы не при [illegible]. [illegible] выступаютъ [illegible] [illegible] и всѣ [illegible], которые въ [illegible] съ [illegible] части русской» (37). [illegible], что [illegible] [illegible] выступитъ не [illegible] онъ [illegible] Втораженія (XXXV.4): «И [illegible] и [illegible] и [illegible]». Его [illegible] [illegible] представляется [illegible] въ [illegible] будущаго [illegible]ствія дѣйствительнаго столкновенія Россіи съ Западомъ, котораго главнымъ представителемъ является, конечно, Германія,—предполагаемое [illegible] и не- [illegible], такъ какъ современныя событія [illegible] указываютъ на [illegible] возможность [illegible] интересовъ, но никакъ не на предстоящее столкновеніе силъ. «Не первый разъ, заключаетъ онъ, выступитъ въ жизни славянской актъ другихъ народовъ, подготовленный въ глубинахъ каждой области отдѣльно, но кровь, пролитая за общее дѣло, утвердитъ этотъ актъ. «Blut und Eisen»—таковъ былъ лозунгъ Германіи, провозглашенный дѣятельнѣйшимъ изъ ея сыновъ. Нѣтъ и для насъ иного лозунга въ этой страшной борьбѣ за существованіе, которую ведетъ всякое созданіе, начиная съ гриба, выростающаго въ одну ночь, до человѣка, народовъ и цѣлыхъ расъ. «Blut und Eisen»,—но только не противъ Россіи, а съ Россіею въ одномъ ряду!»... (68). Читатель замѣтилъ вѣроятно, что въ этомъ пунктѣ порывистый сангвиническій польскій темпераментъ одолѣваетъ автора и беретъ окончательно верхъ надъ холодными расчетами разсудка, которому одному и подобаетъ

дѣйствовать въ дѣлѣ столь тонкомъ и трудномъ налаживанія брака между, хотя и родственными, но многіе вѣка враждовавшими племенами. Эта лирическая выходка сильно подрываетъ кредитъ къ совѣтамъ автора и у поляковъ, и у русскихъ: у первыхъ потому, что нѣтъ еще собственно въ виду никакого общаго похода, у вторыхъ потому, что, хотя русскій человѣкъ, имѣющій въ критическія минуты великолѣпные инстинкты (1612, 1812 гг.), въ обыкновенное время лѣнивъ, безпеченъ (онъ далъ исподволь созрѣть повстанію 1863 г., не предчувствуя его), хотя онъ заднимъ умомъ крѣпокъ, но онъ имѣетъ одно золотое и неоцѣнимое качество: трезвость пониманія, разсудочность, вниканіе въ корень вопросовъ, безъ малѣйшей сантиментальности, безъ увлеченій, такъ что онъ беретъ всегда въ толкъ суть дѣла и сторонится, когда къ нему кидаются на шею съ сердечными лобызаніями и объятіями. Сердечное увлеченіе автора столь велико, что въ пылу его онъ забылъ о задачѣ, которую онъ себѣ начерталъ: ограничиться только соотечественниками и давать совѣты только этимъ соотечественникамъ. Какъ у бога Януса, у него является другое на той же головѣ лицо, обращенное уже не къ полякамъ, а къ русскимъ и, хотя не преподающее никакихъ совѣтовъ, но прельщающее русскихъ живымъ изображеніемъ тѣхъ благъ, которыя принесутъ съ собою поляки въ союзъ и посредствомъ которыхъ они исходатайствуютъ себѣ у Россіи входъ въ славянщину. Вотъ что вѣщаетъ это второе янусовое лицо, обращаясь къ Россіи именемъ будто бы поляковъ (69—78):

—Сто лѣтъ мы бились съ судьбою и съ вами; лучшіе люди наши, какъ Эней изъ Трои, уходили съ родины, неся съ собою пенатовъ. Нынѣ все кончено, оружіе изломилось въ рукахъ нашихъ по рукоятку, мы его слагаемъ передъ вами, чтобы и самимъ себѣ снискать миръ, и вамъ развязать руки для скорѣйшаго устроенія тѣмъ судебъ всего племени славянскаго. Примите насъ и не сѣтуйте, что на первыхъ порахъ въ насъ

сказываться будутъ старыя привычки, невольная наклонность къ родному языку, пока онъ совсѣмъ не стушуется и не будетъ заслоненъ русскимъ, пока нашъ образованный классъ его не позабудетъ. Вы не пожалѣете услуги, оказанной пріемышамъ, въ насъ вы пріобрѣтете опытныхъ педагоговъ, дѣльныхъ чиновниковъ, предпріимчивыхъ агрономовъ и промышленниковъ; наконецъ, мы вамъ беремся помочь въ другомъ отношеніи. Ваше юношество подтачиваетъ тлетворный нигилизмъ, которому «мы объявимъ на каждомъ мѣстѣ смертельную войну, съ которымъ мы отлично справимся, потому что мы, такъ сказать, пронюхаемъ всякихъ сознательныхъ и безсознательныхъ послѣдователей этого ученія, всякихъ тайносоціалистовъ и тайнонигилистовъ, этихъ лицемѣровъ, которые, проникнувъ даже въ оффиціальныя сферы подъ видомъ ревности къ общественному порядку и престолу, подрываютъ начала перваго и основанія второго безумною или преступною рукою»... (76).

VI.

Кончаемъ разборъ. Книгу можно бросить, отъ нея становится и приторно, и тошно. Увлеченіе превзошло всякую мѣру, брызжетъ чрезъ края, заговаривается и произноситъ слова, не только не располагающія въ пользу племенного брака, но прямо оскорбительныя для русскаго человѣка. Тѣ, скажетъ русскій, которые, добиваясь вольностей, погубили свое государство, прочатъ себя теперь въ строители славянщины, учатъ меня моему славянскому призванію. Тѣ, которые сами себя не съумѣли лечить, навязываются въ лекаря чужихъ болѣзней и недуговъ; просятъ, чтобы ихъ пустить, но намекаютъ, что они призваны хозяйничать, вмѣшиваться во внутреннія дѣла русскаго народа. Отъ своихъ болѣзней и недуговъ всякій народъ излечивается исключительно самъ: онъ не любитъ постороннихъ медиковъ и хирурговъ. Притомъ

произошла значительная перемѣна въ лицѣ апостола племенного брака, вслѣдствіе которой существенно измѣнился также вѣсъ его словъ и предложеній. До сихъ поръ говорилъ съ русскими полякъ вообще, отъ имени всей польской націи въ предѣлахъ Россіи, безъ дѣленія ея на классы и сословія, теперь заговорилъ консерваторъ, помышляющій о созданіи общей «консервативной славянской партіи»,—а такъ какъ народъ русскій состоитъ не изъ однихъ только консерваторовъ, то понятно, что всѣ не-консерваторы не могутъ не отнестись крайне подозрительно къ польскому консерватору. Они могутъ его заподозрить, если не въ валленродствѣ, то, по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ не просто полякъ, а польскій панъ, жалѣющій о матеріальныхъ своихъ утратахъ, отождествляющій свой личный интересъ съ священными началами собственности и не брезгающій даже инсинуаціями на счетъ нигилизма, заражающаго, будто-бы, даже и нѣкоторыя оффиціальныя сферы государства. Ему могутъ замѣтить, что далеко не всѣ поляки консерваторы, что есть между ними красные, которые никакъ не лучше нигилистовъ. Какъ бы Россіи не пришлось испытать, что именно ряды сихъ послѣднихъ численно усилились бы при точномъ выполненіи программы, предлагаемой въ брошюрѣ.

Нѣсколько дѣльныхъ мыслей, скорѣе инстинктивно прочувствованныхъ, нежели доказанныхъ, въ цѣломъ коробу ложныхъ идей, призраковъ, непослѣдовательностей, увлеченій—таково содержаніе книжки. Едва ли когонибудь убѣдитъ она, хотя нельзя сказать, чтобы она не заставляла о многомъ поразмыслить. Болѣе положительный человѣкъ на мѣстѣ автора преподалъ бы вѣроятно своимъ соотечественникамъ въ ихъ многотрудномъ положеніи нѣсколько отличные совѣты, клонящіеся къ той же цѣли—примиренію съ русскими, но нѣсколько иными путями. Онъ бы внушилъ имъ, что всѣ ихъ несчастія произошли отъ того, что они политиканствовали, и что имъ слѣдуетъ отказаться отъ всякаго политиканства,

не только самимъ не понтировать, но и не примазываться къ чужой игрѣ. Имъ, уже проигравшимся, не подобаетъ брать на себя какой-либо починъ въ славянскомъ вопросѣ и возбуждать русскихъ противъ нѣмцевъ, во-первыхъ, потому, что не имъ учить Россію ея славянскому призванію; во-вторыхъ, потому, что славянская политика въ международныхъ отношеніяхъ отрывала бы Россію отъ ея мирныхъ занятій, отъ работы надъ развитіемъ внутреннихъ силъ страны и увлекала бы ее подъ видомъ всемірно-историческихъ дѣяній въ страну приключеній и неизвѣстнаго; наконецъ, въ-третьихъ, потому, что возбужденіе русскихъ противъ нѣмцевъ заставило бы тѣхъ изъ земляковъ автора, которымъ онъ совѣтуетъ, чтобы они устраивали свои дѣла наивыгоднѣйшимъ образомъ въ Германіи или въ Австріи, возбуждать нѣмцевъ противъ русскихъ, что приготовило бы для націи, и безъ того несчастной, положеніе во сто кратъ хуже теперешняго. Болѣе положительный совѣтникъ, запретивъ своимъ землякамъ всякое политиканство, внушилъ бы имъ быть скромными тружениками въ государствѣ, среди котораго поставила ихъ судьба, не чуждаться русскихъ, чѣмъ, между прочимъ, провинились ихъ предшественники, состоять съ русскими въ живѣйшемъ общеніи умственномъ и экономическомъ, но сохранить, не сливаясь съ окружающею средою, и свое національное чувство, и свой языкъ. Слишкомъ большіе вклады сдѣланы были, особенно въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ польскую литературу и искуство, надъ ними поработали слишкомъ большіе таланты, чтобы можно было бросить этотъ капиталъ. Притомъ, независимо отъ науки и искуства, національное чувство весьма цѣнно, какъ сила неполитическая, а чисто нравственная. Силъ этихъ не такъ-то много въ жизни, и если встрѣтится какая-нибудь изъ нихъ, которая содѣйствуетъ тому, чтобы и въ семейномъ быту быть чище, и съ чужими людьми быть честнѣе и достойнѣе, и признавать какое-нибудь правило для дѣйствій независимо отъ внушеній личнаго

интереса, какую-нибудь идею долга, то, конечно, нельзя легкомысленно поступаться этою силою, въ особенности въ нашъ вѣкъ, который отличается вообще распущенностью нравовъ, растлѣніемъ и упадкомъ характеровъ, отсутствіемъ идеаловъ. Главный недостатокъ книжки бывшаго члена государственнаго совѣта и заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что онъ слишкомъ легкомысленно отнеся къ этой силѣ—нравственной.

27-го Іюня 1872 г.
С.-Петербургъ.

РѢЧЬ НА ОБѢДѢ

ВЪ ЧЕСТЬ

И. С. ТУРГЕНЕВА

13 марта 1879 года.

РѢЧЬ НА ОБѢДѢ ВЪ ЧЕСТЬ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

Дорогой нашъ гость, Иванъ Сергѣевичъ! Если въ той жизни, которую вы себѣ устроили вдали отъ насъ, на западѣ, вамъ могла придти тягостная мысль—не та, что васъ менѣе поминаютъ (не поминать васъ нельзя: вы записались въ исторію и притомъ въ самоважнѣйшую ея часть—въ исторію идей въ Россіи), но та, будто вы менѣе любимы, будто поколѣніе, народившееся уже въ то время, когда вы окончательно переселились на Западъ, относится къ вамъ менѣе сердечно, будто оно чуждается васъ,—то васъ, я думаю, убѣдило въ совершенно противномъ переживаемое вами въ двѣ послѣднія недѣли. Вашъ теперешній пріѣздъ въ Россію сопровождался многими для васъ неожиданностями. Вы бывали окружены, но это не была свита, которая всегда и вездѣ сопровождаетъ лицо мощное, выдающееся, всякаго потентата по власти, потентата по таланту. Такой кортежъ—и весьма многочисленный—изъ друзей, сторонниковъ, учениковъ могли вы всегда имѣть. Но дѣло въ томъ, что куда вы ни обращались—толпы незнаемыхъ людей стояли на вашей дорогѣ, къ вамъ простирались незнаемыя руки; когда вы появлялись въ собраніяхъ, публика, какъ-бы по внезапному побужденію, вставала, чествуя васъ, какъ

умѣетъ чествовать только вольный, самосознающій народъ своихъ именитыхъ гражданъ, излюбленнѣйшихъ изъ своихъ сыновъ. Въ пріемѣ, оказываемомъ вамъ, была еще и та особенность, что усерднѣйшимъ образомъ участвовали въ сплетаніи вамъ вѣнковъ два разряда людей, которыхъ вы могли не безосновательно считать вашими непримиримыми противниками. Въ теченіе вашей литературной дѣятельности вы, европеецъ, много стрѣлъ каленыхъ пустили и самыми ѣдкими сарказмами преслѣдовали русскій шовинизмъ, увлеченія народнаго самомнѣнія, народную исключительность, а между тѣмъ — васъ горячо привѣтствовали въ Москвѣ славянофилы. Вы не щадили и молодежи отрезвляющихъ словъ. Въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», въ «Нови» вы дѣлали прижиганія, какъ-бы ляписомъ, по больнымъ мѣстамъ рукою искуснаго хирурга—и, несмотря на то, эта молодежь писала вамъ адресы, готова была нести васъ на рукахъ. Можетъ ошибаться эта молодежь и въ постановкѣ цѣлей, и въ выборѣ средствъ,—въ одномъ только ея инстинктъ непогрѣшимъ: въ распознаваніи сразу, кто ея другъ, кто недругъ. Наконецъ, всего болѣе удивляетъ въ пріемѣ, оказываемомъ вамъ, то, что дѣлается онъ вовсе не для дѣятеля политическаго и что, слѣдовательно, къ нему не примѣшиваются никакія страсти политическія, что эти оваціи не содержатъ въ себѣ никакихъ манифестацій, никакихъ протестовъ противъ чего бы то не было; что отдается просто и безъ всякихъ заднихъ мыслей дань тому, что велико, что славно и честно,—дань, одинаково достойная и съ точки зрѣнія чествуемаго, и съ точки зрѣнія чествующаго, потому что не хорошъ тотъ народъ, который поѣдаетъ своихъ умственныхъ вожатыхъ, или даже отъ нихъ отворачивается, а хорошъ тотъ, который умѣетъ ихъ цѣнить и поднимать на щитъ. Вы, Иванъ Сергѣевичъ, никогда не были человѣкомъ политическимъ; ваше честолюбіе было иное,—оно было повыше. Ваше имя не принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые могутъ быть отдѣляемы отъ носящихъ ихъ

субъектовъ, которые прибиваются гвоздями къ древку и обносятся потомъ какъ знамя, или гремятъ, какъ лозунгъ въ ожесточенной борьбѣ партій, хотя бы носители этихъ именъ уже сошли со сцены въ могилу, или хотя и не умерли, но превратились въ живыя мощи, въ символы движенія. Въ васъ мы привѣтствуемъ художника, одного только художника, но, кромѣ того, и живое лицо въ полной силѣ дарованія. Я не могу не упомянуть о томъ, что въ звучащемъ въ вашу честь аккордѣ слышатся многія ноты, я не могу не разобрать, какія онѣ, и которая изъ нихъ будетъ посильнѣе. Звучитъ, конечно, въ этомъ аккордѣ нота заслуги—но заслуженныхъ людей есть не мало на Руси. Звучитъ еще и другая нота—глубокое уваженіе къ вашему характеру, къ тому, что вы не были никогда ретроградомъ,—къ постоянству вашихъ убѣжденій; но я долженъ замѣтить, что и такихъ людей найдется у насъ малая толика, которые не мѣняли своихъ убѣжденій и не были похожи на флюгера на крышахъ. Но главная нота не та. Въ пріемахъ, дѣлаемыхъ вамъ, сказывается еще чувство несравненно менѣе высокое, но болѣе реальное,—чувство, если хотите, своекорыстное, которое можно выразить такъ: вы намъ пригодны, вы намъ полезны, вы намъ нужны, Иванъ Сергѣевичъ! Вы сами-то, чѣмъ вы назвали недавно при мнѣ вашего друга, маститаго представителя французской демократіи, Виктора Гюго: «une force naturelle énorme»—огромная природная сила. Вы сами такая природная сила, могучая, неистощимая, на васъ не дѣйствуютъ года. Но именно потому, что вы такая живая сила, отъ которой мы многаго можемъ ожидать, позвольте мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, повести разговоръ на чистоту, съ полною откровенностью, распахнуться и высказать вамъ не однѣ только любезности, но и наши упреки,—но и наши къ вамъ претензіи. Вы догадываетесь, какого предмета я касаюсь,—я разумѣю тотъ зарокъ, который вы наложили на ваше перо въ минуту—не знаю—утомленія или досады. Если

это утомленіе—то оно состояніе преходящее, если это досада—то вы могли убѣдиться, что по поводу вашего послѣдняго произведенія раздавались только голоса, которые не могутъ не раздаваться при появленіи всякаго замѣчательнаго произведенія. Мы, люди вольные, или, по крайней мѣрѣ, пріучающіеся быть свободными, привыкаемъ выслушивать всякаго рода голоса. Позвольте отъ вашего недостаточно мотивированнаго рѣшенія аппелировать къ вамъ же, Иванъ Сергѣевичъ! Зарокъ долженъ быть снятъ, какъ мнѣ кажется, по слѣдующимъ причинамъ.

Бываютъ и въ политикѣ, и въ литературѣ отставка и отставка: не всякая отставка морально возможна, не всякая своевременна. Я понимаю такую отставку, какъ Дюфора. Послѣ борьбы не на животъ, а на смерть, одержана полнѣйшая побѣда, враги раздавлены, вырвано имъ жало,—и удаляется старикъ, говоря: «дѣти, доканчивайте сами остальное». Если бы то былъ Тьеръ, то онъ бы продолжалъ; но удаляющійся только умомъ додумался до необходимости иного строя вещей, въ которомъ онъ многому и не сочувствуетъ, по прежнимъ старымъ привычкамъ. Я понимаю и отставку художника-поэта. Когда-то онъ владѣлъ вполнѣ струнами своей лиры, теперь рука дрожитъ и извлекаетъ дребезжащіе звуки,—онъ и передаетъ свою лиру новому, подающему надежды пѣвцу, въ полной увѣренности, что она не останется безгласною. Такъ передалъ триста лѣтъ тому назадъ свою «славянскую лютню» Николай Рэй величайшему до Мицкевича польскому поэту—Яну Кохановскому. Зная, Иванъ Сергѣевичъ, какъ мало въ васъ себялюбія, зная, что въ васъ нѣтъ ни капли зависти, что сами вы старались выводить новые таланты и давали имъ всегда скорѣе слишкомъ высокую, нежели низкую оцѣнку, потому что всякимъ новымъ замысломъ поэтическимъ васъ можно было подкупить, хотя бы замыслу не отвѣчало исполненіе, я утверждаю, что, если бы явился новый великій поэтъ грядущій—

нельзя сказать, чтобы чаемый, но горячо всѣми нами желаемый—то вы бы первый благословили его на путь. Но сообразите, Иванъ Сергѣевичъ, возможно ли подобное рукоположенiе поэтическое? Оно бываетъ въ спокойныя минуты, среди яснаго дня, при свѣтѣ восшедшихъ свѣтилъ. Таково ли настоящее время? Нѣтъ, не таково: кругомъ глухая ночь [1]), на часахъ нашей общественной жизни стоитъ часъ полуночный, пора всякихъ искушенiй, соблазновъ и паденiй, въ воздухѣ такъ и носится отреченiе Петрово, а пѣтухъ не скоро еще пропоетъ. И тошно намъ, потому что у насъ какъ-будто живаго дѣла вовсе нѣтъ. Кругомъ все не устроено,—но ничто не строится, и опускаются руки вслѣдствiе какой-то невольной забастовки. Въ эти тяжелыя минуты невыразимо-томительной неизвѣстности, не время разсыпаться и отходить на покой, надо держаться вкупѣ—и, по чувству самосохраненiя, общество группируется вокругъ тѣхъ, у кого чувства острѣе. Оно внемлетъ тому, кто, приникнувъ чуткимъ ухомъ къ землѣ, съумѣетъ распознать далекiй гулъ наскакивающихъ мiровыхъ событiй, или тому, кто различитъ первыя полоски свѣта, занимающагося зарею на востокѣ. Вы одарены этою способностью, у васъ зрѣнiе проницательное и вѣрное, у васъ сердце откликающееся и чуткое. Кромѣ того, вы отличаетесь еще двумя необыкновенно цѣнными для насъ способностями. Вы замѣчательно наблюдательный натуралистъ: не успѣли еще сложиться нарождающiеся въ нашемъ обществѣ новые типы,—вы ихъ накалываете на булавки и предлагаете, чтобъ мы смотрѣли, каковы мы въ самомъ дѣлѣ? Въ то же время, вы—идеалистъ: въ ваши произведенiя входитъ всегда и занимаетъ важное мѣсто тотъ элементъ, который называли прежде идеаломъ, безконечнымъ,—то невѣдомое

---

[1]) Къ этому мѣсту рѣчи относится высказанное послѣ возраженiе И. С. Тургенева: «Нельзя назвать ночью то время, когда пишутъ такiе писатели, какъ Л. Толстой, Достоевскiй, Гончаровъ и др.».

и непознаваемое, отрѣшенный отъ котораго человѣкъ превращается въ ничтожество, безъ чего поэзіи нѣтъ, и жизнь сама становится непривлекательною. Вы изобразили въ «Нови» — въ стихахъ Нежданова — великаншу, какъ она спитъ глубокимъ сномъ, «лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ». Мы по этой великаншѣ ползаемъ точно мурашки, — не намъ, конечно, ее пробудить, но можемъ же мы наблюдать, не начинаютъ ли сокращаться ея мускулы, не раскроется ли ротъ, не выпрямятся ли ея члены. До этого момента, до этого, если не самаго пробужденія, то признаковъ-предвозвѣстниковъ пробужденія, никто не въ правѣ проситься на покой. Тогда только можно будетъ повторить Симеоново: «нынѣ отпущаеши», — тогда только и вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, дозволено будетъ опочить.

ПИСЬМО ИЗЪ КРАКОВА.

ЮБИЛЕЙ КРАШЕВСКАГО

3—5 октября 1879 года.

ПИСЬМО ИЗЪ КРАКОВА.

ЮБИЛЕЙ КРАШЕВСКАГО

3—5 октября 1879.

I.

Литературное празднество, которымъ напомнилъ о своемъ существованіи старый «королевскій градъ» Краковъ, развѣнчанный когда-то Варшавою, а нынѣ опережаемый и затмѣваемый во многихъ отношеніяхъ выскочкою Львовомъ,—сложилось изъ нѣсколькихъ разнородныхъ элементовъ; эти элементы проявлялись на празднествѣ самостоятельно и въ весьма различной степени интересовали тѣ группы лицъ, которыя приняли въ немъ участіе—духовенства и мірянъ, краковянъ и галичанъ, поляковъ коренныхъ и разсѣянныхъ по всему свѣту братьевъ-славянъ и западныхъ европейцевъ. Главныхъ элементовъ, однако, было два: одинъ мѣстный, для иностранцевъ совсѣмъ почти незамѣтный: открытіе краковскихъ «Суконницъ», отстраиваемыхъ вновь съ 1876 г.; другой—литературный, выходившій далеко за предѣлы Кракова: чествованіе феноменальнаго человѣка, баснословно-плодовитаго, который, не переставая быть по профессіи исключительно только литераторомъ и не принимая на себя никогда иной роли, не только доставилъ польской литературѣ большую извѣстность за этногра-

фическими границами своей народности, но и оказалъ на своемъ скромномъ посту громадныя услугу своей націи, какъ гражданинъ, въ теченіи полувѣка. Совпаденіе открытія Суконницъ съ Крашевскимъ было чисто случайное. Никто и не думалъ о юбилеѣ, когда приступлено было къ отстройкѣ вновь Суконницъ; уже во время постройки польская журналистика подняла вопросъ о приближающейся пятидесятилѣтней годовщинѣ литературной дѣятельности многопотрудившагося человѣка: краковскій библіографъ Карлъ Эстрейхеръ взялъ на себя перечислить произведенія Крашевскаго, но при всѣхъ стараніяхъ каталогъ остался все-таки неполнымъ, хотя и составилъ книжку, in 8^0, въ 58 страницъ. Возникли также споры о расчетѣ лѣтъ, такъ какъ въ печати первыя произведенія Крашевскаго появились только въ 1830 г. («Котлетки», «Біографія Органиста», въ сборникахъ; первая отдѣльно напечатанная повѣсть: «Панъ Валерій», пропущена цензурою въ декабрѣ 1830 г.). Надлежало бы собственно избрать 1880 г., но за точку отправленія были взяты, при опредѣленіи времени, рукописныя работы 1829 г. по составленію польско-русско-французскаго словаря и по исторіи польскаго языка, представленныя на конкурсъ для полученія каѳедры въ виленскомъ университетѣ. Слабое здоровье юбиляра и нетерпѣніе публики, симпатично отнесшейся къ мысли объ увѣнчаніи популярнѣйшаго изъ польскихъ писателей, заставили перенести празднованіе съ 1880 года на 1879.

Гдѣ праздновать юбилей? — Ни мѣсто воспитанія Крашевскаго, ни мѣсто его рожденія, гдѣ языкъ его, хотя живетъ въ частномъ кругу и въ театрѣ, но все же не пользуется правами, равными съ западными языками, и гдѣ потому не преподается въ школѣ исторія его литературы,—не могли быть избраны для юбилея. Нельзя было также предложить Познань, гдѣ хотя и предоставлены для конкурренціи съ нѣмецкою культурою мѣстнымъ славянамъ всѣ легальныя средства, но борьба

происходитъ слишкомъ неравная, и совершается систематическое вытѣсненіе германскою расою не только кореннаго помѣщика, но и кореннаго польскаго мужика. Оставалась только Галиція, а въ ней именно одинъ изъ двухъ центровъ: Львовъ, либо Краковъ. Между этими центрами существуетъ глубокій, ничѣмъ неизгладимый антагонизмъ, гораздо болѣе рѣзкій, нежели между Берлиномъ и Вѣною, или Москвою и Петербургомъ. «Станчиками» обзываетъ львовянинъ представителей краковской интеллигенціи, на что краковянинъ отвѣчаетъ презрительно такимъ же прозвищемъ: «тромтадраты».—Въ сущности обѣ клички не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла. Тромтадратія — этимологически однородно съ выраженіями: аристократія, демократія, плутократія, и обозначаетъ господство безшабашныхъ болтуновъ, политическихъ вертопраховъ, анархистовъ,—но со шляхетскими привычками «liberum veto», и которые превратились въ демагоговъ, послѣдователей начала: «liberum conspiro», людей, занятыхъ не настоящимъ дѣломъ, а раздуваніемъ кузнечными мѣхами огня энтузіазма, который, по ихъ понятіямъ, безъ нихъ совсѣмъ бы погасъ. Станчикъ былъ придворный шутъ короля Сигизмунда I, котораго Матейко и изобразилъ на извѣстной картинѣ,— нѣчто въ родѣ польскаго Трибулэ. Въ 1870 г., трое талантливыхъ писателей: Шуйскій, Тарновскій, Козмянъ, пустили въ ходъ такъ называемый «Портфель Станчика» (Teka Stańczyka), въ которомъ бичевали польское движеніе 1863 г. Операція была непріятная; струи воды, пускаемой ими на паціентовъ, были черезчуръ холодны; упомянутые «станчики» и теперь продолжаютъ такъ дѣйствовать. Непремѣнный секретарь краковской академіи, первоклассный историкъ, бойкій памфлетистъ, Іосифъ Шуйскій, на юбилейномъ завтракѣ литераторовъ 5 (17) октября самъ себя опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: «Я, господа, шестнадцать лѣтъ какъ состою въ пожарной командѣ; гдѣ горитъ—тамъ и я являюсь съ трубами; много я получилъ на этой службѣ ушибовъ и

обжоговъ, но вѣренъ остался девизу, которому не годится намъ не слѣдовать подъ страхомъ матереубійства: «бери цѣли по силамъ». За то—чего-чего не взводили на станчиковъ: и клерикалы они, и аристократы, и эпигоны Вѣлёпольскаго, и переодѣтые «москали».

Въ сущности обѣ характеристики одинаково несостоятельны. И во Львовѣ много трезвыхъ головъ, разсудительныхъ людей, но все-таки надо признаться, что въ этомъ городѣ, гдѣ первымъ журналистомъ состоитъ Добржанскій, или такъ-называемый «король Янъ IV», цинически мѣняющій убѣжденія, гдѣ пишетъ загрязненный многими безчинствами, но остроумнѣйшій изъ польскихъ сатириковъ Лямъ, почва подъ ногами сильно тромтадратическая; празднество не могло бы быть выдержано въ этомъ городѣ въ одномъ характерѣ; прорвались бы силою вещи непріятныя,—были бы выходки весьма неудобныя, и само австрійское правительство могло бы не согласиться на празднество ради своихъ добрыхъ отношеній къ сосѣдямъ. Съ другой стороны, и «станчики» терпятъ совершенную напраслину отъ своихъ недоброжелателей: вожди ихъ вовсе и не клерикалы, хотя были противниками заносчивой въ «Kulturkampff'ѣ» политики Бисмарка, и не аристократы. Положимъ, Тарновскій—графъ, но и донынѣ ему не могутъ забыть его «Порцій», — статьи, въ которой онъ ополчался на помѣщиковъ за эксплоатируемый экономически крестьянскій народъ посредствомъ хитрыхъ формъ личнаго найма и аренды. Какой-же аристократъ Шуйскій, который требуетъ демократіи, но очищенной отъ анархическихъ привычекъ, дисциплинированной, консервативной (O fałszywej historyi jako mistrzyni fałszywej polityki, 1877). Они всѣ немного доктринеры, и непривычному къ послѣдовательности обществу становится порою жутко въ этихъ леденящихъ тискахъ неумолимо строгой логики, непригодной для этого общества по его темпераменту; вотъ почему «станчики» вообще мало популярны, но они составляютъ превосходно

сплоченную армію съ ограниченною, правда, но вполнѣ осмысленною программою,—армію, которая кое-что сдѣлала, опредѣлила образъ дѣйствія внѣ-россійскихъ поляковъ во время восточной войны и парализировала всѣ попытки англійскихъ агентовъ и вербовщиковъ. «Станчики» только и могли свить себѣ гнѣздо въ Краковѣ, гдѣ люди, поневолѣ, становятся серьёзнѣе, чтобы не мѣшать покою мертвецовъ, гдѣ камни краснорѣчивѣе людей, гдѣ отъ высокихъ башенъ вѣетъ спокойствіемъ, величіемъ, торжественностью. Только Краковъ и могъ послужить приличною для юбилея обстановкою.

Но Краковъ малъ и тѣсенъ. Гдѣ устроить торжество? — Единственно возможное scenarium представляли Суконницы, которыя городская краковская дума рѣшила какъ можно скорѣе ко дню торжества окончить, не пожалѣвъ, сверхъ истраченныхъ на отстройку полумилліона гульденовъ, еще десятка тысячъ на пріемъ и угощенія. Но предпріятіе встрѣтило себѣ препятствіе въ средѣ самихъ краковянъ. Въ той партіи, которую обзываютъ общимъ именемъ «станчиковской», обрѣтаются, конечно, всякіе люди: и ультрамонтаны, памятующіе, что Крашевскій ратовалъ противъ догмата непогрѣшимости папы, и уязвленные не слишкомъ лестными изображеніями польской знати въ романахъ Крашевскаго аристократы. Поэтому вліятельнѣйшіе изъ вожаковъ партіи возражали, что они не признаютъ за юбиляромъ особенной геніальности, или имѣютъ съ нимъ личные старые, не сведенные пока счеты (проф. Тарновскій), съ тѣхъ еще поръ, когда Крашевскій, поселившись съ 1863 г. въ Дрезденѣ, издавалъ подъ именемъ «Болеславита» свои критическіе «Итоги» (Rachunki), въ которыхъ препирался съ своими краковскими разномышленниками довольно рѣзко и сердито. Но всякая оппозиція должна была уступить передъ натискомъ извнѣ, передъ подхваченною въ мигъ и разнесенною повсюду, гдѣ только есть польскій элементъ, идеею о юбилеѣ.

Не дожидаясь его, устраивались въ честь Крашевскаго стипендіи, издавались въ Варшавѣ въ его пользу отборнѣйшія его сочиненія, составлялся юбилейный сборникъ въ нѣсколькихъ томахъ, въ которомъ нѣсколькими десятками историковъ и критиковъ разобраны его дѣятельность и произведенія во всевозможныхъ отношеніяхъ. Очевиднымъ становилось, что польское общество въ Крашевскомъ чествуетъ и вѣнчаетъ свою культуру и желаетъ произвести смотръ своимъ умственнымъ силамъ, удостовѣриться въ своей зрѣлости, съѣхавшись на празднество чисто-литературное, безъ всякаго политическаго значенія, которое по самому своему характеру никого бы не обезпокоило, да и между собравшимися не дало бы повода, какъ то иногда случалось, къ послѣдующимъ раздорамъ и пререканіямъ.

День открытія Суконницъ и начала юбилейнаго обряда назначенъ былъ 18 (30) сентября, но этотъ день оказался неподходящимъ для познанцевъ по причинѣ совпадавшихъ съ нимъ выборовъ въ прусскій сеймъ; пришлось отложить праздникъ на три дня, съ 30 сентября на 3 октября, причемъ не обошлось безъ попытокъ раздѣлить оба торжества: тогда мѣстные элементы явились бы *всѣ* на открытіе Суконницъ, послѣ чего отъ отдѣленнаго извѣстнымъ промежуткомъ юбилейнаго торжества могли бы уклониться лица, нерасположенныя къ юбиляру, чтò послужило бы новымъ доказательствомъ старой истины, что нельзя всѣмъ на свѣтѣ угодить. Городская дума, подъ предсѣдательствомъ Н. Зыбликевича, рѣшила, однако, соединить оба акта, перенеся ихъ на 3 октября (21 сентября). До послѣдней почти минуты оставалось неизвѣстнымъ, приметъ-ли въ церемоніяхъ участіе высшее духовенство, пока не явился выѣхавшій изъ Кракова епископъ Дунаевскій. Одновременно разнеслось извѣстіе, что австрійскій императоръ оказалъ особое вниманіе польскому писателю не-австрійцу, пожаловавъ ему командорскіе знаки ордена Франца-Іосифа, чтò придало по необходимости празднеству нѣкоторый

оффиціальный, черножелтый оттѣнокъ, выступавшій, однако, въ довольно рѣдкихъ моментахъ. Оба обряда соединились, такимъ образомъ, въ одно цѣлое по совершенно внѣшней причинѣ: одинъ—какъ устроеніе сцены дѣйствія, другой—какъ введеніе на эту сцену главнаго дѣйствующаго лица. Была ли между обоими этими предметами другая связь—внутренняя, подходила ли сцена къ личности юбиляра, соотвѣтствовала ли ей? Я полагаю, что соотвѣтствовала въ весьма значительной степени.

II.

Что такое Суконницы (Sukiennice)?—Большой базаръ, родъ гостиннаго двора на главной площади Кракова. На этой площади, по ея рединѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ великолѣпной готической кирпичной церкви св. Дѣвы Маріи и неподалеку отъ королевскаго за̀мка на исторической горѣ Вавель, стояли нѣкогда двумя рядами каменныя лавки, съ откидными ларями, въ которыхъ продавались сукна (Краковъ принадлежалъ къ Ганзейскому Союзу и велъ оживленную торговлю съ Германіею и Нидерландами). Въ послѣднемъ десятилѣтіи XIV столѣтія при королѣ Ягеллѣ рѣшено изъ всѣхъ суконныхъ лавокъ (camerae pannorum) образовать одинъ суконный крытый домъ (pannitheka). Эта работа поручена была нѣмцу, мастеру Мартину Линдинтольде. Этотъ строитель возвелъ продолговатымъ четвероугольникомъ зданіе, съ двумя накрестъ пересѣкающимися проходами, продольнымъ и краткимъ поперечнымъ, составляющими продолженіе улицъ, пересѣкающихся въ рединѣ площади подъ прямыми углами. Стиль постройки былъ готическій, стѣны извнѣ поддерживались контрфорсами и облѣпились множествомъ пристроекъ; въ стѣнахъ на высотѣ были окна, пропускавшія свѣтъ во внутренность базара. Все строеніе прикрыто было высокою деревянною остро-

реберною крышею, прорѣзанною множествомъ слуховыхъ окошекъ. Таковы были первоначальныя Суконницы, когда пожаръ 1555 года уничтожилъ все деревянное, съ крышею и стропилами, и оставилъ голыя стѣны. Случился этотъ пожаръ, когда и городъ былъ весьма богатъ, и въ полномъ было цвѣту и распространеніи модное по тому времени искуство возрожденія. Возобновленіемъ ихъ занялся итальянецъ *Джованни-Марія Падовано* или *Падуанецъ*, прозванный *il Mosco* (московитъ?). Этотъ зодчій, бывшій въ то же время отличнымъ скульпторомъ, воспользовался уцѣлѣвшими стѣнами въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ построилъ Линдинтольде, но, вмѣсто деревяннаго потолка, онъ прикрылъ базаръ круглымъ кирпичнымъ сводомъ, вслѣдствіе чего базаръ превратился въ тоннель, а крыша на чердакѣ его вышла плоская. Чтобы закрыть ее, Падовано надъ карнизомъ устроилъ декоративный маскирующій ее аттикъ, являющій видъ второго (фальшиваго) этажа, съ пиластрами и нишами, съ зубчатыми линіями верха стѣнъ, гдѣ на столбикахъ, соединенныхъ эсами, посажены были въ перемежку — то вазы, то смѣющіяся и кривляющіяся рожи уродливыхъ масокъ. Красота зданія была чисто внѣшняя; надо отдать справедливость Падовано, что онъ искусно согласовалъ готическій стиль основанія съ ренесансомъ вершины, но тѣмъ онъ и ограничился. Внутренность базара была самая невзрачная. Мало-по-малу, суконная торговля изъ него ушла, и превратился онъ въ толкучій рынокъ, неопрятный, темноватый и вонючій. Не будучи никогда поправляемо, старое зданіе портилось и обваливалось, крошилась штукатурка, осыпались орнаменты, трескались стѣны.

Въ 1869 году городская дума совершила громадный подвигъ, рѣшила реставрировать Суконницы, не пожалѣвъ издержекъ, которыя оказались весьма велики, сравнительно съ средствами города, имѣющаго немногимъ больше 50 т. жителей. [illegible] весьма не легкая: во-[illegible]

постройки, сдѣлавшійся традиціоннымъ, легендарнымъ; не портить средневѣковаго Кракова, вставляя модную современную вещицу, вмѣсто характерной старой, на той всѣмъ съ дѣтства по изображеніямъ извѣстной площади, которая для цѣнителя и любителя искуства въ его историческомъ развитіи немыслима безъ формъ, гдѣ готическое сочеталось съ итальянскимъ; во-вторыхъ, устроить нѣчто комфортабельное, удобное, соотвѣтствующее всѣмъ гигіеническимъ требованіямъ современной архитектуры, дать много свѣта, воздуха, воды, соединить красивое съ полезнымъ, ввести возможное изящество въ область обыденнаго и вульгарнаго. Эти задачи выполнилъ съ замѣчательнымъ умѣніемъ и искуствомъ инженеръ Ѳома Прылинскій, при дружномъ содѣйствіи краковскихъ археологовъ и артистовъ. Прежде всего, площадь вся очищена, снесены всѣ деревянные лари, будки, пристройки, даже старинная гауптвахта. На всей площади остались всего три постройки; Суконницы, башня не существующей уже ратуши, да маленькая церковь св. Войцѣха въ стилѣ барокко, стоящая на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, училъ и проповѣдывалъ чехъ—апостолъ Польши. Стало на площади просторно, по всѣмъ направленіямъ открылись красивыя перспективы. Во всю длину зданія, съ обоихъ его боковъ, очищенныхъ отъ прилѣпившихся къ нимъ построекъ, идутъ теперь красивыми огивальными аркадами два перистиля въ строго-готическомъ вкусѣ; надъ карнизомъ поставлены легкія, изваянныя тонко въ видѣ кружева каменныя перила. Аттикъ остался, но онъ пересѣченъ накрестъ поперечнымъ флигелемъ, который продолженъ до самаго карниза и образуетъ два боковые фасада, украшенные лѣпною работою. На одномъ фасадѣ усѣлись двѣ загадочныя Діаны, на другомъ, по рисунку Матейки, помѣщены, съ одной стороны, бойкій пѣтухъ на смѣющейся маскѣ [illegible] индюкъ на печальной. По угламъ устроены [illegible]ера, боковые флигеля и прорѣзанный ими ат[illegible] просторный верхній этажъ, посвященный

музеямъ, школѣ живописи, искуству, между тѣмъ какъ тоннель отведенъ мелкому торгашеству, а подъ аркадами устроились нарядныя лавки. Трудно передать всю роскошь украшеній: причудливыя рѣзныя капители колоннъ образованы изъ переплетающихся растеній, гирляндъ, изъ нагихъ дѣтей, поясныхъ фигуръ мужскихъ и женскихъ. Въ ажурныхъ желѣзныхъ воротахъ, стѣнныхъ желѣзныхъ украшеніяхъ и висячихъ фонаряхъ кузнецъ соперничалъ со скульпторомъ. Все зданіе имѣетъ цѣльный, гармоническій характеръ, какъ-будто бы оно было осуществленіемъ одного артистическаго замысла, какъ-будто бы одинъ человѣкъ его задумалъ и исполнилъ, какъ-будто бы въ этомъ сложномъ цѣломъ промыселъ былъ органически связанъ съ искуствомъ и цвѣтъ искуства былъ только продолженіемъ и увѣнчаніемъ стебля промышленности. Не ждите въ этой работѣ вдохновенія оригинальности, имъ вообще не можетъ похвалиться нашъ вѣкъ, который беретъ все больше умѣніемъ, нежели своеобразною новизною; но подъ средневѣковыми формами васъ поражаетъ совсѣмъ не средневѣковое содержаніе; вы осязаете въ этой стройной работѣ господство буржуазіи, воцареніе того средняго состоянія, которое, расчищая мѣсто для будущей демократіи и образуя переходное звено между средними вѣками и демократическимъ будущимъ, пробавляется старыми идеалами, распоряжается, точно своимъ добромъ, наслѣдствомъ, которое ему досталось даромъ отъ вымершей цивилизаціи, создавшей готическіе соборы, рыцарскіе замки и дворцы королей. Я полагаю, что эти особенности архитектурной реставраціи Суконницъ и служатъ точками соприкосновенія между возобновленнымъ зданіемъ и Крашевскимъ.

Родившійся въ 1812 году въ Варшавѣ, кончившій воспитаніе въ Вильнѣ, Игнатій-Іосифъ Крашевскій до конца 1862 года жилъ въ предѣлахъ Россіи, подвизался какъ литераторъ и журналистъ сначала въ Волынской губерніи, потомъ въ Варшавѣ, откуда и долженъ былъ выѣхать въ тихій и скромный Дрезденъ. Хотя и коренной

шляхтичъ, онъ, однако, человѣкъ новый, добывшій самъ свою славу и притомъ стяжавшій эту славу единственно только какъ литераторъ, только перомъ, только посредствомъ усидчивой кабинетной работы. Никогда не пытался онъ группировать вокругъ себя людей одного съ нимъ направленія, не только онъ себя не предлагалъ въ вожатые какой бы то ни было партіи, но и не принадлежалъ ни къ какой партіи, а дѣйствовалъ особнякомъ, угадывая потребности публики, стараясь имъ удовлетворить, не забѣгая значительно впередъ, идя съ большинствомъ шагъ за шагомъ, но всегда въ духѣ умѣреннаго прогресса. Если его нельзя назвать писателемъ геніальнымъ, ни даже просто новаторомъ, если, написавъ цѣлыя сотни повѣстей, онъ создалъ въ этихъ повѣстяхъ весьма немного неувядаемо-живыхъ типовъ, такъ какъ онъ больше наблюдалъ и фотографировалъ,— то все же онъ наблюдалъ и фотографировалъ съ такимъ увлеченіемъ и успѣхомъ, что на основаніи однихъ только его повѣстей можно бы составить по ихъ портретамъ физіологію нѣсколькихъ смѣнившихся одно послѣ другого поколѣній, въ особенности въ періодъ съ 1830 по 1863 годъ. Аналитическимъ умомъ онъ не отличался и не былъ теоретикомъ, неизмѣнно вѣрнымъ однимъ и тѣмъ же началамъ: ему приходилось иногда мѣнять убѣжденія, убѣдившись въ противномъ; но искрененъ онъ былъ и при этой перемѣнѣ, и проповѣдывалъ только то, во что горячо вѣрилъ. Человѣкъ сердечный и сильный инстинктомъ, Крашевскій не только наблюдалъ, но и заключалъ, направлялъ, судилъ. Сужденія его, это— сужденія человѣка образованнаго, гуманнаго, принадлежащаго къ упомянутому мною среднему классу, неимѣющему никакого опредѣленнаго состава, но пополняющемуся какъ изъ всего того, что выдвигается изъ массы по уму и талантамъ, такъ изъ того, что изъ шляхетской среды и изъ аристократіи вошло сознательно въ широкое русло потока времени, желая жить, а не безцѣльно умирать. Рѣшительный противникъ привилегіи и неволи, Кра-

шевскій поработалъ много въ пользу отмѣны крѣпостного состоянія, посвятилъ подсѣканію его корней самыя сильныя изъ своихъ произведеній. Къ отживающимъ идеалистамъ стараго строя онъ питалъ всегда нѣкоторое сочувствіе, но, изображая ихъ порою симпатическими чертами, онъ никогда не скрывалъ, что они отходящіе (Morituri—таково заглавіе одного изъ его романовъ), и притомъ отходящіе безплодно, бездѣтно, никѣмъ неоплакиваемые. Слабость его къ людямъ прошлаго понятна—онъ самъ принадлежитъ въ Польшѣ къ разряду тѣхъ, которыхъ въ Россіи привыкли называть «людьми сороковыхъ годовъ»; онъ несъ передъ собою свѣточъ идеала и всего больше ратовалъ противъ разнузданности страстей, противъ грубыхъ оргій силы и эгоизма; «я всегда предпочиталъ—говоритъ онъ—братство борьбѣ за существованіе, и стоялъ за права̀ слабаго противъ правъ кулака». Всѣ роды литературы онъ испробовалъ, сочиняя многотомныя историческія произведенія (Исторія г. Вильна, Исторія трехъ раздѣловъ Польши), древнелитовскій эпосъ стихами (Anafielas), писалъ комедіи, драмы, цѣлый циклъ повѣстей изъ древняго быта Польши, издавалъ историческія записки, но проявилъ главнымъ образомъ свое мастерство въ простѣйшемъ родѣ литературѣ, въ простой безпритязательной повѣсти, читаемой даже такими слоями общества, которые ищутъ въ литературѣ развлеченія, и которымъ болѣе серьезное чтеніе затруднительно или недоступно. Если сообразить, что Крашевскій написалъ 250 бо̀льшею частью многотомныхъ произведеній, въ 440 томахъ, и безчисленное множество корреспонденцій; что производительность его не только не слабѣетъ, но съ годами ростетъ; что за послѣдніе 4 года, 1875—1879, онъ напечаталъ 60 оригинальныхъ произведеній—повѣстей, біографій (по 15 въ годъ), то легко себѣ представить ту громадную извѣстность, которою онъ пользуется. Нѣтъ писателя, который былъ бы одинаково съ нимъ популяренъ и повсемѣстно любимъ, благодаря своему примиряющему и къ единенію

приводящему вліянію. Его бы можно сравнить съ широкою рѣкою, имѣющею неглубокій фарватеръ, тихо и ровно плывущею средь невысокихъ и нескалистыхъ береговъ. Таковъ герой юбилейнаго празднества, которое мы и прослѣдимъ въ главнѣйшихъ его фазисахъ.

III.

Юбилейный комитетъ, составленный главнымъ образомъ изъ членовъ городской думы, *никого* не приглашалъ, а брался только размѣстить ожидаемыхъ гостей и доставить имъ возможность участвовать въ главныхъ моментахъ празднества. За нѣсколько недѣль назначенъ былъ срокъ, къ которому могли записываться гости и присылать деньги на обѣдъ по подпискѣ—предосторожность нелишняя, такъ какъ число пріѣхавшихъ въ Краковъ достигло громадной цифры 11.200 человѣкъ. Необходимость заставила потѣсниться. Краковяне рѣшили уступить свои билеты въ театръ и на обѣдъ пріѣзжимъ посѣтителямъ. Гостинницы не могли бы помѣстить и десятой доли пріѣзжихъ, если бы комитету не помогло частное гостепріимство. Каждый мало-мальски зажиточный человѣкъ принималъ къ себѣ, сколько могъ, пріѣзжихъ; варшавскіе наборщики помѣщались и угощались краковскими, адвокатъ останавливался у адвоката, литератору отводилась квартира у литератора. Нѣкоторыя гостинницы рѣшили брать съ заграничныхъ посѣтителей цѣны за нумера обыкновенныя, такъ что, несмотря на многолюдство, не ощущалось особенныхъ неудобствъ отъ тѣсноты. Депутація, съ вице-президентомъ города Вейгелемъ во главѣ, отправилась за юбиляромъ въ Дрезденъ; въ распоряженіе ея былъ данъ особый вагонъ I класса, въ которомъ Крашевскій и пріѣхалъ 2-го октября, въ четвертомъ часу пополудни. Городъ извѣщенъ былъ о пріѣздѣ стѣнными афишами, но довольно поздно; несмотря на то, тысячъ пять народа собралось на вок-

залѣ желѣзной дороги. Студенты съ розовыми кокардами на груди и доброхотная пожарная команда въ своихъ оффиціальныхъ мундирахъ образовали черезъ весь вокзалъ до разъѣзднаго крыльца двѣ живыя стѣны, между которыми прошелъ юбиляръ, окруженный членами городскаго совѣта при оглушительныхъ крикахъ: niech żyje! У крыльца размѣстились ремесленные цехи со своими значками и хоругвями; эта импровизированная гвардія окружила экипажъ, въ который усѣлись Крашевскій съ бургомистромъ Зыбликевичемъ,—она-то разстроила затѣи и попытки нѣкоторыхъ болѣе пылкихъ энтузіастовъ, хотѣвшихъ выпрягать лошадей и тащить экипажъ на себѣ. Скромный фіакръ, осѣненный хоругвями цеховъ, и являвшій, такимъ образомъ, подобіе колесницы тріумфатора, употребилъ полчаса времени, чтобы пробраться съ вокзала до отстоящей отъ него на полверсты Дрезденской гостиницы, гдѣ запросто и для всякаго изъ безчисленныхъ посѣтителей доступно помѣстился скромный виновникъ празднества. Таковъ былъ краткій прологъ представленія, имѣющій характеръ преимущественно городской, буржуазный. Вечеръ былъ посвященъ нѣсколькимъ неизбѣжнымъ визитамъ, къ властямъ, къ профессору Тарновскому, которому протянута была юбиляромъ рука для преданія забвенію прошлой полемики. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и во многихъ ярко освѣщенныхъ окнахъ красовались бюсты или портреты Крашевскаго: его сухощавая фигура, сгорбленная, окладистая борода песчанаго цвѣта съ просѣдью, морщинами покрытое лицо, все выраженіе котораго сосредоточивается въ характерныхъ складкахъ чела отъ вѣчно напряженнаго вниманія и въ необычайно живыхъ глазахъ. Какъ въ этотъ день, такъ и въ предшествующій только кончались работы по очисткѣ площади и Суконницъ отъ мусора и щепокъ.

Настоящее празднество открылось въ пятницу, 3-го октября и явило прежде всего практическій примѣръ совершеннаго разобщенія духовнаго съ свѣтскимъ, отдѣ-

ленія церковныхъ церемоній отъ гражданскихъ. Началось, какъ подобаетъ, съ божественнаго, отслужена со всѣмъ великолѣпіемъ обѣдня въ архипресбитеріальной городской громадной готической церкви св. Маріи, съ башни которой, по древнему уставу и обычаю, дежурный стражникъ днемъ и ночью трубитъ гейналы, оповѣщающіе конецъ каждаго часа. Узкій корпусъ церкви биткомъ былъ набитъ публикою, острые, высокіе своды отражали превосходно звуки церковныхъ пѣсней, положенныхъ на музыку старинными-композиторами, начиная съ XVI вѣка. Особенно выдѣлялся звучный пріятный голосъ сопрано пѣвицы Слугоцкой, крестной дочери Крашевскаго. Въ пресбитеріумѣ, на возвышеніи передъ алтаремъ, рѣзныя скамьи канониковъ и нѣсколько рядовъ стульевъ были отведены по обѣ стороны для почетныхъ гостей и делегатовъ, привезшихъ адресы и подарки, числомъ до двухсотъ человѣкъ. Какъ въ церкви, такъ и вообще во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и обрядахъ, вплоть до заключительнаго бала, прекрасный полъ отсутствовалъ, остракизмъ распространился даже на дамъ-писательницъ. Дамъ въ пресбитеріумѣ не было, имъ отведены были только церковные хоры. Печальные цвѣта—бѣлый съ чернымъ—мужскихъ фраковъ и галстуховъ разнообразились появленіемъ золоченыхъ цѣпей на груди университетскихъ депутатовъ и яркихъ національныхъ польскихъ костюмовъ, жупановъ, контушей, поясовъ, карабель, колпаковъ съ брилліантовыми брошками и цаплиными перьями. Юбиляра усадили у самаго алтаря, окруженнаго братьями и племянниками, а возлѣ него помѣщались маршалъ галиційскаго сеймъ гр. Водзицкій и бургомистръ Зыбликевичъ. Обѣдня обошлась безъ проповѣди, обыкновенно связующей церковный обрядъ съ интересами подобнаго момента.

Послѣ обѣдни былъ совершенъ крестный ходъ чрезъ площадь въ самый нижній тоннель, впервые открываемый оффиціально. По освященіи зданія епископъ произ-

несъ слово, въ которомъ не было ни помину о юбилярѣ, ни намека на юбилей, а просто возданіе хвалы Господу, за приведенную къ концу постройку, и назиданіе людямъ, чтобы они жили благочестиво и богобоязненно. Тутъ, какъ бы кто ножомъ отрѣзалъ: актъ церковный кончился, краковскій епископъ исчезъ и не показывался больше, даже на торжественномъ обѣдѣ; гласные думы отправились на верхъ подписывать протоколъ открытія зданія, юбиляръ уѣхалъ къ старостѣ львовскому, помощнику намѣстника Бадéни—получать австрійскій орденъ на шею, который онъ съ тѣхъ поръ носилъ все время вмѣстѣ съ пожалованною ему прежде итальянскою звѣздою Corona d'Italia; замѣтимъ мимоходомъ, что оба къ нему вовсе не шли, точно ни они для него не созданы, ни онъ для нихъ.

Въ часъ потомъ, въ томъ же самомъ тоннелѣ, началось чествованіе юбиляра при слѣдующей обстановкѣ. Изъ двухъ поперечныхъ ходовъ одинъ былъ закрытъ и преобразованъ въ темный альковъ; къ нему примыкала эстрада въ нѣсколько ступеней. На ней поставлено кресло для юбиляра, шкапъ по замыслу библіографа Эстрейхера, наполненный одними только его произведеніями, столъ для раскладки даровъ. Оба длинные конца тоннеля переполнены публикою. Черезъ главный входъ съ Сѣнной улицы, прямо ведущій на эстраду и къ алькову, пропускаются только делегаты обществъ, учрежденій, областей. У входа военная музыка, подъ руководствомъ композитора Желенскаго, исполняетъ кантату въ честь Крашевскаго, сочиненную лучшимъ современнымъ польскимъ лирикомъ Асныкомъ (онъ же и секретарь юбилейнаго комитета). Кантата весьма проста, безъ паѳоса и гиперболъ, и выражаетъ счастіе того, кто въ новыхъ занимающихся заряхъ ясно видитъ грядущее возрожденіе; кончается же она увѣренностью въ томъ, что живъ еще народъ и великъ онъ, когда онъ возобновляется, рождая такихъ сыновъ. Съ трудомъ пробирается черезъ музыкантовъ на эстраду бургомистръ Зыбликевичъ, успѣв-

шій переодѣться въ національный, эффектный, но рѣжущій глаза костюмъ: жупанъ на немъ бѣлый, атласный, контушъ бархатный, свѣтлоголубой, сапоги желтые, ножны и эфесъ сабли украшены бирюзою и кораллами. Онъ настоящій руководитель хора, онъ открываетъ шествіе дароносцевъ краткою рѣчью, въ которой примѣняетъ къ Крашевскому римское изреченіе о Помпеѣ: plura bella gessit, quam caeteri legerunt, съ легкимъ измѣненіемъ: «Крашевскій болѣе написалъ книгъ, нежели иные во всю свою жизнь ихъ прочли!» Затѣмъ на эстраду вступали поочередно вызываемые вице-президентомъ города Вейгелемъ записавшіеся представители и делегаты земель и обществъ, поодиночкѣ или группами и въ краткихъ, но теплыхъ словахъ, привѣтствуя его, передавали ему свои подарки, вѣнцы, альбомы, картины, статуэтки. Были дары весьма цѣнные: отъ поляковъ въ Италіи вѣнецъ изъ серебра и золота, въ ящикѣ изъ флорентинской мозаики; серебряный свитокъ съ вырѣзаннымъ адресомъ на немъ изъ Стокгольма; множество чернильницъ, перьевъ, рогъ турій бѣловѣжскій, печать въ формѣ минарета, вѣнчающаго каменецъ-подольскій соборъ, золотыя ворота кіевскія въ миніатюрѣ, серебряная статуэтка, изображающая Гедимина, работа умершей ваятельницы г-жи Скирмунтъ, пресъ-папьé изъ горнаго хрусталя отъ поляковъ въ Сибири, шкапъ съ древними монетами отъ варшавскихъ купеческихъ приказчиковъ, серебряная чаша отъ поляковъ изъ Чикаго, работы изъ янтаря отъ жителей Данцига, вещицы изъ Бельгіи и Нью-Іорка, Парижа и Дерпта, даже такія бездѣлки, какъ сапоги отъ какого-то варшавскаго сапожника, глыба соли отъ солеколовъ въ Величкѣ, пирамида изъ огородническихъ растеній отъ крестьянокъ изъ Черной Веси, близъ Кракова, колоссальные хлѣба и исполинскій пирогъ, присланный изъ Варшавы, который рѣзался на части для укладки въ вагонъ. Число подарковъ простиралось до 60, не считая полутораста дипломовъ, адресовъ и книгъ. Если бы каждая изъ заявившихъ о себѣ 120 делегацій говорила

только пять минутъ, то и въ такомъ случаѣ обрядъ продолжался бы 10 часовъ. Громкія рукоплесканія привѣтствовали представителей польскихъ художниковъ въ Италіи, въ томъ числѣ Семирадскаго, делегата отъ Австраліи Жабу, итальянца отъ новооткрытой академіи Мицкевича въ Болоніи, устроенной итальянцами, но настоящій градъ рукоплесканій встрѣтилъ современныхъ союзниковъ галиційскихъ поляковъ въ австрійскомъ рейхсратѣ, пріѣзжихъ чеховъ и моравань, адвоката Тоннера въ черной чамаркѣ, давнишняго полонофила, выражавшагося на польскомъ языкѣ, Челяковскаго, Фандерлика, Чига́лика, произносившихъ свои привѣтствія на родномъ чешскомъ языкѣ, столь внятно, однако, что каждое ихъ слово слушавшіе понимали и убѣждались, что, между славянами, они съ чехами родные братья, а не далекіе какіе нибудь родственники. Послѣ какихъ нибудь двадцати рѣчей, по предложенію Вейгеля прерванъ былъ дальнѣйшій ходъ на эстраду остальныхъ депутацій, удовольствовавшихся тѣмъ, что имена ихъ будутъ переданы въ газеты,—всталъ юбиляръ и, разгоняя столбами стоявшій дымъ отъ ѳиміама, прочелъ по печатному среди водворившейся глубочайшей тишины свою отвѣтную рѣчь.

Не мастеръ говорить, Крашевскій сообщался съ публикою тѣмъ способомъ, какимъ бесѣдовалъ почти ежедневно съ сотнями тысячъ читателей, то-есть, просто читалъ. Не будь этого ослабляющаго впечатлѣнія обстоятельства, мы признали бы эти полчаса кульминаціоннымъ моментомъ празднества,—до того они опредѣляли ясно, точно, безъ недомолвокъ, значеніе празднества и тотъ родъ чувства, который находилъ въ немъ свое удовлетвореніе. Передъ слушателями стоялъ не тріумфаторъ, но на краю гроба находящійся старецъ, который, читая публичную исповѣдь, какъ въ первыя времена христіанства, смирялся и произносилъ самъ надъ собою строгій и въ сущности глубоко-безпристрастный приговоръ. Главная заслуга его только—любовь къ родному. Что́ заставило

его работать—ему неизвѣстно, но только не жажда славы или надежда наградъ. Дни своего современнаго народа онъ всегда считалъ съ момента политической смерти этого народа, только съ 1772 г. идетъ, по его понятіямъ, нравственное возрожденіе, котораго не прервали и не остановили повстанья 1830 и 1863 годовъ. «Меня поддерживала, говоритъ юбиляръ,—вѣра въ то, что лишенный независимости край, прекративъ свое государственное существованіе, имѣетъ право и обязанность жить какъ народъ, пока самъ не откажется отъ существованія, пока не совершитъ самоубійства. Онъ проявляетъ свое существованіе въ наукѣ, въ искуствѣ, въ развивающемся сознаніи народности, соединенномъ съ успѣхами въ просвѣщеніи и матеріальныхъ условіяхъ быта». Золотая жатва растетъ на краю утучненной нивы. На этой нивѣ пришлось Крашевскому работать. Орудіемъ дѣйствія онъ избралъ литературнаго пролетарія, няньку человѣчества, старую басенку, сказку, повѣсть, которая даетъ простому уму удобоваримую пищу, создаетъ громадный кругъ читателей и служитъ пропедевтикой для мышленія. «Черный хлѣбъ этотъ я пекъ,—говоритъ Крашевскій,—цѣлые полвѣка; хлѣбъ этотъ насущный былъ, можетъ быть, не вкусенъ и черствъ, но здоровъ. Не сѣялъ я раздоровъ, никогда не кидалъ я камней ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Въ одномъ только, въ чемъ меня винятъ, я не раскаиваюсь: я дѣйствительно стоялъ при старыхъ идеалахъ, но я и теперь предпочитаю старые идеалы общему теченію, которое бы увлекало насъ къ скотоподобному состоянію (zbydlęcenie)». Старый человѣкъ сказался въ этомъ пунктѣ весь, со своимъ инстинктивнымъ отвращеніемъ къ позитивизму, съ недовѣріемъ къ новымъ путямъ изслѣдованія и мышленія, невѣдомымъ и нечаяннымъ лѣтъ тридцать тому назадъ, когда авангардомъ движенія являлась только метафизика, ужасавшая своею смѣлостью умѣренныхъ прогрессистовъ,—какъ ихъ же теперь пугаетъ позитивизмъ и еще болѣе радикальныя міросозерцанія. Изъ разрушенной польской

Трои Крашевскій вынесъ, какъ Эней, свои пенаты, своихъ бронзовыхъ боговъ,—старые идеалы своего народа; онъ и теперь прижимаетъ ихъ крѣпко къ груди, не постигая, что идеалъ не бронза и не камень, что онъ нѣчто живое, развивающееся и обновляющееся, и что нынѣ искомое обществомъ польскимъ какъ идеалъ, безконечно различно отъ идеаловъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Но Крашевскій изъ тѣхъ идеалистовъ, которые готовы на всевозможныя уступки. «Я всегда велъ къ этимъ идеаламъ по пути, по которому ангелы представлялись спящему Іакову всходящими на небо—то-есть, *по деревяннымъ ступенямъ* дѣйствительности, считаясь съ нашимъ положеніемъ, съ нашими силами». Озираясь кругомъ, Крашевскій видитъ однѣ могилы: славные его нѣкогда сподвижники померли, всѣ вѣнцы достались ему, не самому заслуженному, но самому счастливому. Мысленно преклоняясь предъ этими могилами, онъ возлагаетъ на нихъ свои трофеи: «Не для меня вы это сдѣлали,—говоритъ онъ,—но для великой идеи общенароднаго труда, которой я былъ самымъ послѣднимъ слугою». Онъ кончилъ поминальною молитвою за мучениковъ умственнаго труда, погибшихъ на терніями усѣянномъ пути.

Уже смеркалось, публика разошлась по домамъ, подъ успокоительнымъ впечатлѣніемъ этого сильнаго и глубоко-прочувствованнаго слова. Вечеромъ, на маленькомъ театрѣ, единственномъ, которымъ обладалъ Краковъ, и вмѣщающемъ всего 800 мѣстъ для зрителей, шло представленіе пьесы Крашевскаго изъ шляхетскаго быта въ XVIII столѣтіи: *Кастеляновъ Медъ*. Юбиляръ присутствовалъ и при представленіи, и при заключительныхъ живыхъ картинахъ. Представленіе отличалось никогда невиданнымъ ансамблемъ: лучшія силы сценъ варшавской (Круликовскій—въ роли тартюфа-Солодухи), львовской (Ладновскій—въ роли ротмистра Каневы), краковской (Рихтеръ-Петрило), участвовали въ представленіи; прославившаяся и въ Америкѣ Елена Модржеевская

(гр. Хлаповская) явилась въ роли кокетки Гурской. Въ антрактахъ оркестръ исполнялъ народные польскіе мотивы. Такимъ образомъ сошелъ первый день юбилея, самый красивый и удачный въ смыслѣ соотвѣтствія всего, чтó въ немъ происходило, напередъ задуманной программѣ.

IV.

За то второй день изобиловалъ неожиданными эпизодами и характерными мелочами, крайне интересными для посторонняго наблюдателя. Утро было свободное, вакантное. Для развлеченія пріѣзжихъ устроена поѣздка по желѣзной дорогѣ въ соляныя копи Велицкія съ факелами, бенгальскими огнями, музыкою и пѣснями въ этихъ колоссальныхъ подземельяхъ. Часть публики посѣщала соборъ на Вавелѣ, примыкающій къ королевскому зáмку, превращенному въ казармы, богатую ризницу этого собора и подвальные склепы, гдѣ покоятся тѣла королей отъ Локетка и Казиміра-Великаго до Августа II, а возлѣ нихъ тѣло князя Іосифа Понятовскаго и Косцюшки. Самому юбиляру представились въ церкви св. Анны гимназія и низшія училища; потомъ его провожали въ ягеллонскую библіотеку, гдѣ въ засѣданіи филологическаго факультета ректоръ краковскаго университета, Юліанъ Дунаевскій, братъ епископа, одинъ изъ очень возможныхъ кандидатовъ въ австрійскіе министры, передалъ ему дипломъ на званіе доктора философіи. Ректоръ былъ въ тогѣ, отороченной горностаями, предъ нимъ несли три серебряныхъ скипетра, пожалованные краковской академіи польскими королями; профессора облеклись въ разноцвѣтныя тоги и бархатные бэреты. Въ числѣ ихъ блисталъ, однако, своимъ отсутствіемъ Станиславъ Тарновскій, профессоръ исторіи польской литературы. Главнымъ событіемъ дня оказался обѣдъ по подпискѣ, данный чествующими Крашевскаго

гостями юбиляру въ 6 часовъ вечера, въ томъ же тоннелѣ, гдѣ наканунѣ совершалось врученіе даровъ,— пиръ, во время котораго, за бокалами вина, многое задушевное могло высказаться на распашку. Число мѣстъ далеко не соотвѣтствовало требованію ихъ: всего, тѣснясь до послѣдней возможности, могло усѣсться 850 человѣкъ. Разумѣется, мѣста были отведены для гостей чеховъ, приберегалось одно и для Тургенева, котораго краковяне знали по его европейской славѣ, котораго пріѣздомъ сильно интересовались, и о намѣреніи котораго пріѣхать извѣщали юбилейный комитетъ телеграммы. Тургеневъ, однако, не могъ пріѣхать, и потому прислалъ на имя знакомаго ему представителя польской колоніи въ Петербургѣ, В. Д. Спасовича, изъ Буживаля, 15 (27) сентября, письмо слѣдующаго содержанія:

«Къ искреннему сожалѣнію, непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали моему намѣренію присутствовать на знаменательномъ торжествѣ, устраиваемомъ въ Краковѣ въ честь славнаго ветерана польской литературы. Мнѣ остается просить васъ передать почтенному юбиляру выраженіе моихъ горячихъ поздравленій и пожеланій, съ увѣренностью, могу прибавить, что въ лицѣ моемъ громадное большинство русской интеллигентной публики привѣтствуетъ Крашевскаго и братски жметъ его руку. Пускай же онъ приметъ этотъ привѣтъ, какъ залогъ сближенія между двумя племенами, столь долго разрозненными прошедшею исторіею и вступающими, наконецъ, въ новую и плодотворную эру свободнаго, дружнаго и мирнаго развитія. Въ виду благъ, которыя сулитъ близкое будущее, русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно поднимаетъ заздравный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича. Пр. и проч.». Эти слова были поняты, какъ свидѣтельство о горячемъ расположеніи единоплеменника, знаменитаго русскаго писателя, которое, если бы имъ было одушевлено большинство интеллигенціи, вывело бы дѣйстви-

тельно скоро польскій вопросъ изъ анормальной его теперешней колеи; но въ этихъ же словахъ усматривали, быть можетъ, не безъ основанія, крайній оптимизмъ по отношенію къ характеристикѣ настоящаго момента. Письмо Тургенева было слишкомъ важнымъ и интересующимъ всѣхъ фактомъ, чтобы его можно было оставить безъ огласки; г. Спасовичъ потому сообщилъ о немъ комитету и просилъ, чтобы ему предоставлено было слово за обѣдомъ, во время рѣчей, которыхъ значилось на спискѣ у президента Зыбликевича всего 12 или 15, изъ нихъ 6 или 7 обязательно возложенныхъ на представителей властей или учрежденій. Что касается остальныхъ, то ораторы вызвались сами. Ни тѣ, ни другія рѣчи не проходили вовсе чрезъ какого бы то ни было рода цензуру, комитетъ обращалъ вниманіе на лица, но не освѣдомлялся даже о содержаніи и духѣ того, что должно было быть произнесено.

Юбилейному комитету предстоялъ опытъ превращенія тоннеля въ обѣденную залу. Задача нелегкая; тоннель имѣетъ 160 шаговъ длины, всякій звукъ отражается сильно круглымъ сводомъ, вслѣдствіе чего отъ избытка резонанса при наполненіи его толпами разговаривающихъ выходитъ глухой неопредѣленный гулъ на подобіе шума волнъ морскихъ во время бури, котораго не въ состояніи никто осилить, хотя бы имѣлъ громаднѣйшія голосовыя средства. Два оркестра могли играть на балу 5 октября на двухъ концахъ тоннеля, не мѣшая себѣ взаимно и едва себя слыша. Вдоль тоннеля во всю его длину, кромѣ средины, уставлены три параллельные ряда столовъ съ нумерованными стульями; въ серединѣ между двумя боковыми выходами помѣщался одинъ почетный столъ, за которымъ посаженъ юбиляръ между маршаломъ сейма графомъ Людвигомъ Водзицкимъ и президентомъ академіи наукъ Іос. Мейеромъ, а насупротивъ него Зыбликевичъ между графомъ Августомъ Цѣшковскимъ, философомъ и экономистомъ, и княземъ Ѳад. Любомірскимъ. Остальные два десятка

мѣстъ занимали ректоры обоихъ галиційскихъ университетовъ, д-ръ Малэцкій, старикъ Смолька, братья и племянники юбиляра, и лица, испросившія себѣ право говорить. Освѣщеніе было превосходное, газовое, прислуга многочисленная и исправная, кушанья хорошо сервированы, винъ, въ особенности венгерскихъ, большое изобиліе; объ одномъ не подумали и не сдѣлали никакихъ приспособленій къ тому, чтобъ дать возможность ораторамъ говорить, а публикѣ если не всей, то по крайней мѣрѣ половинѣ ея—слушать рѣчи этихъ ораторовъ. Надлежало устроить каѳедру, поставить громкій колокольчикъ передъ президентомъ, давать знать поднятіемъ флага о началѣ и окончаніи рѣчи, печатнымъ объявленіемъ на стѣнахъ просить публику не двигаться и не говорить, пока флагъ приподнятъ. Ничего подобнаго не было придумано, съ половины обѣда началось движеніе съ концовъ къ серединѣ въ чаяніи рѣчей, которыя начались въ самомъ концѣ между куропатками и десертомъ. Съ первой же рѣчи опытнаго оратора Водзицкаго, весьма оффиціальной, законченной тостомъ въ честь «покровителя польской литературы» австрійскаго монарха, уяснилось, что при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, напрягая всѣ силы, ораторъ не изъ слабогрудыхъ можетъ передать свои мысли какимъ-нибудь 60 или 70 человѣкамъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные будутъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о его идеяхъ и намѣреніяхъ. Слѣдующій затѣмъ ораторъ, милый старичокъ Мейеръ, хотя сталъ на стулъ, на которомъ стоялъ потомъ полчаса, не только ничего не сообщилъ присутствующимъ, но и самъ себя вѣроятно не слышалъ, что можно было заключить по его отчаяннымъ жестамъ. Утверждаю, что всѣ затѣмъ послѣдующіе ораторы говорили не для публики, что ни о какомъ общемъ впечатлѣніи ихъ словъ на публику и рѣчи быть не можетъ, что они соблюдали въ сущности одну форму, кидали рѣчь, фразу за фразой, въ эту пучину, въ этотъ оглушающій шумъ, похожій на гулъ огром-

наго пароваго котла въ полномъ дѣйствіи; надежда ихъ вся заключалась въ томъ, что на слѣдующій день газеты выловятъ эти рѣчи, возстановятъ ихъ по черновымъ запискамъ и огласятъ то, что ораторами почти втайнѣ было произнесено. Такова была участь всѣхъ вообще рѣчей Зыбликевича и самого Крашевскаго, провозгласившаго тостъ въ честь города Кракова, Вротновскаго и Тоннера, наконецъ, донесшійся всего рѣзче до русской публики при посредствѣ газетъ эпизодъ, заключающійся въ рѣчи г. Спасовича и протестѣ противъ ея заключеній Ксаверія Лиске. Такъ какъ эпизодъ этотъ породилъ самые разнообразные толки, то онъ требуетъ разбора и поясненія. Рѣчь г. Спасовича была слѣдующая:

«Въ одинъ торжественный моментъ, точно въ каплю, стеклось полвѣка упорнаго труда одного великаго гражданина, скажу больше: полвѣка трудной жизни цѣлаго народа. Можетъ быть, я бы и не посмѣлъ говорить въ эту торжественную минуту, я—единица среди тысячъ другихъ, если бы меня не заставили случай и стеченіе обстоятельствъ явиться передатчикомъ пріязненныхъ и, смѣю сказать, искреннихъ чувствъ отсутствующихъ людей. Моими устами ветеранъ русской литературы, ученикъ Пушкина, Иванъ Тургеневъ провозглашаетъ тостъ за здоровье славнаго ветерана польской литературы, сподвижника Мицкевича. «Я увѣренъ,—пишетъ Тургеневъ,—что въ моемъ лицѣ громадное большинство интеллигентной Россіи привѣтствуетъ и протягиваетъ руку Крашевскому». Каковы бы ни были старанія заключить сегодняшнее торжество въ тѣсныя рамки народной исключительности, это намѣреніе неосуществимо, исключительность устранена, стальной обручъ лопнулъ, прорываются другія стихіи, къ пѣсни польской присовокупляются иные звуки, правда тихіе, но явственные, звуки славянскіе. Съ сильнымъ біеніемъ сердца прислушивался я вчера къ событію, небывалому со временъ, можетъ быть, Ягеллоновъ,—какъ неслись публично, гласно изъ

Суконницъ на рынокъ краковскій, рѣчи на языкѣ апостола Польши св. Войцѣха, произносились гостями, заѣзжими изъ Чешской Праги и Оломунца (Ольмюца); эти господа явились сами лично и сѣли за нашъ общій столъ, другимъ единоплеменникамъ временныя обстоятельства внушили иной образъ дѣйствія, они не явились сами лично, но желаютъ, чтобы и ихъ также на этомъ пиру помянули. Отвѣтъ на это требованіе даютъ намъ наши народныя поэтическія преданія. Вспомните, господа, какъ нѣкогда, средь петербургской непогоды, стояли, обнявшись подъ однимъ плащемъ, два юные поэта передъ колоссомъ Петра. Одинъ изъ нихъ, Пушкинъ, вспоминалъ съ чувствомъ еще въ 1834 г. о предсказаніяхъ Мицкевича, касающихся временъ, «когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся». И Мицкевичъ намъ развилъ ту же самую мысль, опредѣливъ даже родъ и способъ международнаго общенія. Онъ изображалъ это общеніе въ видѣ двухъ скалъ альпійскихъ изъ одного же гранита, которыя клонятъ одна къ другой свои заоблачныя вершины, хотя онѣ внизу навѣки раздѣлены струею воды и едва слышатъ шумъ этой своей разлучницы. Итакъ, да клонятся одна къ другой эти заоблачныя вершины, но да памятуютъ онѣ, что ихъ раздѣлила навѣки струя воды; да памятуютъ, что легче живется въ семьѣ, что удобнѣе быть нѣсколькимъ, нежели одному, и что, по словамъ чешскаго патріота, произнесеннымъ въ 1867 г., въ Москвѣ, гораздо краше и полнѣе музыка десяти колоколовъ, звучащихъ единовременно съ одной и той же башни, нежели то, если бы всѣ колокола были сплавлены въ одинъ колоколъ, громадный, правда, но всегда одинокій. Я думаю, что не подвергнусь упреку въ излишнемъ мечтательствѣ, если выражу простое желаніе, не опредѣляя вовсе времени его осуществленія: завтра, либо чрезъ десять, либо чрезъ пятьдесятъ лѣтъ. Желаніе ставить цѣли подобаетъ всякому, осуществленіе только зависитъ отъ обстоятельствъ, которыми не

всегда можно располагать. Я бы желалъ, чтобъ на будущемъ подобномъ умственномъ пиру, если бы онъ случился у какого-либо изъ крупныхъ славянскихъ народовъ, сѣли бы за одинъ столъ и преломили бы хлѣбъ представители всѣхъ славянскихъ націй».

Несправедливо то, будто бы, какъ написано въ Краковскомъ «Czas'ѣ» (№ 229), рѣчь г. Спасовича принята была холодно; ей рукоплескало большинство изъ слышавшихъ, но несомнѣнно она не могла разсчитывать на то, чтобы всѣмъ угодить: вездѣ есть непримиримые, страсти еще не улеглись, отдѣльныя шиканья были неизбѣжны; пронеслись и шиканья. По стеченію обстоятельствъ, слѣдующій изъ вызванныхъ по списку для произношенія рѣчей ораторовъ, былъ профессоръ исторіи и ректоръ львовскаго университета, нестарый еще человѣкъ, съ явственно шведскимъ очертаніемъ лица, д-ръ Ксаверій Лиске, какъ оказалось, одинъ изъ противниковъ всякаго сближенія. Онъ поставилъ себѣ задачею протестовать противъ предложенія г. Спасовича, притомъ предложенія или плохо имъ понятаго или обобщеннаго имъ до значенія здравицы за всѣ славянскіе народы безъ разбора, между тѣмъ, какъ оно клонилось только къ сближенію между интеллигенціями, каковы бы ни были впрочемъ отношенія между цѣлыми народами, хорошія или даже дурныя. Г-нъ Лиске вскочилъ быстро на стулъ, со стула на самый обѣденный столъ, и порывисто, нервно, съ сильною жестикуляціею повелъ рѣчь, начавъ ее такими безспорными словами, на которыя онъ зналъ, что не могутъ не откликнуться всѣ присутствующіе безъ изъятія, каждый по своему: «Jeszcze Polska nie zginęła... пока производитъ людей труда и заслуги, пока рождаетъ такихъ людей, какъ юбиляръ»... Это была основная идея и юбилея, и слова къ публикѣ самого Крашевскаго, но съ маленькою оговоркою: не погибла *какъ народность*, но съ совершеннымъ устраненіемъ вопроса политическаго. Для г. Лиске, наоборотъ, эта фраза послужила ступенькою, на которую ставъ, онъ тотчасъ же вскочилъ на поли-

тическій конекъ и пошелъ... Приводимъ его слова, по 273 № «Петербургскихъ Вѣдомостей»: «Небольшимъ слабымъ народамъ и государствамъ нельзя существовать и жить отдѣльно. Теперь творятся въ Европѣ огромныя аггломераціи. Мы имѣемъ право на существованіе, добытое нашею культурою, но кто скажетъ, что мы не нуждаемся въ другихъ, что мы можемъ устроиться сами по себѣ, тотъ совершаетъ преступленіе. Если бы мы вздумали, вопреки волѣ державы, съ которою связала насъ судьба, дойти до того, что утратили, то мы бы не дошли ни до чего и утратили бы даже то, что имѣемъ. Мы готовы въ *политическихъ* дѣйствіяхъ соединиться со славянами, но только съ тѣми, кто намъ искренній другъ; но думать о союзѣ со всѣми славянами—это для насъ невыгодно. Я славянинъ, но провозглашать тостъ за всѣхъ славянъ, а стало быть и за тѣхъ, которые не имѣютъ здѣсь не единаго представителя — я не могу. Это значило бы утверждать, что всѣ споры окончены, всѣ раны закрыты. Такого здравія я пить не могу».

Очевидно, что если бы на обѣдѣ присутствовалъ самъ Тургеневъ, или даже кто-нибудь изъ русскихъ, либо приславшихъ изъ Петербурга коллективную депешу, подписанную: «Е. Рагозинъ», либо приславшихъ другую большую поздравительную телеграмму отъ славянскаго комитета за подписью г. Владиміра Ламанскаго, то у Лиске не оказалось бы послѣдняго заключительнаго его аргумента, который въ сущности можно бы выразить такъ: «неискренни они, коль скоро не пріѣхали». Съ этой стороны, сами краковяне выражали сожалѣніе объ отсутствіи Тургенева, оно бы помѣшало возникнуть эпизоду Лиске и перейти потомъ въ русскія газеты, раздутому и выхваченному изъ всего юбилея, какъ будто бы въ немъ-то и выразилось общее настроеніе всѣхъ участвовавшихъ. Въ словахъ Лиске мысль Тургенева была передернута, изъ умственнаго сближенія переведена въ политическое. Я думаю, что только сильная страсть могла бы заставить кого бы то ни было отвергать пользу

умственнаго сближенія въ принципѣ; оспаривать своевременность заявленія Тургенева, конечно, можно было, и не безъ нѣкоторыхъ довольно вѣскихъ основаній. Можно было оспорить силу полномочій писавшаго письмо, усомниться въ томъ, выражаетъ ли оно не только чувства громаднаго большинства, но даже просто большинста интеллигенціи, можно было бы пройтись по тезису о цѣнѣ благихъ намѣреній и выразить сожалѣніе, что при своихъ благихъ намѣреніяхъ эта интеллигенція столь слабосильна въ практическомъ отношеніи, что не можетъ имѣть даже смягчающаго вліянія на существующее положеніе вещей. Но г. Лиске вовсе не туда гнулъ, отвергнувъ самую мысль сближенія, во имя наболѣвшихъ ранъ,—онъ, какъ истый галиціанинъ, поднялъ славянское знамя, но въ тѣсныхъ австрійскихъ предѣлахъ и предложилъ союзъ—съ кѣмъ же? съ чехами и моравaнами! Они, положимъ, хорошіе люди, но развѣ не чехи были теоретики столь ненавистнаго г. Лиске панславизма, развѣ не отъ нихъ шелъ починъ въ 1867 славянскаго съѣзда въ Москвѣ? Нынѣ они сближаются съ поляками въ виду временнаго преобладанія федеративной идеи въ Габсбургской державѣ; время этому новому союзу всего безъ году недѣля; что же можно строить на такомъ пескѣ? А и само расположеніе Австріи къ польскому элементу въ Галиціи восходитъ не Богъ вѣсть къ какому отдаленному времени. Еще то самое поколѣніе, къ которому принадлежитъ г. Лиске, если не воспиталось, то по крайней мѣрѣ по цѣлымъ годамъ сидѣло въ австрійскихъ тюрьмахъ. Безтактность рѣчи ректора Лиске заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что, взглянувъ на славянскій вопросъ по-галиційски и ставъ съ своей субъективной стороны совершенно лойяльно подъ сѣнь Габсбургскаго орла, онъ сошелъ съ общепольской точки зрѣнія и не принялъ въ соображеніе, что на сей послѣдней точкѣ зрѣнія можно безпрепятственно лелѣять свою литературу, науку, искуство только подъ условіемъ отказа отъ внѣшней политики, что политически

польскій вопросъ есть только внутренній вопросъ каждой изъ трехъ державъ, которымъ поляки подвластны, что имъ слѣдуетъ желать, чтобы судьба не заставила ихъ никогда стоять другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ при какихъ-нибудь столкновеніяхъ между великими восточно-европейскими державами, что пора имъ, наконецъ, перестать быть тѣми щипцами, посредствомъ которыхъ вытаскиваются каштаны изъ огня.

Рѣчь Лиске покрыта была рукоплесканіями тѣхъ, все-таки немногихъ, которые ее разслышали. Никто не шикалъ, шиканье было бы невозможно, и неприлично, и неделикатно, въ виду ея лойально-австрійскаго смысла; возражать значило бы демонстрировать противъ хозяина, допустившаго, въ сущности, исполниться юбилейному празднеству. Несоглашавшіеся просто молчали. Вслѣдъ за первымъ рѣзкимъ диссонансомъ пошли другіе. Явились жалобщики, скорбныя слова которыхъ опровергали въ корнѣ австро-славянскую программу г-на Лиске, такъ какъ на эти жалобы не предвидѣлось помощи и облегченія ни откуда. Заговорили познанскіе поляки, ксендзъ Польковскій, редакторъ Торнской газеты Даніелевскій и другіе. Доставалось «проклятымъ нѣмцамъ» за ихъ легальный экономическій походъ на востокъ, вытѣсняющій славянскую народность, подрѣзывающій у нея корни. Собраніе стало превращаться въ сеймъ, въ выслушиваніе рекриминацій, общее пропадало, стали сквозить мѣстные партикуляризмы. Связать разсыпающееся и привести опять къ одному знаменателю—взялся ректоръ Ю. Дунаевскій, на котораго возложено было произнесеніе послѣдняго тоста: Kochajmy się. Рѣчь эта, исполненная остроумія и юмора, славила любовь, но ту, которая чужда самолюбія, и выражала надежду, что затопившія городъ Краковъ волны благородныхъ чувствъ народныхъ поглотятъ и покроютъ «наши мелкія, но тѣмъ не менѣе вредныя ссоры и несогласія». Этотъ совѣтъ подѣйствовалъ: несмотря на драстическіе эпизоды, общее впечатлѣніе было пріятное, успокоивающее. Не

могли же сойтись восемьсотъ или девятьсотъ человѣкъ, и притомъ поляковъ, которыхъ откровенность въ своей національной средѣ почти вошла въ пословицу, безъ того, чтобы не поспорить, а спорили они свободно, ничѣмъ не стѣсняясь, и разошлись, несмотря на разницы во взглядахъ, въ спокойствіи и согласіи. Обнаружилась тутъ же еще одна хорошая сторона народнаго характера: большая щедрость на жертву въ минуту, когда всѣ разстроганы. Графъ Мэнцинскій собралъ въ самое короткое время до двухъ тысячъ гульденовъ на польскій театръ въ Познани. Предстоялъ еще сборъ на памятникъ Мицкевича въ Краковѣ, но самый неожиданный сюрпризъ въ этомъ родѣ готовился на слѣдующій день, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго долженъ былъ явиться Генрихъ Семирадскій.

V.

При описаніи третьяго и послѣдняго юбилейнаго дня 5 октября я извиняюсь, что совсѣмъ обойду балъ въ Суконницахъ, данный городомъ пріѣзжимъ. Плохая столовая оказалась превосходною бальною залою. Національные польскіе костюмы были великолѣпны, во второмъ этажѣ устроены были буфеты; венгерское и шампанское лились рѣками. Намѣстникъ Галиціи, пріѣхавшій изъ Львова, графъ Альфредъ Потоцкій открылъ балъ, на которомъ не показался, однако, юбиляръ, слегшій въ постель отъ излишняго утомленія и совсѣмъ выбившійся изъ силъ. Отказываюсь также пользоваться картинками мѣстнаго быта и нравовъ, которыя могли бы послужить иллюстраціею къ юбилею. Я былъ свидѣтелемъ 5 октября, въ воскресенье (день Богородицы, такъ-называемый четочной или Ружанцовой), громаднѣйшаго крестнаго хода: хоругвь за хоругвью, переносная икона возлѣ иконы, на разстояніи полуверсты отъ церкви св. Маріи до Доминиканъ; при этомъ внѣшнемъ

великолѣпіи римско-католическаго богослуженія, какъ малыми и ничтожными сравнительно по размѣрамъ и скоротечности являются свѣтскія празднества внутри Суконницъ! При мнѣ ночью на рынкѣ толпы мальчишекъ упражнялись въ швыряніи камней въ евреевъ, которые спасались, молча и не пытаясь сопротивляться. Но при мнѣ также, при поминовеніи умершихъ въ текущемъ году художниковъ при католическомъ богослуженіи, священникъ предлагалъ народу гласно молиться и за Маврикія Готлиба, талантливаго живописца, еврея по вѣроисповѣданію. Не остановлюсь я и на почетномъ адресѣ, присланномъ Крашевскому отъ польскихъ соціалистовъ, и на томъ, что десятка три таковыхъ содержатся въ краковской тюрьмѣ, въ ожиданіи обвинительнаго акта, въ которомъ они будутъ преданы суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Меня займетъ только то, что̀ происходило съ 2 до 4 часовъ пополудни въ ресторанѣ Гертё, гдѣ въ тѣснотѣ, въ небольшой залѣ собрались запросто литераторы и художники (болѣе 120 человѣкъ), отобѣдать вмѣстѣ съ юбиляромъ и братьями-чехами. Никогда, можетъ быть, на столь тѣсномъ пространствѣ не собиралась такая масса польской интеллигенціи, такой ея цвѣтъ и подборъ. Возлѣ Крашевскаго помѣщалась европейская знаменитость Августъ Цѣшковскій, однимъ изъ распорядителей былъ Андріолли, рисовщикъ иллюстраторъ, родомъ полякъ, по крови итальянецъ, одинъ изъ той пресловутой тысячи гарибальдійцевъ, которая завоевала Сицилію. Былъ и архитекторъ Прылинскій, явились и «архистанчики» Шуйскій и Тарновскій, усѣвшіеся рядомъ. Возлѣ Крашевскаго отведено было мѣсто Генриху Семирадскому, который при Янѣ Матейкѣ, если бы сей послѣдній былъ на юбилеѣ, занималъ бы второе мѣсто; но когда Матейко, по необъяснимой причинѣ, уклонился отъ юбилея, уѣхалъ и даже не согласился, чтобы его «Битва подъ Грюнвальдомъ» была выставлена для публики во время юбилея, то вслѣдствіе того первое мѣсто

очистилось, и мастеръ кисти, знатокъ древности, мало, правда, національный, но много знающій и высоко-талантливый Генрихъ Семирадскій, являлся уже первою по величинѣ художническою силою. Къ Семирадскому нельзя было не чувствовать влеченія даже тому, кто не былъ безусловнымъ поклонникомъ рода его живописи, за то, что она вдохновляется до сихъ поръ почти исключительно античными образцами и итальянцами. Составляя совершенную противоположность съ своимъ брюзгливымъ, капризнымъ и крайне самолюбивымъ, зависимымъ отъ своенравной жены, но геніальнымъ краковскимъ живописцемъ, Семирадскій, несмотря на свою славу, дѣтски простъ, скроменъ и юнъ, точно начинающій художникъ. Пожертвованіе рѣшено наканунѣ, въ субботу, въ чрезвычайно забавной формѣ. Зыбликевичъ удерживалъ артиста отъ повѣшенія на избранной имъ стѣнѣ картины «Свѣточей христіанства», въ виду того, что художникъ не богатъ и живетъ своими трудами, но Семирадскій настоялъ: «нигдѣ я не найду лучшаго свѣта для моей картины, какъ на этой стѣнѣ», что̀ и дало потомъ поводъ къ пререканію о томъ, кто кому болѣе обязанъ, художникъ ли городу за стѣну, или городъ ему за картину. Обѣдъ шелъ живо и весело, пришло извѣстіе объ избраніи Крашевскаго почетнымъ президентомъ парижскаго международнаго литературнаго общества. Особенно характерными были рѣчи обоихъ «станчиковъ». Шуйскій нападалъ на малодушныхъ людей, которые опасаются ежеминутно смерти отъ угасанія энтузіазма. Народъ, имѣвшій 9 вѣковъ политической исторіи, 5 литературной, народъ, произведшій Кохановскаго и Мицкевича, не можетъ умереть, говорилъ онъ. Онъ можетъ обѣднѣть болѣе прежняго, но и въ лохмотьяхъ нищаго онъ будетъ держать себя какъ король Лиръ: every inch a King. Народъ таковъ, какимъ его создали вѣка: мягкій какъ воскъ, впечатлительный какъ женщина, вспыльчивый какъ динамитъ. Не объ огнѣ должна быть наша забота, но томъ, что̀ съ нимъ

сдѣлать, какъ вылѣпить ту чашу, въ которой онъ будетъ горѣть, какъ обезпечить и усилить его благотворное вліяніе.

Тарновскій, повидимому, хвалилъ только чеховъ, но косвенно его рѣчь мѣтила вообще во всѣхъ славянъ, въ ней и неназванныхъ, и по замыслу оратора была язвительнѣе словъ самого Лиске, но являлась въ изящной, тонкой формѣ, почти недопускающей возраженія: «Мы здѣсь въ семьѣ, но и семьи бываютъ разныя. Родство, говорятъ, только случайность, оно становится связью, когда его укрѣпятъ уваженіе и дружба. Мы не разъ наблюдали между родными, что лицо, которое было бы совершенно безразлично, будь онъ постороннимъ, становится особенно противнымъ потому именно, что онъ родной, когда онъ не таковъ, какимъ слѣдуетъ быть. То же бываетъ между народами: этнографическая близость отталкиваетъ ихъ иногда, если они разобщены по духу. Къ счастью, есть родные, которыхъ мы уважаемъ, отъ которыхъ поляки получили христіанство, которые подаютъ намъ примѣръ, какъ собираться съ силами, какъ созидать литературу, какъ содѣйствовать благосостоянію простого народа, заботясь объ его нуждахъ и расширяя, такимъ образомъ, основаніе народности». Среди обѣда явился Зыбликевичъ, поднялъ тостъ за Семирадскаго и далъ ему случай заявить объ условленномъ уже, но остававшемся тайною для всѣхъ, кромѣ Зыбликевича, пожертвованіи не для города, но для «цѣлаго края». Изумленіе было всеобщее, Добржанскій справедливо замѣтилъ, что Семирадскій явился настоящимъ магнатомъ, потому что только магнатъ былъ бы въ состояніи сдѣлать столь цѣнный даръ. Стѣнныя афиши возвѣстили городу о пожертвованіи. На слѣдующій день устроено было громадное шествіе съ факелами къ гостинницѣ, гдѣ остановился художникъ, послѣ чего, по его предложенію, сдѣлана такая же овація Крашевскому и Зыбликевичу. Важнѣе то, что примѣръ подѣйствовалъ: шестнадцать живописцевъ пожертвовали

также свои картины, и съ легкой руки Семирадскаго сразу возникла картинная галлерея, которая займетъ значительную часть верхняго этажа Суконницъ, вмѣсто предполагавшагося промышленнаго музея, остающагося, попрежнему, въ стѣнахъ Францисканскаго монастыря. Расщедрились не только художники, но и капиталисты: обильно текли деньги на памятникъ Мицкевичу. Кто-то, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, внесъ 20.000 гульденовъ на пользу общественную. Юбиляръ озабоченъ былъ мыслью, какъ бы на этотъ фондъ и на ожидаемыя въ будущемъ пожертвованія устроить матицу польскую въ Краковѣ, на подобіе чешской, посвященную издательству полезныхъ и популярныхъ книгъ. Эти старанія и заботы совпали съ днями разъѣзда гостей съ юбилея и постепеннымъ опустѣніемъ Кракова, который превратился опять въ то, чѣмъ былъ—городъ гробницъ, церквей, да тихихъ научныхъ занятій, по отношенію къ которымъ онъ является нынѣ главнымъ центромъ польской научной производительности...

Замерли послѣдніе звуки тостовъ и музыки подъ сводами тоннеля Суконницъ, сливавшіеся въ глухой шумъ и гулъ; но тогда-то именно и начался гулъ другого рода, передача подробностей отбытаго празднества во всѣ концы свѣта посредствомъ газетъ. Я не могъ слѣдовать за тѣмъ, какъ раздается этотъ гулъ въ западной Европѣ, но что касается до русской и въ особенности петербургской прессы, то мнѣ казалось, что эта пресса была въ этомъ сильно похожа, по акустическимъ своимъ условіямъ, на описываемый мною краковскій тоннель, съ тою разницею, что въ Краковѣ заглушались одинаково, сливаясь вмѣстѣ, всѣ звуки, а въ русской прессѣ одинъ какой-нибудь выдѣлялся и усиливался насчетъ другихъ, звучалъ протяжно, искажаясь и уклоняясь отъ первоначальной интонаціи. Надъ всѣми событіями юбилея господствовалъ, разумѣется, въ этихъ толкахъ эпизодъ рѣчи Лиске, какъ будто бы въ этомъ эпизодѣ и заключался весь смыслъ юбилея, или, по

крайней мѣрѣ, какъ будто бы этотъ эпизодъ и былъ главнымъ моментомъ празднества. Не стоитъ, конечно, и обсуждать такіе отголоски газетъ, которые поражаютъ столько же невозмутимымъ апломбомъ, сколько и плохимъ знаніемъ фактовъ; но нельзя не обратить вниманіе на письмо изъ Варшавы ректору львовскаго университета, подписанное «Русскимъ, почти бывшимъ на юбилеѣ». Письмо писано лицомъ, знающимъ многія мелочи событія, лицомъ, очевидно, интересовавшимся юбилеемъ, собиравшимся, можетъ быть, ѣхать, но въ концѣ-концовъ вынужденнымъ себя назвать «почти бывшимъ». Авторъ горячо желаетъ сближенія альпійскихъ вершинъ, авторъ винитъ Лиске въ ношеніи повязки пристрастія на глазахъ; все это хорошо, но бѣда въ томъ, что доводы, которыми онъ опровергаетъ рѣчь Лиске, таковы, что легко могутъ каждому придти на мысль слова: врачу—исцѣлися самъ. Но вотъ тутъ-то и обнаруживается, какъ трудно совершиться, при самыхъ сильныхъ желаніяхъ, сближенію вершинъ, вслѣдствіе сумбура въ головахъ и неяснаго пониманія отношеній. Г-нъ «Почти бывшій» и г-нъ Лиске, хотя, повидимому, противники, но въ сущности они вовсе не такъ далеки другъ отъ друга, какъ то кажется съ перваго раза, и родственныя между ними черты бросаются въ глаза: одинъ ищетъ въ прошедшемъ, не было ли какихъ обидъ, другой—не обязанъ-ли кто кому благодарностью. Вмѣсто того, чтобы устранить корень пристрастія, субъективное чувство и поставить вопросъ на почву чисто-практическую, утилитарную, реальную, указать на величайшій интересъ для обѣихъ націй отъ сближенія въ будущемъ и объяснить непосредственно вытекающія изъ сего выгоды, авторъ «Письма» сталъ даже сводить конторскіе счеты, кто чѣмъ кому обязанъ и, относя въ debet счета польскаго народа все, чѣмъ былъ облагодѣтельствованъ когда-либо и кто-либо изъ польскихъ писателей или артистовъ кѣмъ-либо изъ русскихъ или въ Россіи, составилъ счетъ, который нельзя не признать до нѣкоторой степени апте-

карскимъ, такъ какъ нѣкоторыя статьи этого счета невѣрны, а другія спорны. Правильности счета мѣшаетъ все то же и безпрестанно повторяющееся смѣшеніе политическаго съ культурнымъ. Государство по своему назначенію должно ассимилировать инонародные элементы, изъ чего не вытекаетъ, однако, никакой необходимости вытѣснять уже обрѣтающіяся въ предѣлахъ государства культуры. И культуры ассимилируются, но только чрезъ медленное, послѣдовательное и добровольное между собою сближеніе, выражающееся какъ во взаимодѣйствіи, такъ и въ позаимствованіяхъ. Сближаясь, культуры могутъ навсегда сохранять свою индивидуальность, нисколько не мѣшающую наитѣснѣйшему сближенію. Если частица инонародной культуры очутилась по ходу исторіи въ предѣлахъ чуждаго ей, по ея прежнимъ отношеніямъ, государства, то изъ этого голаго факта не вытекаетъ, чтобы она была государству чѣмъ-либо обязана, такъ какъ оно и устранить внезапно эту культуру не въ силахъ. Иное дѣло отношенія между-культурныя; по мѣрѣ сближенія, устанавливаются тѣ связи не благодарности, на которую ни между частными людьми, ни между народами не принято разсчитывать, но—уваженія и дружбы.

Строя все на благодарности, авторъ «Письма» надѣлалъ еще ошибокъ, которыя могутъ дать только весьма легкое оружіе противъ него же. Такъ, онъ утверждаетъ, будто бы Крашевскій, живя въ предѣлахъ Россіи, въ теченіи не 40, какъ сказано въ письмѣ, а 32 лѣтъ своей дѣятельности, соприкасался съ русскою литературою и этому главнѣйше обязанъ тѣмъ, что онъ—Крашевскій. Будучи моложе Мицкевича, Крашевскій сталъ дѣйствовать въ тѣ именно годы, когда, къ сожалѣнію, всѣ связи прервались послѣ 1830 года между обѣими литературами, послѣ чего онѣ отвернулись одна отъ другой и перестали получать о себѣ извѣстія. Десятка два романовъ его переведены на русскій языкъ, но едва ли въ какомъ-либо изъ его произведеній

встрѣчается заимствованіе изъ русскихъ — литературы или быта, идей и сюжетовъ. Другое утвержденіе «Письма» — относительно варшавской сцены — еще болѣе ошибочно, такъ какъ о талантахъ варшавскихъ можно сказать то же, чтò вообще о талантахъ по отношенію ко всякой театральной дирекціи. На дирекцію, напримѣръ, петербургскую постоянно жалуются, а между тѣмъ, сцены не окончательно оскудѣваютъ талантами; изъ чего опять не слѣдуетъ, чтобы талантами Петербургъ былъ обязанъ дирекціи: они могли являться, несмотря на дирекцію. Авторъ утверждаетъ также, будто бы въ 1828 и 1829 годахъ открыли полякамъ значеніе Мицкевича русскіе критики, заступившіеся за него и защитившіе его отъ варшавскихъ рецензентовъ. Русскіе критики не читали варшавскихъ рецензентовъ тогда такъ же, какъ не читаютъ ихъ теперь, а узнали они Мицкевича потому, что въ Россію пріѣхалъ онъ уже предшествуемый громкою славою: уже его тогда носило на рукахъ все молодое поколѣніе. Наконецъ, авторъ «Письма» приводитъ, какъ самый вѣскій аргументъ правъ на благодарность, такой фактъ, оглашеніе котораго даже и не совсѣмъ деликатно по отношенію къ виновникамъ этого факта. Въ 1844 году Мицкевичъ лишился мѣста въ Collége de France за свой «товяннизмъ»; бывшіе его московскіе друзья сложились, собрали значительную сумму, которую и отвезъ въ Парижъ Хомяковъ. Мицкевичъ принялъ даръ, рыдая какъ дитя. Фактъ вѣренъ, онъ прекрасенъ, преданіе сохранило даже цифру денегъ: кажется, 5.000 рублей. Никто изъ сложившихся въ Москвѣ не огласилъ, однако, этого факта, а потому возникаетъ вопросъ, удобно ли автору письма, стороною о томъ узнавшему, дѣлать изъ него употребленіе, котораго не думали дѣлать сами дарители, и потомъ ставить этотъ даръ частныхъ лицъ въ счетъ долга одного народа другому. Но что же доказываетъ при томъ этотъ фактъ? Признательность Мицкевича и его соотечественниковъ слѣдуетъ, конечно,—

но кому? конечно, русскимъ, но русскимъ прошлаго, русскимъ того кружка, отъ котораго остались однѣ могилы, людямъ, которые гораздо горячѣе современниковъ принимали къ сердцу интересы западнаго славянства и несравненно болѣе смыслили въ польско-русскомъ вопросѣ. Въ этомъ отношеніи Хомяковъ, К. Аксаковъ, Кирѣевскіе, въ особенности Самаринъ, даже Погодинъ и кн. Вяземскій—это гиганты, если сравнить ихъ сужденія съ выводами и соображеніями современной прессы. Въ пониманіи вопроса она отошла назадъ на какіе-нибудь полтора вѣка. И несмотря, однако, на это незнаніе, непониманіе, неумѣніе подойти къ вопросу—сила вещей его ставитъ и выдвигаетъ впередъ, такъ-что, касаясь его, нельзя не отнестись къ нему иначе, какъ со словами, которыя легенда влагаетъ въ уста Галилею: e pur si muove—вопросъ все-таки движется и ищетъ себѣ разрѣшенія.

ПОѢЗДКА ВЪ БРЮССЕЛЬ.

ПОѢЗДКА ВЪ БРЮССЕЛЬ.

Въ началѣ сентября 1883 года старшина (bâtonnier) сословія адвокатовъ при брюссельскомъ аппеляціонномъ судѣ, Д. Вервоортъ разослалъ къ старшинамъ тѣхъ же сословій во всѣхъ европейскихъ столицахъ слѣдующее приглашеніе:

«М. г. и достоуважаемый собратъ! Сословіе адвокатовъ (*barreau*) при брюссельскомъ аппеляціонномъ судѣ предположило собраться 15 будущаго октября на торжественный обѣдъ по поводу открытія въ нашей столицѣ новаго дворца судебныхъ установленій. Мнѣ поручено обратиться къ вамъ съ призывомъ, чтобы вы, въ качествѣ старшины сословія адвокатовъ въ NN. почтили наше торжество вашимъ присутствіемъ. Праздникъ этотъ усилитъ братскую связь, которая соединяетъ всѣхъ членовъ нашего учрежденія (*ordre*), каковы бы ни были ихъ политическія убѣжденія и народность, умножитъ силу и блескъ (*lustre*) всего адвокатскаго сословія. Мы желаемъ видѣть васъ, м. г. и достоуважаемый собратъ, въ нашихъ рядахъ, въ одеждѣ адвоката, при обрядѣ открытія и имѣть васъ въ нашей средѣ на праздничномъ въ тотъ же день обѣдѣ. Прошу о возможноскорѣйшемъ отвѣтѣ и надѣюсь, что онъ окажется благопріятнымъ, такъ какъ я лично придаю большее значеніе принятію вами настоящаго призыва. Приношу вамъ увѣреніе въ моихъ чувствахъ товарищескаго сочувствія и высокаго уваженія».

Одно изъ такихъ приглашеній обращено было ко мнѣ, какъ предсѣдательствующему по избранію въ совѣтѣ весьма еще юнаго, имѣвшаго всего только 17 лѣтъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ въ Петербургѣ. Товарищи присовѣтовали мнѣ ѣхать, оказалось нѣсколько свободнаго времени, и потому, не долго думавъ, я, послѣ 64 часовой ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, прибылъ 1 (13) октября въ Брюссель и тотчасъ же пошелъ взглянуть на архитектурнаго великана, на чудо строи-

тельнаго искуства—этотъ величайшій, по сравненіи со всѣми существующими для той же цѣли, дворецъ, посвященный отправленію правосудія. Доселѣ судебныя учрежденія бельгійской столицы помѣщались, съ 1816 г., въ старомъ, перестроенномъ для нихъ, но разрушавшемся отъ ветхости, по-іезуитскомъ монастырѣ.

Уже съ 1840 г. явилось предположеніе о возведеніи новаго зданія и было куплено съ этою цѣлью занятое садомъ мѣсто, принадлежавшее фамиліи Меродъ; проектъ былъ окончательно утвержденъ въ 1862 г., а 31 октября 1866 г. совершена закладка. Итакъ, втеченіи 17 лѣтъ окончена была постройка этого зданія, стóившая 45 милліоновъ франковъ. Архитекторъ Іосифъ Пёлертъ (на французскій ладъ—Поларъ) не дожилъ до конца постройки; онъ родился въ 1817 г., умеръ 1879 г. Зданіе судебныхъ мѣстъ занимаетъ собою улицу *Régence*, которая ведетъ къ нему отъ площади *Royale* и доходитъ до главнаго, служащаго для входа, фронтона. Съ улицы входъ прямо на главную лѣстницу; съ трехъ же остальныхъ сторонъ этого огромнаго параллелограма зданіе пришлось опереть на подвалахъ, по причинѣ склона почвы въ этой мѣстности къ нижнему городу. Поэтому, съ обѣихъ боковъ и сзади зданіе представляется трехъэтажнымъ, считая подвальную часть. Объ общихъ размѣрахъ его можно составить понятіе изъ слѣдующихъ цифръ. Оно занимаетъ площадь въ 26.600 кв. метровъ, стало быть, превышаетъ на 6.000 метровъ пространство, занимаемое соборомъ св. Петра въ Римѣ. Высота, отъ пола въ залѣ des Pas Perdus (напрасныхъ шаговъ), находящейся подъ среднимъ куполомъ—до короны на вершинѣ этого купола, равняется 97 метрамъ. Въ зданіи этомъ помѣщаются всѣ судебныя учрежденія, включая военные суды, общія установленія обѣихъ инстанцій, суды мировые, прокуратура, палата судебныхъ слѣдователей, библіотека, кассаціонный судъ, 27 большихъ залъ для судебныхъ засѣданій и 245 меньшихъ внутреннихъ помѣщеній.

Не легко сперва оріентироваться въ такой совокупности безчисленныхъ лѣстницъ, проходовъ и корридоровъ, служащихъ какъ бы венами и артеріями для обращенія въ этомъ огромномъ тѣлѣ—вереницы людей и массы воздуха. При помощи восьми внутреннихъ дворовъ достигается удовлетворительное освѣщеніе самыхъ отдаленныхъ уголковъ. Колоссальная каменная башня, поддерживаемая двухъэтажной колоннадой—вдвое выше башни св. Гудуліи въ Брюсселѣ—господствуетъ надъ окрестностью и видна отовсюду въ районѣ нѣсколькихъ миль и такъ же бросается въ глаза, какъ ротонда зданія всемірной выставки въ Вѣнѣ. Размѣры зданія, конечно, свидѣтельствуютъ лишь о великости средствъ, бывшихъ въ распоряженіи строителя. Затѣмъ, спрашивается, чего онъ этими средствами достигъ? Вѣкъ нашъ, какъ извѣстно, бѣденъ оригинальными идеями въ архитектурѣ и обыкновенно довольствуется безвкуснымъ эклектизмомъ, или поддѣлывается подъ стили вѣковъ давнихъ. Въ Бельгіи, странѣ влiятельной буржуазіи, построившей такія великолѣпныя ратуши, какъ брюссельская, ипрская, брюжская, и такіе соборы, какъ антверпенскій и св. Гудуліи въ Брюсселѣ, казалось бы, и въ данномъ случаѣ было всего ближе поддѣлаться подъ стиль готическій, то есть пойдти той же дорогой, которой слѣдуетъ архитектура современной Вѣны, въ новыхъ зданіяхъ на рингахъ. Для Пёлерта это представлялось тѣмъ легче, чтò имъ же построена прелестная готическая церковь св. Маріи въ Лэкенѣ. Но на этотъ разъ бельгійскій художникъ устоялъ противъ такаго искушенія и создалъ нѣчто удивительное и замѣчательно своеобразное, избравъ себѣ за исходную точку соображенія свойства логическаго.

Дѣло въ томъ, что тѣ законы, которые примѣняются судами въ Бельгіи XIX вѣка, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго со средними вѣками, тогдашними учрежденіями и идеями: съ кастами, таинственностью, полумракомъ цвѣтныхъ стеколъ, съ готикомъ, авторитетомъ

откровенія и религіозностью. Фламандско-германскія основы бельгійскаго общества уже почти непримѣтны, а та цивилизація, которая на нихъ утвердилась, есть вполнѣ свѣтская, языческая, романская. Она слагается изъ преданій древняго Рима, переработанныхъ и расширенныхъ гуманистами, изъ идеи равенства всякаго человѣческаго существа передъ закономъ, изъ понятія о правахъ человѣческой личности. и изъ этихъ-то правъ человѣка выведена логически, раціонально, по методу сходному съ математическимъ, вся система отношеній и учрежденій, обнимаемыхъ, какъ правомъ гражданскимъ, такъ и правомъ публичнымъ. Въ новѣйшемъ обществѣ, основанномъ на правахъ человѣка, функція власти судебной имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ то, какое ей принадлежало въ древности, такъ какъ нынѣ *civitas* представляется уже не однимъ городомъ, а большою страной, всѣмъ народомъ; судъ стоитъ гораздо выше надъ уровнемъ человѣческихъ страстей и мѣстныхъ интересовъ, разбираетъ хладнокровнѣе, является регуляторомъ всей общественной жизни, въ своихъ качествахъ карателя, примирителя или рѣшителя. Судоговореніе происходитъ не подъ открытымъ небомъ, на рыночной площади, но въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, которыя, однако, столь обширны, что въ нихъ можетъ помѣститься больше народу, чѣмъ сколько вмѣщало *forum*. Для дѣйствій суда нѣтъ различія—находится ли передъ нимъ одинъ лишь слушатель, или ихъ нѣсколько, или за процедурою слѣдятъ проходящія молчаливо, какъ тѣни, смѣняющіюся тысячи людей.

И вотъ, внѣшній видъ зданія не даетъ точнаго понятія о судебномъ его назначеніи; видно только, что дворецъ этотъ предназначенъ для отправленія дѣлъ общественныхъ: быть можетъ что—судъ, а можетъ—дворецъ парламента. На первую мысль могутъ предпочтительно навести развѣ тѣ колоссальныя статуи, съ какими, тотчасъ уже при входѣ, встрѣчается глазъ: четыре изъ нихъ стоятъ въ сѣняхъ; это—Ликургъ, Демосѳенъ, Цицеронъ

и Ульпіанъ; еще четыре возвышаются на башнѣ, подъ самымъ куполомъ; это—олицетворенныя отвлеченности: законъ, правосудіе, сила и милосердіе. Войдя внутрь, мы уже замѣчаемъ, что находимся въ помѣщеніи множества судебныхъ установленій, равно для всѣхъ открытыхъ и доступныхъ. Въ орнаментаціи лѣстницъ, крылецъ, галлерей соблюдены скромность и простота и не употреблено иныхъ матеріяловъ, кромѣ желтоватаго гранита въ колоннахъ и мраморныхъ крупныхъ плитокъ, изъ которыхъ сложенъ полъ. Роскошь проявляется лишь въ залахъ засѣданій, гдѣ разукрашены золотомъ прекрасные, рѣзнаго дуба, потолки, а стѣны обложены, въ красивыхъ узорахъ, дорогимъ, разноцвѣтнымъ мраморомъ. Картинъ нѣтъ вовсе. Въ прежней залѣ кассаціоннаго суда находились двѣ хорошія историческія картины: отреченіе Карла V—Галлета и сговоръ дворянства въ 1566 году противъ инквизиціи—кисти Біефве, но теперь обѣ перенесены въ музей. Въ судѣ нѣтъ не только картинъ и статуй, но даже никакого символа—ни портрета главы государства, ни распятія. Пёлертъ употребилъ для постройки элементы и мотивы главнымъ образомъ греческіе и римскіе, какъ колоннады, арки, но онъ воспользовался еще и иными, болѣе древними и массивными, восточными, которые заимствовалъ изъ Египта и Ассиріи, и всѣ эти арки, колоннады, пилястры и исполинскія трапеціи такъ хорошо согласовалъ, что изъ нихъ составилось, дѣйствительно, прекрасное и величественное цѣлое, передъ которымъ зритель чувствуетъ себя малымъ, какъ и должна сознавать себя единичная личность въ виду вѣковыхъ учрежденій и передъ неодолимой логикой той *ratio scripta*, какую представляетъ мудро составленный судебный кодексъ.

Таковы хорошія, импонирующія стороны этой новой постройки; но есть и отрицательная сторона, которую не замедлили указать газеты. Зданіе, вообще, слишкомъ велико, оно представляется непропорціональнымъ для Бельгіи и годилось-бы скорѣе для помѣщенія въ немъ

какихъ-либо международныхъ судилищъ, о которыхъ нынѣ можно только мечтать, которыхъ, пожалуй, и никогда не будетъ. Радикальная еженедѣльная газета «*Tirailleur*» оплакиваетъ тѣ милліоны, какіе поглотилъ этотъ «исполинскій каменный пирогъ, вавилонскій, циклопскій, предназначенный на жилище прекрасной дамы, носящей на глазахъ повязку». Высказывались сѣтованія на излишнюю роскошь, почти буквально тѣ-же, какія выражались въ Галиціи русинами по поводу открытія зданія, выстроеннаго для сейма, при чемъ необходимо указать на то различіе, что Галиція — страна бѣдная, между тѣмъ какъ для богатой, промышленной Бельгіи, къ тому-же обезпеченной трактатами отъ войнъ, издержка десятковъ милліоновъ составляетъ пустяки. А впрочемъ, помѣщеніе значительныхъ капиталовъ въ произведеніяхъ искуства не можетъ считаться непроизводительнымъ. Недавно кто-то оцѣнивалъ въ милліарды франковъ то богатство, какое нынѣшняя Италія наслѣдовала отъ древности и эпохи Возрожденія, такъ какъ однихъ процентовъ въ наличныхъ деньгахъ Италія получаетъ ежегодно до 50 милліоновъ франковъ въ тѣхъ расходахъ, какіе производятъ въ ней посѣщающіе ее иностранцы.

Самое открытіе зданія судебныхъ мѣстъ носило на себѣ печать исключительно національную; въ обрядѣ этомъ участвовали лишь члены правительства и судебныхъ учрежденій. Изъ всего судебнаго сословія одно только сословіе адвокатовъ постаралось придать событію значеніе международное, обратившись къ такимъ-же сословіямъ въ главныхъ городахъ Европы съ просьбой объ участіи въ торжествѣ. Представителей Америки не было. Г. Кокъ (Coke), адвокатъ изъ Лондона, замѣтилъ мнѣ по этому поводу, что въ Соединенныхъ Штатахъ «каждый *Янки*—отчасти адвокатъ». Изъ европейскихъ странъ не были представлены только государства скандинавскія и малоизвѣстныя балканскія. Изъ прочихъ государствъ были приглашены представители адвока-

туры не только тѣхъ странъ, гдѣ сословіе это имѣетъ корпоративную организацію, но и тѣхъ (Германіи и Австріи), гдѣ есть адвокаты, но не существуетъ совѣтовъ, представляющихъ сословное устройство и самоуправленіе, снабженныхъ дисциплинарной властью надъ членами сословія.

Два дня—13 и 14 октября—были посвящены взаимному ознакомленію гостей и хозяевъ, визитами, обмѣну мыслей и впечатлѣній. Хозяева, т.-е. члены дисциплинарнаго совѣта и коммиссіи по устройству банкета адвокатовъ, высказали большую предупредительность и услужливость. Крайне благосклонно и симпатично было отношеніе къ пріѣзжимъ г. Вервоорта, бывшаго предсѣдателя палаты депутатовъ, 70-лѣтняго старца, живаго и бодраго еще, славнаго оратора, политика, адвоката и дилетанта-живописца, доселѣ еще пишущаго масляными красками. Въ самый день торжества, 15 октября, съ утра была прекращена ѣзда на улицѣ *Régence*, и брюссельскій совѣтъ адвокатовъ, собравшись на улицѣ *Sablon*, въ домѣ одного изъ своихъ членовъ Э. де-Мота, принималъ пріѣзжихъ гостей. Оттуда мы отправились *in corpore* пѣшкомъ къ дворцу, къ которому уже со всѣхъ сторонъ открылся доступъ, такъ какъ окружавшіе его временные заборы были разобраны. На улицѣ, мимо насъ, двигались, съ хорами музыкантовъ во главѣ, отряды національной гвардіи въ мундирахъ, а также выстроенные въ колонны рабочіе, принимавшіе участіе въ постройкѣ. Рабочихъ этихъ было 2.500, и среди нихъ каждое ремесло имѣло свое знамя или значекъ съ надписями: «мостильщики», «столяры», «каменьщики» и т. д. Многимъ изъ нихъ роздана была наканунѣ правительственная медаль для ношенія.

Во второмъ этажѣ, рядомъ съ помѣщеніемъ кассаціоннаго и аппеляціоннаго судовъ, товарищи мои занялись возложеніемъ на себя профессіональныхъ своихъ тогъ и беретовъ. Англичане надѣли шерстяные парики, берлинскіе и дрезденскіе нѣмцы—старосвѣтскіе береты

такой формы, какую можно видѣть на фигурахъ Гольбейна и Дюрера, въ какихъ изображаются Эразмъ Роттердамскій или Гуттенбергъ. Испанцы облеклись въ свои мантіи съ бархатными пелеринами, обшитыми кружевами. Одни австрійцы и адвокаты, состоящіе при лейпцигскомъ рейхсгерихтѣ не имѣли никакихъ особыхъ одѣяній, ни даже знаковъ. Мнѣ пришлось объяснять значеніе значка, приколотаго къ моему фраку, причемъ оказалось, что онъ похожъ на ту колонну, которая возвышается надъ зданіемъ судовъ (столбъ съ надписью: «законъ» и сверху корона). Помѣщеніе, предназначенное для адвокатовъ, гдѣ и происходило это переодѣванье, очень велико, съ особыми комнатами для старшины и для дисциплинарнаго совѣта, съ большой библіотечной залой, служащей также для годичныхъ общихъ собраній сословія, и отдѣльной совѣщательной комнатой для начинающихъ адвокатовъ или помощниковъ (avocats stagiaires).

Затѣмъ, насъ ведутъ внизъ, въ залу des Pas Perdus, гдѣ отъ входа до трона, устроеннаго на невысокой эстрадѣ, вытянутъ шпалерами полкъ гидовъ. Публики на лѣстницѣ и въ верхнихъ галлереяхъ находится отъ 8 до 10 тысячъ. Вотъ посреди выстроенныхъ гидовъ идутъ навстрѣчу королю, пàрами, въ красныхъ мантіяхъ, обрамленныхъ горностаемъ, члены кассаціоннаго суда, въ числѣ которыхъ, опираясь на трость, шествуетъ древній старецъ Тилеманъ, бывшій еще членомъ того народнаго конгресса 1830 г., который добылъ для Бельгіи независимость. За ними идутъ, также въ красныхъ мантіяхъ, но безъ горностоя, члены суда аппеляціоннаго, а далѣе—судьи первой инстанціи—въ мантіяхъ черныхъ. Прибытіе короля возвѣстила военная музыка, заигравъ національный гимнъ «La Brabançonne». Къ этому моменту уже заняли приготовленныя для нихъ мѣста депутаціи отъ сената, палаты представителей и иныхъ государственныхъ учрежденій, дипломатическій корпусъ, министры, генералы, губернаторы провинцій и предста-

вители духовенства всѣхъ исповѣданій. Король и королева помѣстились на приготовленной особой эстрадѣ.

Самый обрядъ открытія произошелъ, безъ какой-либо церковной службы, слѣдующимъ образомъ: король, стоя, выслушалъ три адреса, прочитанные министромъ юстиціи Бара, старшимъ предсѣдателемъ кассаціоннаго суда де-Ланжé и старшиной (bâtonnier) адвокатовъ Вервоортомъ, а на каждый адресъ король далъ отвѣтъ, говоря медленно, выбирая и взвѣшивая слова. Содержаніе первыхъ двухъ адресовъ и отвѣтовъ на нихъ короля нельзя было разслышать при шумѣ движеній и голосовъ тысячной толпы, среди которой вовсе не соблюдалось безусловныхъ порядка и молчанія, какъ бы можно было ожидать. Уже потомъ, изъ газетъ, мы узнали отвѣтъ короля, данный министру юстиціи: король провозгласилъ, что зданіе судовъ открыто и предоставлено судопроизводству, при чемъ заявилъ магистратурѣ, что зданіе это должно служить эмблемою подобающаго закону уваженія, а также высокаго положенія, какое предоставлено власти судебной конституціею, наравнѣ съ властями законодательною и исполнительною.

Но когда выступилъ для произнесенія рѣчи Вервоортъ, мы толпою двинулись за нимъ къ самой эстрадѣ, съ которой ясно донеслись до насъ слова монарха, запечатлѣнныя благосклонностью и признаніемъ заслугъ профессіи, слова, способныя пробудить справедливую гордость въ сердцахъ моихъ бельгійскихъ сотоварищей. Вотъ что сказалъ король:

«Меня очень тронули чувства, выраженныя мнѣ адвокатскимъ сословіемъ, а также высказанный имъ горячій патріотизмъ. Мнѣ извѣстны великія качества бельгійской адвокатуры и таланты ея членовъ. Таланты эти проявлялись не только предъ рѣшетками судебныхъ залъ: члены адвокатуры, въ теченіи полувѣка, принимали широкое участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Государственные люди, которые, начиная съ 1830 года, направляли нашу политику, въ большинствѣ, были членами адвокатскаго сословія. Присутствующіе нынѣ здѣсь министры всѣ были адвокатами. Храню увѣренность, что краснорѣчивые голоса членовъ адвокатуры всегда будутъ раздаваться и впредь, въ оборонѣ общественнаго дѣла и для поддержки всего, что можетъ поднять народное

благосостояніе. Мнѣ пріятно также поздравить и привѣтствовать въ Бельгіи членовъ адвокатуры заграничной, которые пожелали присутствовать при нынѣшней церемоніи.

Громкое и всеобщее Vire le Roi! раздалось въ собраніи по окончаніи королевской рѣчи. Затѣмъ король обратился съ нѣсколькими словами къ вдовѣ и дочери архитектора Пёлерта, на могилу котораго въ Лекенѣ, въ самое время торжества открытія зданія, депутація архитектурнаго общества возлагала вѣнокъ изъ иммортелей. Упомянутыя дамы были тутъ же представлены королю министромъ юстиціи, который, когда онѣ откланялись, пошелъ впереди короля и королевы, показывая имъ главные пункты и залы зданія и, наконецъ, привелъ ихъ величества въ залу засѣданій кассаціоннаго суда, гдѣ въ это время происходило торжественное собраніе обоихъ отдѣленій. Король и королева окруженные дворомъ и дипломатическимъ корпусомъ, заняли мѣста въ этой залѣ.

На трибунѣ мы увидѣли генеральнаго прокурора Федера (Faider). Въ Бельгіи, какъ извѣстно, съ самаго основанія этого государства, вся внутренняя политика сводится на неустанную и монотонную борьбу между скептическимъ либерализмомъ, придерживающимся началъ 1789 года и католицизмомъ, который проникнутъ принципомъ ультрамонтанства. Вышедшія на другой день католическія газеты (*Courrier de Bruxelles* и др.) сильно напали на Федера, уличая его рѣчь въ атеизмѣ, идолопоклонствѣ предъ государствомъ и чрезмѣрномъ восхваленіи юристовъ, которыхъ идеалъ заключается въ отвращеніи душъ отъ церкви и въ отданіи всего на свѣтѣ исключительно Кесареви. Привожу одну буквальную выписку:

«Г. Федеръ поставилъ дьяволу большую, яркую свѣчу въ образѣ двоякой Ѳемиды—покровительницы и мстительницы (судъ гражданскій и уголовный). Можно было полагать, что этотъ классическій идолъ навсегда уже погребенъ, но прокуроръ откопалъ его и поклонялся ему раскачивая свое паникадило».

Поистинѣ, для человѣка, непогруженнаго въ мѣстныя отношенія, долженъ былъ представиться нѣсколько неожиданнымъ гнѣвъ, вызванный этой растянутой на цѣлый почти часъ рѣчью, обильно утканной цвѣтами классической риторики и пропитанной юридической метафизикой, которая представляетъ своего рода теологію. Ораторъ превозносилъ мудрость бельгійской конституціи, которая, «установляя отдѣльность трехъ главныхъ властей въ государствѣ, по существу ихъ, объединяетъ ихъ въ тоже время въ цѣляхъ ихъ дѣятельности, а поставивъ на двухъ полюсахъ—короля и судъ, создала для общественнаго порядка двоякое основаніе: королевскую власть вѣчную, въ силу ея наслѣдственности, и судъ также безсмѣнный, по личной несмѣняемости судей, двѣ могучія прерогативы, которыя объединяетъ общая цѣль. Дворецъ судебныхъ мѣстъ великъ, ибо юстиція въ Бельгіи одна для всѣхъ и распространяется на всѣ отношенія между людьми. Юстиція же воплощаетъ торжество мудрости и, по словамъ Сенеки, являетъ собой примѣсь божественнаго духа въ человѣческихъ учрежденіяхъ (in corpus humanum pars divini spiritus mersa). И вотъ, верховные жрецы этого божества—юстиціи—побороли феодализмъ, возвысивъ власть королевскую, а потомъ осуществили ту революцію, которая дала обществу гарантіи, и основали бельгійскую конституцію».

Ораторъ изложилъ затѣмъ основныя идеи художника Пёлерта, объяснялъ значеніе каждой части зданія и каждой статуи. Чѣмъ былъ Парѳенонъ для Аѳинъ и для Рима Капитолій, тѣмъ, по словамъ генеральнаго прокурора, будетъ для Бельгіи этотъ дворецъ судовъ—символъ гражданскаго равенства передъ судомъ и всеобщей надъ всѣми власти послѣдняго. Оптимизмъ въ высказанномъ при этомъ упованіи относительно незыблемости государства, основаннаго на неуклонномъ соблюденіи закона, нѣсколько отзывался идилліею, которую опровергаетъ происходящее почти на цѣломъ свѣтѣ. Сила доселѣ идетъ впереди права и полувѣковое спокойное

существованіе Бельгіи представляетъ собой только счастливую случайность, которой можетъ внезапно положить конецъ какое-либо общеевропейское столкновеніе; въ немъ легко можетъ утонуть и прекрасная утопія, что justitia—regnorum fundementum.

Звуки трубъ гражданской гвардіи возвѣстили на площади, въ половинѣ втораго, появленіе королевской четы на крыльцѣ судебнаго дворца. Передъ королемъ прошли всѣ отдѣлы арміи рабочихъ, которые подносили букеты. Король обратился къ этимъ группамъ съ нѣсколькими словами, высказывая, что зданіе будетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и постоянной выставкой для многихъ изъ важнѣйшихъ видовъ народной промышленности и упомянулъ, что его постоянно занимаетъ работа о расширеніи горизонта для производительности страны, объ открытіи новыхъ рынковъ для бельгійской промышленности.

Когда король съ королевой уѣхали въ золоченыхъ каретахъ, сопровождаемые дворомъ, всѣ ворота и двери дворца открылись передъ народомъ, необозримыя черныя массы котораго занимали сосѣднія улицы и площади. Ввалившіяся внутрь зданія толпы имѣли весьма смѣшанный характеръ, такъ какъ среди нихъ не было недостатка и въ подонкахъ городскаго пролетаріата, и въ уличныхъ мальчишкахъ. Въ только что открытомъ зданіи эта чернь вела себя какъ татарская орда. Произошла давка, съ обрываніемъ платьевъ, срываніемъ обоевъ, влѣзаньемъ на судейскія кресла, великимъ загрязненіемъ половъ. Пришлось вступиться полиціи, пожарной командѣ и вооруженной силѣ, пустить въ ходъ сабли и приклады.

Въ то время, какъ уличныя толпы столь некрасиво вели себя въ новомъ зданіи судовъ, въ большой залѣ королевскаго дворца, въ 3 часа, происходилъ пріемъ сановниковъ, дипломатовъ, магистратуры, старшинъ бельгійскихъ адвокатовъ и адвокатовъ, прибывшихъ изъ-за границы. Этихъ послѣднихъ представляли королю по-

очередно послы разныхъ государствъ. Лица, принадлежащія къ судебному персоналу, какъ и адвокаты, были во фракахъ, безъ всякаго знака отличія ихъ профессіи. Пріемъ продолжался часа два, такъ какъ бельгійскій монархъ останавливался передъ каждымъ изъ представляемыхъ ему лицъ и для каждаго находилъ нѣсколько соотвѣтственныхъ и любезныхъ словъ, упоминая объ отечествѣ своего гостя и задавая вопросы относительно личныхъ его впечатлѣній. Тотъ, кто не былъ приготовленъ къ такому пріему, долженъ былъ сосредоточить все свое вниманіе и призвать на помощь всю свою находчивость, чтобы съ толкомъ отвѣтить на задаваемые королемъ вопросы. Леопольдъ II славится необыкновенной памятью, отличается искуствомъ обращаться съ людьми и владѣетъ большими, даже техническими, познаніями по многимъ спеціальностямъ. Раутъ во дворцѣ окончился переходомъ въ другія залы, гдѣ были поставлены буфеты, обильно снабженные фруктами, печеньемъ, винами и прохладительными напитками.

Мы имѣли приглашеніе къ 7 часамъ во «дворецъ искуствъ (на улицѣ Régence)», на банкетъ, устроенный брюссельскою адвокатурою, на ея счетъ. Здѣсь, въ большой продолговатой залѣ, въ два свѣта, предназначенной для выставокъ, стоялъ почетный столъ, расположенный подковою, отъ котораго шли тремя паралелльными между собой линіями еще три стола, во всю длину залы.

За обѣдъ сѣло, какъ говорили, 450 чел. На срединномъ мѣстѣ, за почетнымъ столомъ сидѣлъ г. Вервоортъ, съ правой стороны его — маститый президентъ совѣта министровъ Фреръ-Орбанъ, котораго я слышалъ на парламентской трибунѣ еще въ 1859 г. и тогда, какъ и теперь, бывшаго министромъ; мѣсто съ лѣвой стороны Вервоорта занималъ министръ юстиціи Бара̀. Далѣе обѣдающіе размѣщались въ слѣдующемъ порядкѣ: по обѣимъ дугамъ стола иностранные гости разсажены были попеременно съ министрами, высшими чинами магистратуры и административными сановниками. Чтобы назвать только нѣсколь-

кихъ иностранцевъ, упомяну, что по правой сторонѣ сидѣли Дорнъ, представитель адвокатовъ при лейпцигскомъ рейхсгерихтѣ, моя особа, Вандерлинденъ изъ Гаги, Манеччи изъ Рима, Вольфъ изъ Дрездена, Лессе изъ Берлина, по лѣвой же, за г. Бара́—Фалатёфъ, старшина парижскій, Бугаллали изъ Мадрида, Кокъ изъ Лондона, Мидози изъ Лиссабона, Іоганни изъ Вѣны и мн. д. Мое мѣсто пришлось между Ван-Гумбэкомъ, министромъ просвѣщенія въ тогдашнемъ, либеральномъ кабинетѣ, и Бернартомъ (Beernaerd), бывшимъ министромъ общественныхъ работъ въ прежнемъ, католическомъ министерствѣ, занимавшемъ теперь должность прокурора въ кассаціонномъ судѣ.

Бесѣдуя со мной, г. Бернартъ высказалъ взглядъ, что соціализмъ не можетъ распространиться въ Бельгіи, такъ какъ низшіе классы народа глубоко преданы католицизму, а сверхъ того самый духъ народа, склонный къ ассоціаціямъ, производитъ, что каждый рабочій уже съ молодыхъ лѣтъ принадлежитъ къ какому-нибудь организованному товариществу, и что товарищеская связь, какъ привитая оспа, предохраняетъ его отъ союзовъ и заговоровъ соціалистическихъ. «Взгляните, говорилъ онъ,—вотъ тамъ, наискось отъ насъ, сидитъ Жансенъ, талантливый человѣкъ, замѣчательный ораторъ; мы тутъ съ сосѣдомъ Фреръ-Орбаномъ — противники, такъ какъ принадлежимъ онъ—къ либеральному лагерю, я къ католическому; но тотъ, третій—нашъ общій врагъ и Фреръ-Орбанъ ненавидитъ его больше, чѣмъ наша католическая партія. Жансенъ—демократъ, радикалъ и республиканецъ. Есть ихъ нѣсколько человѣкъ въ палатѣ, но пока немного». Г. Бернартъ соглашался, что давнишнее общее дѣленіе партій на либераловъ и католиковъ уже подверглось разложенію, и что приготовляется новая группировка партій.

Обѣдъ былъ обильный и очень продолжительный. Рѣчи начались только за десертомъ. Было условлено, что ихъ будетъ всего три: хозяина банкета Вервоорта,

одного изъ старшинъ (bâtonniers) провинціальныхъ и одного изъ иностранныхъ. Каждую рѣчь слушали стоя, поднимаясь по знаку предсѣдательствующаго и сигналу, который игралъ стоявшій позади его трубачъ. Г. Верворть провозгласилъ тостъ за короля, вызвавшій громкія рукоплесканія, а окончилъ выраженіемъ благодарности иностраннымъ гостямъ и пожеланіемъ, чтобы этотъ первый международный съѣздъ адвокатовъ содѣйствовалъ практическому осуществленію, хотя бы въ малой мѣрѣ, идеи братства между народами. Подобнымъ результатомъ могло-бы быть соглашеніе относительно оказыванія помощи юридическимъ совѣтомъ недостаточнымъ иностранцамъ, принужденнымъ предстать предъ судомъ въ чужой странѣ или обратиться къ нему. Передъ банкетомъ долго толковали относительно выбора того оратора, который долженъ былъ говорить отъ имени всей иностранной адвокатуры: выборомъ нѣмца оскорбились-бы французы и наоборотъ; уже хотѣли остановиться на испанцѣ Бугаллалѣ, несмотря на неособенное владѣніе имъ французскимъ языкомъ. Однако, когда пріѣхалъ г. Фалатёфъ, котораго не ожидали навѣрное, то вѣсы склонились все-таки на сторону Франціи. При этомъ высказывалось уваженіе какъ къ блестящему таланту парижскаго bâtonnier, такъ и къ первой, наиболѣе славной адвокатурѣ всего европейскаго материка.

Впрочемъ, г. Фалатёфъ не вполнѣ оправдалъ ожиданія, не по отношенію къ формѣ, которая была прекрасна, но относительно самаго содержанія рѣчи. Будучи защитникомъ духовныхъ конгрегацій во Франціи въ ихъ борьбѣ съ нынѣшнимъ правительствомъ, г. Фалатёфъ внесъ въ свою рѣчь упомянутый, домашній раздоръ. Это было особенно неумѣстно въ странѣ нейтральной, строго-конституціонной и, дѣйствительно, столь свободной, что тамъ чье-либо выступленіе въ защиту стороны слабѣйшей и угнетаемой вовсе не представляется какимъ-либо геройствомъ или хотя-бы особою заслугой, а считается самымъ естественнымъ дѣломъ,

хотя и самые поводы къ нему лишь изрѣдка могутъ представляться въ Бельгіи, гдѣ притѣсненіе является развѣ въ видѣ исключеній, такъ какъ тамъ свобода существуетъ не только въ текстѣ законовъ, но въ дѣйствительной, повседневной жизни и въ самыхъ нравахъ. Вотъ главное мѣсто изъ рѣчи г. Фалатёфа:

«Мы принадлежимъ разнымъ странамъ и вскорѣ разъѣдемся, но это не разобщитъ насъ, если насъ сближаетъ сознаніе важности нашего призванія. Великій Беррье сказалъ объ адвокатурѣ, что въ ней «гражданинъ всегда находитъ оплотъ противъ гнѣва и насилій власти, противъ нарушителей закона и противъ преслѣдованій». Кто-же изъ моихъ сотоварищей не раздѣляетъ этого взгляда Беррье? Если продержится благородный духъ, который проявился втеченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, то неужели останется еще въ Европѣ хотя-бы одна страна, гдѣ какое-либо попраніе правъ, какое-либо угнетеніе не вызывали-бы тотчасъ на борьбу съ собою голосовъ изъ среды уважающей себя адвокатуры? Эти чувства, лежащія въ общемъ нашемъ сознаніи, мы удостовѣряемъ союзомъ нашимъ и они-то придаютъ настоящему торжеству нѣкоторую черту величія».

Въ художественномъ кружкѣ, въ паркѣ, гдѣ мы провели конецъ вечера, заявленіе парижскаго адвоката подверглось критикѣ, какъ неумѣстное и нетактичное.

Такъ прошелъ день торжества по случаю открытія судебнаго дворца. На слѣдующее утро мы были приглашены въ Антверпенъ г. Вервоортомъ, который былъ депутатомъ отъ этого города въ то время, когда занималъ мѣсто президента въ палатѣ представителей, бургомистромъ-же въ Антверпенѣ состоялъ теперь зять его, г. де-Валь. Проливной дождь втеченіи цѣлаго дня значительно помѣшалъ успѣху нашей поѣздки. Съ вокзала желѣзной дороги насъ отвезли въ десяткѣ слишкомъ приготовленныхъ каретъ—въ городскую ратушу. Здѣсь, въ большой залѣ, украшенной картинами Генриха Лейса, насъ приняли бургомистръ и ратманы, стоявшіе за столомъ, вокругъ котораго происходятъ засѣданія. По просьбѣ магистрата, гости вписали свои имена въ золотую книгу ратуши. Затѣмъ, мы осматривали прекрасную антвер-

пенскую биржу, построенную въ готическомъ стилѣ, и единственный въ своемъ родѣ Плантено-Моретовскій музей. Въ 1544 г. прибылъ въ Антверпенъ французъ Плантенъ, устроилъ здѣсь типографію съ книжнымъ магазиномъ и составилъ себѣ большое состояніе. Въ этомъ обширномъ, выстроенномъ въ квадратъ домѣ царствовала цѣлая династія Плантеновъ. а потомъ наслѣдниковъ ихъ по женской линіи Моретовъ. И вотъ, здѣсь сохранились всѣ употреблявшіеся въ разныя времена типографскіе станки и приборы, такъ что по нимъ можно прослѣдить развитіе искуства книгопечатанія и связанныхъ съ нимъ промысловъ отъ самой его колыбели, отъ времени инкунабулъ до конца XVII столѣтія. Домъ этотъ, съ содержащимися въ немъ коллекціями, былъ купленъ городомъ отъ послѣдняго владѣльца, какъ говорятъ — за полцѣны, хотя заплачено было полтора милліона франковъ.

По случаю дождя, мы не воспользовались приготовленнымъ пароходомъ, который долженъ былъ провезть насъ по Шельдѣ и въ портъ. Около 2 часовъ, въ отелѣ Bertrand мы сѣли за завтракъ, въ числѣ 54 чел., такъ какъ нѣкоторые изъ гостей уже уѣхали изъ Брюсселя и въ числѣ ихъ Фалатёфъ. Благодаря нѣсколькимъ встрѣчамъ втеченіи двухъ дней, мы уже успѣли познакомиться, и отношенія между нами приняли характеръ нѣкоторой близости и веселой непринужденности. Вервоортъ, котораго, наполовину въ шутку, а наполовину и серьёзно, мы прозвали международнымъ bâtonnier, старался оживить общество и приглашалъ насъ къ произнесенію спичей. Еще до завтрака брюссельскіе коллеги предупреждали, что отъ насъ ожидаются соотвѣтствующіе случаю образчики ораторства. Первымъ выступилъ г. Дорнъ изъ Лейпцига; высокій, худощавый, съ сильной просѣдью, ораторъ говорилъ на языкѣ нѣмецкомъ, достаточно понятномъ для фламандцевъ, но чуждомъ французамъ. Онъ провозгласилъ тостъ за городъ Антверпенъ, за роскошное его гостепріимство и за антвер-

пенскую адвокатуру. Я говорилъ вторымъ и пусть читатели не посѣтуютъ за то, что передамъ только свои слова, не удержавъ съ достаточной точностью рѣчей моихъ собесѣдниковъ.

«Г. бургомистръ, гг. ратманы и уважаемые сотоварищи, не безъ нѣкотораго колебанія рѣшаюсь я говорить въ настоящемъ собраніи; еслибы я послѣдовалъ примѣру моего предшественника и обратился къ вамъ на моемъ родномъ языкѣ, то я явилъ бы исключительный примѣръ такого оратора, который включалъ бы въ лицѣ своемъ и единственнаго своего слушателя. Поэтому прошу вашего снисхожденія къ шероховатости акцента и нескладности формы въ словахъ чужеземца. Другой причиной смущенія служитъ для меня то обстоятельство, что предшественникъ мой уже сказалъ то, что я имѣлъ на языкѣ, такъ какъ, прося слова, я желалъ именно благодарить за великолѣпное гостепріимство, которое предупреждало не только всѣ наши потребности, но и малѣйшія желанія. Итакъ, я возьму иную точку отправленія и не буду говорить въ качествѣ адвоката. Въ лицѣ каждаго изъ насъ съ человѣкомъ данной профессіи соединяется еще человѣкъ образованный и гражданинъ міра. Всѣ мы, до нѣкоторой степени, являемся именно и всемірными гражданами. Для всѣхъ насъ, кромѣ собственной родины, есть еще и общее, идеальное отечество, а въ этомъ отечествѣ непослѣднее мѣсто занимаетъ Бельгія. Кто же изъ насъ не продумалъ и не прочувствовалъ того, что чувствовалъ и думалъ Эгмонтъ, идя на казнь, кто могъ пройдти равнодушно мимо двухъ бронзовыхъ героевъ на площади Sablon, окруженныхъ символическимъ вѣнкомъ городскихъ цеховъ и брюссельскихъ рабочихъ, кто не любовался вашими ратушами, музеями, мастерскими произведеніями фламандскаго ренессанса, который уступитъ развѣ только одному итальянскому? Чья мысль не останавливалась надъ благими плодами мира, невозмущеннаго бурями, какія подымались вокругъ васъ, надъ счастливыми ре-

зультатами нейтралитета Бельгіи? Не удивительно ли въ самомъ дѣлѣ: вотъ, мы сошлись здѣсь, люди разныхъ расъ, славяне, нѣмцы, французы, итальянцы; а вѣдь, каждый изъ представляемыхъ нами народовъ можетъ быть вдругъ призванъ къ оружію и мы вступимъ съ собою въ бой. Но пока это не наступило, пріятно намъ всѣмъ было встрѣтиться на прекрасной, нейтральной почвѣ Бельгіи и мы не можемъ не признать, что было бы хорошо, еслибы всѣ споры между народами разрѣшались не обращеніемъ къ грубой силѣ, но разумнымъ примѣненіемъ тѣхъ же началъ правосудія, которому мы служимъ. Замѣчу только мимоходомъ, что о правосудіи мы, т. е. нѣкоторые изъ вашихъ гостей, имѣемъ понятіе нѣсколько иное, чѣмъ то, какое слышится здѣсь. Вы, господа, смотрите метафизически: въ вашихъ глазахъ юстиція это—гранитная основа всего общественнаго зданія. Мы же склонны болѣе къ взгляду психологическому; намъ правосудіе представляется какъ высшій и послѣдній по времени продуктъ цивилизаціи, какъ башня, идущая кверху и вѣнчающая собою цѣлое зданіе. Въ такомъ направленіи мыслей приходитъ мнѣ желаніе сказать нѣчто такое, чтó можетъ показаться общимъ мѣстомъ—произнести тостъ во славу всей совокупности прогресса, въ честь цѣлой цивилизаціи европейской, которой мы и служимъ какъ солдаты на передовыхъ ея, къ Востоку расположенныхъ, постахъ».

Рѣчи слѣдовали за рѣчами, въ обществѣ проявлялось несомнѣнное оживленіе, охотниковъ произносить спичи все прибывало и проявлявшаяся смѣсь языковъ напоминала о столпотвореніи. Г. Бугаллаль сказалъ рѣчь по-испански, и почти всѣ его поняли; г. Лессе изъ Берлина говорилъ по-нѣмецки, а г. Іоганни изъ Вѣны,—по-французски. Г. Шпизе изъ Базеля указалъ на сходство въ положеніи Бельгіи и Швейцаріи и пилъ за здравіе малыхъ государствъ, болѣе счастливыхъ, чѣмъ колоссы. Г. Улифъ изъ Парижа восхвалялъ антверпенскій ком-

мерческій судъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, которые пріобрѣли наибольшій авторитетъ въ разъясненіи юридическихъ вопросовъ въ области мореплаванія. Въ половинѣ четвертаго мы встали изъ-за стола, а въ половинѣ девятаго я купилъ на брюссельскомъ бульварѣ нумеръ «Étoile belge», въ которомъ уже описывались подробно и поѣздка наша, и завтракъ съ рѣчами. Нѣсколько минутъ спустя, скорый желѣзнодорожный поѣздъ мчалъ насъ къ востоку и сѣверу, въ страны менѣе густо-населенныя, менѣе культурныя и бѣдныя въ сравненіи съ плодородными и цвѣтущими, во всѣхъ отношеніяхъ, Фландріею и Брабантомъ.

ДВѢ НЕДѢЛИ

ВЪ

БОЛГАРІИ.

(Путевыя замѣтки съ 4 по 17 сентября 1878 года).

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ БОЛГАРІИ.

(Путевыя замѣтки съ 4 по 17 сентября 1878 г.).

Прошу напередъ извиненія за корреспонденцію, писанную наскоро и отрывочно, среди гула и гама, продолжающихся и днемъ и ночью на главной улицѣ въ Пера и подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, которыми подавляетъ Стамбулъ туриста, незнакомаго еще съ востокомъ. Не смотря на всѣ помѣхи, я рѣшился сопоставить наблюденія, собранныя во время проѣзда по странѣ весьма мало знаемой—по Болгаріи.

Путешественникъ не имѣетъ подъ рукою никакихъ печатныхъ гидовъ—путеводителей. Онъ сталкивается съ людьми, которыхъ почти не понимаетъ, хотя они говорятъ на славянскихъ нарѣчіяхъ. Иногда ему не удается отыскать на картѣ тѣ города и селенія, которые онъ посѣщаетъ. Очень часто онъ касается вещей и воспоминаній, о которыхъ ему не сообщитъ ничего даже и почтенный ученый трудъ—исторія Болгаріи доктора Константина Иречка, доцента Пражскаго университета. Книга эта появилась почти одновременно въ двухъ переводахъ на русскій языкъ, изъ коихъ лучшій тотъ, который изданъ въ Одессѣ иждивеніемъ болгарскаго патріота Априлова и просмотрѣнъ самимъ авторомъ. Какъ бы ни были поверхностны бѣглыя путевыя замѣтки, онѣ все-таки могутъ принести нѣкоторую пользу, потому что неимовѣрно шибко устраиваются отношенія и возникаютъ непредвидѣнныя осложненія, которыя дипломатія будетъ

потомъ распутывать съ большими усиліями, либо должна будетъ по необходимости признать ихъ совершившимися фактами, хотя они не входили въ программу дипломатическихъ переговоровъ. Жизнь кипитъ, право сталкивается съ правомъ, всюду торчатъ развалины, всюду пропасть обманутыхъ ожиданій и еще не разсѣянныхъ надеждъ. Послѣ каждой недѣли и каждаго мѣсяца положеніе дѣлъ мѣняется, жизнь даетъ въ результатѣ новый образъ отношеній, который не продлится, но и не возобновится, но на всегда изчезнетъ, прежде чѣмъ его успѣли подмѣтить и фиксировать. Всѣ предметы мелькаютъ точно при ѣздѣ курьерскимъ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ, не достаетъ времени на размышленія и обобщенія. Я все-таки рѣшаюсь списать наблюденное, хотя знаю, что оно было наблюдаемо недостаточно критически и второпяхъ. Начну мой отчетъ съ маршрута и пейзажей.

Передо мною разстилается великолѣпная, нескончаемая лента желтаго, мутнаго Дуная. Начиная отъ Вуковара вплоть до Новаго Сада съ Петервардейномъ, къ намъ идутъ на встрѣчу поднимающіяся вверхъ по Дунаю громадныя транспортныя суда, нагруженныя солдатами и лошадьми, буксируемыя пароходами и направляющіяся въ Боснію. Все Австрійское подунайское пароходство отдано въ распоряженіе военныхъ властей. Между Землиномъ и Бѣлградомъ прекратились всякіе пароходные рейсы, публика должна довольствоваться простыми рыбацкими челнами. Князь Миланъ осматриваетъ вновь пріобрѣтенныя владѣнія, Нишъ и Пиротъ, изъ котораго сербы вытѣснили болгарскаго митрополита ради того, чтобы объединить въ церковномъ отношеніи съ Сербіею эту болгарскую часть страны и подчинить ее сербскому митрополиту. Была еще, кромѣ того, попытка захватить часть Болгаріи отъ Виддина къ окрестностямъ Кульи, перенесены были верстъ на 7 пограничные знаки и сторожевые форпосты. Сербы пользовались по мѣрѣ возможности неустроеннымъ положеніемъ Болгаріи. Я

узналъ въ Филиппополѣ, что этотъ захватъ не удался, и что возстановлена была затѣмъ старая граница. На Дунаѣ, близъ Орсовы маджіаръ-капитанъ корабля передалъ мнѣ слѣдующее: «такой уже зарокъ на Австріи, что ведетъ она однѣ только непопулярныя войны, какъ, напримѣръ, та настоящая босняцкая, которой никто не желаетъ и которая будетъ намъ много стоить. О, если бы то была какая-нибудь другая война, тогда мы-бы пошли всѣ, какъ одинъ человѣкъ, расплатиться за Вилагошъ». Мы миновали Орсову, раскинутую на холмахъ, со множествомъ минаретовъ, затѣмъ Корабію, съ которой переправлялись румынскія войска, потомъ Никополь, гдѣ притворялись, что будутъ переправляться, а между тѣмъ, приготовленные плоты спущены были до Зимницы. Наконецъ, передъ нами Зимница и Свиштовъ или Систовъ, гдѣ никто не ожидалъ, что будетъ устроена переправа, однако-же, она состоялась и произведена удачно съ малыми потерями, въ 700 человѣкъ вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, которые бы погибли, если бы эти мѣста были дѣльнѣе защищаемы. Мы выходимъ на берегъ въ Руссе или Рущукѣ. Съ высоты пустующихъ нынѣ укрѣпленій на горѣ Левантабіи (въ 4 верстахъ за городомъ) мы созерцаемъ городъ, какъ будто бы онъ былъ у насъ на ладони. Городъ расположенъ на слегка выгибающейся къ сѣверу лукѣ Дуная, точно громадное яйцо, острымъ концомъ къ западу, а пяткою къ востоку. Одинъ его край—это берегъ Дуная, другой—это укрѣпленія, выложенныя гранитомъ, съ равелинами и бастіонами старинныхъ образцовъ, по системѣ Вобана. Левантабія была щитомъ для Рущука со стороны суши и отъ флотиліи, прятавшейся за зеленымъ островомъ на Дунаѣ. Съ этой стороны не долетали до до города ядра и бомбы; бомбардировать приходилось издали отъ Слободзѣи—селенія на другомъ берегу Дуная. Результаты обстрѣливанія были таковы, что нынѣ около 15 процентовъ строеній въ городѣ разрушены, что были сожжены паровая мельница, конакъ паши прави-

теля, множество домовъ и мечетей. Внутри самаго города видны сплошныя зеленыя пятна — это турецкія кладбища, занимающія столь много мѣста во всѣхъ турецкихъ городахъ, что живымъ людямъ тѣсно становится между этими умершими. Большая часть города усѣяна тонкими остроконечіями минаретовъ; нѣтъ этихъ башенокъ въ меньшей и менѣе нарядной болгарской части города, но не видать и церквей, потому что церкви запрятаны подъ землею и надобно опускаться въ эти глубокія катакомбы, едва замѣченныя малымъ крестикомъ и низкою колокольнею. Вдали за Рущукомъ къ востоку расположено румынское Джуржево, въ 4 верстахъ отъ моста, соединяющаго Рущукъ съ другимъ берегомъ Дуная.

Начался рамазанъ. Турецкое населеніе не ѣстъ, не пьетъ, не куритъ табаку до солнечнаго заката, а потомъ бодрствуетъ до трехъ часовъ ночи. Вечеромъ зажигаются ряды плошекъ, на вершинахъ минаретовъ раздаются протяжные призывы къ молитвѣ муэдзиновъ. Джаміи переполнены, горятъ многія тысячи лампадъ, висящихъ на цѣпочкахъ, прикрѣпленныхъ къ сводамъ. Правовѣрные мусульмане мирятся безъ ропота съ тѣмъ, что наша компанія, состоящая изъ гяуровъ, стала у входа въ мечеть, не скидая обуви. Нигдѣ и никогда я не видалъ такого благоговѣйнаго сосредоточенія духа, такого порядка и такой дисциплинировки въ молитвѣ. Усѣлись правильными рядами на цыновкахъ, произносятъ риѳмически слова молитвы, или кладутъ поклоны. Послѣ восхода солнца имѣютъ мѣсто зрѣлища иного рода. Сколько есть площадей въ городѣ, на стольких производится обученіе военной выправкѣ вновь формируемыхъ дружинъ болгарскаго ополченія. Только и слышишь: разъ, два, разъ, два. Обучаютъ русскіе унтеръ-офицеры. Не разъ учитель толкнетъ или потянетъ за ухо не очень понятливаго новобранца. Всѣхъ состояній люди перетасованы въ этихъ рядахъ: есть субъекты въ европейскомъ платьѣ и даже щегольски одѣтые, есть и простые

мужики въ кожаныхъ лаптяхъ или опанкахъ или смазныхъ сапогахъ, опоясанные широкими кожаными поясами. Новобранцы поступаютъ на двухлѣтній срокъ службы усердно и охотно. Я входилъ въ домъ, гдѣ производится пріемъ рекрутъ. Передъ этимъ домомъ стоятъ стражники (бывшіе заптіи) двумя шеренгами. Въ числѣ кандидатовъ въ ополченіе видѣлъ я молодыхъ, старыхъ и даже увѣчныхъ и горбатыхъ. Я слышалъ разсказы о томъ, съ какимъ торжествомъ и какъ парадно происходила явка новобранцевъ къ набору. Являлись сельскія общины съ духовенствомъ во главѣ, съ развернутыми знаменами, съ юнаками, сопровождающими толпу отбывающихъ повинность верхомъ на лошадяхъ. Непріятное впечатлѣніе производилъ приказъ, пока къ нему не привыкли, чтобы подвергающіеся осмотру предъ пріемомъ раздѣвались до-нага. Турки измѣряли только грудную клѣтку своихъ рекрутъ. Принятымъ по жребію въ новобранцы надѣваемы были вѣнки изъ цвѣтовъ на головы. При звукахъ музыки образовались длинные хороводы пляшущихъ или, лучше сказать, медленно въ тактъ топчущихъ землю мужчинъ. Женщина въ турецкихъ земляхъ—низшее существо, она не участвуетъ ни въ бесѣдѣ, ни въ танцахъ. 26 августа (7 сентября), въ день коронованія Государя Императора, присутствовалъ я при богослуженіи въ болгарскомъ подземномъ соборѣ въ Рущукѣ, имѣвшемъ оффиціальный характеръ и завершившемся крестнымъ ходомъ по городу, украшенному флагами, цвѣтами и покрытыми зеленью тріумфальными арками. Обѣдню служилъ митрополитъ и молился за Александра II, благополучно «намъ» (т. е. болгарамъ) царствующаго монарха.

Съ Рущука начинаются и расположены по всей нераздѣленной еще Болгаріи, подлежащей дѣленію по конгрессу, почты, устроенныя по русскому образцу. Условія почтъ-содержателей весьма обременительны для правительства. Они заключены на годъ, съ 1 апрѣля по 1 апрѣля. Почто-содержатель одинъ на всю Болгарію и

получаетъ за 400 содержимыхъ имъ лошадей 380.000 р. и, кромѣ того, отъ каждаго частнаго пассажира по 7½ копѣекъ съ версты и лошади кредитными рублями или по 5 копѣекъ звонкою монетою. На почтовыхъ станціяхъ достать ничего нельзя, даже и хлѣба, но воды вездѣ вдоволь, и она хорошая, потому что мусульмане любятъ фонтаны и многочисленные вакуфы или отказы по завѣщаніямъ обезпечиваютъ исправность этихъ источниковъ на будущія времена. Днемъ жара сильная, ночью даже въ горахъ воздухъ сухъ и тепелъ, но съ балокъ, съ долинъ и съ поросшихъ камышемъ болотъ—питомниковъ лихорадокъ, повѣетъ вдругъ сыростью и холодомъ, такъ что иногда дрогнешь до мозга костей. Я проѣхалъ Бѣлу и приближался къ Тырнову. Дорога вьется по бокамъ колоссальнаго скалистаго ущелья, на днѣ котораго течетъ быстро, пѣнясь и каскадируя, малая рѣчка Янтра. Бока ущелья нагіе, красноватые, мѣстами покрытые обильною зеленью молодыхъ дубковъ. На верхахъ ущелья по двумъ противоположнымъ его сторонамъ расположились два монастыря болгарскіе. Дорога обогнула скалу, послѣ чего мы вдругъ очутились въ городѣ столь фантастическомъ, что трудно его себѣ представить. На весьма маломъ протяженіи Янтра извивается самымъ причудливымъ образомъ зигзагами въ видѣ буквъ M или W. Своими изгибами она прорѣзала и отдѣлила высокія скалы, торчащія почти совсѣмъ отвѣсно. На одномъ изъ такихъ полуостровов, образуемомъ рѣкою и соединяющемся тонкою шейкою съ ближайшею горою, помѣщалась старинная крѣпость. Съ цѣлью сдѣлать крѣпость неприступною со стороны этой шейки, ее совсѣмъ было загородили укрѣпленіемъ, а чрезъ рѣчку перекинули подвижной мостъ. На противоположномъ полуостровѣ, образуемомъ другимъ еще изгибомъ рѣки, кучи мусора указываютъ на мѣсто, гдѣ стоялъ стольный дворецъ болгарскихъ царей могучихъ Шишманидовъ, Асеней XIII и XIV столѣтій, современниковъ крестовыхъ походовъ. Большія сокровища можно бы,

какъ говорятъ, извлечь изъ земли изъ-подъ этого мусора и изъ кургановъ, точь въ точь какъ украинскіе, которые разсѣяны по всей Болгаріи отъ Рущука до Константинополя. Въ недавно заново ремонтированной церкви сорока мучениковъ, основанной царемъ Іоанномъ Асенемъ въ память 40 городовъ, завоеванныхъ у грековъ, на перевернутыхъ на-земь и обращенныхъ въ подножія коринѳскихъ капителяхъ стоятъ монолиты-столбы изъ краснаго мрамора, покрытые высѣченными на нихъ надписями XIII вѣка, имѣются византійскія фрески на стѣнахъ, дивные античные подколонники съ бычачьими головами, связанными между собою горельефными фестонами изъ рѣзныхъ цвѣтовъ. Насупротивъ крѣпости и развалинъ царскихъ хоромовъ древняго Тырнова выстроился на довольно крутомъ спускѣ съ господствующей надъ ними горы новый городъ, грязный, вонючій и стѣсненный, по которому почти нельзя проѣхать, а только можно всходить, точно подымаясь съ этажа на этажъ. Издали городъ имѣетъ видъ одного колоссальнаго дома въ 60 ярусовъ, свѣтящагося ночью тысячью огоньковъ. Для характеристики мѣста присовокупимъ, что нѣтъ никакой тяги воздуха въ этихъ скалахъ и улицахъ, что рефракція солнечныхъ лучей отъ этихъ нагихъ, отвѣсныхъ, сильно нагрѣвающихся скалъ причиняетъ нестерпимую жару. Я съ радостью покидалъ неудобную и непріятную царскую столицу и съ удовольствіемъ отправился въ горы по каменистому пути съ монументальными каменными мостами, въ Габрово, отстоящее на полдня коннаго пути. Нѣсколько сотъ крестьянскихъ телѣгъ, запряженныхъ буйволами, согнаны на обязательную толоку, для исправленія испортившейся дороги. Работаетъ большее число женщинъ, нежели мужчинъ.

Габрово представляетъ собою богатую горскую деревню, нѣчто вродѣ Закопанаго въ Татрахъ. Расположена она въ долинѣ Янтры, по обѣимъ ея берегамъ, соединеннымъ мостомъ въ видѣ буквы h. По одной сторонѣ рѣки—церкви, городская башня, торговая площадь,

по другой—почта и самое большое въ Габровѣ двухъэтажное строеніе—школа, съ которою связана бездна патріотическихъ воспоминаній. Здѣсь основалъ, въ 1835 г., Василій Априловъ, болгаринъ, сдѣлавшійся одесситомъ первую гимназію на европейскій образецъ. Заведеніе сдѣлалось вскорѣ свѣточемъ, распространившимъ просвѣщеніе въ Болгаріи, здѣсь получилъ воспитаніе и подготовку цѣлый строй людей, поборниковъ прогресса, учителей и основателей народныхъ училищъ, которыя размножились въ несчетномъ количествѣ. Училища эти были свѣтскія, духовенство почти въ нихъ совсѣмъ не участвовало. На устройство и содержаніе этихъ школъ дѣлаемы были щедрыя пожертвованія и отказы по завѣщаніямъ. Собственно имѣлись въ виду въ этихъ записяхъ и отказахъ только однѣ школы, но дабы защитить эти фонды отъ конфискаціи, возможной при турецкомъ правительствѣ, всякое пожертвованіе значилось: на церковь и на школы. Теперь эта фраза составляетъ камень преткновенія при упорядоченіи отношеній между школою и духовенствомъ. Во время войны гимназія была закрыта, въ ней устроили госпиталь. Нынѣ учебное заведеніе воскресаетъ, открыты низшіе 4 класса, ученики не вносятъ никакой платы за ученіе, урокамъ посвящены четыре часа въ день. Простыя, грубыя деревянныя скамейки неполированныя, въ библіотекѣ два шкапа съ книгами, на стѣнахъ портреты Априлова и того угорскаго русина, котораго собственно звали Юрій Гуца († 1839), но которой усвоилъ себѣ имя Венелина, и который подъ этимъ именемъ сдѣлался первымъ виновникомъ болгарскаго возрожденія въ XIX столѣтіи.

Въ Габровѣ не имѣется собственно гостиницъ; единственное средство, которымъ пользуются пріѣзжіе, могущіе разсчитывать на нѣкоторую благосклонность со стороны окружнаго начальника, заключается въ томъ, чтобы отправиться къ нему и упросить его о помѣщеніи просителя постоемъ у кого-нибудь изъ мѣстныхъ болгаръ. Я получилъ отъ него записку и страж-

ника, который меня свелъ къ одному изъ зажиточнѣйшихъ обывателей. (Турокъ нѣтъ вовсе въ Габровѣ или его окрестностяхъ). Мнѣ дали обширную комнату, удобную кровать, даже постель, но умываться я долженъ былъ ходить къ фонтану на дворѣ, а о чисткѣ саноговъ нельзя было и думать. Чтобы справиться съ этою частью тоалета, надо идти въ первую ближайшую кафану и ждать, скинувъ обувь, пока ее почистятъ, а между тѣмъ сидѣть поджавши ноги, по турецкому обычаю.

На слѣдующій день я совершилъ довольно утомительную поѣздку верхомъ чрезъ Балканы, на фортъ св. Николая и Шипку (33 версты). Поданы мнѣ двѣ лошади, на одну навьючены мои пожитки, на другую взобрался я самъ. Взбираться пришлось не безъ труда на высокое деревянное сѣдло въ видѣ усѣченной пирамиды. Стремянъ не было никакихъ, или, лучше сказать, ихъ заступали прикрѣпленныя съ обѣихъ сторонъ веревки, въ которыя вкладывались ступни. На этихъ веревкахъ приходилось держаться, сохраняя по возможности равновѣсіе. Мой проводникъ, дюжій парень лѣтъ 25, болтунъ и пройдоха, торгашествовалъ у турокъ въ Систовѣ, выдавалъ себя по мѣрѣ надобности то за цыгана то за помака, то-есть за обасурманившагося болгарина. Нѣсколько разъ турки забирали у него оружіе и *драги*, то-есть одежду, стрѣляли въ него, но и онъ, когда могъ, стрѣлялъ и *ризалъ* турокъ. Другаго коня велъ подъ уздцы момакъ или подростокъ лѣтъ 14. Оба мои спутника много разъ пробирались чрезъ Балканы зимою по тому же пути, собирали брошенныя ружья, разсыпанные патроны, больше чѣмъ вѣроятно, что они обирали и снимали что могли съ труповъ людей, которыхъ здѣсь погибло много десятковъ тысячъ. Первыя 7 верстъ путь былъ достаточно ровенъ, затѣмъ онъ подымался вверхъ на протяженіи послѣдующихъ 8 верстъ. Путь этотъ достаточно широкъ, такъ что насъ поминутно опережали, нетѣсня, четырехконныя повозки Габровскаго ла-

зарета, оставлявшаго Габрово за прекращеніемъ лихорадокъ и вывозомъ оттуда раненыхъ. Видовъ обширныхъ не имѣемъ никакихъ передъ собою, потому что мы взбираемся на бо́льшія и бо́льшія высоты по гребнямъ, отдѣляющимся отъ главнаго хребта, при чемъ мы объѣзжаемъ крупные горбы и съ одного плоскогорія переходимъ на другое. Горы всѣ слегка закругленныя, куполообразныя, съ легкими спусками, безъ обрывовъ и пропастей, такъ что ихъ легко пересѣкать по всѣмъ направленіямъ; древесная зелень пріятна для глазъ на фонѣ розовыхъ скалъ и ихъ сыпучихъ окраинъ. Мы очень часто оглядываемся назадъ, потому что чѣмъ дальше ѣдемъ, тѣмъ пейзажъ за нами дѣлается шире, цѣльнѣе и великолѣпнѣе. Онъ нѣсколько похожъ на волны слегка взбаламученнаго моря, отдѣляющагося въ неизмѣримой дали отъ неба правильнымъ кругомъ горизонта. Послѣ пятичасовой ѣзды мы взобрались на наивысшую изъ имѣвшихся предъ нами вершинъ, не закругленную, а пирамидальную, съ неодинаково покатистыми сторонами, крутою съ правой, болѣе покатою съ лѣвой стороны. Здѣсь только мы завидѣли еще одну, послѣднюю и гораздо высшую вершину, куполообразную и совершенно почти нагую, нѣчто въ родѣ башни, а на этой башнѣ стоитъ отвѣсно что то вродѣ длиннаго чернаго столба. Двѣ черныя параллельныя и прямолинейныя полосы проходятъ подъ вершиною снизу. Таковъ этотъ вулканъ, нынѣ остывшій и покинутый, такова кровавой памяти твердыня св. Николая. Кругомъ форта, съ обѣихъ сторонъ, и по направленію къ Габрову, и по направленію къ Казанлыку расположены вѣнцомъ другія вершины, весьма мало уступающія горѣ св. Николая. Ихъ занялъ Сулейманъ паша и съ нихъ бомбардировалъ фортъ св. Николая, такъ что въ числахъ отъ 10 до 14 августа 1877 г. защищавшія крѣпость войска должны были одновременно и отражать бѣшеныя атаки лѣзшихъ на батареи турокъ, и подвергаться осыпавшему ихъ дождю бомбъ и гранатъ. Двѣ черныя полосы образованы

рвами укрѣпленій. Помощь на выручку защитникамъ явилась съ той дороги, по которой мы подъѣзжали къ форту. Вся дорога прикрыта по бокамъ деревянными засѣками, фашинами, коробами наполненными мусоромъ. Теперь на этихъ коробахъ пестрѣютъ, алѣя, маковые цвѣты. Эти искусственныя стѣны, завалы и прикрытія въ половину человѣческаго роста устраиваемы были по ночамъ и въ потьмахъ, потому что вся дорога извивается по открытому гребню и вполнѣ обстрѣливается орудіями изъ форта. Въ теченіи всей осени 1877 г. и зимы, вплоть до весны (по крайней мѣрѣ до конца февраля) здѣсь лежали непогребенные останки десятковъ тысячъ людей убитыхъ или замерзшихъ, трупы лошадей, буйволовъ, солдатъ и такъ называемыхъ *бѣженцовъ*, или выходцевъ туземцевъ, бѣжавшихъ во избѣжаніе рѣзни, иногда рядкомъ лежали пушки на лафетахъ съ цѣлою упряжью и прислугою. На этой высотѣ въ 4 до 5 тысячъ футовъ свирѣпствуютъ крѣпкіе морозы и дуетъ столь сильный вѣтеръ, что онъ порываетъ и низвергаетъ внизъ людей и лошадей. Я слышалъ отъ офицеровъ, проѣзжавшихъ по этой дорогѣ въ іюлѣ 1878 г., что они собирали крупную и сочную землянику на скатахъ форта, среди бѣлѣющихъ костей и череповъ. Нынѣ нѣсколько въ зеленый цвѣтъ окрашенныхъ крестовъ и воткнутыхъ въ землю жердей обозначаютъ мѣсто покоя убитыхъ, сложенныхъ подъ одною могилою. На самую вершину форта ведетъ узенькая тропа. Мы объѣхали фортъ полукруговымъ оборотомъ и только тогда разглядѣли, что значитъ черный столбъ надъ фортомъ. Намъ представился колоссальный черный крестъ, на который надѣтъ столь же огромный вѣнокъ изъ вѣтвей, покрытыхъ высохшими листьями. Съ другаго конца описаннаго нами полукруга вершина представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ. Когда мы подъѣзжали, она была обращена широкою своею стороною, теперь она представляетъ намъ одну узенькую, обращенную вверхъ и закругленную пятку изъ сѣрыхъ, громоздящихся одинъ на другой, почти от-

вѣсно гранитныхъ столбовъ, на нихъ торчитъ въ мрачномъ и грозномъ величіи тотъ исполинскій черный крестъ, о которомъ я упоминалъ. Какъ ни неприступною кажется съ виду эта пятка, условлено было турками взять ее за цѣль их атаки 3 сентября 1877 г. Они добрались до этихъ скалъ, нечаемые защитниками, на разсвѣтѣ и произвели переполохъ, но были съ большимъ урономъ отражены. Ихъ трупы пролежали цѣлые мѣсяцы, распростертые на скалахъ, заражая воздухъ. Объѣхавъ кругомъ крѣпость, мы достигли спуска; спускъ этотъ гораздо круче нашего прежняго подъема, между двухъ горныхъ стѣнъ. Вдали, на краю небосклона обрисовалась темно-синяя цѣпь горъ, которыя, по словамъ нашихъ проводниковъ, называются Старые Балканы.

Въ треугольникѣ между этимъ кряжемъ старыхъ Балканъ и горными стѣнами, между которыми мы углубляемся, спускаясь внизъ, раскинулась широкая, привольная, веселая, залитая лучами солнца, долина Тунджи, съ едва замѣтнымъ вдали Казанлыкомъ. Расходящіеся боковые горные кряжи спускаются стѣнами блѣднѣющей постепенно зелени въ «долинѣ розъ». Отъ форта до Шипки всего только 6 верстъ, но Шипки не видать, и открыли мы ее только на разстояніи одной версты подъ нашими ногами. Народу пропасть, шуму много, спускаются коляски, повозки, вьючныя лошади, которыя перевязали одна съ другой веревками ихъ погонщики. Къ намъ на встрѣчу ѣдутъ цѣлые отряды мущинъ верхами, множество женщинъ съ грудными дѣтьми на высокихъ сѣдлахъ—это паціенты, возвращающіеся съ минеральныхъ забалканскихъ водъ. Французу, ѣдущему съ скрипкою за плечами я кричу vive l'art! на прощанье. Револьверъ, которымъ я вооружился, совсѣмъ не нуженъ, обѣ Болгаріи можно проѣхать безъ всякаго оружія, до того все спокойно и безопасно. Въѣзжаемъ въ Шипку. Она была селеніе не менѣе Габрова, но турки ее разорили послѣ первой экспедиціи генерала Гурки. Они уничтожили ее мастерски, такъ что nec locus ubi Troia fuit, а остались

только кучи камней и обломки кирпичныхъ стѣнъ. Среди этихъ развалинъ сколочены наскоро лавочки и шалаши, въ которыхъ продаются кислое красное вино, *absinthe suisse*, бакалеи, овощи и черный, клейкій хлѣбъ, всетаки пшеничный, въ которомъ столько песку, что онъ хруститъ между зубами. Дорога въ 12 верстъ отъ Шипки до Казанлыка ровная, точно шоссейная. Полей покрытыхъ розанами не видать, но въ воздухѣ носится ароматъ. Стелются желтыя поля съ высохшими растеніями и травою, потомъ на нѣсколько верстъ тянутся запущенные сады и огороды. Проводники вытряхиваютъ съ деревъ грецкіе орѣхи. Пастухи, присматривающіе за стадами овецъ усѣлись на многочисленныхъ курганахъ. Три четверти Казанлыка совсѣмъ разрушены, но въ послѣдней четверти жители вновь отстроились. Есть гостиницы, есть и тріумфальныя, зеленью покрытыя ворота въ честь императорскаго комиссара князя Дондукова. Я расположился ночевать на почтовой станціи, слѣдующей за Казанлыкомъ, въ избѣ безъ оконъ, на глиняномъ полу, выстланномъ сѣномъ. На разсвѣтѣ я пробираюсь чрезъ старый Балканъ и въѣзжаю въ безконечныя развалины, среди которыхъ имѣются останки 7 церквей, 2 училищъ и множества большихъ каменныхъ строеній. Мой ямщикъ указалъ мнѣ свой домикъ, въ который вернулась уже его семья, и что то лѣпитъ и стряпаетъ въ этихъ развалинахъ. Сотни семействъ работаютъ надъ созданіемъ чего то, болѣе похожаго на ласточкины гнѣзда, нежели на жилища, потому что стѣна закладывается обыкновенно въ одинъ кирпичъ и строится изъ кирпичей сырыхъ, не обожженныхъ, такъ что она размывается отъ одного ливня, и вся постройка можетъ разомъ рухнуть. Спрашиваю, какъ зовутъ городъ. Мнѣ отвѣчаютъ, что Калоферъ. Вдали виднѣется съ многочисленными минаретами Карлова, гдѣ турки повѣсили тысячи двѣ болгаръ. Кругомъ ея шесть турецкихъ деревень, до тла разрушенныхъ болгарами, куда не возвращаются турецкіе выходцы, и откуда бол-

гары таскаютъ для себя дерево, тафли, желѣзо. Иногда на пустошахъ турецкихъ уже поселился и отстроился болгаринъ, такъ что возвращающійся турокъ долженъ вести процессъ, при чемъ вопросъ политическій и національный превращается еще въ аграрный и страшно осложняется и запутывается. Къ счастію для болгаръ, возвращающихся турокъ мало, остальные либо совсѣмъ выселились, либо перемерли въ этихъ кочевкахъ большими толпами, которыя нашему, непривыкшему къ такимъ зрѣлищамъ вѣку явили подобіе и примѣръ великаго переселенія народовъ, послужившаго началомъ среднимъ вѣкамъ. Въ половинѣ 1877 г., послѣ неосмотрительнаго похода за Балканы генерала Гурки, обратное теченіе выходцевъ болгаръ залило на нѣкоторое время все Габрово. Переселялись цѣлыя поколѣнія съ худобою, скотомъ и всею рухлядью, они кочевали по горамъ, тысячи людей вымирали. Послѣ сдачи Плевны и новаго зимняго похода за Балканы, послѣ пораженія Сулеймана паши подъ Филиппополемъ, у подножьевъ Родопа, такимъ же теченіемъ хлынуло населеніе турецкое черезъ Шаскіой до Адріанополя и Царьграда. Обозъ подвигался шеренгами, въ четыре повозки рядомъ; такихъ повозокъ было до 20.000; людей, съ ними уходившихъ, было по крайней мѣрѣ 200.000. Произошла стычка этого переселенческаго люда съ заскакавшимъ впередъ на встрѣчу имъ русскимъ войскомъ. Въ этой паникѣ, въ этой рѣзнѣ и бѣгствѣ въ разсыпную перемерли или убиты нѣсколько десятковъ тысячъ людей, по большей части женщинъ и дѣтей. Спасшіеся бѣглецы помѣщены въ лагерѣ подъ Адріанополемъ. Говорятъ, что въ числѣ несчастныхъ, нашедшихъ пріютъ подъ шатрами этого лагеря, не было вовсе дѣтей, а только одни подростки. Сегодня эти кочующіе выходцы-изгнанники наполняютъ всѣ дворовыя мѣста кругомъ мечетей, всѣ кладбища и торговыя площади, даже мѣста подъ вагонами и на платформахъ желѣзныхъ дорогъ.

Мы проѣзжаемъ Бани (теплые минеральные ключи)

и Кара-Топчакъ (черноземъ). Въ Кара-Топчакѣ извозчики разсматриваютъ съ большимъ любопытствомъ мою карту Болгаріи, приложенную къ Исторіи Болгаріи Иречка. Начальникъ станціи, съ которымъ всѣ извозчики обходятся на основаніяхъ полнѣйшаго панибратства и равенства, кончилъ курсъ въ Габровской гимназіи и читаетъ французскія книги. Дорога, гладкая точно скатерть, доходитъ до самыхъ горъ Родопскихъ. Ровное, почти геометрически правильное полукружіе безлѣсной плоскости доходитъ до подножія этихъ горъ, среди которыхъ на ихъ блѣдномъ фонѣ выдѣляется нѣсколько ближе къ намъ лежащихъ пирамидальныхъ, остроконечныхъ, зубчатыхъ вершинъ. На нихъ раскинутъ городъ, который грекъ называетъ Филиппополемъ, а болгаринъ Пловдивомъ. Городъ по наружности совсѣмъ турецкій, со множествомъ минаретовъ. Въ сущности это городъ греческій, по господствующему здѣсь духу греческому. Здѣсь живя, зажиточный болгаринъ незамѣтнымъ для себя образомъ огречивается. Хотя здѣсь теперь вся высшая администрація Болгаріи, съ императорскимъ комиссаромъ во главѣ, хотя сюда переселился изъ Константинополя экзархъ болгарскій, хотя здѣсь издается патріотическая болгарская газета «Марица», но не тутъ сердце и столица Болгаріи. Всѣ помышленія болгаръ устремлены въ иной пунктъ. Есть неказистая деревня у подножья горы Витоша, у истоковъ главныхъ болгарскихъ рѣкъ Марицы и Искера. Эта деревня одинаково близка и добалканской и забалканской Болгаріи, которую никто изъ болгаръ не рѣшается называть «Восточною Румеліею», какъ того требуетъ берлинскій конгресъ. Это—Софія, туда переѣзжаютъ всѣ оффиціальныя канцеляріи и присутственныя мѣста; что касается до Родопа, то начавшаяся родопская инсуррекція, нынѣ подавленная, состояла изъ двухъ элементовъ: изъ остатковъ арміи Сулеймана паши, неушедшихъ въ Боснію, куда они должны были направиться противъ австрійцевъ, и изъ мѣстныхъ, ушедшихъ въ горы, помаковъ или обасурма-

нившихся болгаръ, которымъ настоящіе болгары-христіане не отдаютъ захваченныхъ у нихъ полей и усадьбъ. Нынѣ уже и не упоминаютъ о Родопскомъ движеніи, а только о болгарскихъ движеніяхъ въ Македоніи. Восточный вопросъ являетъ собою подобіе вязанаго дырявяго чулка, который все больше и больше распарывается. Едва лишь успокоилось въ одномъ мѣстѣ, тотчасъ нарываетъ и вспыхиваетъ въ другомъ и такъ дальше безъ конца, то-есть, какъ говорятъ болгары, до изгнанія турокъ изъ Европы. Я познакомился съ интереснымъ человѣкомъ, Мариномъ Дриновымъ, бывшимъ профессоромъ харьковскаго университета, нынѣ министромъ просвѣщенія въ Болгаріи, который сообщилъ мнѣ любопытныя свѣдѣнія о проэктируемой организаціи народнаго просвѣщенія въ Болгаріи.

Филиппополь соединенъ съ Константинополемъ желѣзницею или желѣзною дорогою, которую строилъ берлинскій еврей, банкиръ баронъ Гиршъ, получившій гарантію дохода съ версты. Гиршу выгодно было обходить всякій холмъ, вести дорогу въ видѣ извивающейся ленты. Онъ наложилъ до 100 верстъ лишнихъ. Я исключаю изъ моего разсказа и неудобства, испытываемыя на этой дорогѣ путешественникомъ (здѣсь нѣтъ печатнаго росписанія поѣздовъ и можно изголодаться, такъ какъ нѣтъ и буфетовъ), и Адріанополь съ дивною, красивѣйшею въ Европѣ, а можетъ быть и на всемъ свѣтѣ джаміею султана Селима II (она лучше Св. Софіи и Солиманіэ константинопольскихъ), и настоящую румелійскую пустыню отъ Адріанополя до береговъ Мраморнаго моря, стрегомыхъ расположенными подъ лагерными шатрами русскими солдатами вплоть до Чаталджи, и Босфоръ, и, наконецъ, самъ Константинополь. Читатель ждетъ отъ меня, вѣроятно, чего нибудь кромѣ отрывочныхъ путевыхъ впечатлѣній, желаетъ имѣть заключенія. Я и предлагаю эти заключенія, не отвѣчая за ихъ безошибочность.

Среди развалинъ, въ странѣ полудикой, неимовѣрно плодоносной, но и жестоко испытанной и разорен-

ной, въ глаза бросается фактъ очевидный, чрезвычайно разительный и много обѣщающій въ будущемъ: подъемъ слагающагося и организующагося новаго народа, увѣреннаго въ томъ, что онъ справится съ крупными задачами новаго, открывающагося предъ нимъ существованія при условіяхъ гораздо болѣе трудныхъ нежели прежнія. Эта увѣренность не основана нисколько ни на дипломатическихъ расчетахъ, ни на условіяхъ берлинскаго трактата.

Я не встрѣчалъ болгарина, который бы мирился съ существованіемъ отдѣльной Восточной Румеліи. Всѣ знаютъ только одну Болгарію по обѣ стороны Балканъ и полагаютъ, что такъ какъ трактатъ на бумагѣ одно, а сила обстоятельствъ другое, то и исполненіе условленнаго протянется сверхъ назначенныхъ въ трактатѣ сроковъ, слѣдовательно, русская оккупація продлится сверхъ положенныхъ 9 мѣсяцевъ, а такъ какъ и другія положенія трактата оказались неудобоисполнимыми на практикѣ, то и возстановленіе турецкаго владычества въ Румеліи встрѣтитъ непреодолимыя препятствія. Возвратъ къ турецкому владычеству окажется невозможнымъ при запутанности аграрныхъ отношеній, хотя бы онъ соединялся съ автономіею; дѣло не обойдется безъ рѣзни, которой не захотятъ европейскія государства. Они отступятъ отъ трактата, измѣнятъ его. Обѣ страны,—Болгарія и Восточная Румелія—сплотятся опять въ одно цѣлое, тѣмъ болѣе, что ихъ сліяніе ни въ чемъ не нарушитъ спокойствія Европы. По всей Болгаріи, съ обѣихъ сторонъ Балканъ, по городамъ и селамъ собираются подписи на адресѣ о такомъ соединеніи. Я говорилъ въ Филиппополѣ съ людьми весьма степенными, извѣстными патріотами, которые собирались съ этими адресами въ Константинополь, чтобы представить ихъ Оттоманской Портѣ,— хотя имъ представляли, что съ точки зрѣнія турецкаго правительства ихъ ходатайство можетъ быть сочтено государственною измѣною и можетъ повлечь за собою соотвѣтственныя тому послѣдствія.

Бойкая энергія, съ которою болгары несутъ на себѣ бремя трудныхъ задачъ своего будущаго, устраняетъ сразу множество обращающихся нынѣ неблагопріятныхъ для нихъ сужденій, которыя теперь въ ходу у народовъ, на близкомъ разстояніи ихъ наблюдавшихъ. Въ глазахъ болгаръ турки—не люди. Для турокъ нѣтъ у болгарина никакой жалости и милосердія. Рѣзня и убійство были въ этомъ движеніи въ порядкѣ вещей. Въ добалканской Болгаріи вернувшіеся выходцы турки найдутъ еще кусокъ земли, потому что мѣстныя власти дѣлали опись покинутымъ поселеніямъ и общины отдавали такіе земельные и полевые участки въ аренду, но въ забалканской Болгаріи болгаринъ присвоилъ себѣ и поле, и усадьбу, и возвращающійся собственникъ не найдетъ, гдѣ и голову свою приклонить.

Болгаринъ всегда себѣ на умѣ. Всякій русскій солдатъ помнитъ множество случаевъ, какъ его обирали и обсчитывали братушки. Эти же братушки точно такимъ же образомъ эксплоатировали своихъ земляковъ, бѣжавшихъ изъ теперешней Восточной Румеліи чрезъ Шипку и Балканы и расположившихся лагеремъ у подножія Балканъ съ другой ихъ стороны. Эти упреки болгарамъ слышатся изъ устъ русскихъ, весьма почтенныхъ людей. Легко себѣ представить, какъ судятъ болгаръ греки и румыны. Когда я ѣхалъ на пароходѣ изъ Землина въ Орсову, мнѣ удалось слышать почти цѣлый курсъ румынской политики, преподанный на французскомъ языкѣ румынами собесѣдникамъ ихъ, какимъ-то знатнымъ англичанамъ, которыхъ румыны старались видимо расположить въ свою пользу. Румыны, какъ извѣстно, ужасные хвастуны, они себѣ приписывали заслугу сдачи Османа подъ Плевной и утверждали, что Англія лишилась всего своего престижа тѣмъ, что согласилась на отдачу Россіи куска Бессарабіи взамѣнъ за Добруджу. Румыны не называютъ болгаръ иначе, какъ bêtes feroces, для которыхъ безразличны государство, политическія учрежденія, народность и которые одно только пони-

маютъ, что они христіане, а въ остальномъ изъ нихъ можно что угодно вылѣпить. Въ этой ругани много непослѣдовательнаго и преувеличеннаго. У всякаго народа, даже и у весьма образованнаго, бываютъ бѣшеныя вспышки и проявленія кровожадности въ пылу страстныхъ порывовъ, тѣмъ болѣе же въ рѣшительной борьбѣ на жизнь и смерть. Народъ, не имѣвшій въ теченіи вѣковъ самостоятельнаго существованія и не располагавшій собою, менѣе отвѣтственъ за свою необузданность и излишества, нежели другіе народы, пользовавшіеся благами, которыхъ онъ былъ лишенъ. Если по отношенію къ туркамъ болгары до мозга костей христіане, то это качество можетъ только усилить сочувствіе для болгаръ европейскихъ народовъ, потому что, хотя на западѣ Европы движеніе впередъ и прогрессъ совершаются не подъ религіознымъ знаменемъ и лозунгомъ, на востокѣ борьба имѣетъ первобытную и простую форму спора о томъ, евангеліе ли возьметъ верхъ или коранъ.

Не разъ случается въ спорахъ между поляками, что нѣкоторые спорщики берутъ сторону турокъ, причемъ забываются Варна, Хотинъ и Собѣскій, ужасы турецкаго рабства, та старинная поговорка, повторяемая многіе вѣкакакъ, аксіома, что Польша — antemurale christianitatis. Многимъ изъ насъ кажется, какъ будто бы исторія для насъ покончилась на Карловицкомъ трактатѣ 1699 г., послѣ котораго дѣятельную роль въ борьбѣ съ исламомъ играли уже болѣе счастливые, нежели Польша народы. Такой взглядъ страдаетъ двумя недостатками: во-первыхъ, тѣмъ, что владычество турокъ пріостановило на нѣсколько вѣковъ процессъ развитія нѣскольких сложившихся южно - славянскихъ народовъ, которые, однако, сохранили память о своемъ прежнемъ бытьѣ; во-вторыхъ, тѣмъ, что даже смягченное въ своихъ формахъ и нѣсколько облегченное владычество турецкое лежало бы громаднымъ, неподвижнымъ камнемъ на спинахъ милліоновъ людей настолько развитыхъ, что не могли уже примириться со своимъ положеніемъ,

какъ съ чѣмъ то роковымъ, но по слабости своей немогущихъ освободиться собственными своими силами. Нѣтъ возможности разсчитывать на успѣхи просвѣщенія и нравовъ въ Турціи. Мечтать о чемъ-то подобномъ,—значитъ предполагать невозможное, что турки когда-нибудь разстанутся съ кораномъ. Турція не можетъ долго держаться въ Европѣ, здѣсь дни ея сосчитаны, но коранъ имѣетъ удивительную жизненную силу и несокрушимые устои въ Азіи и Африкѣ. Раздраженіе было-бы хроническое, съ постояннымъ переходомъ въ острыя воспаленія. Совершено было великое дѣло, весьма своевременно, и хорошо, что это дѣло сдѣлано, потому, что оно стоило всѣхъ принесенныхъ жертвъ. Освобожденный народъ носитъ на себѣ всѣ признаки многовѣковаго рабства: онъ несообщителенъ, грубъ и непріятенъ, мало привыченъ къ дѣйствованію по правиламъ дисциплины группами и массами. Донынѣ всякъ жилъ только своимъ домомъ и своею семьею, родовыя связи весьма сильны, чистота иравовъ удивительная, слѣдуетъ только желать, чтобы въ этой семьѣ повышена была на нѣсколько степеней женщина, забитая и подавленная, какъ то бываетъ на цѣломъ востокѣ.

Несомнѣнно, что болгаринъ имѣетъ многія хорошія черты характера, онъ предпріимчивъ и экономенъ, весьма трудолюбивъ и выносливъ, притомъ онъ искрененъ и разсудителенъ и привыкъ держать свое слово. Новыя условія жизни труднѣе прежнихъ, бывшихъ во времена, предшествующія освобожденію. Прежде не было воинской повинности, отъ которой раіи были устранены, не было обремененія податями. Ужасенъ былъ турецкій пріемъ отдачи на откупъ десятины и взиманія откупщиками денегъ и продуктовъ, но зажиточность и обиліе средствъ у жителей удивили прибывшихъ въ Болгарію русскихъ людей и самого князя Черкаскаго. Нынѣ приходится нести военную службу въ разоренной странѣ и подчиняться всѣмъ военнымъ и полицейскимъ порядкамъ, которые ощущаются какъ бѣдствіе и тягость всякимъ,

побывавшимъ нынѣ напримѣръ въ Сербіи; приходится, кромѣ того, платить за всякое новое учрежденіе, за школы, суды, администрацію. Организація не установилась, всюду одни начинанія и опыты. Я отмѣчу, что̀ при мнѣ было начато или проектируемо по части судоустройства и народнаго образованія.

Организуются вполнѣ одинаково обѣ Болгаріи по обѣ стороны Балканъ, какъ будто-бы Болгарія по берлинскому трактату со своими 8 маленькими губерніями и Восточная Румелія со своими 2 большими губерніями составляли сплошь одно цѣлое. Все учреждается по одному и тому-же плану, хотя нѣкоторыя высшія установленія только слегка намѣчены, или указаны, и ожидать ихъ можно лишь въ далекомъ будущемъ. Обѣ Болгаріи подраздѣляются на губерніи (прежніе санджаки), губерніи, на уѣзды или округи. Болѣе значительные города отдѣлены отъ своихъ губерній и имѣютъ своихъ полиціймейстеровъ и свои городскіе совѣты. Округъ имѣетъ свой административный окружной совѣтъ и своего начальника округа. Уѣздные начальники назначаются правительствомъ, большею частью это русскіе офицеры, но въ Тырновѣ я видѣлъ въ этой должности молодаго болгарина, недавно предъ тѣмъ бывшаго студентомъ технологическаго института въ С.-Петербургѣ. При начальникахъ состоятъ ихъ помощники и секретари изъ молодыхъ болгаръ. Отношенія между начальникомъ округа и совѣтомъ не очень точно опредѣлены. Начальникъ снабженъ правомъ протеста, но всѣ отрасли управленія, полиція, благосостояніе и безопасность, даже финансы, поручены административнымъ совѣтамъ. Любопытно, что въ этихъ совѣтахъ, въ настоящей Болгаріи, велись довольно точные списки нѣкоторымъ землямъ и помѣстьямъ, они были сдаваемы въ годовую аренду съ торговъ, такъ что вернувшіеся турки могли повѣрить доходность земель во время ихъ отсутствія и получить доходы, а по истеченіи срока аренды войти во владѣніе своими недвижимыми имуществами. Съ другой стороны

Балканъ, напротивъ того, не велись вовсе такіе списки. На каждую изъ губерній въ Болгаріи число возвратившихся мусульманъ приходится отъ 8 до 10 тысячъ.

Администрація систематически отдѣлена отъ суда. Я совсѣмъ выдѣляю изъ моего обзора суды мусульманскіе духовные, разбирающіе дѣла по шаріату. Кромѣ этихъ судовъ существовали еще при турецкомъ господствѣ судилища изъ засѣдателей по выбору и изъ предсѣдателя по назначенію отъ правительства. Засѣдатели функціонировали только какъ декорація, прикладывая печати къ изготовляемымъ безъ ихъ участія приговорамъ. Дѣла проходили весьма медленно четыре инстанціи. Первую составлялъ судъ «кадія» или окружной, вторую—главный судъ въ санджакѣ, третью судъ «валія» или паши губернатора въ Рущукѣ, послѣдній судъ—въ Константинополѣ. Возстаніе болгаръ опрокинуло и разрушило судилища всѣхъ трехъ высшихъ инстанцій. Остался только судъ кадія, который судилъ окончательно всѣ гражданскія дѣла; уголовныя дѣла судятъ такъ называемые русскіе полевые суды, рѣшающіе на основаніи свода военныхъ постановленій всѣ дѣла, не только политически окрашенныя, но и обыкновенныя, начиная съ воровства и мошенничества и до смертоубійства. Но если судъ кадія остался, то онъ и видоизмѣнился до неузнаваемости. Нынѣ это судъ коллегіальный, судейскія мѣста занимаютъ молодые болгары, только въ городахъ, гдѣ преобладаетъ мусульманское населеніе, напримѣръ, въ Рущукѣ, въ составъ суда входятъ и магометане. Я посѣщалъ эти суды. Рѣшетка отдѣляетъ судей и секретаря отъ сторонъ, свидѣтелей и публики. Судьи, свидѣтели, стороны говорятъ всѣ одновременно, посторонніе даже вмѣшиваются въ пренія и даютъ объясненія, по крайней мѣрѣ я видѣлъ подобное вмѣшательство со стороны показывавшаго мнѣ судъ и знакомаго съ судьями члена мѣстнаго административнаго совѣта. Рѣшенія постановляемы были скорѣе по совѣсти, нежели по буквѣ закона, потому что еще совсѣмъ

не рѣшено, какое матеріальное гражданское право будетъ дѣйствовать на будущее время въ Болгаріи. Обыкновенно болгарскіе судьи руководствуются сборникомъ оттоманскихъ законовъ, составленнымъ Аристархибеемъ и переведеннымъ на французскій языкъ. Эти уставы составлены прекрасно, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, посвященные недвижимой собственности, талантливо обработаны французами. Но въ числѣ судей бываютъ и такіе, которые бы желали примѣнять Наполеоновъ кодексъ, или сербское законодательство, или другія западноевропейскія, съ которыми они познакомились, побывавъ долгое время за границею. Особая законодательная комиссія при императорскомъ комиссарѣ, въ которой главное лицо С. И. Лукьяновъ, бывшій членъ варшавскаго сената, изготовила судоустройство и судопроизводство уголовное и гражданское, не касаясь матеріальнаго права, которое останется какимъ оно было, то есть оттоманскимъ, пока сама Болгарія не создастъ для себя новаго гражданскаго кодекса. Равнымъ образомъ, будетъ примѣняться въ будущемъ уголовный оттоманскій кодексъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Обыкновенные суды получатъ двѣ инстанціи: окружные суды (бывшіе кади) и апелляціонные, по одному на губернію. Въ окружномъ судѣ правительство назначаетъ предсѣдателя и двухъ членовъ на жалованьи, сверхъ коихъ будутъ въ судѣ участвовать 12 выборныхъ засѣдателей, чередующихся помѣсячно и участвующихъ въ числѣ четырехъ въ каждомъ комплектѣ. Выборы въ судьи заведены двустепенные. Землевладѣльцы выбираютъ избирателей по 1 на 50 дворовъ, а избиратели—судей. Въ апелляціонномъ только одинъ членъ коронный чиновникъ, а остальные шестеро выборные, избираемые съѣздомъ всѣхъ административныхъ совѣтовъ и окружныхъ судовъ, собирающимся въ главномъ городѣ губерніи, то-есть собраніемъ изъ 70 до 90 человѣкъ, руководимымъ губернаторомъ. При мнѣ открыты были два такіе апелляціонные губернскіе суды, въ Софіи и въ Филиппополѣ.

Въ обоихъ императорскій комиссаръ назначилъ коронныхъ членовъ изъ числа лицъ, избранныхъ уже избирателями въ кандидаты на судейскія должности. Въ составъ этихъ судовъ вошли бывшіе народные учителя, даже записные юристы, получившіе образованіе и ученыя степени въ иностранныхъ, русскихъ и французскихъ университетахъ. На выборахъ, какъ въ административные совѣты, такъ и въ окружные суды, верхъ одержала такъ называемая молодая Болгарія (молодые прогрессисты), устраняемы же были по возможности, такъ называемые *чорбаджіи*, люди стараго покроя, занимавшіе высшія должности при турецкомъ правительствѣ, или бравшіе на откупъ десятины, или занимавшіеся собираніемъ податей. Главная ошибка князя Черкаскаго въ самомъ началѣ его управленія заключалась въ томъ, что онъ допустилъ, что его окружили и что имъ руководили эти старомодные и отсталые патріоты, пропитанные насквозь, до мозга костей, всѣми мерзостями турецкихъ обычаевъ и турецкаго режима. Одинъ изъ такихъ чорбаджіевъ, извѣстный болгарскій поэтъ, Найденъ Геровъ, назначенъ былъ губернаторомъ въ Систовѣ. Его назначеніе сильно подѣйствовало въ томъ смыслѣ, что начальникъ гражданскаго управленія въ Болгаріи потерялъ популярность, и что отъ него стали сторониться молодые люди, весьма порядочные и благонамѣренные, которыхъ онъ считалъ опасными агитаторами и съ которыми онъ обходился сурово и рѣзко. Кромѣ обыкновенныхъ судовъ будутъ дѣйствовать еще и специальные или чрезвычайные, какъ то: коммерческіе суды (одинъ такой уже учрежденъ въ Филиппополѣ), сельскіе суды старшинъ для рѣшенія мелкихъ дѣлъ крестьянскихъ, суды мусульманскихъ кадіевъ для дѣлъ между магометанами, судимыхъ по шаріату, наконецъ, духовные суды православные, съ весьма сокращеннымъ кругомъ вѣдомства, потому что до того времени владыки или епископы имѣли власть столь обширную, какъ въ Москвѣ допетровской, основанную на Номоканонѣ. Болгары поддерживали эту власть по па-

тріотическимъ мотивамъ, чтобы не обращаться въ турецкіе суды въ дѣлахъ семейныхъ между супругами, или между родителями и дѣтьми, или по предмету отказовъ по завѣщанію.

Въ судоустройствѣ нѣтъ вовсе прокурорскаго надзора, что объясняется невозможностью подобрать людей, пригодныхъ для этихъ функцій, въ странѣ, въ которой едва можно укомплектовать судейскія должности. Одинъ членъ суда спеціально занятъ исполненіемъ рѣшеній гражданскихъ судовъ при содѣйствіи полиціи. Одинъ отдѣлъ канцеляріи окружнаго суда совершаетъ нотаріальные акты, такъ что судъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нотаріатъ, что имѣло мѣсто въ дореформенномъ судоустройствѣ въ Россіи (крѣпостныя отдѣленія). Гражданское судопроизводство есть сколокъ съ устава гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 г., но въ болгарскомъ воспроизведеніи устава сдѣланы существенныя измѣненія, въ особенности по части теоріи доказательствъ. Присяга имѣетъ многообразное примѣненіе и бываетъ по соглашенію и по назначенію суда. Всякій долгъ, безъ опредѣленія его высоты, можетъ быть доказываемъ посредствомъ свидѣтелей.

Я уже упоминалъ о большихъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ въ Болгаріи на народное образованіе, на школы и церкви. Нынѣшніе устроители народнаго образованія всего больше озабочены тѣмъ, чтобы отдѣлить школу отъ церкви, чтобы всѣ пожертвованные капиталы обратить на учрежденіе школъ, обезпечивъ содержаніе духовенства средствами, отпускаемыми изъ казны. Эта реформа не встрѣчаетъ сильной оппозиціи. Высшее духовенство получало до настоящаго времени малую лишь долю доходовъ изъ капиталовъ церковно-казенныхъ а низшее сельское духовенство немногимъ разнится относительно зажиточности отъ мужиковъ. Главный источникъ доходовъ епископовъ составляла такъ называемая *владычина*, которую епископъ или митрополитъ взималъ патріархальнымъ способомъ, до сихъ поръ

употребляемымъ всѣми восточными правительствами, начиная съ Тунисскаго бея и кончая султаномъ, способомъ, описаннымъ еще у Нестора, выѣздомъ князя на полюдіе. Владыка объѣзжалъ епархію съ жандармами или заптіями. Мѣстный приходскій священникъ и жандармы выжимали сколько могли изъ сельскаго населенія, разлагая подать на семейства. Никто въ точности не зналъ количества взысканія. Часть его присвоивали себѣ тайкомъ сборщики; самъ владыка не показывалъ никогда всего того, что получилъ, внося извѣстный процентъ съ объявленнаго экзарху. Экзарху предоставляемо было больше, чѣмъ того требовало его содержаніе, потому что имѣлись въ виду бакшиши и подарки, которые шли обязательно разнымъ лицамъ въ Константинополѣ. Нынѣ содержаніе высшаго духовенства будетъ обременять, за отмѣною владычины, казну не очень значительною суммою (всего 120.000 франковъ въ годъ). На обезпеченіе сельскаго духовенства еще не изысканы средства. Всѣ церковно-казенные капиталы будутъ обращены на содержаніе школъ, но такъ какъ ихъ не хватитъ, то нельзя будетъ обойтись безъ обложенія податью общинъ. Народныя школы учреждаются во множествѣ, цѣлыми сотнями. Есть одноклассныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ, есть четырехклассныя прогимназіи въ большихъ городахъ. Кромѣ извѣстной Габровской, возникаетъ Софійская гимназія, существуютъ два духовныя училища и одна военная гимназія. Слагается, какъ видно, система воспитанія на весьма широкомъ основаніи, но безъ соотвѣтствующей вершины. Пока болгары не соберутся вывести этотъ верхній этажъ, они будутъ въ зависимости въ умственномъ отношеніи отъ иностранцевъ. Обученіе въ элементарныхъ училищахъ будетъ введено обязательное, какъ въ Пруссіи. О туркахъ вовсе не упоминается въ училищномъ уставѣ, но во всѣ училища будутъ допускаемы по желанію и магометане, по началу равноправности народностей, выраженному въ берлинскомъ трактатѣ. Бу-

дущій министръ просвѣщенія Дриновъ собирается открыть въ Софіи археологическое общество и музей древностей.

Такимъ-то образомъ оснащивается въ Болгаріи съ надлежащаго конца, то-есть снизу, цѣлая сѣть устройствъ общиннаго, административнаго, судебнаго, совершенно одинаковыхъ для обѣихъ Болгарій, отдѣленныхъ одна отъ другой постановленіями берлинскаго трактата. Буде исполнятся желанія болгаръ относительно продленія русской оккупаціи и недѣлимости Болгаріи, буде они не исполнятся, во всякомъ случаѣ это объединеніе, сколь долго бы они ни было отсрачиваемо, должно совершиться тѣмъ же способомъ и порядкомъ, какъ объединились Молдавія и Валахія. Восточная Румелія берлинскаго трактата представляетъ собою надрѣзанный листокъ артишока—Турціи, листокъ, который весьма скоро отвалится. Центральныя установленія еще не фиксированы, даже и на бумагѣ. Каковы бы не были ихъ составъ и форма, каковъ бы не былъ порядокъ выбора въ князья Болгаріи, и кто бы не былъ избранъ княземъ, есть основаніе надѣяться, что новорожденное славянское государство совладаетъ со своею задачею и даже привыкнетъ въ скоромъ времени ходить самостоятельно и безъ помочей. Въ пользу его жизненности и будущности свидѣтельствуютъ стремленіе къ образованію и ясно сознанная потребность заводить, не скупясь, возможно больше училищъ для народнаго просвѣщенія. На этихъ основаніяхъ можетъ возникнуть и окрѣпнуть здоровое общество, развивающееся свободно и самостоятельно.

Константинополь,
конецъ октября 1878 г.
(переводъ съ польскаго).

ПОѢЗДКА

ВЪ

ДАЛМАЦІЮ, БОСНІЮ И ГЕРЦЕГОВИН

въ 1882 году.

ПОѢЗДКА ВЪ ДАЛМАЦІЮ, БОСНІЮ И ГЕРЦЕГОВИНУ

въ 1882 году.

Захотѣлось мнѣ лѣтомъ 1882 г. полюбоваться вновь темною синевою «Ядранскаго моря», то-есть Адріатика, насладиться яркими красками юга и жаркими лучами солнца, а такъ какъ я всегда предпочитаю менѣе посѣщаемыя дороги и менѣе извѣстныя мѣстности, то и избралъ цѣлью моей поѣздки австрійскія заднія области (Hinterländer), Далмацію, Герцеговину и Боснію. Въ продолженіи пяти недѣль успѣлъ я обозрѣть австрійскую выставку въ Тріестѣ, который нынѣ безпокоятъ италіанскія бомбы съ динамитною начинкою, затѣмъ я посѣтилъ Загребъ, отстроившійся послѣ недавняго землетрясенія, побывалъ въ Зарѣ, извѣдалъ всѣ закоулки «Дукланова двора», то-есть по нашему Діоклеціанова дворца въ Спалато, и всѣ улицы и площади овдовѣвшаго послѣ потери князя-дожа, исчезнувшаго назадъ тому около 80 лѣтъ Дубровника-Рагузы; потомъ я восхищался дивною игрушкою архитектуры возрожденія, великолѣпнымъ соборомъ въ Шибеникѣ (Sebenico), выложеннымъ разноцвѣтнымъ мраморомъ и вѣнчаннымъ прекраснымъ куполомъ. Потомъ я проѣхалъ, не выходя изъ очень покойной коляски, по великолѣпной, недавно выстроенной, высѣченной въ скалахъ дорогѣ зубчатыми зигзагами изъ Котора въ Цетинье. За двѣ версты отъ Цетинье я разсматривалъ въ подзорную трубу

слѣды турецкаго Скодра или Скутари за озеромъ, посѣтилъ ярмарку въ Требиньѣ, потомъ изъ Рагузы я выѣхалъ на пароходѣ въ плодоносную, покрытую богатою, почти тропическою растительностью дельту рѣки Наренты и добрался до австрійскаго далматинскаго населенія Метковичъ, которое быстро превращается въ большой, зажиточный городъ. Здѣсь прекращались способы передвиженія, наиболѣе употребительные въ цивилизованныхъ странахъ: желѣзнодорожные поѣзда и пароходы. Нельзя было расчитывать на государственную почту, такъ какъ она перевозитъ пассажировъ на легкихъ телѣжкахъ съ сильнымъ военнымъ эскортомъ и наотрѣзъ отказываетъ въ пріемѣ тѣмъ, у которыхъ оказывается хотя бы малый деревянный сундучекъ. Пришлось нанимать у частныхъ лицъ лошадей, рано вставать до восхожденія солнца, располагаться на ночлегъ въ сумерки и подвигаться такимъ образомъ на Мостаръ къ Сараеву и потомъ до Зерницы, а отъ Зерницы уже имѣется перевозка въ Босанскій бродъ на Савѣ, въ маленькихъ вагончикахъ, имѣющихъ видъ желѣзноконныхъ омнибусовъ. По другой сторонѣ Босанскаго брода расположенъ другой Бродъ, славянскій, соединенный съ сѣтью венгерско-австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ теченіи этой поѣздки я немного слыхалъ о томъ, что происходитъ въ Сербіи, о Болгаріи не было ни слуху ни духу, точно она за стѣной, но, съ другой стороны, поминутно разговоръ касался предметовъ, связанныхъ по ассоціаціи идей съ Царьградомъ, а еще чаще съ Вѣною и Петербургомъ. Когда то Коларъ сравнивалъ славянщину съ арфой, на которой что ни струна, то особая народность. Въ дѣйствительности связи и взаимныя воздѣйствія однихъ вѣтвей громаднаго племени на другія гораздо многочисленнѣе и тѣснѣе, нежели о томъ мечтаютъ поэты. Всѣ языки, нарѣчія и діалекты соединены въ одинъ стройный организмъ; что произойдетъ въ одной частицѣ, то чувствуется въ наи-

болѣе отдаленныхъ и отражается въ нихъ рефлексами. Событія въ какомъ нибудь Травникѣ, Дульциньѣ или Ризано могутъ вліять на дѣйствія русскаго и австрійскаго правительствъ, на общее настроеніе славянскихъ народовъ, слѣдовательно, и на европейскую политику.

Страны, посѣщенныя мною, столь мало извѣстны и столь курьезны притомъ, населеніе столь своеобразно, отношенія столь странны, что умѣстно было бы вести журналъ путешествія съ отмѣткою въ немъ день за днемъ каждаго шага и каждаго наблюденія. Къ несчастію, я мало способенъ въ этомъ отношеніи и недостаточно прилеженъ. Послѣ двухъ, трехъ дней уже подробности стушевались въ памяти, воспоминанія слились въ общія массы, въ окончательные результаты путешествія, кончившагося назадъ тому двѣ недѣли. Каждый наблюдатель даетъ только то, что можетъ дать, и въ той формѣ, какая наиболѣе соотвѣтствуетъ его субъективности. Да простятъ мнѣ читатели, что, не придерживаясь строго ни порядка времени, ни маршрута, я имъ представлю, какимъ мнѣ показался въ августѣ и сентябрѣ изрядный кусокъ земли, на которомъ Австрія проявляетъ нынѣ свою политику колонизаторскую и ассимилирующую, на которомъ она производитъ нынѣ капитальный опытъ приведенія юго-славянскихъ земель, якобы на федеративномъ фундаментѣ, къ одному знаменателю.

Прежде всего путешественника восхищаетъ, превозноситъ и въ полномъ смыслѣ слова чаруетъ дивная красота видовъ природы. Уже Савскіе берега прелестны отъ Штейнбрюка до Загреба, и живописенъ Хорватскій край съ высотъ Тушканца (нѣсколько верстъ отъ Загреба), съ видомъ на Хорватское Загорье. Пейзажи становятся все шире и краше вверхъ по Савѣ отъ Загреба къ Люблянѣ (Laibach). Я помню, какое сильное впечатлѣніе испыталъ, когда одинъ изъ товарищей по путешествію, указывая на обрисовывающіяся вдали остроконечія, слегка голубоватыя, сказалъ, что это Триглавъ,

славимый всѣми хорватскими поэтами, гора, изъ которой истекаетъ въ Каринтіи Сава. Въ ту самую минуту я былъ занятъ чтеніемъ лирическихъ произведеній Станки Враза, въ которыхъ Триглавъ является вѣнчаннымъ тремя коронами, изъ коихъ одна золотая отъ солнца, другая серебряная отъ снѣговъ и третья, поэтическая, цвѣточная, сплетается чародѣйками Вилами:

Slavan si Triglave
  care groma i trjeska!
Na glavi ti krune
  tri od divna bljeska
Kruna suncnog zlata,
  Kruna srebra snejžnog,
Jdar Vilâ—kruna
  od pevena nježnog.

Объѣхавъ по широкому полукругу воронкообразную котловину, въ серединѣ которой расположена Любляна, желѣзница прорѣзываетъ потомъ мрачную, дикую, нагую пустыню Карстъ, изъ бѣлесоватыхъ извѣстняковыхъ скалъ и камней, среди которыхъ растутъ мелкіе кустарники и серебристый, пахучій шалвей. Здѣсь имѣется множество подземелій и гротовъ, со спускающимися со сводовъ, висячими сталактитами, множество изрядныхъ рѣкъ, вдругъ пропадающихъ, вдругъ теряющихся въ пескахъ ихъ ложбинъ, напримѣръ, Требишница, близъ Требинье, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рагузы. Есть и другія рѣки, которыя неизвѣстно откуда вытекаютъ вдругъ изъ земли широкимъ и по края полнымъ русломъ и прямо устремляются краткимъ путемъ въ близкое море. Такова пресловутая Омбла, славимая поэтами дубровничанами между Рагузою и Гравозою, служащая по всей вѣроятности стокомъ пропавшей въ пескахъ Требишницы. Мельницы стоятъ у подножья высокихъ, почти отвѣсныхъ, скалъ. Пространство между скалами и мельничною плотиною имѣетъ видъ колоссальнаго колодца, наполненнаго столь прозрачною водою, что

отчетливо видны водоросли на глубинѣ саженъ въ полтора десятка. Поверхность воды гладка какъ стекло, но брошенный въ воду камень встрѣчаетъ такое сопротивленія отъ теченія воды со дна къ поверхности, что падаетъ кружась, описывая спирали, и требуетъ двадцати секундъ, чтобы остановиться на днѣ на глазахъ наблюдателя. На разстояніи трехъ верстъ отъ своего начала рѣка, уже совсѣмъ тихая, теряется лѣниво въ водахъ Гравозскаго залива. Нагой, бѣлесоватый, размываемый дождями и пористый извѣстнякъ, на которомъ ничто не растетъ, даже когда онъ вывѣтрился и разсыпается въ порошокъ — это обыкновенный фонъ далматскихъ пейзажей отъ Удины и Тріеста до самаго Черногорья. Потемнѣвшіе отъ солнца и отъ перемѣнъ въ атмосферѣ, эти извѣстняковые колоссы имѣютъ цвѣтъ грязносѣрый, такъ что славной и независимой Зетѣ приличнѣе было бы называться Сѣрыми Горами, нежели Черногорьемъ. Удивительна игра цвѣтовъ на этихъ нагихъ массахъ, изрѣдка покрытыхъ, точно проказою, пятнами мелкой и худосочной растительности. Никакъ не могу забыть Спалато. На берегахъ великолѣпнѣйшаго въ мірѣ залива вылѣпленъ кое какъ городъ изъ однихъ развалинъ Діоклеціанова дворца, образующихъ замѣтный донынѣ четвероугольникъ, оцѣпленный впослѣдствіи рядомъ толстыхъ башенъ венеціанской архитектуры. Далеко за городомъ, за развалившеюся Салоною и за торчащимъ на высокомъ утесѣ ускочьимъ гнѣздомъ — Клиссою расположились, точно развѣшенныя простыни, сѣрыя горы, которыя алѣютъ подъ вечеръ, а при закатѣ превращаются въ ярчайшій фіолетъ. Въ этой каменистой пустынѣ человѣкъ съ величайшимъ трудомъ отвоевываетъ для культуры каждую пядь земли, очищаетъ ее отъ камней, окружаетъ стѣнами изъ наваленныхъ одинъ на другой булыжниковъ безъ цемента и охраняетъ такимъ образомъ эти ограды отъ вѣянія ужасной здѣшней *боры*. Условія культуры гораздо удобнѣе на самомъ морскомъ побережіи; здѣсь больше ручьевъ, есть и песча-

никъ, скорѣе разлагающійся и образующій рыхлую, плодоносную почву красноватаго и темно багроваго цвѣта. Какъ только почва очищена отъ камней, какъ только она воздѣлана заступами ими лопатами, да удобрена водорослями, которыя выбрасываетъ море, и навозомъ изъ помета, который подбирается старательно дѣтьми въ корзинки, она рождаетъ въ изобиліи прекрасный, сладкій, черный виноградъ не требующій поливки, и капусту, которую надо поливать. Работаютъ на этихъ огородахъ люди и ослы. Хлѣбъ не сѣютъ, его получаютъ изъ Одессы или изъ Румыніи, и довольствуются разведеніемъ небольшаго количества довольно сквернаго маиса. Всего больше прибыли приноситъ винодѣліе, тѣмъ болѣе, что по причинѣ свирѣпствующей во Франціи филоксеры громадныя количества вина законтрактованы къ доставкѣ во французскіе порты. Мы будемъ выпивать это вино, разбавленное и передѣланное, подъ названіемъ бургундскаго или бордо. Передаю только, что слышалъ въ Спалато отъ тамошнихъ винныхъ продавцевъ. Представьте себѣ непрерывный, нескончаемый поясъ зеленѣющихъ фруктовыхъ садовъ, виноградниковъ, огородовъ между волною моря съ одной и нагими боками надвигающихся скалъ съ другой стороны. По такимъ непрерывающимся садамъ проѣхалъ я на протяженіи 25 километровъ отъ Спалато до Трау или до Трогира. По своей красотѣ дорога заслужила названіе *рая*, которое ей даютъ—paradiso, dei cinque castelli. Такой точно видъ имѣютъ и побережья глубокаго залива Боки Которской, и неуступающая нисколько по красотѣ генуэзской ривіерѣ *di ponente* часть пути отъ Рагузы къ герцеговинской границѣ. Наибольшую долю чарующей красоты придаетъ далматскому пейзажу Адріатическое море, гораздо болѣе плѣнительное здѣсь, нежели у плоскихъ береговъ восточной Италіи и даже у пресловутыхъ, ея западныхъ береговъ. Далматинское побережье—причудливая бахрома изъ островоъ и полуостровоъ, раскинутыхъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Пассажиру, наблю-

дающему съ борта корабля, кажется, что онъ плыветъ по большому италіанскому озеру въ родѣ Комо или Лаго Маджіоре, но съ горныхъ высотъ побережья явственно видны всѣ заливы и ряды—имъ-же счета нѣтъ, правильно одинъ подлѣ другаго расположенныхъ голубоватыхъ конусовъ, погружающихся въ еще болѣе ясную глубину морскую. Два приморскихъ вида, которыми я особенно восхищался, принадлежатъ несомнѣнно къ числу самыхъ дивныхъ, какіе только есть на свѣтѣ, одинъ подлѣ Рагузы, другой по пути изъ Котора въ Черногорье. Городъ Дубровникъ или Рагуза примыкаетъ съ востока задними частями къ высокой горѣ на вершинѣ которой построено укрѣпленіе fort Imperial. На эту гору ведетъ выкованная въ скалахъ для однихъ пѣшеходовъ дорожка зубцами (кто хочетъ выѣхать въ экипажѣ, долженъ сдѣлать нѣсколько миль пути отъ Герцеговины). Достигнувъ вершины, зритель видитъ передъ собою безбрежное море, внизу Рагузу и въ двухъ верстахъ отъ ея стѣнъ изумрудный островокъ Лакрому, весь покрытый темною зеленью италіанскихъ сосенъ (пиньи). Островокъ имѣетъ красивыя формы, мягкія закругленія, онъ точно бархатная подушка. Принадлежалъ онъ еще недавно эрцгерцогу Максимиліану, злосчастному мексиканскому императору. По смерти Максимиліана его продали съ аукціона, со всею движимостью во дворцѣ, говорятъ даже, что и съ бумагами и перепискою владѣльца за 22 тысячи гульденовъ. Австрійское правительство пріобрѣло его потомъ за 79 тысячъ гульденовъ для кронпринца Рудольфа. На этомъ островѣ высадился въ 1192 г. король Ричардъ Львиное Сердце, возвращаясь съ крестоваго похода. Насупротивъ этого островка, какъ-бы протягиваясь къ нему, расположился на полуостровѣ, вдающемся въ море, Дубровникъ, городъ-республика, плотно затянутый въ свои стѣны и башни, точно рыцарь въ свой панцырь. Со стороны суши городъ отрѣзанъ отъ нея рвами, которые остаются нынѣ безъ воды. Онъ столь микроскопиченъ, что со всѣми

своими башнями, стѣнами и вершинами похожъ на орѣховую скорлупу. Онъ—только миніатюрная поддѣлка болѣе крупнаго подлинника, а именно *Млета*, то-есть Венеціи. Въ десять минутъ можно пройти черезъ весь городъ отъ Porta Pille до Porta Pioce, слѣдуя въ прямомъ направленіи по проспекту или корсо, который зовутъ Страдономъ, и который вымощенъ большими мраморными плитами, по нимъ-же никто нынѣ не ѣздитъ. Есть и догана, то-есть таможня, какъ въ Венеціи, есть княжій дворецъ—сколокъ съ дворца дожей, совершенно въ такомъ же отношеніи состоявшій къ своему подлиннику, какъ *князь* правитель республики къ дожу венеціанскону, какъ городской совѣтъ рагузскій къ Grande Consilio. Даже патронъ Рагузы святой Власій, епископъ, котораго изображеніями украшены многія башни, котораго статуя поставлена на площади, является только двойникомъ святого Марка венеціанскаго. Что-же сказать о литературѣ, искуствѣ, поэзіи—они такія-же подражанія италіанцамъ, какою была по отношенію къ французамъ польская классическая литература временъ короля Понятовскаго. Дубровницкая литература еще слабѣе и ниже польской конца XVIII вѣка въ томъ отношеніи, что она была только пріятнымъ развлеченіемъ, благороднымъ баловствомъ, что не имѣла вовсе значенія внутренней борьбы и работы надъ собою, что послужила могучимъ орудіемъ исправленія нравовъ и нравственнаго возрожденія. Патриціатъ и купечество малюсенькаго но зажиточнаго городишки забавлялись, играя въ свою родную, славянскую литературу. Исторію Босніи и Сербіи драматизировали стихотворцы, воспѣвали Обылича и всѣхъ героевъ Коссова поля, прославляли и славныя побѣды креста надъ луною въ польскомъ походѣ подъ Хотинъ (Османъ Гондулича), что не мѣшало дубровницкому правительству ладить съ турками и, посредствомъ удивительныхъ фокусовъ дипломатическаго акробатства, продлить на 9 лѣтъ послѣ паденія Венеціи, до 1806 года самобытное существованіе республики. Кон-

чина случилась моментально, безъ всякаго трагизма, безъ того траура и той печали, которыя поражали путешественника въ Венеціи во времена австрійскаго правительства.

— Повѣрите-ли, сказалъ мнѣ маститый хорватскій литераторъ и сынъ одного изъ числа дубровницкихъ поэтовъ Иванъ Августъ Казначичъ, что у насъ нѣтъ преданій, что мало у насъ и воспоминаній столь недавнихъ временъ. Дубровницкій патріотизмъ ушелъ весь въ иллиризмъ. въ которомъ и возродился; съ трудомъ, по немногу добываемъ мы кое-что изъ архивовъ. Но съ другой стороны, этотъ умершій Дубровникъ, въ которомъ няньчили и выхолили хорватскую рѣчь въ достаткѣ и роскоши, блистаетъ нынѣ въ хорвато-сербской литературѣ, какъ нѣкій «словинскій рай», какъ жемчужина, какъ сіяющая Синай гора или какъ утренняя звѣзда.

Taj Dubrovnik! taj biser sineg mora,
Gde sokolovi saviše si gnježda,
Sred mrke noci sjajna Sinaj-gora
Sred mutrog neba predhodnica zviezda... (Шеноа).

Конечно, тутъ остался сильный запахъ пропавшей многовѣковой культуры, если не въ преданіяхъ, то въ образѣ жизни, обстановкѣ и нравахъ жителей. Это жемчужина адріатическая, но весьма крошечная. Въ этой гавани тѣсновато, и не было-бы мѣста для четырехъ большихъ пароходовъ. Самъ портъ теперь пустуетъ. За двѣ версты отъ Porta Pille расположилась надъ другимъ, болѣе обширнымъ, заливомъ Гравоза-Гружъ, соединенеая съ Рагузою длинною улицею, сплошь состоящею изъ однихъ дачъ, дворцовъ и садовъ. Вся будущность Рагузы только въ томъ и заключается, чтобы слиться съ Гравозой, переѣхать въ Гравозу. Съ высотъ императорскаго форта заливъ Гравозскій виденъ какъ на ладони, и не одинъ заливъ, но въ дали за нимъ нескончаемыя вереницы, неисчислимыя шеренги торчащихъ надъ морскими волнами острововъ архипелага.

Изъ Рагузы перенесемся мысленно въ Боку-Которскую. Она—узкій, длинный, извилистый заливъ, врѣзывающійся въ материкъ подобно исполинской буквѣ М. Входъ въ заливъ въ Punta d'Ostro, по берегамъ Castelnuovo, Perasto, Risano, надъ которымъ высится совсѣмъ нынѣ истребленная австрійцами за гайдучество кровавой памяти Кривошія, наконецъ Cataгго. Тотчасъ, послѣ входа въ заливъ, сзади за ближайшими предгорьями, обрисовываются мрачныя, угрюмыя скалы Черногорья, по которымъ побѣжала вверхъ бѣлыми, узкими, ломаными, зубчатыми полосками выкованная въ скалахъ дорога изъ Катарро или Котора, чрезъ Нѣгошъ и Цетинье до Рѣки (60 километровъ, изъ коихъ отъ Котора до Цетинье 42 километра).

Внизу, въ дальнѣйшемъ и наиболѣе запрятанномъ углу залива притаился Которъ и, ползя по крутымъ склонамъ, выдвинулъ въ высь острыми зубцами свои стѣны и форты. Которъ—это самое нездоровое и неудобное поселеніе, расположенное въ темной щели, вонючее, грязное, безъ малѣйшей тяги воздуха, со всѣхъ сторонъ запертое и огороженное. Солнце показывается здѣсь часомъ позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ въ окрестности, и закатывается часомъ раньше;городъ военный и торговый, значительно очерногорившійся. Сюда таскаютъ горцы плоды своей тощей земли: огородныя растенія и овощи; здѣсь сбываютъ они своихъ куръ и свой скотъ. Путь совершаютъ напрямикъ, по страшнымъ кручамъ, по едва замѣтнымъ тропинкамъ. Даже почтальонъ черногорскаго князя шествуетъ ежедневно по этимъ стезямъ, а не по ломанымъ зубцами изгибамъ высѣченной въ скалахъ экипажной дороги. Дорога недавно выстроена по договору Черногорья съ Австріею и на общемъ иждивеніи. Граница Австріи почти что доходитъ до перевала чрезъ гребень. За гребнемъ, послѣ перевала, дорога опять спускается въ котловину громаднаго погасшаго кратера, къ селенію Нѣгошъ, а затѣмъ опять подымается по дикимъ, каменнымъ пустырямъ и дости-

гаетъ красивой площади, среди которой построенъ городъ или варошъ Цетинье. Нельзя словами передать величія вида, открывающагося при спускѣ съ перевала въ Которъ. Вверхъ стремятся каменныя громады, раздѣляемыя змѣиными изгибами залива. Дорога Которская скрещивается въ предгорьяхъ съ дорогою отъ Будуи, проходящею по прекрасно воздѣланнымъ пашнямъ и садамъ на краю моря. Далѣе виднѣются только смежныя синевы неба и моря, дѣлимыя линіею горизонта, столь далеко отстоящею, что подъ нею плывутъ гряды бѣлыхъ облаковъ, точно стаи купающихся въ морѣ лебедей.

Простившись съ Черногорьемъ, я ненадѣялся созерцать болѣе красивые виды, напротивъ того, я приготовился къ скучному однообразію, особенно въ виду медленнаго слѣдованія впередъ въ конномъ экипажѣ. Однако, одинъ день дороги изъ Метковичъ въ Мостаръ и два дня пути въ Сараево, съ ночлегомъ въ Коницѣ, были для меня днями непрерывнаго восхищенія безпрестанно мѣняющимися видами. Я имѣлъ предъ глазами горскую природу въ величественнѣйшихъ ея формахъ, мѣстности, которыя могутъ поспорить въ отношеніи красоты съ швейцарскими и тирольскими Альпами и съ Татрами. Шумятъ кругомъ горскіе каскады, путь не сходитъ съ береговъ рѣки Наренты, перекидывается только съ одного берега на другой. Въ Мостарѣ эта сѣрая рѣка рветъ и мечется по сѣрой ложбинѣ изъ однихъ нагихъ камней, а съ двухъ сторонъ расположился городъ съ безчисленными минаретами, кругомъ стѣсняемый горами. Съ Коницы начиная, растительность становится богаче. Обширные лѣса, или по сербски, *шумы*, густыми, сплошными массами покрыли склоны горъ. Лѣса эти дубовые, каштановые, платановые, доходящіе до самой вершины Иванъ Планины (4000 футовъ). Отъ Коницы замѣтенъ спускъ отъ высокихъ горъ къ меньшимъ холмамъ, кончается Герцеговина, начинается Боснія, чувствуется сырой воздухъ, рѣзко отличается температура дня и ночи, раститель-

ность сходнѣе съ сѣверною, даже по наружности видъ страны ближе къ нашей родинѣ, только города, ощетинившіеся минаретами, пересѣкаемые кладбищами, утопающіе въ зелени, имѣютъ болѣе мусульманскій характеръ, который, однако, скоро сотрется, потому что само Сараево перестраивается нынѣ уже цѣликомъ на европейскій манеръ. Послѣ десяти лѣтъ здѣсь будетъ пропасть желѣзныхъ дорогъ, прославятся минеральныя воды, которыми и нынѣ изобилуетъ Боснія (Илидже около Сараева, Киселякъ на пути изъ Сараева въ Зеницу), построятся гостиницы и станутъ стекаться отовсюду толпы туристовъ.

Интереснѣе этихъ скалъ, водъ и земли самъ народъ здѣшній, съ перваго взгляда какъ бы отуречившійся или объиталіанившійся, по при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ родственный намъ и столь сердечно славянскій, что приходится удивляться, какъ мало повліяли на него внѣшнія событія, гнетъ, рабство, какъ не могли они стереть этнографическихъ свойствъ, и какъ быстро выдвигается наружу эта этнографическая подкладка при условіяхъ, становящихся болѣе и болѣе благопріятными, какъ прорывается эта народность сквозь всевозможныя наслоенія. Самый замѣчательный фактъ настоящаго момента—это поступающее впередъ превращеніе всего далматинскаго населенія изъ италіанскаго въ хорватское,—измѣненіе въ національности. До нынѣ это побережье считалось совсѣмъ италіанскимъ, италіанская культура распространялась изъ городовъ, въ большой части этихъ городовъ и до нынѣ на воротахъ и на столбахъ среди площадей красуется крылатый левъ святаго Марка. Выстроены были великолѣпные, въ италіанскомъ вкусѣ, соборы. Католическое духовенство было распространителемъ италіанской культуры, италіанскій языкъ былъ оффиціальнымъ языкомъ далматскаго сейма.

Но когда италіанское движеніе 1859 дошло до прямаго разрыва съ римско-католическою церковью, отношенія совсѣмъ измѣнились, и италіанскій элементъ сталъ

сильно колебаться. Нынѣ затѣи партіи Italia irredente пугаютъ зажиточное мѣщанство, степенныхъ людей и духовенство и побуждаютъ многихъ объиталіанившихся далматинцевъ, которыхъ отцы и дѣды воспитывались по-италіански, людей, привязанныхъ къ италіанскому языку, переходить цѣликомъ въ хорватскій лагерь. Какъ только разрѣшено было говорить рѣчи на хорватскомъ языкѣ въ далматскомъ сеймѣ въ Зарѣ, этотъ языкъ сразу сдѣлался въ этимъ собраніи господствующимъ, такъ что нынѣ по-италіански продолжаютъ вести пренія только немногіе, такъ называемые italianissimi. Италіанскіе революціонеры въ Далмаціи совершаютъ родъ политическаго самоубійства по отношенію къ своимъ соотечественникамъ по національности. Разъиталіанившіеся далматинцы идутъ рука объ руку съ хорватами въ Загребѣ, ненавидятъ мадьяръ, не желаютъ присоединенія къ венгерской коронѣ и сильно стоятъ за вѣнскій Reichsrath.

Органы печати хорватскіе и италіанскіе ведутъ мелкую, газетную, ядовитую и злобную войну, въ которой непріязненно къ хорватамъ относящіеся органы сербскіе, печатаемые кирилицею занимаютъ среднее положеніе между спорщиками. «Avvenire въ Спалато», «Далматъ», въ Зарѣ и «Сербскій Листъ» въ Зарѣ препираются съ «Народнымъ Листомъ», издаваемымъ Біанкини. Я недавно читалъ въ «Народномъ Листѣ» диѳирамбъ стихами, въ которомъ авторъ поздравляетъ бѣлую лебедь—Сплетъ съ тѣмъ, что онъ омылъ себя отъ «италіанскаго кала» и выкупался въ хорватскомъ морѣ, послѣ чего авторъ предвѣщаетъ изгнаніе италіанскаго языка изъ школы, суда и администраціи. Подъ конецъ стихотворенія бѣлый Сплетъ и Дуклановъ Дворъ связаны съ воспоминаньемъ о вѣнчанномъ здѣсь королѣ Звонимірѣ. Кстати замѣтимъ, что это не точно, такъ какъ Звониміръ короновался на царство въ 1076 г. въ Салонѣ, а не въ Сплетѣ.

Всего меньше можно было ожидать успѣха для сла-

вянскаго элемента въ Тріестѣ. Съ 1832 г. принадлежитъ Тріестъ къ Австріи; съ 1719 г., то-есть, съ того момента, когда Тріестъ сталъ porto franco, купцы тріестинскіе разбогатѣли на счетъ клонящейся къ паденію Венеціи и привязались къ правительству. Трудно сказать, кто въ этомъ отношеніи былъ лойяльнѣе, нѣмцы или итальянцы. Въ городахъ Истріи итальянскій элементъ до того силенъ, что во время моей бытности въ Тріестѣ справляемо было въ Пирано муниципальное празднество чисто на итальянскій манеръ съ лотереею томбола. Вынимали номера дѣти, подеста провозглашалъ ихъ съ высоты балкона ратуши, а пристава выкликали ихъ при трубныхъ звукахъ по всему городу. Въ самомъ Тріестѣ во всѣхъ лавкахъ хорватскій языкъ самый употребительный; первый яличникъ, который превозноситъ свою барку, велерѣчиво и навязчиво, точно итальянецъ, послѣ нѣсколькихъ словъ разговора сознается въ томъ, что онъ славянинъ, что наибольшая церковь на canal grande это сербская православная, что есть другая уніатская св. Спиридона, что есть сербскія школы. и что одна изъ горъ въ окрестности называется *Община*.

Чѣмъ дальше отъ Тріеста, тѣмъ сильнѣе и рѣзче проявляется славянскій типъ, противоположный итальянскому, даже въ тѣлосложеніи и въ чисто физическихъ признакахъ. Особенно выдѣляются мужчины. Это, по большей части, великаны, широкогрудые и ширококостные, тонкіе въ поясѣ, мускулистые, точно изъ мѣди вылитые, сухощавые. Объ нихъ писалъ Шеноа:

Tu velikane rodi zemlja mala,
I veličini divio se sviet.

(Малая земля родитъ великановъ, ихъ же величинѣ дивится свѣтъ).

Только женщины низкія, худыя и отъ чрезмѣрнаго труда завядшія, такъ что даже удивляешься, какъ могутъ онѣ рождать такихъ исполиновъ. Къ атлетическому тѣлосложенію мужчинъ прибавьте ловкость, упругость и быстроту, свойственныя горцамъ, наконецъ, нарядъ,

который даже на бѣднякахъярокъ, красивъ и богатъ. По формѣ шапки, штановъ, куртки, по шитью на рукавахъ, опытный глазъ отличитъ всякую мѣстность и опредѣлитъ откуда кто пришелъ: изъ Задара (Зары), Шибеника, Трогира или Рагузы. Ноги обуты въ опанки, обувь изъ одной штуки кожи, стянутой на шнурокъ. Штаны вплотную, очень узкіе, на штаны спускается рубаха изъ-подъ пояса. Поясы бываютъ самые разнообразные: тканые, дорогіе и пестрые. Богачи имѣютъ ихъ по 5 и по 7. Поверхъ этой ткани надѣвается еще поясъ кожаный, и въ немъ есть мѣста для денегъ, на кинжалы, ножи, пистолеты. Рукава рубахи висячіе, руки отъ локтей нагія, на спинѣ шитый спенсеръ, на головѣ шапочка красная у далматинцевъ, феска у герцеговинцевъ, а у босняковъ по большей части красная чалма изъ сильно крученой шерсти. У босняковъ, даже у христіанъ, женщины одѣваются по-турецки, съ непокрытыми, правда, лицами, но въ широчайшихъ шальварахъ. Это нарядъ восточный, по принужденію навязанный жителямъ, онъ—результатъ и клеймо много вѣковъ продолжавшагося рабства. Когда въ 1877 г. возстала Болгарія, что было поводомъ къ Восточной войнѣ, условлено было между инсургентами первымъ дѣломъ сбросить съ себя красную турецкую феску и надѣть черную шапку. Многіе герцеговинцы носятъ черные колпаки или черногорскіе, черные съ краснымъ верхомъ, шитымъ золотомъ. Когда ихъ спрашиваютъ, почему? они отвѣчаютъ: «мы были усташи, то есть инсургенты, скитались, нашли убѣжище въ Черногорьѣ, а потому на память и изъ благодарности мы стали одѣваться, какъ одѣваются эти славные и независимые юнаки». Вообще, однако, не всѣ держатся такого обычая, и трудно отличить магометанина отъ христіанина по одной только фескѣ или чалмѣ. Даже и бритая голова съ однимъ клокомъ волосъ на затылкѣ не всегда обозначаетъ, что это турокъ.

Боснійскіе христіане, освободившіеся послѣ 1876 г., инымъ манеромъ заявляютъ свое вѣроисповѣданіе. Они

воздвигают колокольни, ставят деревянные крестики на крышах домовъ, или расписывают кресты на наружныхъ стѣнахъ своихъ жилищъ. Восточная народность, и даже самъ исламъ, не измѣнили коренныхъ свойствъ народовъ. Я на пароходѣ дѣлалъ наблюденія надъ цѣлыми семьями выселяющихся боснійскихъ беговъ. Часть палубы къ борту, прикрытая холстомъ, была гаремомъ; изъ-подъ холста выползали часто къ старикамъ ребята—момаки. Въ извѣстные часы мущины подымались по-очередно, совершали омовенія, разстилали коврики, молились и клали земные поклоны, потомъ раздавались хоромъ пѣсни «о зеленой горѣ», о «синемъ морѣ» о «дубравѣ». Забудь я, гдѣ нахожусь, я бы не могъ сказать какая это пѣсенка, русская, литовская, съ Дона или Волги, до того намъ близки и знакомы и мотивъ пѣсенки и ея слова. Въ Босніи не имѣется вовсе настоящихъ османлы. Крестьянинъ босникъ, или и бегъ не понимаетъ словъ корана, точно также какъ его землякъ, римскій католикъ, не понимаетъ латинскихъ словъ евангелія и обряднаго ритуала, онъ знаетъ лишь нѣсколько отрывочныхъ священныхъ фразъ. Мои знакомства съ отуречившимися туземцами были весьма мимолетныя и краткія, но съ христіанами я дружился сразу, весьма просто и весьма сердечно.

Пріемъ всегда предупредительный, патріархальный, гостепріимство большое. Мало-мальски вы знакомы, васъ угощаютъ ѣдою и питьемъ, всѣмъ, что есть въ хатѣ—кофеемъ и ракіею. Люди живутъ большими, разросшимися, не производящими раздѣловъ родами. Члены рода сильно другъ къ другу привязаны. Каждый безгранично преданъ своей *кучѣ*—семьѣ, своей *домовинѣ*—отечеству. Всѣ настроены религіозно и привѣтствуютъ и провожаютъ именемъ Бога (фалà Богу, съ Богомъ). Ничего нѣтъ святѣе древняго *завичая*, то-есть обычая, а за вѣру свою, разумѣется, всякій готовъ животъ свой положить. Ни одинъ европейскій народъ не испыталъ такого адскаго рабства, ни у одного нѣтъ столь свѣжихъ,

столь незаживших еще ранъ и рубцовъ отъ жестокаго гнета, ни у одного испытаніе не было до такой степени мученическое, ни одинъ не явилъ столько примѣровъ апостатства въ лицѣ своихъ природныхъ вождей, въ лицѣ своей аристократіи и части простого народа, которые отступились отъ креста. Такого позора ни у одного христіанскаго народа не было, чтобы цѣлая треть населенія избасурманилась по простому принужденію. Однако дѣло было сдѣлано. Того, что сдѣлано, даже и исторія не возвращаетъ въ прежнее состояніе, притомъ современное европейское государство потеряло снаровку крововаго апостольства и обращенія посредствомъ насилія. Изъ этихъ мусульманъ, которые таковыми и останутся, такъ какъ коранъ обладаетъ секретомъ имѣть фанатически преданныхъ ему приверженцевъ, изъ этихъ римскихъ католиковъ и православныхъ, изъ этихъ трехъ началъ, которыя не вышли еще по своимъ понятіямъ изъ среднихъ вѣковъ, надо создать одно гражданское общество, надобно поставить отечество, если не замѣсто вѣры, то рядомъ съ нею; надо создавать народное единство тамъ, гдѣ существовали только вѣроисповѣдныя группы, отталкивающія себя взаимно и роднящіяся скорѣе съ инородцами, будь они только единовѣрцы, нежели съ единоземцами, но иновѣрцами.

Такова ужасно трудная задача, которую приходится рѣшать Австріи вслѣдствіе оккупаціи ею Герцеговины и Босніи по 25 статьѣ берлинскаго трактата. Оккупація явилась, какъ послѣдствіе паденія Турціи и невозможности сколько нибудь сноснаго матеріальнаго порядка въ странѣ, истощенной междоусобною войною. Оккупація можетъ кончиться присоединеніемъ, по молчаливому соизволенію представителей государствъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Въ такомъ смыслѣ поняли занятіе австрійскіе народы, одобрившіе его, и давшіе правительству и людей, и денегъ въ достаточномъ количествѣ. Пошли толки даже о томъ, что начинается опытъ примѣненія новой теоріи австрійско-всеславянской. Австрія

стала дѣйствовать при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: матеріальныя средства ея были большія, несмотря на неупорядоченіе ея финансовъ, время для дѣйствія было достаточное, безъ осложненій, прерывающихъ работу, вліяніе ея на Сербію, Черногорію и даже Болгарію было громадное, не уравновѣшиваемое другимъ вліяніемъ съ востока, вслѣдствіе того что Россія занята была почти исключительно вопросами своей внутренней политики. Спрашивается: что было сдѣлано въ эти четыре года? намѣченъ-ли какой либо планъ организаціи? когда можетъ послѣдовать или послѣдуетъ ли когда-либо присоединеніе? Читатель не требуетъ, конечно, чтобы туристъ далъ на его вопросы удовлетворительный отвѣтъ по документамъ. Туристъ можетъ дать только отчетъ объ общемъ впечатлѣніи отъ совокупности того, что онъ видѣлъ и слышалъ, безъ подробнаго объясненія, какъ онъ пришелъ къ своимъ послѣднимъ заключеніямъ. Какъ туристъ, скажу, что присоединеніе еще въ очень большой дали, что оно еще не совсѣмъ вѣроятно, что, если-бы оно послѣдовало, то присоединяемый кусочекъ не удобоваримъ и причинитъ хлопотъ не мало. Причина тому и трудности задачи, и употребленіе не совсѣмъ подходящихъ средствъ, и недостаточность другихъ средствъ, болѣе подходящихъ, посредствомъ которыхъ ассимилирующее государство могло-бы осуществить очень нелегкое предпріятіе. Постараюсь, насколько могу, истолковать, почему въ данную минуту можно считать вообще, что предпріятіе получило неудачный оборотъ.

Австрійская оккупація ввела въ боснійское населеніе, сверхъ военнаго элемента, еще два новыя колонизаціонныя теченія: снизу промышленниковъ, сверху чиновниковъ. Плывутъ низомъ цѣлыми массами нѣмцы-колонисты, такъ называемые здѣсь *Швабы*. Они являются рабочими на желѣзницахъ или желѣзныхъ дорогахъ, селятся въ городахъ и селеніяхъ, какъ лавочники, винопродавцы и трактирщики. Среди мусора, въ грязнѣйшихъ помѣщеніяхъ въ Сараевѣ, можно у нихъ покупать самые

дорогіе и разнообразнѣйшіе товары, всѣ вѣнскія и пештскія издѣлія. Когда-нибудь, во второмъ или третьемъ поколеніи, этотъ элементъ обоснячится, но теперь онъ некрасивъ, вездѣ Geschäft, Schwindel и обираніе другихъ; въ дрянной избушкѣ, за плохую постель надо платить нѣмцамъ дороже, чѣмъ въ первокласныхъ гостиницахъ австро-венгерскихъ столицъ. Наѣхали чиновники, между ними мало нѣмцевъ и мадьяръ, за то наиболѣе братьевъ славянъ, чеховъ, хорватовъ, поляковъ-галичанъ. Предположимъ, что всѣ они по личнымъ качествамъ и честности—люди превосходные и безупречные, все-таки это цивилизаторы, которые вводятъ на чужой сторонѣ порядки совсѣмъ чуждые туземцамъ, съ которыми ихъ сроднило ихъ званіе, люди, готовые осуществлять правительственныя мѣропріятія энергически и вопреки какому-то не было сопротивленію. Правительство, желающее опираться не на одну только вооруженную силу, должно искать точекъ опоры въ мѣстномъ населеніи. Тутъ-то и получаютъ громадное значеніе вѣроисповѣдныя различія, тѣсно соединенныя съ ними дѣленія на сословія и устройство поземельныхъ отношеній. По оффиціальнымъ отчетамъ министра Шляви (Slavi) въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ народонаселеніе Босніи и Герцеговины—1.158.000 человѣкъ состоитъ изъ 43% православныхъ, 39% магометанъ, 17% римскихъ католиковъ и 1% остальныхъ исповѣданій. Изъ трехъ главныхъ исповѣданій Австрія можетъ расчитывать на поддержку наименѣе многочисленнаго, то-есть римскихъ, католиковъ. Если бы Боснія и Герцеговина были присоединены и къ нимъ прибавлена еще Далмація, узенькою полоскою отдѣляющая Герцеговину отъ моря и имѣющея населеніе, главнымъ образомъ состоящее изъ римскихъ католиковъ, то процентъ католиковъ бы возросъ, но все-таки не особенно значительно.

Римскіе католики были менѣе угнетаемы турками, нежели православные, ихъ церковная іерархія пользовалась бо̀льшимъ почетомъ, нежели православная, которую

эксплоатировалъ въ денежномъ отношеніи Константинопольскій патріархъ. Здѣсь много монаховъ францисканцевъ, они вообще любимы и популярны. Австрійское правительство строитъ римско-католическія церкви во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ, не уступающія по красотѣ православнымъ церквамъ, построеннымъ на средства Россіи въ царствованіе Александра II, каковы церкви въ Мостарѣ и Сараевѣ. Въ 1881 г., во время паломничества въ Римъ въ честь святыхъ Кирилла и Меѳодія, возбуждена римскими католиками идея церковной уніи съ Римомъ, идея эта потомъ была оставлена, не дошедши до начала исполненія по недостатку поддержки. Современная политика потеряла секретъ достиженія значительныхъ измѣненій въ народѣ посредствомъ религіозной пропаганды. Римско-католическое исповѣданіе—слишкомъ узкій фундаментъ для дѣйствій австрійскаго правительства въ Босніи. Оно вынуждено искать опоры въ другихъ исповѣданіяхъ и создавать мѣстную австрійскую партію или изъ магометанъ, или изъ православныхъ, иными словами, либо среди отступнической интеллигенціи, или среди простонародія.

Ренегатство боснійской аристократіи легло на страну чернымъ пятномъ въ прошедшемъ и давитъ настоящее, точно крупный камень. Всѣ новѣйшія политическія народности Европы были зачаты въ религіозномъ единствѣ, каждую воспитала своя религія, воспитанникъ потомъ эманципировался, вслѣдствіе чего фундаментомъ современнаго построенія сдѣлалось понятіе не единовѣрчества, но согражданства. Между вѣроисповѣданіями посредникомъ является правительство, точно нейтральная Ѳемида съ вѣсами въ рукахъ, которая блюдетъ, чтобы люди не преслѣдовали другъ друга изъ-за вѣры. Въ Босніи иныя отношенія. Рознь религіозная помѣшала образованію національнаго единства и подготовила господство ислама. Вѣковой, неразрѣшимый споръ двухъ вѣроисповѣданій—римскаго и греческаго—осложнился съ появленіемъ протестантства въ сектѣ *патареновъ*. Раз-

ложеніе было полнѣйшее, короли и дворянство мѣняли многократно исповѣданія изъ-за политическихъ расчетовъ, открыто и безстыдно торговали совѣстью, только простой народъ былъ искренно преданъ религіи. Пришли турки и придавили народъ. Тогда испорченное дворянство, дабы остаться при достаткахъ и при земляхъ, по первому натиску приняло исламъ, то есть продало и вѣру свою, и душу, такъ какъ исламъ страшно заполоняетъ умы, и обасурманившійся человѣкъ бываетъ по фанатизму и насилію хуже кровнаго турка. Это кичливое дворянство сохранило всю пылкость и своеволіе своихъ предковъ, оно часто бунтовало и напоминало о себѣ Царьграду, послѣднимъ его укротителемъ былъ Омеръ паша, въ 1850 году. Послѣ каждаго пораженія оно играло въ оппозицію и въ либерализмъ, хотя главными побудительными причинами бунта были реформы Решидъ-паши и опубликованіе гатти-шерифа, подписаннаго въ Гюльхане, простирающаго на райю-христіанъ правительственную опеку. Нынѣ малая толика этой неисправимой и хищнической знати переселяется на востокъ. Для остающихся на мѣстѣ интересы ислама будутъ дороже и ближе къ сердцу интересовъ своей страны, и настоящее будетъ казаться несравненно хуже, въ сравненіи съ потеряннымъ раемъ, то-есть съ прошедшимъ, въ которомъ никто не мѣшалъ полному господству магометанъ надъ угнетенными рабами-райею.

Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ образованіе и перемѣна учрежденій могутъ перевоспитать магометанъ-боснійцевъ и сдѣлать изъ нихъ вполнѣ полезныхъ гражданъ, но сегодня на нихъ можно провѣрить поговорку, что природа тянетъ волка въ лѣсъ. Имъ слѣдуетъ только то, что по праву имъ принадлежитъ, чтобы мѣрилось тою-же мѣрою, какъ и христіанамъ. Всякія за ними ухаживанія были бы нынѣ съ ущербомъ для христіанъ, тѣмъ болѣе, что въ самомъ началѣ какой бы то ни было организаціи поставленъ громадный вопросъ аграрный, такъ какъ эта страна, бывшая столько вѣковъ мусульманскою,

не перестанетъ быть таковою, пока не будетъ измѣнено на коранѣ основанное, вполнѣ мусульманское устройство земельной собственности.

По идеѣ, свойственной мусульманскому законодательству, вся земля считается прежде всего султанскою собственностью, часть ея во владѣніи султана, другая, большая часть отдана мечетямъ, училищамъ, учрежденіямъ общеполезнымъ, общественнымъ (вакуфы), остальное роздано, почти что на ленномъ правѣ, бегамъ и инымъ привилегированнымъ землевладѣльцамъ. Обезземеленный крестьянинъ, обложенный государственными податьми и, сверхъ того, десятиною, данями и работами въ пользу своего бега, бывшаго спагиса или янычара, потерялъ современемъ право перехода отъ одного бега къ другому и сдѣлался просто рабомъ. Инсуррекціонное движеніе въ 1875 г. въ Босніи и Герцеговинѣ вызвано было и религіознымъ, и экономическимъ гнетомъ. Изъ многихъ мѣстностей беги бѣжали, даже и барщина прекратилась. Австрійское правительство послѣ оккупаціи то обѣщало аграрную реформу и объявляло немедленныя льготы въ повинностяхъ, то приступало къ средствамъ понужденія крестьянъ къ работамъ и данямъ въ пользу помѣщиковъ, то сгоняло простой народъ чинить дороги и заставляло его силою исправлять извѣстныя общественныя работы. Въ Яблоницѣ, на пути изъ Мостара въ Коницу, подрядчикъ, предприниматель работъ по проведенію шоссейныхъ дорогъ, объяснилъ мнѣ секретъ быстраго сооруженія этихъ дорогъ, проведенныхъ тотчасъ по оккупаціи. Вотъ пошли жандармы,—говорилъ онъ, сгонять мужиковъ на работу; безъ нагоновъ и безъ солдатъ у насъ не было-бы шоссейныхъ дорогъ, мы платимъ мужикамъ, что сами пожалуемъ, по 30 центовъ (крейцеровъ) въ день. Нельзя ни возстановлять власть и права беговъ, увеличивая эти права и предоставляя имъ землю въ полную вотчинную собственность, которой они не имѣли при турецкомъ владычествѣ, такъ какъ они пользовались землею только по ленному праву, ни оставлять

простой народъ въ экономическомъ двойномъ рабствѣ, и по отношенію къ государству, и по отношенію къ бегамъ, и въ полной неувѣренности, выйдутъ ли крестьяне когда нибудь изъ этихъ отношеній, уже нигдѣ въ Австріи не существующихъ. Райя боснійскій никогда не мирился съ послѣдствіями завоеванія: обезземеленіемъ и рабствомъ, никогда не признавалъ правъ завоевателей,—это не конченный споръ, который подлежитъ разсмотрѣнію суда исторіи.

Если бы австрійское правительство разсѣкло этотъ узелъ разомъ и рѣшительно, то оно стало бы твердою ногою на занятой почвѣ, потому что привязало бы къ себѣ на долгое время все христіанское населеніе православнаго и римско-католическаго обряда, слѣдовательно, абсолютное большинство населенія. Почему не рѣшается этотъ жгучій вопросъ? почему предуказанное законодательное дѣло отсрочено на неопредѣленное время? почему запутываются одни другимъ противорѣчащія распоряженія? На эти вопросы мнѣ давали австрійскіе чиновники слѣдующій, весьма откровенный, но также и наивный отвѣтъ: беги намъ ни почемъ, но зачѣмъ намъ дѣлать чужую работу, трудиться въ пользу Сербіи, Черногоріи и Россіи? Вѣдь все населеніе озирается, ища только, какъ бы отъ Австріи отпасть. При такихъ взглядахъ можно лишь вертѣться на одномъ и томъ же мѣстѣ, не поступая ни на шагъ впередъ.

Упростить административный механизмъ, не смотря на весьма первобытное состояніе общества, значитъ понизить до *minimum*'а гарантіи, которыми должна пользоваться личность въ нормальномъ обществѣ. Участіе *мѣстнаго населенія* въ администраціи равносильно выслушиванію совѣтовъ обасурманившейся мѣстной интеллигенціи, то есть классовъ, наиболѣе недовольныхъ современнымъ порядкомъ вещей и долженствующихъ подвергнуться и пониженію, и сокращенію, иными словами, классовъ, которые нами не могутъ быть названы консервативными. Оправдались ли бы въ будущемъ опасенія,

питаемыя по отношенію къ православной вѣрѣ, о томъ никто въ мірѣ судить нынѣ не можетъ; нельзя, однако, не признать, что правительство снискало бы сразу любовь и поддержку низшихъ классовъ населенія, то есть всѣхъ крестьянъ. Ихъ привязанность развязала бы руки пра-тельству и доставила бы нѣсколько десятковъ лѣтъ свободнаго распоряженія силы веществомъ. Въ политикѣ время все значитъ: матеріальныя потери можно вознаградить, потерей времени нельзя. Если бы даже считать рискованнымъ средствомъ, по причинѣ неизвѣстности дальнѣйшихъ послѣдствій, освобожденіе крестьянъ съ землею въ Герцеговинѣ и Босніи, то во всякомъ случаѣ неосвобожденіе и откладываніе разрѣшенія аграрнаго вопроса ведетъ къ послѣдствіямъ весьма извѣстнымъ, но и весьма печальнымъ, то есть къ неудачамъ, можетъ быть, и не очень отдаленнымъ.

Участіе страны въ самоуправленіи была бы въ настоящій моментъ пустѣйшая мечта. Въ администрацію просочились бы элементы, либо мусульманскіе, либо христіанскіе, но при туркахъ выросшіе и разжирѣвшіе. Ихъ можно нейтрализировать, но нельзя вводить ихъ въ администрацію, потому что само ихъ присутствіе было бы причиною порчи и бѣдствіемъ. Если, такимъ образомъ, надобно отречься отъ праздныхъ намѣреній управлять страною при помощи туземцевъ, то порядокъ управленія можетъ быть только теперешній, то есть бюрократическій, при помощи штыка, механизмъ по преданіямъ доконституціонной эпохи въ Австріи, то есть чередованіе произвола правителей и рутины. Въ новую страпу, еще варварскую и дикую, вводятся казенные поборы и мелочныя полицейскія правила, къ которымъ не безъ труда, послѣ многихъ вѣковъ дрессировки, приноровились народы гораздо болѣе образованные умственно и этически, но которыя нестерпимы для полудикихъ людей. На сколько могутъ быть опасны опыты подобной цивилизаціи, то обнаружилось сюрпризомъ—инсуррекціею въ Герцеговинѣ и южной Босніи, недавно усмиренною. Замѣчательно, что въ инсурренціи не при-

нимали участія лишь римскіе католики, но въ ней дѣйствовали и мусульмане, и православные. Нѣмцы въ Коницѣ передавали мнѣ, какъ они испугались, когда на горахъ за городомъ появились усташи, которые если бы проникли въ городъ, то рѣзали бы инородцевъ безъ милосердія. Мнѣ разсказывали австрійскіе солдаты, какъ глумились Кривошіане надъ ранеными и убитыми солдатами, рѣзали уши, носы и иные члены тѣла. Нѣсколько тысячей усташей приводятъ въ движеніе болѣе ста тысячъ австрійскаго войска и понуждаютъ это войско быть на сторожѣ и принимать величайшія предосторожности. Теперь уже нѣтъ болѣе инсургентовъ, мѣстами только и по захолустьямъ толкаются бродяги, которые уже теперь просто разбойники—*гайдуки*, но съ этимъ населеніемъ горцевъ нельзя ни на что навѣрное разсчитывать. Вотъ скоро собранъ будетъ маисъ,—сказалъ мнѣ мой хозяинъ въ Каницѣ,—тогда бы вы посмотрѣли, какъ возьмутся многіе изъ этихъ босняковъ за свои *пушки*, то есть за ружья, и пойдутъ въ горы, и будутъ *пукать*, то есть стрѣлять. Правительство о томъ знаетъ, вотъ почему почта сопровождается сильнымъ эскортомъ, солдатъ пропасть въ каждомъ мѣстечкѣ, возлѣ городовъ заложены въ видѣ большихъ предмѣстій настоящіе лагери или каменныя казармы, прохаживаются многочисленные караульные и кочуютъ съ мѣста на мѣсто цѣлые отряды жандармовъ. Въ этихъ жандармскихъ отрядахъ на одинъ солдатскій мундиръ приходится три или четыре чисто босняцкіе костюма, съ бронзовыми только бляхами, изображающими двуглавыхъ австрійскихъ орловъ на чалмахъ или фескахъ. То были большею частью поступившіе по найму бывшіе заптіи или пандуры.

Вслѣдствіе безусловной необходимости укрѣпить далматинскіе острова и побережье со стороны моря, а также внутренность Герцеговины и окраины Герцеговины и Босніи, и вслѣдствіе такой же необходимости держать подъ ружьемъ большую военную силу, несоотвѣтствующую пространству занимаемой страны, вопросъ полити-

ческій осложняется весьма непріятнымъ для Австріи образомъ гораздо труднѣйшимъ—финансовымъ. Занимаемая страна поглощаетъ, повидимому безслѣдно, всѣ кредиты, вотированные австро-венгерскими делегаціями. Изъ двухъ половинъ государства Венгрія всего больше тяготится вопросомъ: чего можетъ еще стоить въ будущемъ оккупація? Можетъ быть венгерская оппозиція поставитъ ребромъ вопросъ: не лучше ли отказаться отъ оккупаціи совсѣмъ и покинуть этотъ своего рода Кавказъ, тѣмъ болѣе, что задача труднѣе, чѣмъ та, которую имѣла Россія на Кавказѣ, такъ какъ кавказскихъ горцевъ можно было совсѣмъ уединить, между тѣмъ какъ Герцеговина и Боснія примыкаютъ своими задами къ шевелящимся отъ всякаго подобнаго движенія своимъ собратіямъ, къ Черногорью и Сербіи, это движеніе идетъ и дальше, отдается и въ Россіи и можетъ пріобрѣсти неожиданно значеніе европейскаго вопроса. До начала оккупаціи, на берлинскомъ конгрессѣ Австрія уже предъявляла снетецъ издержекъ по содержанію бѣжавшихъ въ Австрію боснійцевъ и герцеговинцевъ (3.200.000 гульновъ). Теперь счетъ возросъ, превысилъ сотню милліоновъ по случаю оккупаціи и подавленія инсуррекціи. Въ случаѣ, если бы Австрія добровольно отказалась отъ оккупаціи, кому нибудь пришлось бы платить по этому счету. Можетъ быть, Австрія вдругъ рѣшится, зажмуривъ глаза, перейти Рубиконъ и сдѣлаетъ постановленіе о присоединеніи, послѣ чего оставленіе Босніи и Герцеговины сдѣлается для нея невозможнымъ. Можетъ быть также, что Австрія будетъ долго колебаться между оставленіемъ и присоединеніемъ. Самый лучшій способъ разрѣшить задачу былъ бы тотъ, чтобы сохранить Боснію для боснійцевъ, воспитать новую національную особь, которая могла бы потомъ получить самоуправленіе, какимъ пользуются другіе австрійскіе народы. Къ несчастію, этотъ народъ лишенъ нынѣ своей головы, нужно нѣсколько сотенъ лѣтъ, чтобы могли въ немъ вырости литература, самосознаніе и чувство національнаго единства, при су-

ществованіи котораго единятся и вѣроисповѣданія, нынѣ отталкивающіяся и ненавидящія другъ друга.

При нынѣшнемъ порядкѣ вещей Герцеговина при усилившемся центробѣжномъ стремленіи въ Австріи будетъ тянуть къ Черногорью, тѣмъ болѣе, что она и заселена главнымъ образомъ черногорскими выходцами, Боснія же будетъ тянуть къ королевству Сербіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что центробѣжное анти-австрійское направленіе усиливается, и что его значительное усиленіе повлечетъ великія послѣдствія и существеннѣйшія перемѣны и во внутреннихъ отношеніяхъ славянскихъ народностей въ Австріи, и въ международныхъ отношеніяхъ по Дунаю, и на Балканскомъ полуостровѣ.

Возрожденіе въ XIX вѣкѣ хорвато-сербской народности началось съ 1833 г., то есть съ появленія Людевита Гая (1809 † 1872 г.). Взятъ былъ языкъ за основаніе единенія. Оказалось, что на Балканскомъ полуостровѣ имѣются только два языка: болгарскій и сербохорватскій, что въ Сербіи, Босніи, Черногоріи, Далмаціи, Славоніи, даже въ Каринтіи, Штиріи и Крайнѣ употребляется одинъ только языкъ, котораго окрестили по древнему *иллирскимъ*, но имя это не продержалось долго, такъ что его замѣстили мало знаменательнымъ другимъ именемъ: *юго-славянскій*. Эта національность, проявившаяся внезапно и стремительно, сейчасъ же заняла по отношенію къ Венгріи такое же положеніе, которое занимаетъ бронзовая статуя Елачича, вылитая Фернкорномъ и украшающая главный рынокъ въ Загребѣ: кроатскій банъ ѣдетъ на сѣверъ въ Венгрію и метитъ въ нее остріемъ своей кривой сабли. Возрожденіе имѣло сначала только литературный характеръ, было отмѣчено клеймомъ романтизма и было архиеклетическое, то есть вбирало въ себя и братало въ себѣ всѣ воспоминанія запада и востока: Римъ, Венецію и Византію, короля Звониміра и царя Стефана Душана. Еще живъ на исходѣ дней своихъ одинъ изъ вожатыхъ въ этомъ движеніи—Иванъ Кукульевичъ Сахтинскій. Въ

мартѣ 1882 г. поставленъ въ Дубровникѣ другой памятникъ того же поколѣнія, дубровницкій поэтъ Поццо (Орсато), который подписывался Медо Пучичъ, воодушевленный лирикъ, писавшій по-итальянски и воспѣвавшій, какъ славянинъ, тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Петроградѣ въ 1852 г., преклонявшійся и предъ Адамомъ Мицкевичемъ въ 1848 г. и воспѣвавшій, какъ тотъ черный столбъ въ память Барской конфедераціи, который воздвигнутъ въ Рапперсвилѣ близь Цюриха, такъ и черный камень близь Констанца на мѣстѣ сожженія Гуса. Наконецъ напомнимъ, что незадолго передъ пріѣздомъ моимъ въ Рагузу справлены были великолѣпные похороны 90-лѣтнему Вуку Врчевичу, который помогалъ Вуку Караджичу собирать сербскія пѣсни и который писалъ сербскія повѣсти.

Хотя языкъ служитъ основаніемъ единенія въ возрожденіи, и хотя братство начинаемо было съ литературы при тщательномъ удаленіи въ глубину прошедшаго религіозныхъ разницъ и политическихъ дѣленій, однако, такъ какъ движеніе началось въ Австріи и сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Загребѣ, и такъ какъ всѣ его распространители получили западно-европейское воспитаніе, то ихъ совокупными усиліями распространяемъ былъ духъ западно-европейской культуры, родственный западнымъ славянамъ, хотя и не римской, но латынью вскормленной и воспитанной. Донынѣ Загребъ сіяетъ, какъ лучезарный просвѣтительный центръ, здѣсь возникли учрежденія, полезныя для народнаго образованія, патріотическими приношеніями хорватовъ и великодушными пожертвованіями дьяковарскаго епископа Іосифа Стросмайера, котораго я слышалъ какъ превозносили на сеймѣ въ Загребѣ въ 1873 г. члены сейма, называя «первымъ сыномъ Сербіи», (то есть хорвато-сербскаго народа). Здѣсь, въ собственномъ своемъ домѣ, на площади Зринія, размѣстившаяся юго-славянская академія ждетъ прибытія галлереи изъ 150 картинъ, подаренныхъ ей Стросмайеромъ. На бульварѣ передъ академіей, среди двухъ цвѣтниковъ, помѣщены два мрамор-

ные бюсты двухъ знаменитыхъ хорватовъ, художниковъ изъ эпохи итальянскаго возрожденія: миніатюриста Юрія Гловича (1498—1578 годовъ), который подъ именемъ *Clovio* прославился, какъ Рафаэль по миніатюрѣ, доведшій свое искуство до апогея совершенства», и Андрея Медулича, болѣе извѣстнаго подъ именемъ *Schiavove*.

Въ Загребѣ съ 1874 года открытъ хорватскій университетъ имени Франца Іосифа, имѣется и народный театръ и опера, которою дирижируетъ извѣстный композиторъ Заицъ. Когда я сравнивалъ Загребъ, какимъ я его видѣлъ въ 1873 г., когда нѣкоторыя учрежденія были только въ зародышѣ или въ проектахъ, и когда на сеймѣ, подъ предсѣдательствомъ поэта бана Мазуранича, осуществлялось хорвато-венгерское соглашеніе съ теперешнимъ Загребомъ, то сравненіе оказывалось крайне невыгоднымъ для настоящаго момента. На сеймѣ 1873 г. одинъ только ораторъ представлялъ Ѳому невѣрующаго, а именно адвокатъ, докторъ Маканецъ, который никакъ не убѣждался въ искренности примирительныхъ намѣреній со стороны мадьяръ. Его побивали и одолѣвали молодые, только что начинающіе бойцы, въ томъ числѣ Живковичъ и Деренчинъ. Въ награду за осуществленіе соглашенія, вслѣдствіе коего хорватскій сеймъ посылаетъ въ венгерскій сеймъ 36 делегатовъ, Хорватія имѣетъ въ Загребѣ три самостоятельныя министерства: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія съ вѣроисповѣданіями. Мазураничъ сдѣланъ баномъ, но не удержался на посту. Живковичъ и Деренчинъ сдѣлали блистательныя карьеры: одинъ теперь министръ внутреннихъ дѣлъ, другой—юстиціи. Маканецъ совсѣмъ устранился отъ политической дѣятельности и адвокатствуетъ, ничѣмъ другимъ не занимаясь. Прежнія надежды, однако, на хорошія послѣдствія и искреннее исполненіе соглашенія разсѣялись, надъ теперешнимъ положеніемъ повисла черная туча недовольства мадьярами за конституціонное притворство, за употребленіе совсѣмъ не конституціонныхъ средствъ противъ народныхъ хорватскихъ стремленій,

за насилованіе на каждомъ шагу, по отношенію къ хорватамъ, свободы слова и печати. Неудобно, оказывается, дѣлать оппозицію на сеймѣ. Нынѣшній банъ Пеячевичъ, родомъ хорватъ, но мадьяризованный, совсѣмъ выгонитъ со службы того чиновника, который бы осмѣлился подать голосъ противъ предложеній правительства. Годъ тому назадъ банъ пріостановилъ въ исправленіи должности профессора университета графа Костю Войновича за одну только рѣчь его на сеймѣ, притомъ за рѣчь умѣренную и со стороны формы безупречную. Только по ходатайству всего университета и вслѣдствіе большихъ стараній въ Вѣнѣ, отмѣнено было это распоряженіе. Архіепископскій престолъ занимаетъ кровный мадьяръ Михаловичъ, а такъ какъ и въ Ценгѣ или Сени епископъ тоже мадьяръ, то по смерти Стросмайера вся высшая іерархія церковная можетъ быть чисто мадьярская. Такъ какъ все духовенство римско-католическсе на сеймѣ, кромѣ епископовъ, находится въ оппозиціи противъ правительства, за что духовные преслѣдуются епископами, то возникаютъ жалобы за жалобами на архіепископа и доходятъ часто до самаго Рима. Уставы судопроизводства примѣняются отжившіе, старые. Я хотѣлъ зайти на засѣданіе гражданскаго суда, но меня не пустили, потому что судъ не гласный и судоговореніе при закрытыхъ дверяхъ. Уставъ уголовнаго судопроизводства 23 мая 1873 года еще не введенъ, слѣдовательно, присяжнымъ подсудны одни только дѣла о преступленіяхъ печати. Въ газетахъ публикуются списки такихъ спеціальныхъ *поротниковъ* или присяжныхъ, но публикуются напрасно, потому что администрація не довѣряетъ присяжнымъ и предпочитаетъ по отношенію къ газетамъ производство такъ называемое *объективное*, заключающееся въ томъ, чтобы арестовать и уничтожать отдѣльные номера изданія, не трогая авторовъ. Еженедѣльно нѣсколько газетъ являются съ пустыми, непечатанными столбцами. Очевидно, что не все идетъ наилучшимъ образомъ въ этомъ неналучшемъ мірѣ, что Ав-

стрія еще далеко не конституціонная страна, и что во многихъ ея частяхъ гораздо больше декорацій, нежели настоящихъ конституціонныхъ формъ. Раздраженіе противъ мадьяръ большое и оно обостряется. Я слышалъ изъ устъ Рачки, члена академіи и каноника: мадьяры тѣже турки, только крещеные, они любятъ свободу только для себя, а не для другихъ народовъ.

Весьма непріятное отношеніе къ мадьярамъ могло-бы измѣниться къ выгодѣ хорвато-сербовъ при условіяхъ терпѣнія, выдержки и усиленіи единства и дисциплины въ народныхъ рядахъ, если бы усилія ихъ не встрѣчали внутри самого народа противодѣйствія, если бы въ народѣ не существовалъ расколъ, вслѣдствіе того, что расовое и язычное единство раскалывается на два составные элемента: спеціально хорватскій и спеціально сербскій. Сербскій элементъ въ державѣ св. Стефана сравнительно съ хорватами весьма новъ, онъ—недавній пришлецъ, происходящій отъ ускоковъ, почти что такихъ же, какъ наши казаки. Самую большую часть этого населенія привелъ въ Австрію въ 1690 г., по трактату съ императоромъ, Арсеній Черноевичъ, который съ 37.000 сербскихъ семействъ, переселился въ Сырмію и Банатъ, послѣ чего покинутая столица Печь, Дечанскій монастырь и историческія мѣста старой Сербіи сдѣлались добычею Албанцевъ. Сербы всегда держались особнякомъ, хранили преданія патріархата и воеводства сербскаго. Послѣ того, какъ возродилась и разцвѣла своеобразная литература въ Загребѣ, два умственные сепаратистическіе центры не подчинились этому теченію: Бѣлградъ въ княжествѣ Сербскомъ и Новый Садъ на австрійской почвѣ. Несмотря на единство расы и языка, Сербы отстаивали двойственность особыхъ литературъ и народностей. Въ жизни сеймовой и политической сербы отличались тѣмъ, что держались твердо правительства, то есть мадьярской партіи, даже въ наиболѣе важныхъ для хорватосербскаго народа вопросахъ, и весьма мало заботились о конституціонныхъ гарантіяхъ для національности и лич-

ности. «Это наши Русины»,—говорили мнѣ, объясняя это, и загребскіе знакомые, намекая на русско-польскія отношенія въ Галиціи и на послѣдній политическій процессъ (Ольга Грабаръ, Наумовичъ, Добрянскій). Есть доля правды въ этомъ сравненіи. Для примиренія и соглашенія необходимы два условія: искреннее, обоюдное желаніе помириться и обоюдное признаніе извѣстной политической нормы, какъ основанія честнаго компромисса. Необходимо признать извѣстное устройство страны, какъ почву, съ которой нельзя уже сходить. Первое изъ этихъ условій не подлежитъ повѣркѣ, но второе можетъ быть повѣряемо весьма легко. Если одинъ контрагентъ вмѣсто политическаго основанія для единенія подставляетъ религіозное, то-есть, если съ реальной почвы онъ переводитъ интересъ на химерическую, потому что нельзя-же нынѣ помышлять о переходѣ массами изъ одной религіи въ въ другую, или если, ни во что не ставя выгоды извѣстнаго конституціоннаго устройства, онъ ихъ временно терпитъ, но предпочитаетъ абсолютизмъ, да кромѣ того, помѣстилъ свой идеалъ за предѣлами политической нормы и за нимъ протягиваетъ руку при всякомъ удобномъ случаѣ, то никакіе опыты соглашенія не могутъ ни къ чему привести. Вѣрноконституціонной партіи, отъ которой требуютъ только уступокъ, не опредѣляя, какъ далеко могутъ зайти эти уступки, остается только играть слѣдующую, довольно хорошую роль: быть безпристрастнымъ, справедливымъ, не злоупотреблять своимъ превосходствомъ, словомъ, памятовать о томъ, чтобы не дѣлать другому того, что тебѣ самому негоже. Недоразумѣнія и междоусобія съ сербами усиливаются, по мѣрѣ австрійскихъ неудачъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Оккупація есть практическое примѣненіе той-же западно-европейской идеи, которая есть какъ бы мозгъ костей сосредоточенной въ Загребѣ хорвато-сербской культуры. Ошибки политики наводятъ на мысль о несостоятельности самой идеи. Эта идея не господствовала никогда безусловно, теперь она больше, чѣмъ когда-либо, потрясена. Сегодня

все болѣе и болѣе всплываетъ, правда, что только въ воображеніи, а не на дѣлѣ, и дѣйствуетъ все сильнѣе и сильнѣе на умы призракъ померкшихъ временъ, великосербская идея, ликъ сербскаго царя Стефана Душана изъ половины XIV вѣка, сильно-византійскій идеалъ на яркой религіозной подкладкѣ, выраженіе грековосточнаго исповѣданія, сосредоточивающагося, чтобы положить преграду предпринятому походу на востокъ латинской культуры, представляемой австрійско-венгерскимъ государствомъ. Сѣдые поборники возрожденія въ первомъ его періодѣ, такъ-называемомъ иллирскомъ (напримѣръ, Казначичъ) признавались, что вся ихъ работа обращается ни во что, что она трескается и крошится въ той самой точкѣ, съ которой они начинали лѣпить и строить. Странно, что и на дальнемъ сѣверо-востокѣ (въ Россіи) по другимъ причинамъ родился такой же поворотъ къ архаизму, такое-же исканіе основаній быта въ допетровскихъ временахъ, такое-же облюбованіе византійскихъ и религіозныхъ предметовъ.

Донынѣ не бывало примѣровъ удачъ въ примѣненіяхъ археологіи къ политикѣ. Нашъ вѣкъ лишенъ возможности строить государство на чисто церковномъ основаніи. Но когда мысль кидается въ какую-нибудь сторону, то существуетъ опасность, которая, если не будетъ предупреждена не застращиваніемъ своихъ подданныхъ, настоящихъ или будущихъ, или слабыхъ сосѣдей, но исправленіемъ собственныхъ ошибокъ, то она причинитъ множество бѣдъ и хлопотъ, и даже множество осложненій, не только мѣстныхъ, но и европейскихъ, тѣмъ болѣе, что Балканскій полуостровъ весь похожъ на складъ горючихъ матеріаловъ, въ который заронись только искра, она можетъ причинить страшный пожаръ. Неожиданности возможны, независимо отъ политики правительствъ на полуостровѣ. Въ Августѣ 1882 г. пештскія газеты пустили въ ходъ извѣстіе, повторенное потомъ въ вѣнскихъ, о важныхъ секретныхъ бумагахъ, якобы случайно открытыхъ въ Калиновикѣ

въ Босніи и указывающихъ на то, что инсургентовъ въ Герцеговинцѣ и Босніи поддерживаютъ тайныя великосербскія общества, развѣтвленныя въ Черногорьѣ и Сербіи, и славянскіе комитеты въ Россіи. Это извѣстіе не подтвердилось, можетъ быть, оно было сочинено, но возможность существованія чего-нибудь подобнаго неоспорима. Въ Сербіи и Черногорьѣ не можетъ не быть сочувствія родичамъ и единовѣрцамъ. Вопреки всѣмъ усиліямъ нынѣшняго сербскаго министерства, весьма преданнаго Австріи, могутъ такъ сложиться обстоятельства, что все населеніе Сербіи вступится за единоплеменниковъ, ниспровергнетъ министерство и увлечетъ за собою правительство.

Что-же касается до Черногорья, то на всемъ Балканскомъ полуостровѣ оно наиболѣе высокій и превосходный обсерваціонный постъ, занятый храбрымъ и дисциплинированнымъ гарнизономъ, зорко слѣдящимъ за тѣмъ, что дѣлается кругомъ, и готовымъ кинуться въ любую сторону. Нетерпится этому гарнизону; ему здѣсь очень тѣсно, потому что мать земля скупится и не даетъ своимъ дѣтямъ сытно кормиться. Два дня, которые я провелъ въ Цетиньѣ, были наиболѣе пріятные въ цѣломъ моемъ путешествіи. Я не могъ вдоволь надышаться этимъ здоровымъ горскимъ воздухомъ и этою свободою, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь полною; нѣчто подобное можно-бы отыскать развѣ въ одной только Швейцаріи. Прощаясь съ этими храбрыми витязями, которые столь горделиво и въ теченіи столькихъ вѣковъ держались подъ знаменемъ креста на своихъ нагихъ скалахъ, не склоняя головъ въ то самое время, когда всѣ ихъ сродственники побывали подъ турецкимъ ярмомъ, я подумалъ: «помогай Богъ, размножайтесь и разростайтесь! Изъ всѣхъ южныхъ славянъ вы наиболѣе развиты и подготовлены политически. Успѣхи, которыхъ я вамъ желаю, будутъ во всякомъ случаѣ соотвѣтствовать вашей выработкѣ, вашимъ заслугамъ». Я и заканчиваю мое, можетъ быть, слишкомъ длинное повѣствованіе о

путешествіи нѣсколькими подробностями и нѣкоторыми воспоминаніями изъ моей бытности въ Черногорьѣ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Черногорье не прикасалось вовсе къ морю и считало не болѣе 150.000 жителей. Нынѣ въ предѣлахъ, начертанныхъ Берлинскимъ трактатомъ 1878 г., прибавились къ нему съ сѣвера Никшичъ и Пива съ горою Дормиторомъ, съ юга Гусинье и Подгорица, половина озера Скутари, морскія гавани Антивари и Дульциньо, и стало свободнымъ плаваніе съ озера Скутарійскаго къ морю по рѣкѣ Бояну. Число населенія почти удвоилось, но оно все-таки не доходитъ до 300.000, то-есть равняется населенію европейскаго города средней величины. Южная часть границы еще не совсѣмъ опредѣлена по трактату, а имѣетъ она самыхъ дурныхъ сосѣдей, албанцевъ или по-черногорски, *арбанештовъ*. Черногорцы не даютъ себя въ обиду, слѣдовательно, когда имъ не помогаетъ европейская дипломатія, они прибѣгаютъ къ оружію, вслѣдствіе чего нечему удивляться, если, вслѣдствіе занятія куска земли или заграбленія чьего либо стада, раздадутся выстрѣлы изъ пушекъ (ружей) и топовъ (пушекъ) въ окрестностяхъ Антивари и на берегахъ Бояна. Постояннаго войска въ Черногорьѣ нѣтъ, но въ случаѣ войны всѣ взрослые мужчины должны нести военную службу. Ополченіе можетъ доставить заразъ никакъ не болѣе 30 тысячъ ратниковъ (5 бригадъ, въ бригадѣ отъ 5 до 6 баталіоновъ или *четъ*, въ четѣ отъ 600 до 800 человѣкъ). Рядомъ съ княжьимъ канакомъ въ Цетиньѣ стоитъ большое зданіе, именуемое *бильярда*, бывшее мѣстопребываніемъ послѣдняго князя-владыки, то есть епископа Петра II. Въ этомъ зданіи помѣщаются нынѣ всѣ министерства, весьма малыя по своему составу, потому что каждое изъ нихъ состоитъ не болѣе, какъ изъ двухъ лицъ: министра и его секретаря. Здѣсь живутъ и *перяники*, то есть тѣлохранители князя. Въ военномъ министерствѣ развѣшены на стѣнахъ народные трофеи, а въ особомъ магазинѣ расположены на козлахъ 20.000 превосходныхъ скорострѣль-

ныхъ ружей, заряжающихся съ казенной части и обстрѣливающихъ, какъ мнѣ говорили, пространство въ 3 километра. Ружья эти раздаются только тогда, когда черногорцы идутъ въ походъ и сдаются обратно въ магазинъ послѣ кампаніи. Васъ удивитъ, конечно,—сказалъ мнѣ секретарь военнаго министра, обводившій меня по трофейному музею,—почему здѣсь нѣтъ оружія, а только окровавленныя лохмотья отъ платьевъ и ордена; мы не развѣшиваемъ оружія, оно тотчасъ же идетъ въ дѣлежъ, и каждый черногорецъ имѣетъ свое вооруженіе, не прибѣгая къ казенному. Вооружены всѣ,—даже и духовные. Еще и въ наши времена случалось, что духовные бывали военными министрами, напримѣръ, попъ Илья Пламенацъ. Въ цетинскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся останки князя Данилы и Мирка, отца нынѣшняго князя Николая, насъ принималъ архимандритъ Митрофанъ, о которомъ намъ сказывали, что онъ храбрый юнакъ, доставившій однажды побѣду своимъ землякамъ въ битвѣ съ арбанештами, на которыхъ кинулся съ крестомъ и саблею, увлекая за собою черногорцевъ. Черногорье поражаетъ посѣтителя не только отсутствіемъ постояннаго войска, но и всего того, чѣмъ каждое европейское правительство обличаетъ на каждомъ мѣстѣ свое присутствіе и попечительность. Пирамидальная куча наваленныхъ камней возлѣ дороги—вотъ единственный знакъ государственной границы. Никакой, притомъ, пограничной стражи, ни таможни, даже нѣтъ простой полиціи, хотя путешественникъ, у котораго никто не спроситъ паспорта, можетъ безопасно исходить или изъѣздить верхомъ всю страну отъ края и до края, и вдоль и поперегъ. Князь экономничаетъ и жалѣетъ денегъ на устройство своего монетнаго двора. Во всей Черногоріи обращается австрійская мелочь серебра и бумажки. Страна дѣлилась прежде на нахіи, нынѣ на капетанства; каждымъ правитъ поставленный княземъ капетанъ, онъ же и судья въ маловажныхъ дѣлахъ. Для важнѣйшихъ имѣется 5 или 6 коллегіальныхъ окружныхъ су-

довъ и одинъ великій или верховный судъ въ Цетиньѣ. Часто тяжущіеся прибѣгаютъ къ третейскому разбирательству самого князя. При отсутствіи закона писаннаго невозможно строгое разграниченіе суда уголовнаго отъ гражданскаго. Въ уголовномъ правѣ произошла недавно, почти на нашихъ глазахъ (при князѣ Даніилѣ), та капитальная перемѣна, что отмѣнена кровная месть черногорская, не уступавшая корсиканской вендеттѣ и имѣвшая то послѣдствіе, что цѣлые роды погибали въ междоусобныхъ войнахъ и цѣлыя нахіи дрались изъ-за нея между собою. Месть исчезла со своими спутниками; вирами и окупами; мѣсто ея заняли смертная казнь разстрѣляніемъ и тюрьма. Существуетъ проэктъ гражданскаго уложенія, выработанный профессоромъ Богишичемъ, который, хотя и разсмотрѣнъ, но не получилъ еще санкціи. Одновременно съ отмѣною кровной мести и съ строгимъ, со времени князя Даніила, преслѣдованіемъ воровства, совершилось преображеніе общества, переходъ его изъ военнаго, разбойническаго быта въ бытъ земледѣльческій и промышленный. Война перестала быть нормальнымъ состояніемъ, работы по воздѣлыванію земли и хозяйству перестали исключительно обременять одинъ женскій полъ. Земля воздѣлывается съ величайшимъ трудомъ и доставляетъ, сверхъ хлѣба, огородническія растенія, маисъ, мѣстами даже виноградъ. Скотоводство (въ особенности овцеводство) дѣлаетъ успѣхи. Черногорецъ—большой приверженецъ частной поземельной собственности; всѣ земли распредѣлены, и нѣтъ никому не принадлежащихъ, хотя бы то были дикія и голыя скалы, не допускающія никакой культуры. Государство, полвѣка тому назадъ еще теократическое, управляемое владыками, нынѣ сдѣлалось до того свѣтскимъ, что митрополитъ не входитъ въ составъ княжескаго державнаго совѣта. Духовенству подвѣдомственны только бракоразводныя дѣла. Образъ правленія самодержавный, правительство обладаетъ большою силою, но мало есть странъ, гдѣ бы до такой, какъ въ Черногоріи, степени считались

съ желаніями и настроеніемъ населенія. По всякому важнѣйшему вопросу князь совѣщается съ державнымъ совѣтомъ изъ воеводъ и министровъ. Споры запутанные, возбуждающіе коренные юридическіе вопросы, князь затрудняется рѣшать и отсылаетъ стороны къ великому суду.

Князь имѣетъ сношенія не только съ сановниками; онъ сообщается постоянно, и притомъ патріархальнѣйшимъ образомъ, со всѣмъ своимъ народомъ, чему способствуетъ сама внѣшняя обстановка его скромнаго дворца или конака въ столичномъ градѣ или варошѣ Цетиньѣ, считающемъ не болѣе 1.500 жителей. Довольно обширная полянка, на которой выстроенъ городъ, окружена горами; изъ нихъ самая высокая Ловчинъ, на которой похороненъ по собственному желанію послѣдній владыка-государь Петръ II, монахъ, воинъ и поэтъ. Городъ не обнесенъ стѣнами, не имѣетъ кругомъ ни воротъ, ни укрѣпленій и похожъ на длинную улицу, пересѣченную немногими короткими поперечными съ добавкою нѣсколькихъ не обстроенныхъ еще площадей. На одной изъ нихъ имѣются развалины церкви и слѣды кладбища. Церковь эту выстроилъ въ 1484 г. основатель города Иванъ Черноевичъ, котораго венеціанцы считали своимъ воеводою, владѣтель горнаго Ксента или Зеты. Здѣсь поселился онъ, уходя въ горы отъ турокъ, здѣсь и завелъ въ 1496 г. книгопечатню. Трудно перечислить всѣ случаи перехода княжьей столицы изъ рукъ въ руки, къ туркамъ и къ черногорцамъ. Садъ княжескаго конака примыкаетъ къ развалинамъ этой древней церкви Черноевича. За тѣми-же развалинами съ другой стороны, у подошвы горы, выстроенъ статный монастырь въ итальянскомъ вкусѣ, съ аркадами, и надъ нимъ высится отдѣльно стоящая башня съ конусообразнымъ верхомъ, на которой до 1850 г. при князьяхъ-владыкахъ торчали на кольяхъ отсѣченныя головы турокъ. Княгиня Даринка, жена князя Данилы, выпросила у мужа приказаніе снять эти страшные трофеи и похоронить ихъ. Конакъ сосѣдствуетъ съ бильярдою и выходитъ одною

изъ своихъ сторонъ на открытую площадку, среди которой широко раскинулъ вѣтви, густо покрытыя листвою, красивый вязъ. Пень этого вяза кругомъ окопанъ и насыпь обложена каменными плитами. Эта площадка—тоже что форумъ или агора; весь день здѣсь толкается народъ, сходятся и бесѣдуютъ сановники о политическихъ новостяхъ, останавливаются просители, пришедшіе хлопотать въ судахъ или министерствахъ, или просто-напросто отправляющіеся на базаръ. Здѣсь ждутъ приказаній княжескіе переняки, сидя на камняхъ, или забавляясь киданіемъ тяжелыхъ каменныхъ шаровъ. Ихъ числится сотни двѣ, они наряднѣе другихъ людей одѣты и отличены знаками на шапкахъ, серебряными у рядовыхъ, золочеными у капетановъ. Самъ князь является нерѣдко, садится подъ сѣнью вяза на каменномъ сидѣньѣ, бесѣдуетъ или судитъ, словомъ, дѣйствуетъ какъ святой Людовикъ король французскій подъ историческимъ дубомъ въ Венсеннѣ или какъ любой изъ старинныхъ польскихъ королей Пястовъ. Не бывало примѣра, чтобы князь, отправляясь за границу или возвращаясь, или рѣшившись на какое нибудь политическое дѣйствіе, не открылъ своихъ намѣреній, или не сообщилъ достигнутыхъ имъ результатовъ такимъ примитивнымъ способомъ народу, окружающему его толпами со всѣхъ сторонъ. Въ числѣ перяниковъ я увидѣлъ одного не въ черной бараньей шапкѣ съ золотымъ верхомъ, а въ красной фескѣ. Мнѣ сказали, что это бегъ изъ новоприсоединеннаго Никшича, который попросился на службу къ князю, не смотря на то, что онъ магометанинъ. Я выразилъ нѣкоторое удивленіе, но мнѣ замѣтили, что князь не дѣлаетъ никакого различія между подданными по отношенію къ ихъ вѣроисповѣданіямъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Черногорье наиболѣе обязано своими теперешними успѣхами и значеніемъ способностямъ, энергическому характеру и необыкновенному уму своего Государя—князя Николая. Князь и народъ не разъ испытали превратности судьбы. Всего

тяжелѣе пришелся имъ 1862 годъ, когда въ самой Цетиньѣ Омеръ-паша предписывалъ разбитымъ горцамъ условія мира, почти уничтожавшія независимость Черногорья. Съ тѣхъ поръ не только потерянное было возвращено и наверстано, но владѣнія распространены, закруглены и примыкаютъ теперь къ самому морю. Предстоятъ заботы, какъ возстановить разоренный до тла Антивари, какъ обуздать албанцевъ, какъ держать балансъ на натянутомъ канатѣ между различными вліяніями, между Вѣною и Петербургомъ. Средства князя весьма ограниченныя; значительная часть рессурсовъ казны заключается въ субсидіяхъ, охотно и съ давнихъ временъ уплачиваемыхъ двумя великими христіанскими державами за испытанную готовность черногорцевъ къ войнѣ съ турками. Прекращеніе этихъ уплатъ поставило-бы страну въ большое затрудненіе. Князь воспитываетъ дочерей въ С.-Петербургѣ, а сына будетъ воспитывать, можетъ быть, въ Вѣнѣ. Князя не было въ Цетиньѣ во время моего посѣщенія Черногорья, но престолонаслѣдника я видѣлъ: красивый, нѣжный мальчикъ съ выразительными глазами мечтателя.

Отъ преобладанія Австріи труднѣе нынѣ предохранить себя, нежели отъ прежняго превосходства Турціи. Постояннымъ источникомъ недоразумѣній служатъ пребываніе въ Черногорьѣ выходцевъ изъ Босніи, Далмація и Герцеговины и то великолѣпное право убѣжища, которое Черногорье предоставляло и предоставляетъ всякимъ выходцамъ по стариннымъ своимъ народнымъ преданіямъ. Оно ставитъ ежеминутно Черногорье въ щекотливое положеніе по отношенію къ Австріи. Черныя тучи носятся по небосклону, однако, этотъ крошечный, микроскопическій народецъ смѣло глядитъ въ будущее, съ увѣренностью, что онъ съ этимъ будущимъ какъ нибудь да справится.

(Ateneum 1882).

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.